

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФРАНСИС КАРСАК
НАША РОДИНА –
КОСМОС

ФРАНСИС КАРСАК

НАША РОДИНА –
КОСМОС

Издательство
«Литературный клуб»

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Франсис Карсак

полное собрание сочинений

Франсис Карсак

**НА БЕСПЛОДНОЙ ПЛАНЕТЕ
НАША РОДИНА – КОСМОС
РАССКАЗЫ**

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)
К26

Карсак Франсис

К26

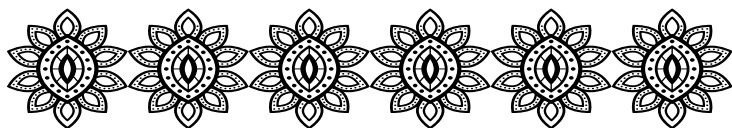
На бесплодной планете; Наша родина — космос: Романы. Рассказы. — М.: Черная река, 2016. — 496 с. ил. — (Классика зарубежной фантастики. «Франсис Карсак. Полное собрание сочинений»).

Франсис Карсак — псевдоним Франсуа Борда (1919–1981), французского ученого-палеоантрополога, специалиста по геологии четвертичного периода, одного из наиболее известных писателей-фантастов Франции.

В первый том полного 4-томного собрания сочинений автора вошли романы «На бесплодной планете» и «Наша родина — космос», а также рассказы: «Поцелуй смерти», «Голос волка», «Первая империя».

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)

© Самуйлов Л., перевод, 2016
© Григорьев А., перевод, 2016
© Каспаров В., перевод, 2016
© Мельников Е., иллюстрации, 2016

Предисловие

Франсуа Борд/Франсис Карсак

Рив, департамент Ло и Гаронна, Франция, 30 декабря 1919 г.

Тусон, штат Аризона, США, 30 апреля 1981 г.

С самого детства и до последнего дня жизнь Франсуа Борда, то есть Франсиса Карсака, протекала по двойной траектории в параллельном творческом видении, «вчера и сегодня», как любил говорить он сам.

Будучи молодым мужчиной, он вышел из Второй мировой войны практически невредимым, но уже с богатым опытом выживания в опасных, порой даже смертельных реалиях. С оружием в руках он защищал в подполье Перигора и на забытом фронте Пуэнт-де-Грав, где он был ранен, определенную идею, казавшуюся ему важной и заслуживающей уважения.

В послевоенной парижской суматохе, где он чувствовал себя некомфортно, этот провинциал, ярый противник лжи и притворства, быстро и далеко превзойдет уровень карьеристов-ученых, претенциозно прозябавших в лабораториях столицы, и модных литераторов, бесконечно о чем-то споривших в эфемерных книжных лавках, скрывавшихся в самых дальних уголках кулуаров от Сены до Люксембургского дворца.

В семь лет он вырезал себе из камня наконечники для стрел, чтобы пострелять потом из лука по птицам в семейном парке; юношей, а позднее и зрелым мужчиной, безудержно раскапывал доисторические поселения в долинах Сены и Дордони, а в конце жизни — и на берегах реки Мерчисон,

что в западной Австралии... То был его собственный способ разузнуть что-либо об исчезнувшем многие тысячелетия назад прошлом, когда древние цивилизации, жившие в совсем иной, нежели наша, природной среде, за счет эволюций и адаптаций добивались значительных антропологических и культурных трансформаций. С 50-х годов и по сей день, тотчас же начавшие применяться по всему миру, методологические инновации Франсуа Борда, геолога и антрополога, молодого ученого из Национального центра научных исследований, необратимым образом меняют представление о ходе истории первобытного общества. Богатое воображение позволяло ему производить некую личную идентификацию со всеми этими давно канувшими в Лету цивилизациями, которые он, одну за другой, восстанавливал на протяжении почти полувека. Его учеников и последователей и сейчас полным-полно в университетах всех континентов.

С десятилетнего возраста и до самой своей смерти, последний раз — 11 апреля 1981 года в Тусоне, штат Аризона, он регулярно перечитывал «Борьбу за огонь» Ж. А. Рони-старшего (с этой книгой из «нельсоновского собрания» он и вовсе никогда не расставался), а также произведения других авторов, например, «Войну миров» Г. Д. Уэллса. Уже приступив к составлению докторской диссертации (защита ее прошла в 1951 году в Сорбонне), посвященной суглинкам четвертичного периода бассейна Сены и обнаруженным в них палеолитическим инструментам, хронологически распознаваемым по той стратиграфической позиции, которые они там занимали, Франсуа Борд находит отдохновение в написании романа «Пришельцы ниоткуда». Переданная в расположенное на улице Себастьяна Боттена издательство «Галлимар» в руки литературного редактора Роже Аллара, друга семьи, рукопись в конечном счете попала к Тилотену, курировавшему тогда серию «Рэион фантастик» («Фантастический луч») в «Новом французском обозрении». Так Франсуа Борд стал Франсисом Карсаком. Карсак — так называется деревушка, расположенная неподалеку от Сарлата, что в департаменте Дордонь, где, согласно его последней воле, и был похоронен Франсуа Борд; в ней он когда-то лично руководил раскопками на месте одной из палеолитических стоянок.

Именно тогда этот псевдоним стал известен не только горячим поклонникам этой коллекции и журнала «Фиксьон» Мориса Рено, но и итальянским, испанским, южноамериканским и восточноевропейским читателям, имевшим возможность познакомиться с творчеством Франсиса Карсака благодаря переводам на соответствующие языки. Частые встречи в США и интенсивная переписка связали его личными дружескими отношениями с мэтрами американской научной фантастики, с востока до запада, от Спрэга де Кампа до Пола Андерсона, пусть на английский язык романы Карсака никогда и не переводились.

Оригинальность Борда-Карсака — как литературная, так и научная — была тотальной и неоспоримой, его широкая многофункциональная культура простирается далеко за пределы его профессиональных компетенций в истории первобытного общества и естественных науках — геологии, зоологии и ботанике, — затрагивая даже современные физику с астрономией и сравнительную этнографию, не говоря уж о военно-морском флоте, где он хотел служить. Его реалистическое и красочное воображение — а он даже сны видел «в цвете» — охватывает всю земную действительность, восходя к космическому будущему, изобилующему техническими и социальными изобретениями. Это будущее предвосхищает гипотезы и проблематики нашего времени, то восхищая своими визионерскими образами, то погружая в зловещий ужас неожиданных катаклизмов.

Покидая пределы нашей галактики, решительные и волевые земляне — как правило, какие-нибудь исследователи, врачи, геологи или этнографы, — внезапно оказываясь вовлеченными в ту или иную авантюру, с неизменным оптимизмом проходят через катастрофы и стихийные бедствия и, благодаря своим врожденным талантам и способности к вселенскому пониманию, преодолевают все те общественные и психологические трудности, которые ставят перед ними эти неожиданные новые социумы.

Преисполненные любопытства, недоумения и тревоги, сторонящиеся ужасов лжи, трусости и гнусности, скромные герои Франсиса Карсака целыми и невредимыми выходят из самых поразительных приключений, сохраняя в неистовстве

космических потрясений свою непокорность и нерушимую чистоту души, втайне глубоко сентиментальной.

Вероятно, именно благодаря этому — а также яркой, буквально-таки гипнотической индивидуальности автора — произведения Франсиса Карсака и сегодня пользуются необыкновенным успехом у читателей самого разного возраста, образования, языка и национальности.

Дениза де Сонвиль-Борд

Грандиньян, Франция, 29 февраля 1996 г.

НА БЕСПЛОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

SUR UN MONDE STÉRILE

1944

Касательно романа «На бесплодной планете»

Если Франсуа Борд родился в декабре 1919 г., то Франсис Карсак родился зимой 1943–1944 гг.

Окончательное решение о публикации текста его первого романа было принято мною после долгих и мучительных колебаний, вызванных, во-первых, тем, что сам бы он не захотел увидеть эту книгу изданной, а во-вторых, осознанием того, что начало романа принадлежит перу не Франсиса Карсака, а молодого Франсуа Борда. Но, как ни парадоксально, именно по этой причине я и решился опубликовать роман. По мере его написания Франсуа Борд исчезает, уступая место Франсису Карсаку.

В этом смысле данный роман представляет как минимум «исторический» интерес. Но есть здесь и другой исторический интерес (не говоря уж о чистом интересе, который могут найти в нем читатели), интерес, проистекающий от обстоятельств, в коих роман был написан, иными словами — от обстоятельств «рождения» Франсиса Карсака.

В 1937 г., по возвращении из Индокитая, Франсуа Борд поступает на факультет наук Бордоского университета, где намеревается изучать естественные науки. Тогда у него еще

нет какого-либо конкретного плана: ему интересны геология и палеонтология, но в не меньшей степени его привлекает и биология животных. Вплоть до объявления в 1939 г. войны он ведет «студенческую жизнь».

На первом месте для него стоит учеба, с которой он справляется на «хорошо» и «отлично», за все семестры так ни разу и не прибегнув к многим из нас знакомой зубрёжке за день до экзамена, но немало внимания он уделяет и другим видам деятельности.

Например, истории первобытного общества: он продолжает участвовать в раскопках в долине Гаводен и проводит эксперименты над кремнём.

Он много читает, причем всякую всячину (как-то раз он сказал мне, что прерывал чтение «Левиафана» Гоббса ради комиксов под названием «Никелированные ноги»). Он читает скандинавских писателей (Сигрит Унсет, Сельму Лагерлёф, Силланпяя), находя необъяснимое очарование в этом северном уголке Европы. Каждую неделю он покупает «Робинзона», еженедельный журнал комиксов, в котором печатают не только научно-фантастические комиксы вроде «Ги л'Эклера» («Флэша Гордона») и «Люка Брэдфера» («Брика Брэдфорда»), но и «Мэндрейка», «Попейю», «Семейство Иллико» («Воспитывая папочку»), и в котором в виде фельетона выходят, наряду с другими романами, две первые «марсианские» хроники Эдгара Райса Берроуза. Таким образом, к 1939 г. он прочитал практически все, что выходило на французском из «научной фантастики» и близких жанров, от лучшего до самого худшего.

Что касается политики, то он придерживается «левых» взглядов и состоит в Федеральном студенческом союзе, где исполняет функции казначея. ФСС объединяет «левых» студентов самых различных направлений, от анархистов до социалистов. Сам он не состоит ни в одной из этих фракций, но называет себя «анархо-синдикалистом». Для набора новых членов ФСС организует специальные бесплатные курсы — по математике, иностранным языкам и т.д., проводимые студентами для лицеистов. На протяжении всего 1937–38-го учебного года одна лицеистка, Дениза де Сонвиль, дочь бордоского художника Жоржа де Сонвиля, которая учится

в философском классе, посещает один из этих курсов. Франсуа Борд ведет его, этот курс, и в 1943 году они поженятся.

За пределами университета и города Бордо Франсуа Борд является в то время активным «ажистом». Хотя оно существует и сегодня, теперь уже трудно объяснить, чем в те годы занималось движение «Auberges de Jeunesse», что можно перевести как «туристские базы для молодежи» (АЖ, откуда и это название: «ajiste» — «ажист»). Движение АЖ, кроме того, что предоставляло примкнувшей к нему молодежи, юношам и девушкам от 15 до 25 лет, кров и еду по очень низким ценам, еще и продвигало унитарную идеологию. Будь ты студент, рабочий, служащий или еще кто-либо, вступив в АЖ, ты становился прежде всего «ажистом». Рюкзак за спиной, грубые походные ботинки или велосипеды, палатки или туристские базы... Наводит на мысль о скаутских организациях, но движение «ажистов» — это нечто совершенно другое. Прежде всего, это движение в «индивидуалистическом» смысле: тут нет каких-либо патрулей, совместных куда-то выходов, подготовительных курсов и т.д., но, в то же время, здесь не поощряется и какая-либо «пассивная позиция»: «ажист» — лицо ответственное, обязанное участвовать в уборках территории, мытье посуды, хождении за дровами и т.д. Кому это не нравится, всегда может сказать «до свидания» и уйти. С другой стороны, в АЖ каждый должен уважать другого. И это «уважение к другому», каким бы ни был этот человек (разве что совершенно «плохим»), имело для Франсуа Борда, а стало быть — и для Франсиса Карсака, фундаментальную ценность. Товарищеские, и даже дружеские, отношения, которые завязываются у костра, за уборкой территории, или когда ты делишься с товарищем сигареткой (а то и «бычком») или банкой сардин... Он порвет с АЖ в 1941 г., когда движение перейдет под контроль правительства Виши. Но начало романа «На бесплодной планете» пропитано «ажистским» духом.

Были наконец и занятия легкой атлетикой, так как Франсуа Борд являлся легкоатлетом, как сегодня, возможно, сказали бы: «высокого уровня». Специализировавшийся в метательных дисциплинах, в 1937 г. он стал чемпионом юниорского первенства региона Перигор-Ажене под цветами клуба «Вильнёв» в метании ядра, молота и диска. Основной

его специализацией было метание диска, и в 1938 г., выступая за SBUC (Stade Bordelais Université Club), «Спортивный клуб Бордоского университета», он показал 5-ый результат по юниорам в стране. В 1939 г. он рассматривался в качестве одного из возможных кандидатов в олимпийскую сборную Франции по легкой атлетике (именно как метатель диска), но разразилась война, и Олимпийские игры 1940 г. в Хельсинки так и не состоялись.

Кроме того, он пишет свой первый рассказ, скорее «философскую притчу», нежели «научную фантастику».

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАХОТЕЛ СТАТЬ БОГОМ

Очень-очень давно, во мраке времен, за пределами людской памяти, существовал в Океане чудесный остров. Небо над ним всегда было голубым, и солнце сверкало над многочисленными лесами, озерами и реками, полями и городами людей. Города эти поднимали к лазурному небу высокие, величественные сооружения и храмы с покрытыми золотом крышами. Народ там был красивым, мудрым и сведущим в магии. Над ним царили справедливые и спокойные боги. В главном храме столицы существовала школа Мудрецов, которые преподавали науки наиболее одаренным молодым людям. Среди них выделялся Хор-Атла. То был хрупкий юноша с блестящим умом, но речи его были суровыми и горькими, а сердце источено сомнением и честолюбием.

Стоял прекрасный тихий вечер. Солнце только что исчезло за западным горизонтом, и звезды мерцали над пилонами города. Мягкий свет падал из окон, и воздух был нежен, как песня любви. Он дрожал от легкомысленного смеха девушек. Мужчины после тяжелого рабочего дня безмятежно наслаждались радостями жизни. На вершине Великой Пирамиды светящиеся квадраты отмечали зал, в котором заседал Совет Мудрецов. А Хор-Атла бродил среди апельсиновых деревьев, размышляя перед бесконечностью неба.

«Кто я? Что я? Каково мое призвание? И какое мне дело до привычных радостей? Я красив, я лучший на стадионе, любимый ученик Мудрецов. Почему все это меня не удовлетворяет?»

В моем сердце неутолимая жажда, и мой ум испытывает неутолимую жажду? Откуда идет эта жажда? Кем я буду? Царем, Верховным Мудрецом? А потом? Смерть? О ночь, к чему быть человеком, когда существуют Боги!»

Прошли годы. Хор-Атла постепенно поднимался все выше и выше по лестнице посвящённых. Он уже давно презирал игры на стадионе и улыбки девушек. Дни он проводил в близлежащих горах, медитируя, а ночи — за изучением священных текстов. Он был одинок в этом мире. И, мало-помалу, росла его наука и его магическая сила.

Годы по-прежнему утекали в обычном для Земли ритме. Хор-Атла был теперь почти стариком. Его знание стало огромным. Он хранил его в тайне, и всегда работал в герметично закрытой комнате. В народе рассказывали, что по ночам он говорит со звездами. Дети убежали от него в страхе, а с людьми он заговаривал лишь тогда, когда они обращались к нему за советом. Его советы всегда были хороши, и однако же никто не приближался к нему без содрогания. Глаза его были неподвижны и устремлены вдаль, будто ослепленные блеском его сокровенной мечты, и, тем не менее, казалось, что они насквозь пронзают людские сердца. Его коллеги по Совету страшились его речей, суровых и полных горькой и пессимистической мудрости. Да и в нем самом сердце было мрачным и отчаявшимся, ибо он не наслаждался ни одной из радостей жизни.

Как-то ночью он нашел то, что искал так долго: магическую формулу, позволяющую подняться в места проживания богов. Так он попал в большой зал, расположенный за пределами пространства, в большой зал, в котором собрались боги. Они спали, утомленные своей вечностью. Из рук Хакну, верховного бога, выскользнула Книга Бытия, содержащая магические формулы, с помощью которых извлекали вещи из первоначального Хаоса. Хор-Атла бесшумно приблизился, полистал книгу и отправил богов в небытие. Его охватила огромная радость. Его мечта осуществилась! Теперь бессмертие, всемогущество и всезнание будут принадлежать ему! Он жадно прочел все книги и узнал таким образом все тайны Вселенной. Он был богом!

И тогда ему стало скучно...

И началась Вторая мировая война. В декабре 1939 г. Франсуа Борду было всего 20 лет, поэтому мобилизовали его лишь в апреле 1940 г., уже после того как он сдал экзамены в ходе специальной сессии, организованной факультетом наук Бордоского университета. Будучи «ученым», он был зачислен в качестве курсанта запаса в артиллерийский полк, базировавшийся в Шательро.

Но 10 мая немцы переходят в наступление и в 20-х числах того же месяца прорывают франко-английский фронт. Вражеское продвижение ускоряется, и 12 июня, когда танки «Panzer III» находятся уже в нескольких километрах от Парижа, поступает приказ о всеобщем отступлении. Взвод курсантов запаса расформируется, а его члены, так и не успев обучиться на офицеров, становятся капрами. Капралу Борду доверяют командование отдельным звеном и приказывают выдвигаться в Монтобан.

Этот рейд на юг продлится более десяти дней. Никакого транспорта у них нет. Дороги забиты потоками беженцев с севера, группами отступающих солдат, многие из которых оставляют оружие и боеприпасы прямо на обочине. Когда он прибудет со своим звеном в пункт назначения, то получит благодарность за то, что привез людей с оружием. Чего Армия так и не узнала, так это того, что прибыли они туда уже не с тем оружием, с каким выезжали: при отбытии они были вооружены «удочками», старыми ружьями «Лебель», тяжелыми и громоздкими. По дороге они их поменяли на (современные тогда) MAS36 и патроны к ним — гораздо более легкие, подобранные в придорожных канавах.

Капралу Борду тогда было 20 лет, и он был идеалистом. Это отступление открыло ему глаза на те стороны человеческой природы, о которых он даже не подозревал. Некоторые из жителей тех мест, через которые они проходили, помогали беженцам. Другие... Так как он мало об этом говорил после того, как я вошел в «разумный возраст», то у меня об этом остались лишь смутные воспоминания. Тем более что тогда я не понимал в полной мере этих «взрослых» разговоров, в которых часто проскальзывало слово «негодяй». Единственное, что я помню, это как он расска-

зывал об одном фермере, который по сильно завышенной цене продавал проходившим по дороге беженцам воду из своего колодца и отказал в ней женщине с детьми, которая не могла заплатить требуемую им чрезмерную цену. Звено моего отца шло тогда вместе с отрядом сенегальских тиральеров. Сержанту, который командовал «сенегальцами», стоило немалых трудов помешать своим людям застрелить этого человека, отказавшего в воде детям, которых мучила жажда.

Лето 1940 г. выдалось спокойным. В конце июня Франсуа Борд был зачислен в полк ALVF (тяжелой артиллерии на железной дороге), особенность которого заключалась в том, что он не располагал ни единым артиллерийским орудием. В то лето солдаты этого полка занимались (по приказу) главным образом тем, что помогали земледельцам данного региона собирать фрукты, о чем все они сохранили добрые воспоминания.

Осенью 1940 г. он был «наполовину демобилизован» в том смысле, что покинул артиллерию и был переброшен на «Стройки молодости». В течение полугода неподалеку от альпийского Гапа он занимался лесоразработкой: так как угольные шахты севера Франции находились в оккупированной зоне, кому-то нужно было заготавливать и поставлять горючее.

В конце весны 1941 г. он был «полностью демобилизован» и вернулся на юго-запад Франции с намерением продолжить обучение. Так как Бордо находился в оккупированной зоне, он поступил на факультет наук Тулузского университета, желая стать биологом. Но уже будучи принятым в лабораторию профессора В. (который является прототипом биолога Вандаля из «Робинзонов космоса»), он не нашел общего языка с прорабом (сейчас бы сказали: «с доцентом»), поборником теорий Лысенко. А так как прораб — это прораб, а Франсуа Борд тогда был всего лишь студентом-отличником, то Франсуа Борд покинул лабораторию и с головой ушел в геологию.

Студентом Тулузского университета он был с осени 1941 г. по осень 1943 г. Там же, в Тулузе, он сделал и кое-что другое: вступил в ряды Сопротивления. Эти два тулузских года составляют самый таинственный период жизни моего отца.

«Так как следует подчеркнуть... какой бы ни был рассказчик, он едва ли с точностью опишет все операции, в которых принимал участие тот или иной агент Сопротивления. По той лишь единственной причине, что законы нынешнего времени не позволяют их узнать; что эти люди... держали их в глубочайшей тайне от всех, в том числе... и от тех, кто были им ближе всего. Никаких записей, никаких следов...» (*Андре Руллан, Мишель Сулье, «Сопротивление в черном Перигоре», 1987 г.*)

Сам я об этом почти ничего не знаю. Помнится, когда мне было лет семь или восемь, я слышал его разговор с «другом» (Что это за друг? Если я и знал когда-то, то уже не помню), в котором они вспоминали поездку моего отца из Тулузы в Лион и обратно за какой-то «почтой», случившуюся примерно в 1942 г. Вероятно, были и другие, которые я если и помню, то очень смутно. Когда мне было лет двенадцать, я пытался создать «тайный код» для одного из этих коллѐжских «секретных обществ» того времени. Отец тогда объяснил мне, почему мой код легко поддается дешифровке, и доказал это, расшифровав написанное мною послание. Но он показал мне, как можно на самом деле кодировать письма, следуя системе, которой, как мне стало известно позднее, пользовались французские агенты для передачи информации в Лондон.

Уже гораздо позднее я спросил у него, чем он в действительности занимался в тот период. Он ответил, что был промежуточным звеном в цепочке, по которой нужная информация передавалась в Лондон. «Я получал приказы даже не знаю от кого, но аутентифицированные, которые доходили до меня самыми разными способами, приказы, которые в основном состояли в том, чтобы сходить на встречу с каким-нибудь незнакомцем, забрать «почту», содержимое которой я не знал, и передать ее впоследствии другому незнакомцу...» То был принцип изолированности: если бы его арестовали, он бы даже под пытками не смог сказать, откуда поступали к нему послания и куда уходили, так как просто не знал этого.

В июне 1943 г. он покидает Тулузу и в августе месяце женится на Денизе де Сонвиль. После женитьбы он возвра-

щается в Вильнёв. Но в сентябре 1943 г. его жена должна вернуться в Париж: она вообще-то учится в Высшей нормальной (педагогической) школе, а так как она там еще и работает, то обязана проживать в Париже постоянно. И в ноябре Франсуа Борд подыскивает себе работенку в Бельвес, что в Дордони, становясь горнорабочим мерлинской лигнитной шахты.

Почему он на время забросил учебу и покинул Тулузу, чтобы стать горняком? Объяснение, данное им самим семье (и я в это до последнего времени верил), таково: чтобы избежать СОР (Службы обязательной работы в Германии), шахтеры от нее освобождались. Но на самом деле СОР касалась только тех, кто родился в 1920 г. и позднее. Он же родился в 1919 г. Вероятнее всего, он просто на чем-то «погорел» в Тулузе и перебрался в Бельвес, чтобы там «отсидеться».

Как бы то ни было, тогда-то он и примыкает к одной из групп Сопротивления, подведомственных Тайной армии, и его работа на шахте, пусть и реальная, главным образом — прикрытие. Несмотря на то, что в тех местах проживают его родственники по материнской линии, сам он предпочитает снимать комнату, как и многие другие горняки. Именно в этот период, с ноября 1943 г. по май 1944 г. он написал 2/3 романа «На бесплодной планете» — тогда-то, можно сказать, и родился Франсис Карсак.

Писал он в свободное время. Он был один (жена жила в Париже) и, так как книги достать было трудно, решил написать книгу сам. Тогда же он научился: обращаться с пистолетом-пулеметом «STEN», английским ручным пулеметом «Vren», американским пулеметом «.50», тому, как взорвать мост или железнодорожные пути, и всем прочим вещам подобного рода. В романах «На бесплодной планете» и «Робинзоны космоса» много всевозможного оружия, но в то время Борд/Карсак просто-напросто жил этим. Присутствовало в его жизни и другое: постоянная тревога и страх. Если по улице, когда он писал что-то в своих тетрадях в комнатухе в Бельвесе, проезжал (или еще хуже: останавливался) автомобиль или грузовик, это вполне могли быть милиция или немцы, пришедшие за ним в результате доноса...

Франсис Карсак (так как речь теперь идет уже о нем) прерывает написание романа 2 июня 1944 г. и возвратится

к нему лишь 11 декабря. Между этими датами происходит немало важных событий.

Начиная с конца мая 1944 г. члены Сопrotивления Дордони знали из «личных посланий» лондонского радио, что вскоре произойдет — и она неминуема — высадка союзников. Вдобавок к общему письму к французскому Сопrotивлению: «Долгие рыдания скрипок осени...» приходили и другие, адресованные отдельным его членам, с призывом быть готовыми к действиям: «У Денизы голубые глаза...», «Крыши Сорбонны красны...». И 6 июня, после получения послания: «... ранят мое сердце монотонной тоской», сообщающего о высадке, группа Сопrotивления, к которой принадлежал Борд/Карсак, была официально организована в «Группу Марсуэна» под началом действующего офицера, капитана Фурто.

Я не стану рассказывать здесь всю историю этой Группы — прежде всего потому, что я ее и не знаю. С июня по август у нее были боевые операции, налеты, саботаж. В середине августа члены группы написали заявления о добровольном поступлении на военную службу «до полного освобождения Родины». «Группа Марсуэна» участвовала в освобождении Бержерака, затем объединилась с другими, чтобы стать «Группировкой Марсуэна».

В сентябре «Группировка Марсуэна» была отправлена на «Медокский фронт». Немецкие войска тогда все еще удерживали устье Жиронды, стояли в Руаяне на севере и в Пуэнт-де-Грав на юге. Прошло несколько яростных сражений. 1 ноября 1944 г. «Группировка Марсуэна» стала 3-им полком Колониальной пехоты. 3 ноября патруль капрала Борда наткнулся на немецкий патруль. Случилась перестрелка, обмен гранатами. Одна из вражеских гранат взорвалась в двух метрах от капрала Борда, которого, изрешеченного осколками, подобрали его люди. Эвакуированный в Бордоский военный госпиталь, он был прооперирован, и из его тела извлекли 52 осколка гранаты. После месячной госпитализации капрал Борд выписался из больницы и, став Франсисом Карсаком (хотя тогда он еще и не знал об этом), продолжил написание романа «На бесплодной планете».

«На бесплодной планете» — это первый роман Франсиса Карсака, написанный в обстоятельствах, которые вполне

можно отнести к разряду «особых». Его расшифровка проста: черные марсиане представляют нацистов, красные — советских граждан... Но (хотя, вероятно, и не мне об этом судить) если до 7-й главы какие-то вопросы, возможно, еще и возникают, то начиная с 8-й это уже знакомый всем нам Франсис Карсак.

*Жорж Борд,
1996 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПУТЕШЕСТВИЕ

глава 1

Стоит ли ради этого рискнуть жизнью?

Лето 19.. года выдалось знойным. В лучах палящего солнца по дну одной из моренных равнин притоков Везера бежала узкая дорога. Жара отражалась от высоких серых скал, небо было голубым, но усеянным грозowymi тучами, в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. По дороге шли трое мужчин. Внешне очень непохожие, они, тем не менее, имели и кое-что общее: огромные каркасные рюкзаки, в которых находился лагерьный инвентарь. Сильно запылившиеся тяжелые подкованные башмаки указывали на то, что идут они уже долго. Все трое были в шортах и синих рубашках. Первый был огромного роста широкоплечий блондин с высоким лбом, к которому пот прибывал растрепанные тонкие волосы, волевым лицом и суровыми серыми глазами. Не будь здесь его, двое других, оба — брюнеты с карими (у одного — с оттенком зеленого) глазами, вероятно, показались бы высокими: их рост совершенно точно превышал 1 м 80 см. Правда, их иссохшая от

солнца и частых перемен погоды кожа выглядела не смуглой, как у спутника, но скорее шоколадного цвета — эти двое, несомненно, являлись продуктами какой-то более южной расы. Один был почти столь же широкоплеч, как и шедший впереди великан-блондин. Другой, примерно того же роста, отличался несколько нелепым сложением: худощавый, узкоплечий, с бесконечными ногами. Рюкзак плечистого bruneta выглядел более тяжелым, нежели другие; из одного из его многочисленных карманов выглядывал геологический молоток. Шествовавший продев руки под лямки, «геолог»-то и заговорил первым.

— Да уж, заставил нас пропотеть старина Поль, чтоб ему пусто было! Не напиши он, что дело срочное, мы б давно уже передохнули в каком-нибудь небольшом гроте. В любом случае, мы уже почти пришли. Вот и тропинка.

Он указал на дорожку, змейкой, по диагонали, уходившую вправо и вверх, к скалам. Без единого лишнего слова — пересохшие губы едва разлипались, языки уже почти не ворочались — они свернули на тропу. От подъема по склону рюкзаки, казалось, стали еще более тяжелыми, под ноги с кристаллическим шумом падали небольшие плоские обломки горной породы. Было шесть часов вечера. В затылок припекало заходящее солнце. Равнина повернула и, обогнув скалистый мыс, они оказались в тени. Сухие травы шли вперемешку с не слишком густыми зарослями остролиста и можжевельника. В конце дороги, прислонившись к скале, стоял маленький дом. Возникший здесь, судя по всему, относительно недавно, он был построен в стиле всех здешних жилищ: остроконечная крыша расширялась по бокам, словно крыша пагоды.

— Ну, вот мы и на месте, — произнес все тот же «геолог».

Несколько шагов — и они оказались у небольшого заборчика, окружавшего примыкавший к жилищу участок. На крыльце, раскуривая огромную трубку, сидел молодой мужчина: ярко-рыжие волосы, зеленые глаза, худощавое, усеянное веснушками лицо. Заслышав шуршание гальки, он резко вскочил на ноги и подбежал к калитке.

— Не ждал вас так скоро! Привет, Бернар! Привет, Луи! А это еще что за мамонта, скорее даже динозавра, вы с со-

бой притащили? Вот уж действительно — нужно быть геологом, чтобы выкопать такое ископаемое! Но проходите же, не стесняйтесь. Тут у меня свежо. Скидывайте рюкзаки. Вот здесь — напитки, а здесь — еда. Бернар, представь-ка мне своего динозавра!

Хозяин домишка вертелся, крутился, болтал без остановки, комичный вследствие своей худобы и рыжей шевелюры, казавшийся крошечным рядом с другими, хотя он и был роста разве что чуточку ниже среднего. Бернар, широкоплечий геолог с зеленовато-карими глазами, представил своего спутника.

— Сигурд Ольсен. Швед, химик. Это все, что мне о нем известно. Я...

— Все? — прервал его Поль. — Так ты даже не знаешь, что это будущий обладатель Нобелевской премии? Эта зебра только что опубликовала восхитительный труд о редкоземельных элементах.

— Должен тебе сказать, что он прекрасно понимает французский. Я познакомился с ним в июне на берегу одного финского озера — черт, даже не помню, как оно называлось! Он жил там в палатке. Я же, как уже писал тебе в письмах, был тогда в походе — нужно было изучить докембрий в классическом краю. Он согласился помотаться со мной там и сям в качестве гида — этот парень знает всю Скандинавию, как свои пять пальцев, говорит на шести или семи языках, — а взамен попросил показать ему потом самые красивые доисторические памятники Франции. Ты спросишь, возил ли я его в Дордонь? Ну а как же! Проезжая через Медон, вытащил друга Луи из его обсерватории, и мы прокатили Сига по всему Перигору. Теперь вот направляемся в Пиренеи. Я думал застать тебя в твоей лаборатории, но в Эйзи нас настигло твое письмо — и вот мы здесь. А теперь позволь мне представить уже тебя. Конечно, нужно было сразу, как и положено, да чего уж теперь...

Он повернулся к скандинаву:

— Поль Бернадак, физик. Роемся в чреве атомов, извлекая оттуда х-частицы. Объединить тебя, его и Луи — и получится прекрасное трио!

Так и болтая о том о сем, трое прибывших быстро и с аппетитом умяли все, что попало им под руку. Поль, Бернар

и Луи вспоминали студенческие деньки и те веселые поездки, в которые они часто срывались десятью годами ранее. Сигурд короткими репликами, произносимыми хриплым басом, давал понять, что ему тоже знакомы те места, о которых шла речь.

— А теперь, — сказал Поль, — вам нужно заняться разбивкой палаток. В сентябре тут рано темнеет. В доме, к сожалению, расположить вас не могу — места не хватит. Внутри только кухня, моя спальня, она же библиотека, чулан — вот и все комнаты!

Палатки были извлечены из чехлов и установлены на открытом месте с ловкостью, свидетельствующей о долгой привычке; затем, так как уже смеркалось и над близлежащими скалами поднимался полумесяц, они разожгли небольшой костер и расположились вокруг. Все четверо раскурили трубки, и Поль заговорил наконец о том, чем и была вызвана эта встреча. Выпустив парочку больших клубов дыма, он, после едва заметного колебания, обратился к Луи:

— А вот скажи мне, астроном. Как, по-твоему — стоит ли исследование какой-нибудь планеты, например, Марса, того, чтобы ради этого рисковать жизнью?

— Естественно! Но к чему этот вопрос? Ты же не собираешься туда отправиться?

— Ну почему же? Как раз таки собираюсь! И даже знаю, как это сделать. По крайней мере, думаю, что знаю. Как тебе известно, я сейчас работаю над возможностью «приручить» уран. Так вот, в последние месяцы я достиг весьма обнадеживающих результатов. Пока, конечно, еще случаются сбои, да и опасное это дело — мой диссоциатор улетел в небо! К счастью, кроме меня в лаборатории никого не было. Так как существует опасность взрыва, теперь я работаю в пустынной долине, всего лишь с тремя коллегами, а материалы мне поставляет атомный завод, расположенный в Центральном массиве*. Исчезновение дезинтегратора заметил лишь мой брат, но вы и сами знаете, какой он. Ему интересны лишь кисти да краски! Я объяснил ему, что аппарат разорвало вдре-

* Централь н ы й м а с с и в (фр. Massif Central) — горный массив в центре и на юге Франции.

безги. Позднее я воспроизвел это уже в меньших масштабах, даже построил экспериментальную ракету. Одно досадно: мне никак не удастся взять уран под полный контроль. Пока что ракета стартует слишком бурно, буквально выдирая все из земли, так что наша задача — найти способ как-то замедлить реакцию разложения. На нынешней стадии моих исследований уран мог бы использоваться разве что в военных целях, да и то... Должен сказать также, что я добиваюсь результатов, не слишком хорошо понимая, как они объясняются в теории. Такое — когда что-то получается, но ты не знаешь за счет чего — в науке случается не так уж и редко. Я ни с кем это не обсуждал пока, кроме вас двоих, которых прекрасно знаю, и думаю, что спокойно могу об этом говорить и в присутствии Ольсена, который из страны, где давно уже осознали, что лучше направлять свой ум на созидание, нежели на разрушение. Задам лишь один вопрос: если я решу полететь на Марс, вы составите мне компанию? Для того чтобы такая экспедиция представляла научный интерес, она должна быть полной. Я — физик, Луи мог бы стать нашим штурманом. Марс ждет и тебя, Бернар, и вас тоже, Ольсен. Даже если вы вернетесь оттуда всего лишь со щепоткой земли, всегда сможете сказать, что это «редкая земля»*!

И он прыснул со смеху, как делал всегда, когда полагал, что сказал нечто остроумное.

Остальные молча переглянулись. Уже догорал костер, который никто и не думал поддерживать. Становилось прохладно. Бернар содрогнулся и поплотнее закутался в плед.

— Что ж мы сидим, словно белоручки какие-то? Так и огонь погаснет. — Он встал и, помешав головешки, выбил пламя. — В общем, так, Поль: полетишь — я с тобой. Но прежде нужно построить нормальный летательный аппарат.

* Редкоземельные элементы (редкие земли) — группа из 17 элементов, включающая лантан, скандий, иттрий и лантаноиды. Название «редкоземельные» (встречается сокращение TR, ср. лат. *terrae raras* — «редкие земли») дано в связи с тем, что они, во-первых, сравнительно редко встречаются в земной коре (содержание $(1,6-1,7) \cdot 10^{-2}\%$ по массе) и, во-вторых, образуют тугоплавкие, практически не растворимые в воде оксиды (такие оксиды в начале XIX века и ранее назывались «землями»).

Я как раз знаю человека, который вот уже много лет вынашивает эту идею. Ему недостает только двигателя. Ему пятьдесят один год, зовут Жан Фортен, авиационный инженер. Это он конструировал те большие стратосферные самолеты, которые летают по маршруту «Париж — Сайгон — Сидней — Сан-Франциско — Париж». Но у него какие-то проблемы с сердцем, поэтому отправиться с нами он не сможет.

— Я все как следует просчитаю, — сказал Луи, — и, разумеется, тоже полечу. Эта загадочная планета давно уже не дает мне покоя. Мы узнаем, есть ли на ней каналы, растительность, марсиане... если, конечно, долетим. Но есть и другая проблема. Во что это нам встанет?

— Вот в этом-то и загвоздка. Пиренейская лаборатория съела не только государственные субсидии, но и все мои личные накопления. Впрочем, нам все равно бы этого не хватило.

— Насчет финансов не переживайте, — вступил в разговор Сигурд. — Я колоссально богат — как-никак, владею парочкой рудников и спичечной фабрикой. Думаю, ваше правительство что-нибудь подкинет. Я добавлю. Единственное условие: я тоже участвую в экспедиции.

— Ну разумеется, — ответили три голоса.

— Отлично, — сказал Сигурд. — Саму экспедицию, думаю, обсудим, когда Бернар точно будет знать, удастся ли ему совладать с ураном. Это, конечно же, чудесное открытие — но и весьма опасное. Если нас оно и не убьет, то вполне может убить кого-то еще.

Он неспешно поднялся на ноги и пошел спать в свою палатку. Трое французов еще немного посидели, но потом тоже отправились на боковую.

глава 2

Экспериментальная ракета

На следующее утро, с рассветом, Бернара разбудил громовой голос Сигурда, к которому присоединились и он с Луи, чтобы спеть под окном Поля «Братца

Якоба»^{*}. Тот встал позевывая, так как утром любил поспать подольше, достигая пика своих умственных способностей лишь часам к десяти вечера. Четыре товарища приступили к общему туалету у примыкавшего к дому умывальника, вода в который поступала из небольшого родника. Шишковатая мускулатура Бернара резко контрастировала с огромной, но развитой Сигурда и сухой и рельефной Луи. Что до Поля, то он был крайне худосочен — о таких говорят: кожа да кости, — но Бернар и Луи прекрасно знали, что без него и его неукротимой энергии они бы не выжили в Кавказских горах. Поль, этот старина Поль, самый закоренелый лентяй бордоского лица, этот легендарный уже «Поль-лоботряс», о котором кто-то из преподавателей как-то сказал, что он никогда и ни в чем не добьется успеха, вдруг принялся работать по двенадцать часов в день, блестяще сдал экзамены, получил допуск к преподаванию математики, защитил докторскую по физике и являлся теперь одним из самых многообещающих физиков молодой мировой команды ученых. Но на две недели в году он удалялся в свой домик в Дордони, где жил в одиночестве, питаясь консервами и проводя дни за чтением — сидя или лежа, с неизменной трубкой в руке — приключенческих романов. «Здравые мысли посещают меня, только когда я бездельничаю», — говорил он, и друзья знали, что вырвать его из этого пиршества души до окончания двухнедельного срока могла бы лишь какая-нибудь катастрофа.

Пока Бернар водил Луи и Сигурда к расположенному поблизости небольшому прибежищу ориньякской культуры, в котором он давно уже приступил к раскопкам, Поль растянулся на солнце и так и лежал без движения до самого обеда. Вечером Бернар, Сиг и Луи заявили, что они решили уже завтра возвратиться в свой базовый лагерь, чтобы провести там остаток отпуска в ожидании новостей от Поля, после чего Бернар собирался вернуться в обсерваторию, Луи — на свой пост прораба в геологической лаборатории

* «Б р а т е ц Я к о б» (фр. «Frère Jacques», нем. «Bruder Jakob») — французская детская песенка, широко известное музыкальное многоголосное произведение, канон (один голос повторяет другой, вступая позже него). Для музыкантов мелодия является образцом музыкальной точности и красоты. Включена в программу детских музыкальных школ.

Тулузы, а Сигурд — заняться собственными делами, зависящими лишь от его собственной прихоти. Поль согласился с их решением, сказав:

— Как раз таки завтра заканчиваются и мои две недели. Поеду в лабораторию, и если все получится, я вам телеграфирую. Как я понимаю, вы пробудете в Эйзи еще дней двадцать. Не думаю, что мне удастся что-либо придумать так быстро, но кто знает?

Затем, обращаясь к Сигу, он добавил:

— Бернар сказал мне, что у вас с собой — там, в лагере — имеются какие-то образцы редкоземельных металлов. Вы не могли бы мне их одолжить? Есть одна мыслишка...

— Если вы полагаете, что они могут быть вам полезными, то — с превеликим удовольствием. Только одна просьба: с Бернаром мы давно уже на «ты» — давайте будем и с вами, раз уж у нас намечается команда Звездных Аргонатов и...

— Надеюсь лишь, что нам не повстречается никакая Медея, — с улыбкой прервал его Луи. — А название «Звездные Аргонаты» мне нравится — считай, что оно принято!

— Мне тоже оно по душе, — заметил Бернар...

Ровно две недели спустя, утром, Бернар и Сиг, жившие в палатках на Скале Бóли, увидели внизу, на дороге, Луи, размахивавшего телеграммой. Поспешно вскарабкавшись наверх по тропинке, он вручил им синий листок бумаги, содержащий следующий текст: «Урания лошадка что надо. Приезжайте». Все трое переглянулись: стало быть, этот невероятный рейд все же возможен. Каждый почувствовал, как к горлу у него подступил комок, и спросил себя, не слишком ли легкомысленно он согласился на участие в экспедиции.

— Что ж, — проговорил Сиг, — нужно сниматься со стоянки. Возьмем в гараже мое авто и часам к четырем или пяти будем в лаборатории Поля. А там уже посмотрим.

Без малейших происшествий они домчались до равнины, в которой располагалась лаборатория. Ни один из них никогда прежде там не был, но в крайней деревне им сказали:

— Вам всего-то и нужно, что следовать вдоль ЛЭП.

И, по порядком разбитой дороге, миновав трое охраняемых ворот, они добрались до длинной постройки без окон. Уже услышавший шум двигателя, Поль встречал их у входа.

— Я отослал моих сотрудников под предлогом опасности. Они вернутся лишь завтра. Сейчас я вам кое-что покажу.

Он отвел их на небольшую изолированную площадку, окруженную высокими стенами и находящуюся примерно в километре от собственно лаборатории. Там возвышался веретенообразный аппарат шести- или семиметровой высоты, напоминавший торпеду. Его элероны были сильно расширены, а располагавшиеся между крылышками восемь труб слегка выступали вперед.

— Не иначе, как «Фау-2», — сказал Луи.

— Да, но атомная!

Поль позволил им в деталях рассмотреть ракету, не став, однако же, посвящать в секрет своих исследований.

— Аппарат содержит особый диссоциатор и достаточное для той цели, которую я ставлю перед собой при отлете, количество урана. Подпитка диссоциатора электрическим током происходит через вот этот вот кабель; когда ракета взлетит, кабель, который находится в подвижном соединении с осью ракеты, спокойно отцепится и останется на земле. Уже начавшаяся диссоциация продолжится сама собой. Мне удалось — и именно в этом заключается мой секрет — очень сильно сократить критическую массу. В головке ракеты заключена небольшая атомная бомба, которая взорвется, когда волны, испускаемые расположенным в носовой части радаром, станут отражаться с достаточной интенсивностью. Ракета достигнет Луны в ее темной части менее чем за десять часов. Один из твоих коллег, Луи, завтра будет отслеживать вспышку. Если я не ошибся в расчетах, ракета должна долететь. Не долетит — значит, мои опасения были не напрасными.

— И чего же ты опасаешься? — спросил Бернар.

— Как бы уран не взорвался под воздействием космических лучей, шастающих по пространству. Думаю, этого не случится, но кто знает? Ракета стартует завтра в 15 часов ровно и достигнет Луны в 0 часов 45 минут. А пока что, давайте-ка пройдем в лабораторию. Я вкратце расскажу вам о ее устройстве, а затем мы отправимся ко мне — мой дом на-

ходится в паре километров отсюда, правда, уже за пределами охраняемой территории.

На следующий день, в 14 часов, четверо звездных аргонавтов вернулись на объект. Поль и Луи проверили наводку ракеты. Затем Поль отвел товарищей к расположенному в 700 метрах от места взлета врытому в землю бетонированному и освинцованному убежищу, откуда, через толстое, опять же, освинцованное стекло им предстояло наблюдать за отлетом. Они вошли и закрыли за собой дверь. Дрожа от волнения, все четверо устались на стрелку хронометра и принялись наблюдать за тем, как она медленно отсчитывает одну минуту за другой. 14 ч 45 мин... 14 ч 55 мин... вот стрелка проползла предпоследнюю минуту, и их взгляды переместились на секундную. Поль занес руку над пусковой кнопкой, и в тот момент, когда стрелка достигла отметки «60», послал электрический импульс.

Через стекло они увидели, как стены огороженного участка разрушились со всех сторон, в один миг распавшись на мельчайшие осколки. Что-то стремительно унеслось в небо. Спустя пару секунд до них донесся свист, который какое-то время еще нарастал, а затем вдруг стих. В освинцованной же машине они объехали то, что осталось от «загона». Земля вокруг выглядела словно вскопанной небольшим бульдозером, местами даже остеклованной. Конец расплавившегося медного кабеля отливал странным многоцветием.

Вечер друзья провели за обсуждением открывавшихся перед ними необычайных возможностей. В девять часов утра из уррской обсерватории, что в департаменте Жер, пришла телеграмма: «В 0 ч 34 мин отмечена вспышка близ кратера Тихо».

глава 3

Команда

На следующий день они собрались в рабочем кабинете Поля — небольшой аскетичной комнате, стены которой были сплошь покрыты книжными полками. Большой стол белого дерева, усыпанный папками, из кото-

рых выглядывали испещренные уравнениями и символами листки бумаги, служил бюро. Поль был уже весь в работе, когда прибыли остальные. Небрежным жестом он указал им на три табурета и снова погрузился в вычисления. Наконец, покончив с подсчетами, он сказал:

— Итак, друзья мои, сейчас состоится наш первый военный совет. Нам предстоит наметить основные направления экспедиции и распределить различные задачи. На мой взгляд, этой экспедиции нужны: 1. Физик, это я. 2. Астроном: Луи. 3. Геолог — это ты, Бернар. Затем еще — химик: им будешь ты, Сигурд. Нам не хватает минералога, врача, инженера для строительства летательного аппарата, механика и прекрасно знающего свою работу кинооператора. Ни зоолога, ни ботаника я не считаю, так как, во-первых, как я полагаю, им там просто нечем будет заняться, а во-вторых, в случае чего, наш друг Бернар — не только выдающийся геолог, но и прекрасный натуралист. — Бернар комично поклонился. — Стало быть, нам следует заняться поисками оставшихся. Это должны быть люди надежные и отважные — ни безумцы, ни наймиты нам не нужны.

— Что касается минералога, то это вообще не проблема, — сказал Сиг. — Минералогия мне близка в той же мере, что и химия, а может, даже и в большей.

— Отлично! — обрадовался Поль. — Бернар как-то говорил, что инженера он знает. Значит, остаются: механик, фотограф и — что очень важно — врач.

— Знакомый фотограф у меня есть, — сказал Сиг. — Вы слышали про Рэя МакЛи?

— Не тот ли это американец, который снял этот необычный документальный фильм о жизни горилл?

— Он самый. Я с ним прекрасно знаком. Очаровательный парень, крайне образованный, и лучший фотограф из всех, кого я знаю. Храбрости и отваги ему тоже не занимать — ради оригинальных съемок отправится куда угодно. Он согласится, это я беру на себя.

— Как у него с физической формой?

— У Рэя-то? Да он всего пятидесяти метров не дошел до вершины Эвереста! Ростом с меня, очень выносливый и упорный.

— Думаю, — подал голос Луи, — у меня под рукой есть механик. Помнишь, Бернар, того малого, с которым мы познакомились в прошлом году в Ландах? Сколько вопросов он мне задавал о Луне, Марсе и тому подобном!.. Так вот, он заезжал ко мне потом в обсерваторию. Живет рядом с Орли, по специальности — авиационный механик, причем бортовой. Он довольно-таки молод — двадцать четыре года, но очень способный и ничего не боится.

— Похоже, — заметил Поль, — мы найдем всех, кто нам нужен, даже не выходя из этой комнаты. Остается, однако же, врач.

Здесь они вынуждены были признать, что не видят никого, кто соответствовал бы требуемым условиям. Все те, кого они знали, были привязаны к Земле семьей или же — по тем или иным причинам — не могли оставить свою работу.

— Ладно. Посмотрим. В любом случае раньше, чем через год как минимум, мы не улетим. А сейчас давайте распределим фронт работ. Ты, Сиг, займешься аккумуляцией средств, которые нам понадобятся на первых порах. Я поеду с вами в Париж, где встречу с директором Национального центра исследований, с которым хорошо знаком. Государство, я уверен, тоже подкинет денег, но это займет какое-то время. Помимо этого, Сиг, ты разыщешь того инженера, о котором говорил Бернар, предупредишь своего американского друга, а затем составишь список всего того, что тебе потребуется для выполнения твоей двойной работы. Впрочем, нам всем нужно составить подобные списки. Ты, Луи, сейчас же займешься дорожными исчислениями — все необходимые данные я тебе предоставляю. Да, и свяжись со своим механиком... Тебе, Бернар, поручается найти подходящую для отлета площадку и запасы продовольствия. Их должно хватить как минимум на полгода для команды из семи человек. Все остальное я беру на себя. А теперь — за работу!

Ясным июньским утром 19... года, у строго охраняемых ворот, за которыми начинался эллинг, еще восемь месяцев тому назад возникший на этом уединенном плато Атласских гор, остановился автомобиль. В машине находились Луи,

летательный аппарат, строившийся на верфи. Аппарат этот имел форму чуть сплюснутого веретена, один из концов которого был округленным, а другой — удлиненным, оснащенным стабилизаторами. Звездолет имел шестьдесят метров в длину, четырнадцать метров в ширину в самой утолщенной своей части и двенадцать метров в высоту. В задней трети аппарата из боков выступали два коротких крыла. Корпус был снабжен иллюминаторами, прикрытыми мобильными затворками из листового железа, — в передней части судна эти иллюминаторы были чуть более широкими, нежели в задней. Над аппаратом, выступая за палубу примерно на полтора метра, возвышалась небольшая башня, тогда как сам звездолет покоился на десяти колесных шасси, убирающихся при взлете. Пораженный размерами корабля, Рэй не сразу пришел в себя от изумления.

К нему уже приближались Поль с инженером. Быстро были произведены подходящие таким случаям представления, и начался осмотр аппарата.

— Если вас интересуют точные размеры этого звездолета, — сказал Фортен, — то они таковы: длина — 61 метр ровно, высота — 12 м 30 см, ширина — 13 м 80 см. Вы удивитесь, когда увидите, сколько места занимают жилые помещения, в которых вам, возможно, придется провести многие месяцы.

Через створчатую дверь они проследовали в библиотеку, полки которой были все еще пусты. Интерьер корабля еще только начинали обустраивать, и потому многие помещения были голыми. Они проходили из одной каюты в другую через раздвижные двери или по складывающимся вертикальным металлическим лестницам. Каюты были просторными. В большом зале в кормовой части звездолета располагалось все электрическое оборудование, скрывавшее свою сложность под простой формы защитными экранами.

— Здесь, — пояснил Поль, — собраны все диссоциаторы и необходимые для их функционирования аппараты. Пульты контроля находятся в рубке управления. Как только мы взлетим, вход в нее будет воспрещен всем, кроме меня и Сига, — на протяжении всего нашего полета там будут царить потоки опасных излучений.

— Но что помешает им пробиться за перегородку и распространиться по всему звездолету? — спросил Рэй.

— Это и есть мой секрет, если вообще можно называть «секретом» то, чего не понимаешь. Я нашел практически абсолютную изоляцию, но совершенно не понимаю, как она действует. Я обнаружил ее случайно и теперь использую повсеместно, даже не зная всех ее свойств. Такова участь многих открытий.

— За сколько времени мы долетим до этой чертовой планеты?

— На предельно полной скорости и при постоянной акселерации мы бы добрались до нее за несколько часов. Но нам придется экономить уран, и потому весь путь займет у нас пару недель.

— Так много?

— Полагаю, это еще немного, учитывая тот факт, сколь огромную бездну нам предстоит преодолеть! Да и потом, мы сможем воспользоваться крайне благоприятным моментом, так как Марс сейчас находится в оппозиции, чуть более чем в 56 миллионах километров. А теперь пойдемте познакомимся с другими членами экспедиции, или скорее — с другим членом. Это молодой механик, ему всего двадцать четыре, но он знает свое дело «от» и «до». Во время службы в авиации ему не раз доводилось бывать в переделках. Три года назад он входил в экипаж «Фландра», разбившегося посреди экваториального леса. Они с пилотом как могли поддерживали пассажиров на протяжении тех двух месяцев, которые длилась поисковая операция. Похоже, смелости и решительности ему тоже не занимать.

Покинув ангар, они направились к бревенчатому домику, где в одной из комнат обнаружили склонившегося над каким-то чертежом, который он изучал, молодого мужчину. Встав из-за стола, он подошел к ним. Внешне он ничем не отличался от трудившихся на стройке рабочих. Он был невысок ростом, темноволос, приземист, с лицом, которое показалось бы совершенно обычным, не освещая его блеск очень черных глаз.

Поль представил их друг другу:

— Рэй МакЛи, кинематографист. Артур Ледруа, механик.

— Я слышал о вас, МакЛи, и даже был механиком на том самолете, который доставил вас в Южную Америку для вашего репортажа о племени живарос. Я прочитал его с удовольствием, так как все написанное в нем — правда. Я и сам, как вы, возможно, знаете, жил среди воинов этого племени после того, как «Фландр» разбился в тех местах. Они — славные парни, пусть и слишком падкие на человеческие головы.

— Теперь, — сказал Поль, — у нас практически полный комплект, не хватает лишь врача, которого я пока еще не нашел. В общем, думаю, уже можно провести совет. С этого момента мы считаемся единой командой. Командой, которую ждет самое невероятное приключение из всех, какие когда-либо выпадали на долю человека. Вопреки всем расчетам, наши шансы на благополучное возвращение домой равняются всего тридцати процентам. Лететь или не лететь — решать вам. Отказаться еще не поздно. И в этом не будет ничего постыдного. Я знаю вас, Луи, Бернар, Сиг. Что до вас, МакЛи и Ледруа, то вы уже не раз проявляли себя с самой лучшей стороны, и никто не посмеет обвинить вас в трусости. После отлета я от всех буду требовать жесточайшей дисциплины, сейчас же зачту вам проект правил поведения на борту. Затем мы обсудим его и проголосуем, но после голосования он уже примет силу закона. Итак,

«Пункт 1. Руководитель экспедиции — Поль Бернадак. Его заместитель — Сигурд Ольсен.

Пункт 2. Вход в машинное отделение категорически запрещен. Доступ туда имеют лишь руководитель экспедиции, его заместитель и механик, получивший соответствующее распоряжение. Нарушившему данный запрет выносится смертный приговор.

Пункт 3. Любая небрежность или злонамеренность, способная повлечь за собой гибель экспедиции, наказывается либо смертным приговором, либо каким-то иным взысканием, накладываемым судебным советом.

Пункт 4. В судебный совет входят все члены экспедиции, кроме обвиняемого, а также двух человек, назначаемых руководителем экспедиции на роль соответственно народного обвинителя и адвоката.

Пункт 5. Все важные решения, касающиеся хода экспедиции, обсуждаются на совете. Все члены совета имеют решающий голос. Голос руководителя экспедиции также учитывается — за два.

Пункт 6. В случае смерти руководителя экспедиции командование возьмет на себя Сигурд Ольсен, с которым я уже поделился всеми своими секретами. Если, в свою очередь, погибнет и он, оставшимся в живых нужно будет открыть опечатанный ларец, который они найдут в библиотеке, и придерживаться инструкций, содержащихся внутри находящегося в нем (также запечатанного) конверта». Ну, что скажете? Согласны?

— Лично я — да, — промолвил Бернар. — Не имею ни малейших возражений. А вы?

— С нашей стороны их тоже не будет, — подтвердили остальные.

— И все же кое-что меня беспокоит, — заметил Бернар. — Как именно будет осуществляться смертная казнь, если это понадобится, чего, конечно же, не хотелось бы?

— За счет оставления на Марсе, с респиратором и недельным запасом продовольствия... А вообще, нам еще предстоит немало работы. Вылетаем сразу же по окончании строительства звездолета, то есть в конце сентября. До этого времени каждый должен научиться пилотировать небольшой реактивный самолет, который мы возьмем с собой для наших исследований. Нужно также, чтобы все те, кто ее не знают, освоили технику оказания первой медицинской помощи. На борту у нас, разумеется, будет врач, но он не сможет находиться всюду одновременно. Самолет в данный момент стоит в ангаре рядом с моей лабораторией. Сиг, который окончил курсы пилотов, научит вас им пользоваться. Впрочем, управление там — наипростейшее. Я останусь здесь, буду следить вместе с Фортенем за ходом работ. Вам следует явиться сюда 20 сентября — со всем, что пожелаете с собой взять. Не более 200 килограммов. Тебе, Бернар, я поручаю где-нибудь все же раздобыть нам какого-нибудь медика. До свидания, и постарайтесь никому не проболтаться о цели экспедиции. Пресса пребывает в полной уверенности, что это будет стратосферный полет.

Седьмой спутник

Июль и август месяцы пролетели для Бернара с головокружительной скоростью. Первые две недели он посвятил азам управления реактивным самолетом. Затем собрал вещи, выбрал несколько личных книг, которые хотел взять с собой. В библиотеке звездолета давно уже должны были появиться технические издания, перечень необходимых произведений и инструментов. Все это привело его на стройку еще в начале сентября, после чего в его графике образовалось свободное «окно» в двадцать — тридцать дней, которое он мог заполнить разве что поисками призрачного врача для экспедиции. Прежде чем возобновить эти поиски, Бернар решил позволить себе дней десять отдыха в компании Сига, быть может, последних в его жизни.

Так он оказался в Эйзи. Они разбили палатки у дороги, уходящей вверх, к прибрежным скалам, примерно на полпути к самой высокой из них, так как теперь, в начале осени, лагерь, расположенный на берегу Везера, каждое утро окутывал бы густой туман. Их дни проходили в безмятежной размеренности. Сиг грелся на солнце или же, напевая старинные песни Севера, изучал близлежащие расселины. Все его поведение свидетельствовало о полнейшем душевном покое, наслаждении жизнью и уверенности в своих силах. Днем он спускался в долину и там, на лугу, на глазах у восторженной деревенской ребятни метал диск или копье. Когда-то он был олимпийским чемпионом по метанию диска, и все его броски приближались к мировому рекорду. Бернару казалось, что из Швеции Сиг вернулся таким, словно уже сжег за собой все мосты, словно уже улетел. И Бернар завидовал тому спокойствию, с которым Сиг проводил свои последние дни на Земле. В тот вечер он смотрел, как швед спит рядом с ним в палатке, в полурасстегнутом спальном мешке. Дыхание скандинава было глубоким и медленным. В рассеянном лунном свете его массивные плечи мерцали, словно отполированная бронза. Бернар украдкой сравнивал эту гибкую и лоснящуюся мускулатуру со своей, могучей,

но напряженной, гораздо менее элегантной. Он и сам был силен, и не многим удалось бы вырваться из его «зажима», но он обладал силой медведя, тогда как Сиг походил скорее на тигра. И на кой черт ему сдалась вся эта авантюра? Он молод, красив, богат, умен. Здесь, на Земле, его ждет беззаботная, насыщенная и интересная жизнь. Он и так уже известный химик, о котором многие говорят как о будущем Нобелевском лауреате. И однако же, когда Поль предложил ему присоединиться к своей экспедиции, он не колебался ни секунды. Быть может, всему виной древняя кровь викингов, отвращение к слишком легкой жизни? У меня все иначе. Осуществляется мечта моей юности — Жюль Верн, Уэллс, Рони-старший... Все эти споры с Полем и Луи... Подумать только: старина Поль был уверен, что полет на Марс невозможен, но именно он нашел способ! Какой все-таки странной бывает судьба! Просто невероятно: через три недели мы будем где-то между Землей и Марсом... или мертвы. Даже не знаю, какая из этих возможностей представляется мне более ужасающей. Забавно думать, что никто не будет знать, где мы. Строительство звездолета — отнюдь не тайна, но никто, кроме нас, за исключением пары-тройки ученых, не догадывается о преследуемой цели. Пресса полагает, что это будет какой-то необычный самолет. А мы, возможно, сгинем в неведомом. Присоединимся к тем, кто погибали в странных местах, в которые их приводило человеческое любопытство: в девственных лесах, пещерах, глубоководных пучинах, горах, океанах... Впрочем, что-то я думаю уже не о том. Не мешало бы искупаться, быть может, небольшой полуденный заплыв приведет мои мысли в порядок.

Бернар осторожно вылез из палатки, наспех оделся. Ночь была все еще теплой. Среди туч бежала луна. Перед его глазами вырисовывалась долина. Он видел, на фоне луны, скалы Большого Сингла и «Церкви Гийема» — местá их дневных восхождений. По выбитой в скале лестнице он спустился вниз, по усеянной мелкими камушками дороге пересек часть деревни и оказался на берегу Везера. Река была черной, лишь у самого берега малая глубина делала ее прозрачной. На дне слабо поблескивали камушки. Он разделся до купального костюма, затем, в один бросок, погрузился в воду, расплескав

вокруг сверкающие капли, и, оставляя позади себя беловатый пузырчатый след, по диагонали поплыл к середине реки. Он нырнул, вынырнул, выдохнул смесь воздуха и воды, поискал камушки на дне, позволил течению подхватить его. Он любил воду. В этот вечер он разглядывал пейзаж с непреодолимой страстью. Мой старый Везер, моя река! Мой родной край! Край скал и зелени, деревьев и земли, воды и неба! Край, в котором растут табак и пшеница, дубовые и каштановые рощи. Моя земля, которую я вскоре покину живым, преследуя свою мечту. Мои дорогие меловые утесы, где я в двенадцать лет обнаружил свое первое ископаемое...

Он помнил тот день, как будто все это происходило вчера. Он не был уроженцем Эйзи. Он родился километрах в двадцати отсюда, в Монтиньяке. В три года став сиротой, он был подобран старым дядюшкой, землепашцем, который жил неподалеку от Ложри в теперь уже исчезнувшем с лица земли доме. Но все его детство протекало в этом диком и восхитительном окружении. Страсть к геологии пробудилась шестнадцатую годами ранее, когда, взбираясь на какую-то скалу у старой бюгейской дороги, он нашел окаменелую ракушку. Он показал ракушку учителю, который объявил ее просто-напросто образованием известковых скал. В тот день и определилось его призвание.

Веселое «привет» прервало его мысли. Переведя взгляд на берег, он заметил Сига, собиравшегося войти в воду. Доплыв на спине до одного из островков, Бернар принялся ждать товарища. Швед скользил в воде мягко, словно змея. Его плавание было уверенным и бесшумным, но быстрым.

Через минуту-другую скандинав уже присоединился к Бернару.

— Проснулся, увидел, что тебя нету, и решил, что ты отправился взглянуть на свою реку.

Они еще какое-то время поплавали вместе, затем выбрались из воды, оделись и, растянувшись на траве у берега, долго лежали, погруженные в свои мысли. Бернар продолжал прокручивать в голове свое детство. Сиг сравнивал эту чужеземную реку с озерами своей родины.

В плеске лопатообразного весла, с легким трепетом воды, приподнимаемой форштевнем, мимо проплыло каноэ, управ-

ляемое крепкой белокурой девушкой, которую днем они уже видели делавшей покупки в деревенском магазинчике. На воде играла луна. Каноэ прошло по золотистому отблеску, превратив его в черное пятно, и удалилось. Девушка вполголоса напевала «У чистого источника»:

И была столь чиста волна,
что в ней искупалась я.

Оба молодых человека почувствовали себя тронутыми до глубины души: по реке плыла вся грация Земли, вся вечная молодость мира. И Бернар подумал о своей юной невесте, спавшей на одном тихом альпийском кладбище. Он снова ощутил на своих руках ее столь легкий вес — как тогда, когда нес, разбившуюся в горах, после трех дней поисков и тревог. Полетел ли бы он, будь она все еще жива?

Каноэ возвращалось. Его нос был нацелен прямо на них. Киль со скрежетом проскользил по усыпанному мелкой галькой дну. Девушка легко спрыгнула на землю, а затем вытащила на берег и свою лодку. Повернувшись к друзьям, она произнесла:

— Слишком чудесная ночь, чтобы тратить ее всю на сон, не правда ли? Вероятно, это ваши палатки стоят вон на том утесе? А я расположилась на Скале Боли.

— Знаю, — сказал Бернар. — Я и сам там обычно оста-навливаюсь. Но вы оказались там раньше, а я уважаю чужое одиночество.

— Уж не хотите ли вы этим сказать, что я здесь лишняя? — спросила она весело, но в то же время и с некоторой обидой в голосе.

— Вовсе нет. Я лишь пытался объяснить наш выбор «орлиного гнезда», — пошутил Бернар. — Напротив, мы очень рады вас видеть. Бывают моменты, когда одиночество тяжело переносится даже добрыми друзьями.

Она присела рядом с ними.

— Прекрасный край. Как я люблю эту долину! Я часто провожу тут каникулы, и вас я здесь уже видела, господин геолог. Да, я знаю, что вы геолог. Знаю даже, что вас зовут Бернар Верильяк, — местные мальчишки сказали. А вам известно, что вы и ваш товарищ — их кумиры? Я сама вечером

видела, как одни из них пытались руками разломить камни, а другие упражнялись в метании диска... с помощью крышки от кастрюли!

Девушка ненадолго умолкла.

— Прекрасный край, — повторила она спустя какое-то время.

— Мой родной, — сказал Бернар. Затем, повернувшись к Сигу, который так и молчал, потерявшись в своих мыслях, он добавил: — Даже не верится, что мы вот-вот его покинем, быть может, даже навсегда!

— Вы уезжаете? Далеко? В Африку?

— Еще дальше.

— В Америку?

— Еще дальше.

— В Австралию?

— Даже еще дальше.

— Ну, тогда, вероятно, улетаете на Луну! — произнесла она с улыбкой.

— И опять же, гораздо дальше.

— Вы шутите?

— Нет, — ответил Сиг, — не шутим. Взгляните на нас. Перед вами два довольно-таки любознательных образчика человеческой породы. Здесь, на Земле, у нас все есть, — все, что необходимо для полноценной жизни. Могучие и здоровые тела, ясные мозги, достаточное — чтобы ни в чем не нуждаться — количество денег, интересная работа. У меня есть даже невеста. И тем не менее мы улетаем. Мне не следовало бы говорить вам куда, но я все же скажу. Вам, которую совсем не знаю. Скажу для того, чтобы хоть кто-то, не входящий в крайне узкую группу специалистов, знал это и хоть немного думал о нас... Только пообещайте, что сохраните все в тайне!

— Обещаю!

— Мы улетаем на Марс, — из деликатности он произнес это тоном напускной напыщенности. — Если все пройдет, как запланировано, мы станем первыми, кто перейдет границы Земли. Так, на своих хрупких драккарах, покидали родные края, отправляясь на поиски Винланда, мои предки. Мы же станем викингами неба!

— Ого! А ваша экспедиция уже укомплектована? А то я знаю кое-кого, кто был бы не прочь в ней поучаствовать. И он был бы полезен, он — врач.

— Врач! — Бернар аж подпрыгнул. — Черт возьми! Да я уже целый год ищу врача! Где он? Далеко? Я должен его увидеть, чтобы решить, подходит ли он нам. Кто он такой?

— Он — это я, — сказала девушка. — Я, Элен Веррен, выпускница медицинского института, сейчас прохожу интернатуру.

— Боюсь, мадемуазель, — проговорил Бернар с озадаченным видом, — это не пройдет. Мы не можем взять с собой женщину.

— А в чем проблема? Я — девушка крепкая, совершенно здоровая. Знаю свое дело не хуже любого врача-мужчины. Мне двадцать семь, я сирота и не имею близких родственников. Что мешает мне полететь с вами?

— Да это же безумие! — воскликнул Бернар. — Подумайте сами. Нам предстоит преодолеть 70 миллионов километров, причем нет ни малейшей гарантии, что нам удастся вернуться назад! Пусть все и просчитано, как-никак это прыжок в неизвестность! Мы ведь совершенно не знаем, что нас ждет в межпланетном вакууме: может, мы замерзнем в нем, сгорим, задохнемся, разобьемся — да мало ли что может случиться?

Она повернулась к Сигу.

— Ваши предки ведь брали с собой женщин, когда отправлялись на завоевание неизвестных земель, ваши предки, которые также и мои, так как моя мать была норвежкой?

— Мы всегда можем обсудить это с Полем, — заметил Сиг, — ведь он как раз сейчас дома.

— Сильно сомневаюсь, что он согласится. Впрочем, посмотрим. Сейчас пора уже спать. Встретимся завтра утром, в девять часов, у мэрии.

Элен потащила каноэ к реке, но прежде чем спустить его на воду, спросила у Сига:

— Вы вроде сказали, что у вас есть невеста? Как ее зовут?

— Сольвейг*. Похоже, даже в этом имени есть какая-то предопределенность...

* В переводе со шведского и других скандинавских языков это женское имя означает «солнечный путь».

На следующее утро, спустившись по Музейной улице, Сиг и Бернар увидели Элен, которая ожидала их в назначенном месте. Издали то был лишь высокий и стройный силуэт, с белокурыми волосами, удобно и элегантно одетый. Подойдя ближе, они рассмотрели ее уже в деталях: высокий и выпуклый лоб, темно-зеленые глаза, безупречные линии рта, волевой подбородок. Прекрасный тип женщины, изящной, но в то же время твердой.

— Из вас бы вышла отличная пара, — пошутил Бернар.

— Слишком поздно! В Йончёпинге меня ждет Сольвейг.

— Кстати, а твоя невеста-то знает, куда ты летишь?

— Да. Но не волнуйся. Она ничего никому не скажет, как, впрочем, и мои братья или сестра.

— И она не пыталась тебя отговорить?

— Она-то? Она бы стала меня презирать, если бы я отступил. Мы дружим с самого детства. Как-то раз, прочитав одну нашу восхитительную книгу, «Пираты с озера Меларен» — фамилию автора я не помню, — мы с ней и моим братом Арном, украли какую-то лодку и вышли в море. Нас отловили только где-то месяц спустя. Мне тогда было шестнадцать, ей — тринадцать, а моему брату — семнадцать. Я знаю лишь еще одну такую сорвиголову — это моя сестра Ингрид, которой сейчас восемнадцать, и которая умоляла меня — разумеется, тщетно — взять ее с собой.

В таких вот разговорах они подошли к мэрии, где обменялись дружеским рукопожатием с Элен.

— Что ж, в дорогу! — сказал Бернар. — Мы намерены представить вас — вместе с вашей просьбой — Полю Бернадаку, главе экспедиции. Сразу предупреждаю: порой он бывает очень резок, даже неистов, и чертовски раздражителен. Но вообще он — сама доброта. А вот примет ли он вас в Звездные Аргонавты...

Спустя три часа они уже входили в дом Поля. Бернар сразу же прошел в спальню-гостиную-библиотеку, толкнул дверь и обнаружил Поля лежащим на кровати с трубкой в зубах и мечтательно разглядывающим потолок.

— У меня для тебя новости, старина. Я нашел доктора, но...

— Ха! Стало быть, есть какое-то «но»?

— Да. Даже не знаю, как бы лучше сказать. Дело в том...
В общем, это женщина.

Приняв сидячее положение, Поль заявил:

— Я же уже говорил: ни наймитов, ни безумцев нам не нужно.

— Не думаю, что ее можно отнести к какой-либо из этих категорий. Выглядит она вполне уравновешенной.

— Прекрасно. И где же эта птичка?

— С Сигом, в кухне.

Поль рывком поднялся на ноги.

— Ну пошли.

Как только их представили друг другу, Поль сказал Элен:

— Итак, мадемуазель, вы просите чести — так как это действительно большая честь — сопровождать нас. В принципе, я не против. Только должен предупредить вас, если эти два попугая этого еще не сделали, что у нас гораздо больше шансов остаться там, чем вернуться назад.

— Эти два попугая, — она улыбнулась, — мне об этом уже сказали.

— И потом, данная экспедиция потребует неукоснительной дисциплины. Мы все согласились соблюдать определенную хартию — вроде той, которая когда-то была у пиратов. Вам дадут с ней ознакомиться. Не ждите никаких поблажек. Вы не получите ни единой преференции, разве что отдельную каюту. Если придется выбирать — идти или сдохнуть, вы будете идти... или сдохнете.

— Именно так я это себе и представляла.

— Стало быть, вы настроены решительно?

— Да.

— Хорошо. Бернар, выдай ей экземпляр «Судового устава». Как вас зовут?

— Элен Веррен.

— С этой минуты вы просто Элен, или доктор. Обращение на «ты» — обязательно. Итак, Сиг, Бернар и Элен, встречаемся через две недели в пункте отправления. Вылетаем 25 сентября. А теперь — ступайте куда хотите, но позвольте мне спокойно разбить мои последние земные баклуши.

Элен, Бернар и Сиг провели на берегах Везера еще шесть дней, дней, которые прошли в длинных прогулках на каноэ, купании в реке, дружеских беседах у костра. Затем они сложили палатки, и Элен отправилась домой собирать вещи. Они назначили друг другу встречу и все вместе выехали поездом к месту отлета. На вокзале, за баранкой авто, их ждал Рэй.

— Так это вы — наш sawbones*? Well**, я бы с удовольствием позволил вам отрезать мне ногу, — сказал он, увидев Элен.

На стройку они прибыли часов в пять вечера и обнаружили массу изменений. Из многочисленных рабочих осталось лишь несколько человек, трудившихся под присмотром Фортена. Звездолет находился уже не в ангаре, но в начале длинной заасфальтированной полосы. На носу корабля сверкала серебряная пластина, на которой было выгравировано его имя: «Ж. А. Рони-старший».

— Это Поль придумал, — пояснил Луи. — Помнишь, с каким восторгом мы читали в лицее «Борьбу за огонь» и другие книги Рони? Небольшой самолет, который мы берем с собой, называется «Г. Д. Уэллс», а герметичный гусеничный вездеход — «Жюль Верн». Под этим тройным патронажем у нас обязательно все получится!

На пороге шале возник Поль.

— Всем привет. Отправляемся завтра утром с восходом Солнца. Я знаю, что это не принято в астронавтике, но благодаря урану — в отличие от тех использующих в качестве топлива атомарный водород небольших ракет, для которых и были сделаны теоретические подсчеты — мы можем позволить себе любую фантазию.

— А как же испытания? — поинтересовался Сиг.

— Я проводил их всю неделю, старина, — вместе с Луи, Рэем и механиком. Все прошло лучше некуда. Вчера мы облетели Землю тридцать два раза на высоте четыреста кило-

* Хирург, костоправ (*англ. сленг*)

** Что ж (*англ.*)

метров, порой доводя скорость до 12 000 км/ч. Уж извините, что вас не дождались, но я предпочел не рисковать всеми нашими жизнями сразу. Если бы что-то прошло не так — ты во всем и без меня разбираешься, смог бы начать заново вместе с Бернаром. Программа на вечер такая: легкий ужин, небольшая автомобильная прогулка, в десять часов — отбой, заночуем на борту «Рони». Ни у кого нет возражений?

Устроившись за столом, они молча поужинали. Впервые за все время «миссия Поля Бернадака» — таково было ее официальное название — находилась в полном составе. Бернар прошелся взглядом по тем, кому предстояло вместе с ним принять участие в этой грандиозной авантюре. Поля и Луи он знал уже много лет. Первый выглядел нервным, взбудораженным, выдавал невероятные каламбуры. Бернара это не беспокоило: когда Поль не бьет баклуши, он всегда такой. Луи был немного бледен. Сиг сохранял свое обычное спокойствие, спокойствие человека, который, решившись на что-то, на попятную уже не идет. Разве что глаза его слегка блестели. Рэй, не отвлекаясь от еды, просматривал фотографии, сделанные во время испытаний. Артур Ледруа не сводил глаз с Поля, которым глубоко восхищался, и непринужденно смеялся над каждой его шуткой. Элен тоже изучала своих спутников. Жан Фортен, отказавшись от ужина, отправился еще раз осмотреть звездолет.

Всем нам, подумал Бернар, предстоит провести вместе уж и не знаю сколько времени, а быть может, вместе и погибнуть. Впрочем, здесь собрались надежные люди, на которых можно положиться, люди, которым неведом страх. И тут вдруг он осознал, что самому-то ему как раз таки страшно. Страшно, как всякий раз, когда он предпринимает что-либо опасное, взбирается на скалу или идет в горы. Он знал, что страх этот исчезнет на время работы, но затем снова вернется. Ему никогда не удавалось от него избавиться, и потому он завидовал беспечности Поля, умиротворенности Луи, спокойной смелости Сига. У него же в минуты опасности случалось какое-то раздвоение личности, вследствие чего он участвовал в происходящем словно некий совершенно посторонний зритель. Но едва все заканчивалось, он снова становился самим собой, и его нередко бросало в дрожь от пережитых эмоций.

И однако же он ни разу не спасовал. Ему было страшно, но трусом он не был.

Он заметил, что Элен смотрит на него с любопытством, и, сделав над собой усилие, принялся за еду. Несмотря на самообладание сотрапезников и несколько напускную веселость Поля, ужин выдался мрачным. Сразу же после него они отправились на свою последнюю автомобильную прогулку. За рулем был Сиг, любивший, как оказалось, быструю езду. Стоял ясный и тихий сентябрьский вечер, приятный и прохладный. По небу плыли белоснежные облака. Они проехали сухую, известковую равнину, практически лишенную растительности. Сиг добавил скорости.

— Не гони, — сказал Луи. — Не самый подходящий момент для того, чтоб сломать себе шею.

— Не волнуйся. Просто хочу попрощаться с Землей в бодрящей обстановке!

Никто не ответил. Теперь они уже ехали в опустившихся сумерках, прорезаемых лишь светом фар, и каждый, уйдя в себя, тщетно пытался понять, последний ли это его контакт со знакомым миром, в котором прошла вся его жизнь.

Без двадцати десять они вернулись к звездолету, и Поль еще раз переговорил с Фортенем. Потом они поднялись по

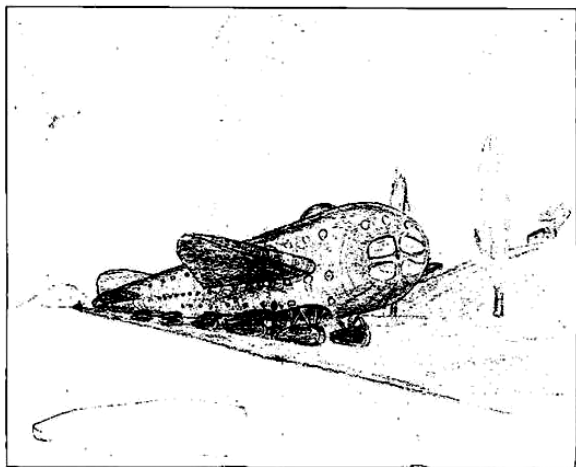

Рисунок звездолета «Рони»

металлической лестнице и исчезли внутри. Бернар ненадолго задержался внизу, глядя на небо, затем наклонился, сорвал цветок, подхватил небольшой камушек и тоже взбежал по лестнице, после чего тщательно закрыл дверь, похожую на люки подводных лодок, и направился к дортуару. Металлический пол звездолета гулким звоном отзывался на каждый его шаг.

Бернар наполовину пробудился от перемежаемого кошмарами сна. Он открыл глаза. Где он? Над головой, в полумраке, мерцал металлический потолок. Пробежавшись по нему глазами, он заметил люк, из которого свисала тонкая лесенка. Ага, орудийный люк, подумал он, я на борту «Рони», и скоро отлет. Он проснулся окончательно. Рядом вырисовывались пять кроватей, на которых спали его товарищи. Слабый свет пробивался сквозь не до конца опущенную заслонку иллюминатора. Его кровать, крайняя в ряду, стояла у перегородки, отделявшей дортуар от лаборатории. По соседству спал Сиг. Кровать казалась ему слишком узкой, одно плечо на ней не помещалось, из-за чего длинная рука свешивалась на пол. Где-то едва слышно тикал будильник Поля. Он посмотрел на светящийся циферблат своих собственных наручных часов. Четыре пятьдесят утра. Через десять минут, подумал, зазвонит адская машина Поля. В их веселой шайке Латинского квартала этот будильник был притчей во языцех. Он шел секунда в секунду, но производил страшный и оглушительный шум, который начинался как звон старых деревенских настенных часов, а затем переходил в раскатистый гул, представлявший собой нечто среднее между охрипшим дребезжанием телефона и автомобильным сигналом. После четырех или пяти подобных гокéтов* звонок прекращался. «Кто бы мог подумать, что именно старый будильник Поля отправит нас в это великое приключение!» В этом было нечто комичное и неуместное, но в то же время успокаивающее. Он ворочался на кровати ровно до того момента, когда затрезвонил странный звонок.

* Г о к é т (hoquetus, hoketus, ochetus, hochetus и др. латинизированные формы фр. *hoquet* — икота) — техника многоголосной композиции в музыке XII–XIV веков.

Фактически, эта странность пошла делу лишь на пользу. Рэй, Сиг и Артур, для которых она была внове, покатались со смеху. Бернар и Луи последовали их примеру, в то время как Поль в шутку возмутился:

— Да как вы смеете, бесстыдники, смеяться над историческим будильником?

Они быстренько привели себя в порядок.

— Привет! Можно войти? — послышался вслед за звуком шагов по металлическому полу задорный голос. Открылась крышка люка, и возникла голова Элен. Девушка поднялась, прошла в кухню и проворно приготовила утреннее какао.

— Знаешь, Поль, — сказала она, — я вроде бы слышала, как ночью по звездолету кто-то ходил.

— Да ну, тебе это, наверно, приснилось.

Все пребывали в веселом настроении, хотя и были несколько напряжены.

— Кто хочет, может выйти и прогуляться, — предложил Бернар. — До семи еще есть время. Сам я, — продолжал он, обмакивая круассан в какао, — на это, вероятно, не осмеюсь. Вдруг потом струхну и не смогу заставить себя снова подняться на борт? Кто-нибудь желает спуститься? Никто? Тем лучше!

Завтрак закончился.

— Теперь, — сказал Сиг, — в качестве помощника командира и будучи ответственным за все, что происходит внутри звездолета, я дам вам последние указания. Луи, Бернар и Рэй, тщательно проверьте люки и двери. Убедитесь, что они плотно закрыты, а блокировочное устройство работает. Сам я проверю машинное отделение, доступ в которое будем иметь лишь мы с Полем. Сейчас шесть двадцать. У вас полчаса. Без десяти семь встречаемся на посту № 1, где Поль и распределит перед самым отлетом роли. Ступайте.

В указанное время все были на посту № 1. Каждый отчитался. Пост управления взлетом, расположенный в нижней носовой части корабля, представлял собой относительно просторный, по форме напоминавший полумесяц, отсек, вся передняя стенка которого была из витрекса, материала пластичного и по прочности не уступавшего стали. Разработанная Полем технология позволила сделать его нечувствитель-

ным к любой радиации, за исключением света и обладающих поразительной проникающей способностью космических лучей. Для пущей безопасности они установили не одно, а два стекла, разделенных слоем озона.

Было уже без пяти семь.

— Сиг и Бернар, вы останетесь здесь; поможете мне управлять звездолетом, а если потребуется, то и вовсе замените. Артур, за тобой десятый отсек, следишь за двигателями. Остальные отправляйтесь на пост № 2, только помните — на пульте ничего не трогать! Держитесь за что угодно, только не за рычаги управления. Они там такие же, что и здесь, и вы можете что-нибудь испортить. Катастрофы, конечно же, не случится, так как те, что наверху, пока что выключены, но в дальнейшем проблемы возникнуть могут.

Двое молодых людей и девушка исчезли в люке. Едва они поднялись наверх, как Рэй вооружился своим фотоаппаратом.

— Осторожнее при взлете, — прокричал через оставшийся открытый люк Пол. — Он будет не таким плавным, как взлет самолета. Рэй, Луи, вы с этим уже сталкивались. Проследите за Элен. Вылетаем в семь ноль пять. Хронометр — над пультом управления.

Оставшись одни, Поль, Бернар и Сиг устроились в прочно закрепленных удобных креслах — два из них располагались у пульта управления, третья чуть сзади — и усадились на пожирающую время секундную стрелку.

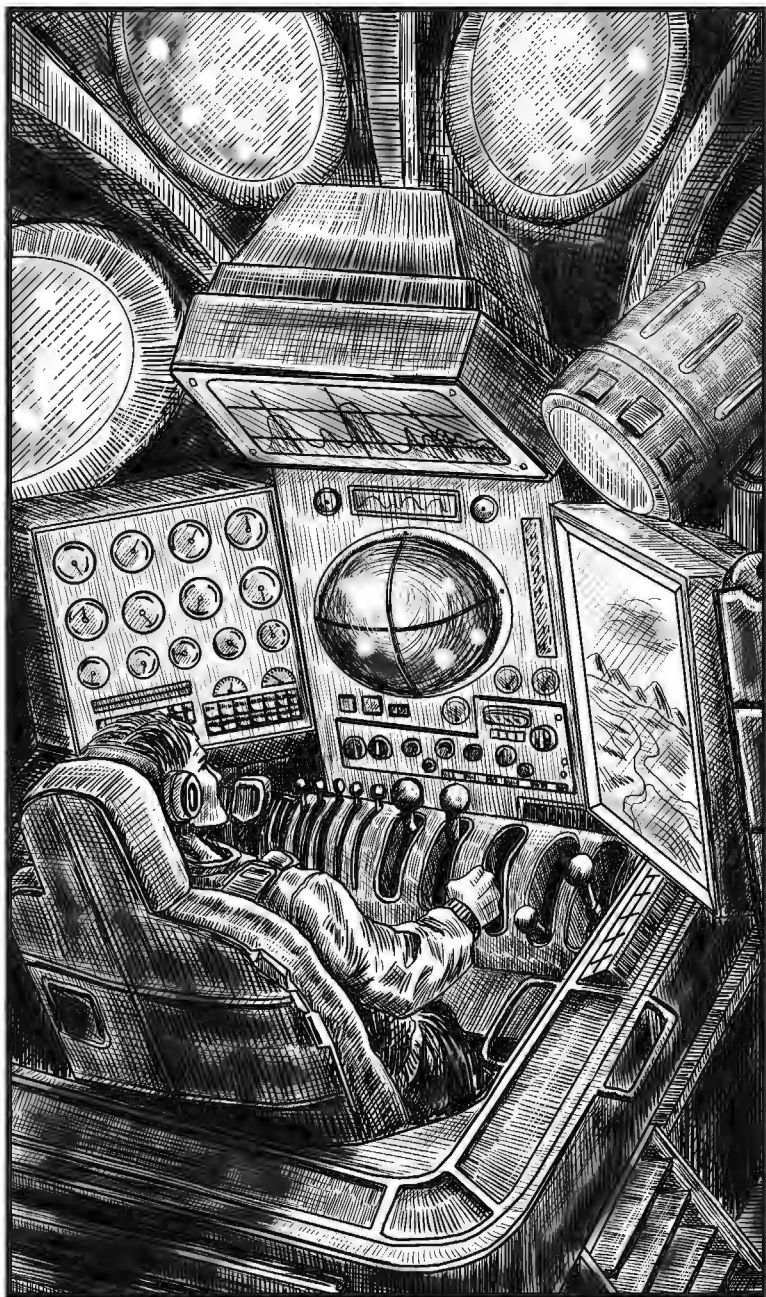
— Мне это напоминает наш первый лунный опыт, — сказал Бернар. — Нужно будет как-нибудь слетать на старушку Луну!

— Обязательно, — отозвался Поль. — А теперь — помолчи!

Он опустил рычаг, на котором значилось: «Альфа». Зажглась красная лампочка.

— Включаю диссоциаторы. Давление нарастает.

Одна из стрелочек сорвалась с места и побежала вдоль цифр по индикатору. Было семь часов четыре минуты тридцать пять секунд. В кабине царила мертвая тишина. В семь ноль пять резкий толчок, сопровождавшийся оглушительным свистящим шипением, бросил аппарат вперед. В какой-то мере это походило на рывок, с которым отходит от станции поезд. Затем последовали другие толчки, все более и более

сильные, а свист перешел в рокочущий гул. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее одни пейзажи начали сменяться другими. Поль опустил рычаги «бета» и «гамма», и по циферблатам побежали и другие стрелки. Индикатор скорости показал 100, потом 150, затем 200 км/ч. Наконец, почти в самом конце полосы, «Рони» поднялся в воздух, едва не задев небольшой тополь. Сиг опустил рычаг № 1, убирая колеса в фюзеляж. Звездолет под углом в сорок пять градусов устремился в небо. Скорость все увеличивалась и увеличивалась. Спустя несколько минут после вылета, когда «Рони» находился на высоте всего лишь в 17 000 километров, они превзошли мировой рекорд, равнявшийся 1 762 км/ч. Примерно на этой же высоте у Рэя закончилась его роликовая фото пленка.

глава 6

Их улетело семеро

К полудню они уже достигли высоты в 150 километров. Звездолет выписывал спирали вокруг Земли, с каждым оборотом набирая скорость. Первый судовой обед состоялся в 12. 30. Опасаться каких-либо препятствий не приходилось, и «Рони» был предоставлен самому себе. К тому же в общем зале стрелочные индикаторы контроля воспроизводили показания индикаторов поста № 1, а перископический экран позволял видеть то, что происходило впереди звездолета.

— По сути, — заметил Луи, — отлет выдался совсем не волнительным.

— Говори за себя! — возразил Поль. — Вот лежала бы на тебе вся ответственность за маневр!.. У меня и сейчас стоит перед глазами тот чертов тополь, который мы едва не задели. Я от страха чуть не обделался!

— Yes, — подтвердил МакЛи. — Все это снято на камеру.

— Я хотел избавить вас от тех ужасных толчков, которые мы пережили во время испытаний, и взлететь плавно, но эта плавность едва не оказалась роковой.

— Что касается меня, — подала голос Элен, — то мне сложно даже представить, что мы летим к Марсу, да еще со столь невероятной скоростью.

— Мы еще не летим к Марсу, по крайней мере — пока. Мы вертимся вокруг Земли, со слабым ускорением. Именно этим объясняется тот факт, что наши ноги все еще стоят на полу. Но вскоре мы действительно направимся напрямиком к красной планете. Эти круги являются всего лишь последними испытаниями...

— Стало быть, мы сжигаем уран зря?

— В очень небольших количествах. Я воспользовался, насколько это было возможно, земной гравитацией для того, чтобы в первые часы полета мы то и дело «пикировали», возвращаясь на минимальные высоты. Ты этого даже не замечаешь, но мы уже шесть раз пролетели менее чем в 60 километрах от полюсов. Теперь это уже не нужно, все идет хорошо, и вот-вот мы улетим по-настоящему — с ускорением умеренным, но гораздо более сильным, чем ускорение силы тяжести. Как следствие, пол, на котором мы сейчас находимся, станет перегородкой. Низ будет «задом» до тех пор, пока будут работать ракетные двигатели, то есть пока мы не войдем в зону притяжения Марса. Это продлится примерно две недели, с несколькими паузами практически нулевой силы тяжести, когда я буду вырубать двигатели.

— А быстрее туда нельзя добраться? — спросил Бернар.

— Ну почему же? Мы могли бы оказаться на Марсе уже через несколько часов. Но тогда бы мы спалили в разы больше урана, и я бы не успел как следует изучить космические излучения, а Луи — его созвездия.

— Я спросил это потому, что будет не очень-то и приятно жить, сбившись в кучу на наименьшей грани помещения каюты. Почему ты не сделал их кубическими?

— А ты пораскинь мозгами. В этой позиции мы проведем максимум две недели, тогда как на Марсе я намерен пробыть по меньшей мере пять месяцев, и «Рони» все это время будет находиться в горизонтальном положении.

По окончании обеда Поль направил «Рони» в желаемую сторону, после чего, ускорившись до 4g, звездолет резко устремился вперед. Быстро превысив вторую космическую

скорость, он достиг 100 000 км/ч, которые Поль и Луи сочли достаточными на данный момент. Ускорение было снижено до 1 g, и судовая жизнь наладилась. Поль измерял интенсивность космических лучей, Луи ни на шаг не отходил от башни, где располагался огромный, размером с какое-нибудь орудие, астрономический телескоп, Элен проводила инвентаризацию медицинского материала и провианта. На нее же возлегла ответственность за питание и дневное меню. Артур следил за двигателями, что было работой несложной, но скучной. Рэй снимал фильмы и вел судовой журнал. Бернар делил свое время между часами дежурства и чтением книг, научных или иных. И дни бежали один за другим в унылой монотонности пустынных пространств...

В один из таких дней, когда Марс уже начинал принимать диаметр, вполне различимый невооруженным глазом, Бернар нес вахту на посту пилотирования № 2. Он был один. В другом конце «Рони», на посту № 19 Артура подменяла Элен. Остальные спали. Тишину нарушали лишь резкие сухие щелчки регистрирующих приборов. Перед Бернаром, за широким смотровым окном, расстилалось межпланетное пространство, черное и усеянное звездами. Вдали, чуть правее, округлым красноватым пятнышком светился Марс. Не сводя глаз с аппаратов, Бернар прокручивал в голове десятки мыслей. Ни одиночество, ни тишина на него никоим образом не действовали. Было одиннадцать часов вечера. Вечер или утро, это уже не имеет никакого значения, думал он. Мы теперь вне времени. Внезапно он услышал легкие шаги за спиной, определенно женские. Уж не покинула ли Элен свой пост, что ей категорически запрещалось? Скрипнула дверь. Бернар обернулся — и разинул рот от изумления. Перед ним стояла незнакомая девушка.

Она была высокой и худощавой, хотя и довольно-таки крепкой с виду, с красивыми карими глазами и тяжелой, медного цвета шевелюрой, высоким лбом, прямым носом и спокойным, но в то же время вызывающим выражением лица. Где, черт возьми, он мог видеть это лицо? Оставаясь неподвижной и безмолвной, она пристально разглядывала его, словно стараясь признать. Он же, как только прошло

первое удивление, ощутил жгучую досаду и глухой гнев. Какого дьявола здесь делает эта сбжавшая из пансионата девица? Ей было лет семнадцать, может, восемнадцать, но никак не больше. Уж лучше спросить об этом у нее самой.

— Стало быть, вы и есть неизбежный тайный пассажир? Вот уж действительно, ничего нельзя предпринять на этой Земле без того, чтобы какие-нибудь бестактные людишки не сунули в это свой нос! И что нам теперь с вами делать? Эта научная экспедиция, черт побери, а не увеселительный круиз! Вы хоть знаете, куда мы направляемся и чем рискуем?

Под потоком этих яростных слов она побледнела и отвечала на правильном, но несколько натянутом французском:

— Я прекрасно знаю, чем рискую и куда направляюсь: на Марс. И движет мною отнюдь не праздное любопытство!

— Кто вы и откуда?

— Кто я? Ингрид Ольсен. Откуда? Из Йончёпинга.

Так это была сестра Сига! Бернар внезапно вспомнил семейные фото, которые тот ему показывал. Вот где он уже видел это надменное лицо. Улыбка у нее точь-в-точь как у Сига, но как ей удалось проскользнуть на борт?

— Это было нетрудно, — сказала девушка, отвечая на его мысль. — В последний вечер, пока вы были на прогулке, я вошла и спряталась в самолете. Выходила, лишь когда вы спали. Думала показаться только по прибытии, но мои запасы провизии закончились раньше, чем я рассчитывала, и мне пришлось выйти. Брат много мне о вас рассказывал, поэтому, когда вечером я услышала, как кто-то прокричал, что вы будете на вахте с девяти вечера до часу ночи, я подумала, что лучше мне предстать перед вами.

— Все это просто чудесно, и я не вижу, как вас можно было бы отправить назад, но из-за вас нарушаются все наши продовольственные расчеты, — задумчиво произнес он. — Вы для нас — лишний рот, проще говоря, дармоедка.

— Да нет же! Я прошла школу Сига, и могу сказать без бахвальства, что являюсь хорошим химиком.

— Хорошим химиком!.. Да Поль сожрет вас с потрохами! Впрочем, позволим ему отоспаться. В час меня должен сменить Сиг. Ему это точно не понравится... Ну да ладно, садитесь-ка пока вот в это кресло.

На следующий день, под председательством Поля, с Луи в качестве обвинителя и Бернарром в роли адвоката, прошло заседание совета. Сиг не пожелал принимать в нем участия. Совет приговорил Ингрид Ольсен к заточению в «Жюль Верне» до самого прибытия. Бернар был назначен тюремщиком. Когда он спросил у Поля, с чего бы это, тот ответил: «По-французски слова «тюремщик», geôlier, и «геология», géologie, начинаются с одних и тех же букв». После заседания Сиг отвел Поля в сторону.

— А не слишком ли вы были к ней суровы? По сути, если она в чем и виновата, то лишь в легкомыслии и отваге.

— Раз уж, старина, волей-неволей она теперь является частью команды, то должна осознать, что мы тут не шуточки шутим, и что существует дисциплина. Я поступил с ней так, как поступил бы с любым из нас. Она там всего дней на десять, так что ничего с ней не случится. «Жюль Верн» обустроен на двух персон, есть там и кушетка. Ей придется лишь сменить тюрьму — она ведь и так пребывала в заточении в «Уэллсе», гораздо менее удобном.

— Но почему тюремщиком ты назначил Бернара? Твой довод, конечно же, остроумный, но не слишком логический. Я думал, что Элен...

— Я мог бы тебе ответить, что две женщины вместе... но скажу настоящую причину. По словам Ингрид, ты рассказывал ей о Бернаре. С другой стороны, четыре года назад, в результате произошедшего в горах нелепого несчастного случая Бернар потерял невесту, Клер. Он едва с ума не сошел. Они дружили с детства и боготворили друг друга. Он на руках принес ее труп в лагерь, провел ночь у тела, а затем сам пожелал выкопать могилу. Он никогда не говорит об этом. С тех пор он сильно изменился. Когда-то это был самый веселый парень на свете, но теперь он уже не смеется — разве что иногда позволяет себе улыбнуться. А твоя сестра — девушка красивая и обаятельная. Полагаю, ты не был бы против, если бы Бернар стал твоим зятем?

— Да нет, конечно! Но еще не факт, что Ингрид влюбится в него, или он — в Ингрид.

— Как говорится, попытка — не пытка. У нее те же глаза, что и у Клер. Если Бернар полюбит ее, а она его — нет, он

так или иначе на это отреагирует, он парень решительный. Против живой любви бороться куда легче, чем против мертвой. — И Поль тихо, словно про себя, добавил: — Я тоже любил Клер.

Сиг молча протянул ему руку.

глава 7

Прилет

Один за другим пробежали монотонные дни. Мало-помалу, как казалось Полю, Бернар стал поддаваться тонкому очарованию молодой шведки. Его роль заключалась в том, чтобы дважды в день приносить ей еду, но в действительности — под тем или иным предлогом — он заходил к ней гораздо чаще. Ингрид, в свою очередь, тоже не оставалась равнодушной к тем знакам внимания, которые оказывал ей этот молодой и статный, чувствительный и печальный мужчина. Так, где-то в небе, в районе 50 000 000-го километра, родилась идиллия между французским геологом и шведской химичкой. Бернар сначала лишь простодушно подшучивал над Ингрид, говоря, что ему придется носить ей еду еще с месяц-другой, а то и дольше. Скандинавка сперва хранила угрюмое молчание, явно задетая тем, что ее называли «девчонкой», но постепенно начала расспрашивать Бернара о звездолете, о Марсе, и вскоре они уже перешли к разговорам о работе, о детстве и отрочестве. Она рассказала ему о своих вылазках на озера с Сигом и Сольвейг; он поведал ей о своих приключениях с Луи и Полем и геологических экспедициях в Сахару, с немалой долей юмора живописав ту ужасную ночь, когда его лагерь был смыт внезапным паводком вáди, а сам он едва не утонул... посреди пустыни. Бернар посвятил Ингрид и в тайны геологии. Он обладал даром «оживлять» давно исчезнувшие моря или рептилий вторичной эры, которые в его историях копошились на горизонте болот и трясин, под тяжелым и низким небом. Она в ответ рапортовала о своих распрах с химией, когда, совсем еще девочкой, делала только первые шаги под руководством

Сига. Дошло до того, что Бернар даже рассказал ей о Клер — и без слишком уж щемящей боли.

Марс все увеличивался в размерах. Сперва это было маленькое — с булавочную головку, не больше — пятнышко в бесконечном небе, затем монетка тусклого медно-красного цвета, рыжеватая луночка. Теперь же то был целый мир, все еще далекий, но в котором уже начинали проявляться детали. Даже десятитонный кран, говорил Поль, не оттащил бы Луи от его астрономической трубы. Он уже не сомневался в том, что никаких «марсианских каналов» не существует. И на семнадцатый день после их отлета с Земли Поль за завтраком заявил:

— По правде сказать, я уже начинаю полагать, что у нас все получится. Если все пройдет без сучка и задоринки, мы будем на месте через несколько часов.

И его радость была столь велика, что он отправил Бернара за Ингрид.

Марс перестал находиться впереди звездолета и оказался под ним. Предметы обстановки заняли свое обычное место. «Рони» начал выписывать круги все меньшего и меньшего радиуса, используя свою скорость. Они пролетели рядом с Деймосом, потом с Фобосом, и приступили к деликатному маневру приземления. Поль устроился перед пультом управления поста № 1, произвел парочку манипуляций, затем, внезапно сделавшись мертвенно-бледным, повернулся к Сигу:

— Садись на мое место. Я не смогу. Слишком нервничаю. Закашляли передние двигатели. Скорость снизилась.

Звездолет был уже не более чем в пяти километрах от Марса. Бернар наклонился и посмотрел на поверхность планеты — ровную, усеянную неправильными пятнами различных цветов. Земля будто бы поднималась с головокружительной скоростью. Выскочили шасси и, с парой-тройкой толчков, «Рони» коснулся поверхности Марса в Области Девкалиона, на 10 градусах южной широты и 0 градусов западной долготы, неподалеку от Залива Меридиана. В этот момент в данной части планеты был вечер.

Бернар обвел внимательным взглядом своих спутников. Ни один из них не кричал «ура!». Они были бледны и безмолвны. Лишь Ингрид улыбалась. Сиг выглядел изнуренным.

Он направился к иллюминатору, страстно желая собственными глазами увидеть эту неведомую землю. По мере того как он приближался, горизонт расширялся. То была красноватая пустыня, немного волнистая и терявшаяся где-то вдали в легком тумане. То тут, то там поверхность планеты прорезали канавки темно-зеленого цвета. Была ли это растительность? У самой земли вихрем кружился тонкий песок, поднимаемый легким ветром. Вверху висело безоблачное, глубокой синевы небо. И во все стороны тянулась одна и та же унылая опустошенность, без единой неровности, на которой можно было бы задержать взгляд. Эта почва казалась какой-то состарившейся, одряхлевшей и непоправимо бесплодной. От нее исходила суровая, тяжелая красота, не имевшая ничего общего с самыми засушливыми пейзажами Земли. Освещало эту равнину заходящее солнце, тусклое и ущербное.

К Сигу присоединились и другие. Прижавшись лбом к стеклу, они долго еще стояли, словно статуи, без единого движения, изучая то, чему на долгие дни предстояло стать обрамлением их жизни. И всем им приходила в голову одна и та же гнетущая мысль — что их путешествие окажется напрасным, что они ничего не найдут на этой голой планете — ничего, кроме песка и одиночества.

Опускались, и довольно-таки быстро, сумерки — они находились недалеко от экватора. Поднялась марсианская луна, тусклая и блеклая. Засверкали редкие звезды. Во время полета они часто представляли себе прибытие и всегда думали, что их первым порывом будет облачиться в скафандры и выйти. Теперь же они этого совершенно не желали, раздираемые противоречивыми чувствами — мыслью о том, что момент, когда на землю Марса ступит нога первого человека, слишком торжественен, чтобы не предполагать какой-либо церемонии, и впечатлением, что этот новый мир вызывает у них неприязнь.

Сделав над собой усилие, Поль направился к электрическому выключателю и зажег свет, после чего повернулся к товарищам, которые так и стояли неподвижно, замкнувшись в себе.

— Ну вот, — сказал он, и голос его прозвучал хрипло и неуверенно. — Прилетели. Думаю, вечером мы сможем провести необходимые анализы атмосферы, чтобы точно

уже знать, что нас ждет, и с рассветом быть готовыми выйти наружу. Но прежде давайте-ка поедим. Элен! Проснись. Тебя ждет твоя роль кухарки. Встряхнитесь же, черт возьми!

В полной тишине все уселись за стол.

— Ладно, — сказал Луи. — Первую часть нашего предприятия мы завершили вполне успешно. Предлагаю отметить это дело, распив несколько бутылок винца. Это нас чуть взбодрит!

Элен поднялась на ноги, но прежде чем отправиться в камбуз, закрыла заслонки иллюминаторов, изолировав тем самым всех от холодного и мрачного внешнего мира.

глава 8

Призраки

Они прошли в лабораторию. Сиг настроил аппаратуру на восприятие внешнего мира. Давление равнялось 7 сантиметрам ртутного столба, температура 3 градусам Цельсия. Гигрометр выявил незначительное, но ощутимое наличие водяного пара.

— Ну вот, — сказал Луи. — Условия даже лучшие, чем можно было рассчитывать. Марс менее иссушен, чем предполагалось, а давление достаточное, чтобы мы могли позволить себе использовать легкие скафандры. Температура, естественно, низкая, но я ожидал худшего. Даже на Земле, в пустынях, ночи холодные. А что, Сиг, нам дает анализ воздуха?

— Примерно пятую часть кислорода от того, что есть у нас. Присутствует азот, инертные газы.

— Браво. Проблема воздуха решена. Мы сможем получить столько кислорода, сколько пожелаем. Наше пребывание на Марсе будет ограничено одними лишь запасами продовольствия, если, что вполне вероятно, мы не найдем его здесь. Провианта нам хватит примерно на полгода. Или я не прав, мадемуазель баталёр? Что меня удивляет, так это наличие водяного пара и кислорода. Как так вышло, что ранее их не смог определить спектроскоп, прибор весьма чувствительный?

— Чего не знаю — того не знаю. Но если ты мне не веришь, можешь сделать анализы заново.

— О, не думаю, что я способен превзойти такого знатока минеральной химии, как ты! Да и поздно уже. На Земле сейчас одиннадцать вечера — здесь примерно столько же. Предлагаю все же поспать в нашу первую ночь на Марсе.

По настоятельной просьбе Поля был установлен порядок дежурств.

Первым выпало нести вахту Бернару.

Он расположился в башне. Зрительная труба Луи уступила место пушке калибра 47 мм и прожектору. Часового ожидало удобное кресло. Из больших иллюминаторов открывался широкий обзор во всех направлениях. Бернар поудобнее устроился в кресле. Перед ним находился пульт управления движениями башни, грузового подъемника и прожектора. Он бросил взгляд на передний иллюминатор. Внизу сверкала в лунном свете слегка бронированная палуба звездолета. Чуть дальше она резко обрывалась, и начинался рыжий песок Марса. То и дело налетавший ветер кружил этот песок в миниатюрных смерчах. В чистом небе сияли редкие звезды, не столь неподвижные, как в межпланетном пространстве, и гораздо менее мерцающие, чем на Земле.

Бернар вытащил трубку, тщательно набил ее и зажег. Теперь он мог курить когда и сколько угодно. Об экономии кислорода думать уже не приходилось — во внешней среде его было с избытком. То была одна из главных их тревог, которая развеялась сразу же после того, как стал известен результат проведенных Сигом анализов. В не меньшей степени Бернара радовало и то, что атмосферное давление составляло здесь всего лишь $1/5$ от земного. Луи опасался, что оно будет равно $1/10$, а то и вовсе $1/20$! По сути, это дежурство на Марсе было вполне приятным. Было маловероятно, что произойдет нечто экстраординарное. Марс выглядел мертвой, бесплодной планетой, напрасно крутящейся в космосе. Быть может, эти зеленые пятна представляют собой остатки растительности? Будет видно... Он свернулся калачиком в кресле и позволил одним минутам плавно перетекать в другие. Время от времени он разворачивал башню на 360 градусов

и, даже не меняя позы, обводил взглядом горизонт. Горизонт неподвижный и незабываемый.

Ближе к концу второго часа он провалился в полудрему, которая мало-помалу трансформировалась в глубокий сон. Ему снилось, как по возвращении на Землю он женится на Ингрид.

И, сразу же после церемонии, встречает на углу улицы Клер, живую Клер, которая упрекает его в том, что он ее бросил: «Ты просто не увидел, что я не мертва; мертвым был лишь мой образ в твоём сердце». И вдруг перед ним вырастают пошатывающиеся горы, которые и говорят, ухмыляясь: «Не слушай ее, Бернар, мертва она, еще как мертва. Уж нам-то не знать! Со стометровой высоты сорвалась!» Поднимается ветер, и этот ветер кричит, свистит, разгоняет его друзей. И вот он уже стоит на голой равнине напротив гигантского краба, который, перебирая клешнями, смотрит на него немигающим взглядом.

Бернар резко проснулся; часть сна была реальной: ветер. Обзор затрудняли тучи тонкого песка, с легким шуршанием разбивавшегося о стекла иллюминаторов. Ему показалось даже, что он мельком заметил во тьме нечто, имевшее форму огромного краба, и это нечто поспешно унеслось прочь, сделавшись неразличимым в облаке пыли. Он вскочил, навел прожектор, но кроме клубов песка, дрожавших в луче света, как дрожит дождь, ничего не увидел.

«Должно быть, мне это приснилось», — подумал он. И однако же какой-то внутренний голос шептал ему, что он действительно видел краба, видел не во сне, а наяву.

В горле пересохло. Бернар выпил немного воды, подобрал упавшую на пол трубку. Набил ее заново, посмотрел на часы. Еще полтора часа. Спать уже не хотелось, но ему было как-то не по себе. Вернулось то ощущение, которое он не испытывал с далекого детства, когда, находясь один в дядюшкином доме, сидел, повернувшись спиной к ночной тьме, у камина, и читал какую-нибудь книгу. Тогда порой ему казалось, что что-то пристально смотрит на него из этого гнетущего мрака. Он резко оборачивался с произвольным содроганием — и ничего не видел... И вот снова эта неотступная мысль. Она была сродни нависшей над ним угрозе, чему-то бесформенно-

му и опасному, готовому вот-вот на него обвалиться. Он попытался насвистеть какой-нибудь веселый мотив, как всегда делал мальчиком, но свист прозвучал зловеще в этом металлическом колпаке. Он прервался и только тогда понял, что насвистывал «пляску смерти». «Что ж, хорошее предзнаменование», — попытался он пошутить. Он натужно рассмеялся, но смех отразился от стен столь странным образом, что он обернулся. Иллюминатор казался глазом, который смотрел на него без всякого выражения, машинным глазом. Ему вдруг стало страшно. Смутная тревога переросла в панический испуг. В один миг Бернар сбежал вниз по лестнице, но едва он коснулся пола дортуара, как ему стало стыдно. Что подумали бы о нем товарищи, которые безмятежно спят там, под его охраной? Он поднялся обратно в башню, снова устроился в кресле, плеснул в стакан водки из графина, залпом выпил и в третий уже раз за вечер набил трубку. Чтобы больше не чувствовать, будто нечто следит за ним сзади, перевел башню в режим медленного и постоянного вращения. На всякий случай зарядил пушку, решив, что нужно быть готовым ко всему. И только тогда почувствовал некоторое облегчение. Однако же сказать, что он совершенно спокоен, Бернар не мог. Он, ученый, для которого Бог являлся не более чем недоказанной гипотезой, чувствовал, что становится суеверным. Окружавший его бесплодный мир казался ему враждебным, а ветер нагонял призраков: призраков Марса, его возможных гуманоидных цивилизаций, призраков Земли, призраков мертвых богов. И снова, как и во сне, в его мыслях возник призрак Клер. «Нет, я никогда тебя не забуду, но вспомни, ты заставила меня поклясться, что если тебя не станет, я заживу по-новому. Я подчиняюсь твоему желанию. И если хоть какая-то частица тебя жива, ты должна быть довольна. Но я тебя все равно никогда не забуду». Он посмотрел на часы: до смены всего лишь десять минут. Все в порядке. Ах нет — пушка! Он осторожно разрядил ее. «Не нужно, чтобы они видели, как мне было страшно».

Ветер прекратился. К Бернару окончательно вернулось былое спокойствие. Поднявшийся в башню Поль, которому предстояло дежурить следующим, обнаружил его насвистывающим какую-то веселую арию, с трубкой в руке.

— Ну что?

— Ничего. В какой-то момент мне показалось, что я вижу приближающегося к звездолету гигантского краба, но так как ветер поднимал тучи песка, видимость была крайне низкой. Я прошелся по равнине лучом прожектора, но ничего не увидел. Должно быть, задремал, вот и привиделось...

— Вероятно. Спокойной ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ НА БЕСПЛОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

глава 1

Семь иридиевых призм

На следующее утро, едва рассвело, на корабле поднялась невообразимая суматоха.
— Так как сегодня отдаляться друг от друга не будем, — сказал Поль, — выходят все.

— Кто спустится первым? — спросила Элен.

— Не имеет значения. Мы не министры, не конкистадоры. Водружать флаг не будем. Если здесь есть марсиане, эта земля — их. В противном случае она принадлежит всему человечеству, которое, к сожалению, пока что не имеет общего флага. Поэтому надевайте скафандры и проходите в герметический отсек. Вы все знаете, как функционируют различные устройства. Сразу предупреждаю: вес снаряжения не восстановит ваш собственный земной вес. Так что осторожнее, можете и кувыркнуться!

Они прошли в шлюзовую камеру. С легким, постепенно стихающим свистом наружу вытягивало воздух. Сиг открыл тяжелую дверь. Разложилась лестница, и они спустились. Всем тотчас же показалось, что момент куда менее торжественен, чем им представлялось — Артур даже не удержался от того, чтобы не произнести потешно расстроенным тоном:

— Черт побери! И только-то?

Переданное микрофонами, это глубокомысленное сообщение вызвало у них смех.

— Не будем ни о чем судить заранее, Артур, — сказал Поль. — Мы здесь всего-то несколько часов.

— Да уж, интересного тут пока мало! — заметил Бернар. — Чрезвычайно похоже на некоторые уголки Сахары — разве что там песок другого цвета.

Он наклонился, подхватил щепотку. Песок оказался кварцевым, очень тонким, красноватого окраса.

— Ничего интересного, — повторил Бернар. — Пойдемте рассмотрим зеленые пятна.

Они направились — сначала шагом, потом бегом — к ближайшему пятну. Легкие скафандры практически не стесняли движений. Прибыв на место, они увидели, что это не растительность, а всего лишь иначе окрашенный и представленный уже чуть более крупными гранулами песок. Он выглядел слегка влажным.

— Возможно, это никелевые соли, — сказал Сиг. — Здесь нет даже растительности. Эта планета определенно мертва. И однако же мы находимся почти на экваторе, в самой теплой ее части.

Ветра не было. Тишина, устанавливавшаяся в интервалах между разговорами, была абсолютной, столь абсолютной, что, несмотря на разреженность воздуха, отчетливо слышалось поскрипывание песка под башмаками Луи и Элен, прогуливавшихся на некотором отдалении.

— Эта планета мертва, — задумчиво повторил Сиг. — Мы прибыли слишком поздно, если, конечно, на ней вообще когда-то была жизнь.

— Возможно, — вполголоса ответил Поль.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вечером, во время моего дежурства, приходи вместе с Бернаром в башню. Там и поговорим.

— Хорошо. Но в чем дело?

— Там увидишь. В любом случае — далеко один от другого не отходим!

Метрах в двадцати от них Рэй снимал на пленку первый контакт землян и Марса...

Так — в коротких экскурсиях, анализах почвы и замерах физических факторов — и прошел день. Сиг и Ингрид определили химические компоненты почвы, которую Бернар изучал в поляризационный микроскоп: кварц, магнетит, кое-какие полевые шпаты, никель и коллоидальный кобальт. Известняка в почве не обнаружилось. Поль замерил ускорение силы тяжести и скорость распространения звука. Луи хотел было приступить к составлению карты, но как картографировать эту песчаную и без какого-либо рельефа почву? Элен читала. Артур возился с двигателем «Жюля Верна», у которого отказал компрессор.

Наступил вечер. После ужина все собрались на совет. Было решено, что, пока идет ремонт авто, утром экспедиция из четырех человек отправится в каком-нибудь направлении и проведет разведку местности, удалившись от звездолета километров этак на пятнадцать–двадцать. Затем все, за исключением Поля, которому предстояло первым нести вахту, пошли спать.

В двадцать три часа Сиг поднялся и осторожно потряс за плечо Бернара.

— Что такое?

— Пойдем. Поль хочет нас видеть.

Они бесшумно прошли к лестнице. Поль, ожидавший их прибытия, открыл и тщательно закрыл за ними люк.

— Не хотел понапрасну беспокоить остальных, — пояснил он. — Сиг, ты сменил меня прошлой ночью. Ничего тогда не заметил?

— Да нет, ничего особенного. А ты?

— А вот я заметил! Когда я заступил на вахту вместо Бернара, он сказал, что будто бы мельком видел гигантского краба. Он не был уверен, что ему это не приснилось. При зажженном прожекторе ничего такого он уже нигде не обнаружил.

— А ты что-то видел? — прервал его Бернар.

— Да я и сам уверен не больше твоего. Возможно, на меня так подействовал твой рассказ, но мне показалось, будто что-то движется вон там, — он указал рукой в юго-западном направлении, — что-то с шевелящимися конечностями. Была ли это галлюцинация? Может быть. Или же мы действительно что-то видели?

— Возможно и такое. Нужно быть осмотрительными. В завтрашнюю экспедицию войдут лишь трое: ты, Бернар, сам я и Луи. Ты, Сиг, останешься здесь. И мы возьмем с собой ружья и гранаты.

Они шли уже около трех часов. Вследствие слабой силы тяготения им казалось, что они попали в одну из сказок своего детства и что на ногах у них — сапоги-скороходы. Благодаря легким скафандрам уменьшение давления не доставляло им ни малейших хлопот, но под черным небом они страдали от монотонности пейзажа — и от его сухости и бесплодности. Ввиду отсутствия хоть каких-то визуальных ориентиров их не покидало гнетущее ощущение неподвижения, топтания на месте. Пока был заметен звездолет, они соразмеряли свой ход со своим же постепенным от него удалением. Затем он исчез, растворившись вдали, и теперь они шли по компасу — магнетизм Марса, более слабый, чем на Земле, все же был вполне достаточным — прямо на запад.

Бернар пристально разглядывал поверхность планеты, выискивая хоть что-то такое, на основании чего можно было бы судить о ее прошлом, но повсюду лежал все тот же железистый песок. Что до его спутников, то они рассматривали, как правило, горизонт, надеясь заметить наконец-то какую-нибудь другую неровность почвы, помимо тех гладких дюн, что высились то тут, то там. В конце концов Поль нечто такое все же обнаружил.

— Взгляни-ка, геолог... Что это вон там, на дне вот того ручейка?

Бернар нехотя обратил свой взгляд в указанную сторону — и аж подпрыгнул. На дне канавки виднелась голая горная порода. Лихорадочно вытащив молоток, он отбил небольшой осколок. Это оказалась некая рыжеватая, блестящая материя.

— Чертовски похоже на кое-какие известняки!

Он быстро произвел проверку на кислотность: послышалось громкое шипение. Бернар повернулся к товарищам и с волнением в голосе произнес:

— Насколько это известно современной науке, известняк образуется лишь в условиях жизни...

Унылый пейзаж для них в один миг словно сменился зелеными полями. Стало быть, на этой проклятой планете все-таки была жизнь! Все трое тотчас же заметно повеселели. Кое-что они все же нашли! И даже если этим все их находки и ограничатся, их труд уже не был напрасным!

Спустя полчаса они задумались о небольшом привале, но так как поднимались по дюне, решили дойти до вершины и там уже остановиться. Через пару минут они уже стояли на краю утеса. Какая-то река давно минувших времен прорезала там столь невероятный каньон, что даже многие тысячелетия не смогли его изгладить. Долина была наполовину засыпана песками, от которых в большей степени пострадал противоположный берег.

Они спустились по узкому ступенчатому уступу и расположились биваком внизу, на выступе. Неподалеку обнаружился все тот же рыжеватый известняк. Бернар направился к груде свежих обломков, и вскоре до ушей его спутников донеслись звуки ударов молотка, приглушенные разрежённостью воздуха. Вдруг они увидели, как Бернар заскакал в танце краснокожих, гротескно деформированном скафандром и слабой силой тяготения. Он размахивал кусочком скалы и издавал нечленораздельное мычание. В два прыжка Поль и Луи очутились рядом.

— Ну, что там у тебя, старина? Говори же! Что ты нашел? Ответом им было радостное завывание:

— Аммонит! Да, аммонит. И знаете, что это доказывает? Что жизнь на Марсе, по крайней мере — до определенного момента, эволюционировала так же, как и на Земле!

То действительно был аммонит — в крайне плохом остаточном состоянии. Они отчаянно застучали по известняку молотками и вскоре получили целую коллекцию различных ископаемых, относящихся к весьма схожим с земными животным — за исключением разве что некоей раковины с двойной спиралью, приведшей Поля в сильное замешательство. В порыве чувств он бросился к утесу и, вооружившись молотком и резцом, выгравировал:

«Здесь, 12 октября 1956 года, экспедиция «Земля — Марс» получила первое доказательство того, что Марс не всегда был мертвой планетой».

Но самую важную находку в тот день сделал все-таки Луи. Обогнув утес, он вернулся обратно бегом и без единого слова потащил товарищей за собой. И там, поднимающиеся прямо из песка и образующие семь сторон правильного семиугольника, высились семь призм белого металла.

глава 2

Исчезновение Рэя

К атящийся к лагерю Семиугольника и мертвой долине «Рони» шатало из стороны в сторону. Через несколько минут пути земляне были уже у загадочных призм. Элен, выдвинувшая гипотезу о кристаллизации, была яростно атакована Бернардом и Сигом, которым не составило труда доказать ей, что эти, также семиугольные, призмы не могут быть природными без того, чтобы не разрушить все до единого законы земной кристаллографии. И раз уж земная химия применяется к звездам, нет никакой причины не применять земную кристаллографию к Марсу. Нет, эти призмы могут быть только искусственными.

— Стало быть, на Марсе существовала — а возможно, и сейчас существует — некая гуманоидная форма жизни, — сказал Бернар стоявшей рядом с ним Ингрид, а про себя подумал: «Теперь я уверен, что все это в ту ночь мне не приснилось».

Поль и Сиг внимательно осматривали призмы. Те были метра три высотой и сантиметров семьдесят шириной.

— Для чего, черт возьми, они могли использоваться? И что это за металл?

Сиг подошел к одной из призм и с помощью инструментов попытался отделить от нее кусочек.

— В любом случае он очень твердый.

Наконец, после очередного могучего удара молотком, часть грани отскочила. Сиг подхватил ее, позвал Ингрид и поднялся в «Рони». Вернувшись, он объявил:

— Сплав платины, в незначительной доле, и иридия. На Земле каждая такая призма стоила бы целое состояние.

— И это притом, что только тут таких — целых семь! — воскликнул Артур. — Но это ничего не говорит нам о возможном способе их использования!

— Быть может, здесь был какой-нибудь храм, — предположил Луи. — Этот драгоценный металл...

Рэй пожал плечами:

— Для них это не обязательно был драгоценный металл.

— Ты прав. Пока что мы об этом ничего не знаем.

— Лучшее, что можно сделать, — сказал Бернар, — это начать копать в основании.

— Сразу видно геолога. Копай, где тебе вздумается, а я сделаю несколько снимков окрестностей. Ты идешь, Луи? Нужно снять карту местности.

— Нет, я останусь. Хочу посмотреть, во что они вросли.

Начались работы по снятию грунта, на которые был брошен легкий экскаватор, извлеченный из грузового отсека «Рони». Под опытным управлением Артура он быстро проделал в сыпучем песке достаточно широкую воронку. В ней, на глубине примерно в два метра, они наткнулись на гладкую металлическую поверхность, в которую погружались — причем плавно, без каких-либо линий разрыва — призмы. Поль и Сиг спустились в яму.

— Странно, — начал последний...

Где-то вдалеке прозвучал приглушенный выстрел, за ним еще один, потом еще два. И наступила тишина...

— Рэй! Рэй!

Этот призыв, усиленный мегафонами, которыми были оснащены шлемы, зловещими отзвуками разнесся по всему пространству. Они разбились на три поисковые группы, после того как в тысяче восьмистах метрах от лагеря, уже выйдя из долины, обнаружили пустые гильзы и ружье Рэя — с искривленным и наполовину обрезанным, словно мощными кусачками, стволом. На песке следы шагов резко обрывались, сменяясь странной дорожкой в виде шедших через равные промежутки колёй.

— Рэй!

В гладком бескрайнем пространстве это прозвучало смехотворным криком. Звук долго парил и упал без ответа.

— Рэй! Рэй!

Поль плакал от ярости и отчаяния.

— Это я виноват. Мне следовало запретить ему отходить так далеко от лагеря.

Раскатистый гул заставил его обернуться. Сиг и Бернар выкатили из грузового отсека «Г. Д. Уэллс» и поднялись в воздух. Самолет набрал высоту, сверкая в черном небе, под тусклым солнцем, развернулся и устремился на восток, в том направлении, куда уходили следы. Сиг сидел за штурвалом, Бернар обозревал окрестности, выискивая хоть малейшее указание на то, куда мог подеваться Рэй. Оба, даже невозмутимый швед, кипели от сдерживаемых гнева и боли — ведь, в глубине души, они так любили своего потерявшегося товарища, этого молчаливого американца, помешанного на фотографии и приключениях! Сейчас они готовы были разорвать в клочья неведомых врагов, вероломно напавших на тех, кто их никак на это не провоцировал.

Они пролетели над довольно-таки большим холмом, украшенным широким портиком природного, судя по всему, происхождения. Дорожка уходила прямо под этот портик, внутрь холма. Спикировав вниз, самолет остановился метрах в тридцати от входа. С полными гранат сумками через плечо они прошли внутрь и, замедлив шаг, неторопливо осмотрелись. Они находились под арочным сводом метров в двадцать высотой, который постепенно растворялся во мраке. Осторожно, с гранатой в руке, они двинулись дальше. Кругом стояла мертвая тишина. На скалистом полу никаких следов видно уже не было. Затем луч фонарика Сига высветил до боли знакомый предмет: кожаный футляр от «Лейки» Рэя. Бернар поднял его. Он оказался пустым и закрытым. Расстегнув футляр, Бернар обнаружил в нем смятый листок бумаги, на котором карандашом были не очень разборчиво начерканы несколько строк.

«Угодил в плен. Металлические крабы. Марсиане, похожие на людей, но маленькие и крайне уродливые. Думаю, убил одного. Не волнуйтесь, случалось бывать и не в таких переделках. Зажат в клешне, немного больно, но терпимо. Не рискуйте собой ради меня (трижды подчеркнуто)».

Бернар и Сиг переглянулись через стекла их шлемов. В голове им пришла одна и та же мысль: «Идем дальше!»

— Нет, — сказал наконец Сиг. — Нас слишком мало. Нужно позвать остальных.

Бернар схватил его за руку.

— Осторожно!

Погасив фонарики, они распластались на неровном полу пещеры. Приближалось металлическое бряцание, сопровождавшееся волочением по земле чего-то тяжелого. Сиг подкрутил линзу своего фонаря таким образом, чтобы можно было послать вдаль тонкий пучок света, и снова его включил. Луч прошелся по земле, удалился и замер метрах в пятидесяти. В их направлении двигался большой, метров трех с половиной-четыре в диаметре, аппарат, идеально имитирующий краба с его тремя парами ног, двумя клешнями, усиками и небольшими стебельчатыми глазками. И все же некоторая жесткость движений выдавала машину. Она приближалась к ним со скоростью идущей рысью лошади.

Практически одновременно они швырнули гранаты и упали на каменистый пол. В свете фонарей и взрывов они увидели, как во все стороны разлетелись куски металла, подбитый краб пошатнулся и повалился на раздробленные ноги. Пещеру осыпало осколками металла и скальной породы. Услышав над собой скрежетание, они подняли глаза: часть свода грозила вот-вот обвалиться.

— Убираемся отсюда! Скорее!

Они со всех ног припустили к выходу. Позади них с адским грохотом рушилась пещера. Еще десять метров, еще пять... Бернар ощутил сильный удар в голову и провалился во мрак.

Первым, что он увидел, придя в себя, было встревоженное лицо товарища. Он лежал на полу самолета. Рядом с ним валялся футляр от «Лейки» Рэя. Он вспомнил их находку, битву, обрушение пещеры.

— Что со мной произошло?

— А, уже оклемался!.. Тебе в голову прилетел камень. На Земле, учитывая его размеры, он бы тебя убил. Здесь же тебе на руку сыграли слабая гравитация и защитный шлем.

— Где мы?

— В воздухе. Возвращаемся в лагерь.

— А пещера?

— Забудь о пещере, ее больше нету... Ну, вот и долина. Прибыли. Но... Взгляни-ка на это, Бернар!

Бернар с трудом поднялся на ноги. Он ощущал острую боль в затылке, да и в мозгу была полная сумятица. Плюхнувшись на второе сиденье, он посмотрел вниз через боковое стекло. «Рони» со всех сторон обступили крабы. Их было несметное количество, с сотню, не меньше. Башня звездолета беспрестанно вертелась, и ее пушка выдавала один выстрел за другим. Снаряды взрывались в песке, осыпая врагов осколками, или же на панцирях крабов, пробивая их насквозь. Несколько десятков крабов уже удалось обездвигнуть, но им на смену приходили другие, выбиравшиеся из огромного люка в земле в четырех или пяти километрах от лагеря. С дюжину машин яростно молотили клешнями по корпусу звездолета. Другие преследовали «Жюля Верна», который вычерчивал отчаянные зигзаги, извергая огонь своих учетверенных пулеметов.

Ошеломленные числом врагов, они с пару-тройку секунд пребывали в ступоре, но Сиг быстро взял себя в руки.

— К счастью, мы уже заправились бомбами. Целься лучше, Бернар! Первый удар нанесем по люку.

Лицо его было напряженным и жестким. На никелированной поверхности панели Бернар увидел отражение своего собственного — сморщившегося от боли и желания показать себя с лучшей стороны. Прочертив в воздухе кривую, «Уэллс» спикировал прямо на цель. Бернар склонился над визиром, и когда люк, из которого выползали вражеские машины, оказался в поле зрения прицела, переключил тумблер режима бомбометания в положение «залп». Обернувшись, он увидел, как блестящие точки снарядов какие-то доли секунды еще следовали за самолетом, потом опустились и исчезли. Затем по краям люка словно разверзлись вулканы. Спустя несколько мгновений до них донесся звук взрыва. Самолет развернулся, чтобы оценить результаты. Земля была покрыта фрагментами машин, а выводившая их на поверхность система, должно быть, вышла из строя, так как крабы из люка выползать перестали.

— Повезло, что Поль настоял на том, чтобы мы захватили с собой и всегда держали наготове это прекрасное снаряжение. А я еще смеялся! — пробормотал Бернар.

— А теперь поможем друзьям.

Они сделали круг над полем битвы. «Рони» яростно защищался, тогда как осаждавшим мешали обломки их товарищей, которые они вынуждены были отбрасывать в стороны, чтобы приблизиться к звездолету.

— Похоже, орудий у них нету, — облегченно вздохнул Сиг.

Что до «Жюля Верна», то ему приходилось несладко: он был уже почти окружен и, судя по всему, израсходовал весь свой боезапас. «Уэллс» устремился к нему, и через пару секунд затрещали размещенные в его крыльях автоматические пушки калибра 20 мм. Два краба рухнули на землю, остальные отхлынули назад, и внезапно началась паника. Собравшись в несколько кучек, крабы стремительно понеслись назад, к тому месту, откуда выползли. Сиг и Бернар сбросили на них остатки своих бомб, раздробив колонны. Затем, когда Сиг спикировал на отставших, поливая их огнем, Бернар снова провалился в беспамятство.

глава 3

Черные марсиане

До его ушей долетали обрывки разговора. Он лежал на своей кровати, в дортуаре, скованный приятным полуоцепенением. Он знал, что голова его перевязана. Его товарищи находились в башне.

— Да, — говорил голос Поля, — мы преподали им тяжелый урок. Уничтожены 122 машины. Теперь им известны наши средства защиты. И так как в каждой машине было по двое марсиан, их потери насчитывают 244 особи. Пленных нету. Те, кто не погибли в результате бомбардировки, умерли от резкого понижения давления. Судя по всему, они живут в пещерах с близким к нашему атмосферным давлением и переносят декомпрессию еще хуже, чем мы.

— Спасением мы обязаны «Жюлю Верну», — сказал Луи, — и управлявшим им дамам. Не прояви Элен и Ингрид хладнокровия, даже не знаю, смогли ли бы мы вернуться на «Рони».

— О! — воскликнула Элен. — Если кого вам и стóит благодарить, то это Ингрид. Мне было страшно, и, полагаю, машина выписывала такие зигзаги именно вследствие этого моего страха, нежели благодаря ловкости, тогда как она не боялась ни секунды. Честное слово, думаю, она была даже рада оказаться у пулемета! Она пела!

— А! Вот и доктор! Как он там? — поинтересовался Сиг.

— Бернар? Будет на ногах уже дня через три. С ним сейчас Ингрид.

Только тогда Бернар осознал, что то, что раньше касалось его лба, было рукой молодой шведки.

Он снова проснулся. Боль в голове была уже не ноющей, но слегка постреливающей, однако он ощущал слабость — и ни малейшего желания шевелиться. Он был один в большом дортуаре. В звездолете царила полнейшая тишина. Вероятно, остальные находились снаружи, осматривая обломки марсианских машин. Он медленно повернул голову, чтобы рассмотреть время на будильнике Поля. Половина третьего. Рядом, на круглом столике на одной ножке, стоял полный стакан с прислоненной к нему запиской: «Выпей». Он повинулся. Настой оказался вполне терпимым на вкус, скорее даже освежающим. Он снова уронил голову на подушку, усталый и безмятежный, и почти тут же уснул.

Из дремоты его вырвали звуки шагов. Круг иллюминатора был темным, на центральном столике горела небольшая дежурная лампа. Шаги приближались. Отъехала в сторону дверь, и вошли Ингрид с Элен.

— Как себя чувствуешь?

— Уже неплохо. Присутствует какая-то разбитость, но она пройдет, как только я смогу встать на ноги.

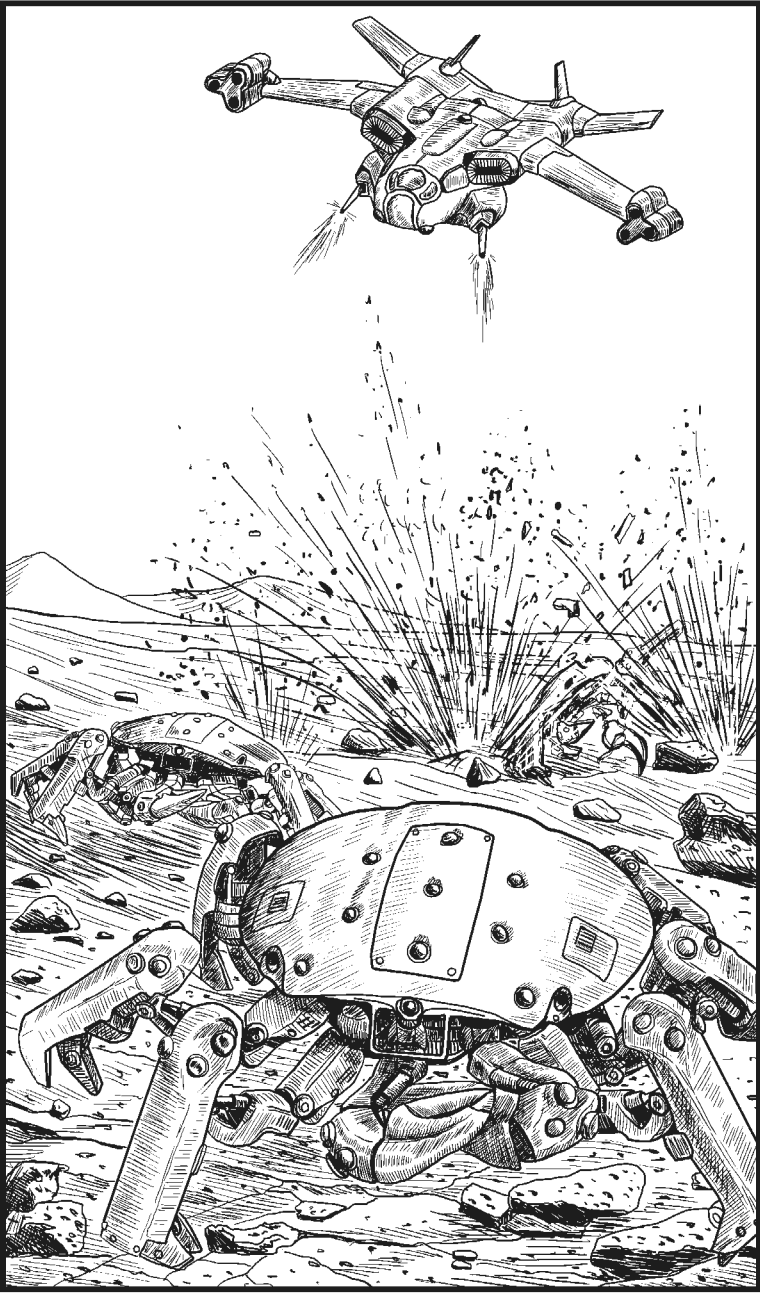
— Возможно, завтра утром.

Доктор дотронулась до его запястья.

— Жар уже практически прошел. Все будет в порядке.

— Значит, это вы спасли экспедицию? Как это произошло?

— О, это было очень просто и быстро. Поль, Луи и Артур находились в экскаваторе, который они собирались вернуть, прежде чем в свою очередь отправиться на поиски Рэя. Мы с Ингрид перетаскивали в «Жюль Верн» провизию. Внезапно появились крабы и стремительно отрезали остальным пути

к отступлению. Ингрид подтолкнула меня к штурвалу, а сама бросилась к пулеметам. А тут еще двигатель никак не хотел запускаться!.. Следующее, что помню: сижу, вцепившись в штурвал, вычерчивая зигзаги, в то время как где-то рядом стрекочут пулеметы. Крабы начали отходить, и нашим парням удалось пробиться к «Рони» через образовавшуюся в их цепи «дыру». Загрохотала пушка. Мне было очень страшно. Ингрид же пела и орала проклятия. Затем закончились боеприпасы, и мы рванули назад. Тут появились вы... Но это нашествие крабов! Какой кошмар! Забавно, что их машины до такой степени похожи на наших, земных крабов! Сначала мне даже показалось, что они живые! И все это время перед глазами у меня стоял тот, которого я когда-то препарировала на подготовительных медицинских курсах, и который дрыгал в ванночке ножками, пока я накалывала его на булавку! Я уже даже начала представлять, как вскоре уже они начнут меня препарировать... Вовремя вы вернулись!

— А марсиане? Как они выглядят? Рэй писал, что они похожи на людей — только гораздо более уродливые.

— Завтра все сам увидишь. Трое сейчас в нашей холодильной камере, ожидают встречи со скальпелем. Остальных мы предали земле. Это ужасные карлики, черные-пречерные. Но довольно уже разговоров. Сейчас половина восьмого. Друзей увидишь, когда они придут спать. Оставляю тебе Ингрид.

— Ну, и о чем же думала во время боя ты?

— Я-то? Я была слишком возбуждена — к счастью, возможно. И мне тоже, что бы там ни говорила Элен, было безумно страшно. Просто хотела показать всем, что я здесь — на своем месте. Но хватит болтать. Отдыхай.

Она села рядом, зажгла прикроватную лампу и принялась читать одну из шведских книг Сига. Бернар смотрел на нее в свете лампы. Ее профиль вырисовывался на темном фоне, медно-красные волосы каскадами падали на плечи. Она была очень красива с этой легкой складкой на лбу и выглядела спокойной, нежной и гордой.

Была ли она сейчас той же самой, которая смеялась и пела в бою? Он всегда считал, что женщина равна мужчине, но все же не является его гомологом. И вот они с Элен сделали то же самое, что на их месте сделал бы и сам он. Сражались наравне

с их товарищами-мужчинами. Больше того! Сам он в бою никогда не смеялся — лишь делал нужные жесты, раздражаясь от того, что вынужден убивать и рисковать собственной жизнью. Вот и сейчас он был немного раздражен тем, что она оказалась не совсем такой, какой он себе ее представлял. Умыкнуть парусник с братом или даже тайком пробраться в звездолет — это все же не то же самое, что сражаться, смеяться и распевая песни, с существами, о которых ничего не знаешь. В глубине души он испытывал к ней сложное чувство, состоящее из любви, восхищения, желания и легкого неодобрения. Я глупец, думал он. Как я могу осуждать ее за то, что она помогла нам! Но он спрашивал себя: а что, если ей недостает человечности? Он вспомнил, что говорил о ней Сиг: «Она очень простая. Хочет посмеяться — смеется. Хочет поплакать — плачет. Верная и готовая на все ради друзей. Безжалостная и мстительная к врагам. Всегда идущая до конца — как в мыслях, так и в поступках. Ей не хватает лишь одного — узнать, что такое страх и сострадание. Это настоящий горный хрусталь, чистый и твердый. Она станет ценным помощником и надежной спутницей тому, кого полюбит. Но полюбит она только того мужчину, который покажется ей более сильным, чем она сама». Так или иначе, но Бернар не ощущал себя таковым.

— Сиг сказал, что ты необычайно мужественный, — проговорила она вдруг, словно отвечая на его мысли. — Продержаться до конца с такой раной в голове! Я бы так не смогла.

Эти слова были для него, словно первый солнечный день после суровой и ненастной зимы.

— Просто так было нужно, — пробормотал он в ответ.

Бернар смотрел на лежавший перед ним, на препараторском столе, труп. Элен подготавливала скальпели и другие необходимые инструменты.

— Это точно мужчина, — констатировал он. — Посмотрим. Сначала произведем антропологические замеры: рост 1 м 47 см. Брахицефалический череп, черная кожа, черные же волосы, плоский нос...

Он заполнил таким образом целую страницу своей записной книжки.

— Альвеолярный прогнатизм. Это действительно муж-чина, хотя и крайне уродливый. Препарировать будешь ты. У тебя в этом плане гораздо больше опыта, да и анатомию человека ты знаешь лучше, чем я. Если имеются какие-то различия, ты без труда их определишь. Я же займусь гисто-логическим анализом.

— Договорились, — сказала она и приступила к работе.

Щелк! Легкий шум заставил их обернуться. На пороге, с наведенной на них «Лейкой», стоял Луи.

— Рэй бы мне не простил, упусти я этот снимок!

— Есть какие-нибудь новости?

— Увы, пока никаких. Сиг и Поль направились на «Уэлл-се» к пещере. Уже оттуда, по радиосвязи, сигнализировали: ничего нового. Ты здесь сейчас нужен, Бернар?

— Да нет. Элен и без меня вполне справится.

— Тогда пойдем посмотрим на марсианские машины, к уничтожению которых тебе не удалось приложить руку.

Они облачились в скафандры и вышли. Вокруг «Рони» валялись груды кривобоких и разорванных на части метал-лических крабов.

— Сюда. Здесь есть один практически целый. Артур сей-час его изучает.

Продравшись сквозь обломки, они подошли к машине, ко-торая все еще стояла на своих ногах, и Бернар смог убедиться, в сколь полной мере она имитирует краба: в ней присутство-вало буквально все, даже брюшко, находящееся в самом низу панциря. В данный момент оно свисало, и Бернар увидел, что в обычном состоянии оно закрывало собой входную дверцу. По небольшой лестнице, где его ступни едва умещались на перекладинах, он поднялся наверх и оказался в узком прохо-де между сложным машинным оборудованием, частично за-маскированным картерами. Бернар вынужден был держаться в полусогнутом положении. Стоявший спиной к ним Артур при свете портативного фонарика — в панцире не имелось ни единого иллюминатора — осматривал расположенные под пультом управления соединительные коробки.

— Что-нибудь в этом понимаешь?

— И да и нет. Что касается управления, то здесь все очень просто. По крайней мере — в принципе. Но вот в двигателях

я пока ни хрена не разобрался. Так или иначе, они электрические. Восемь ног, из которых четыре вообще ни для чего не используются; они здесь лишь для сходства и даже не касаются земли.

Пульт управления имел несколько выкрашенных в черный цвет, как и весь интерьер машины, рычагов. Ее экстерьер был коричневатым. Вверху полукругом располагались пять белых экранов.

— Это их средства видения, — пояснил Артур. — Поль уже изучил их и говорит, что они функционируют примерно так же, как и наши телевизоры. Центральный экран соединен с двумя передними глазами, остальные — с теми тремя, что расположены по бокам и сзади. Таким образом перед ними всегда — весь горизонт. У пульта управления стояли два узеньких кресла.

— Внутри мы обнаружили двух мертвых марсиан — они умерли от резкого понижения давления, — сказал Луи. — Один уже наполовину натянул на себя скафандр, не слишком отличный от наших. В корпусе аппарата всего одна небольшая пробоина, сделанная осколком разорвавшегося снаряда, но и ее оказалось достаточно. Эти машины не бронированные и потому не защищены от нашей пушки.

— К сожалению, этим осколком разорвало провода, находящиеся под панелью управления, — заметил Артур. — Именно поэтому аппарат и застопорился. Ну, провода-то я уже восстановил. Видите эту машину — вот здесь, сзади. Похожа на генератор. От нее вдоль всего корпуса к вот этому вот рычагу тянется проводок. Сейчас должен быть контакт.

Он до предела опустил рычаг. Брюшко с сухим шелчком встало на место, закрыв дверцу. Замерцали экраны, на которых спустя пару секунд возник очень четкий пейзаж. Раздался скрежет, пол покачнулся, и аппарат двинулся в путь.

— Стоп! — сказал Луи, вновь поднимая рычаг. Экраны погасли.

— Да ничего страшного, — проворчал Артур. — Этот зверюга погиб на ходу — на ходу и воскреснет.

Они вышли через вновь открывшуюся дверцу. Снаружи солнце опускалось в красноватый туман, образованный под-

нявшимся в воздух песком — привычное дело для Марса! Над полем боя витала мрачная меланхолия. За иллюминаторами лаборатории и башни горел свет.

— Кто там, наверху? — спросил Бернар.

— Ингрид. Сейчас ее смена.

— Вскоре должны вернуться и Поль с Сигом, уже начинает темнеть.

Они проследовали напрямик в радиорубку. На записывающей ленте не было никаких сообщений.

— А вот и они, — раздался звонкий голос Ингрид.

Мужчины бросились к иллюминаторам. В сумерках, таща за собой пылающую комету, приземлялся «Уэллс». Из него вышли два знакомых силуэта — всего два...

— Они его не нашли.

За ужином разведчики представили свой доклад. Им удалось преодолеть обвал, но уже через несколько десятков метров они были остановлены другим — более массивным.

— А ты, Элен, что скажешь?

— Не считая нескольких незначительных отличий, касающихся главным образом пути артерий, препарированное мною существо имеет все черты человека. Правда, у него более развитые, чем у нас, легкие и менее сильные мышцы. Мозг, на первый взгляд, самый обычный. Самая забавная аномалия представлена сросшимися между собой зубами. Но я пока произвела лишь беглый осмотр.

— Ты уже успел покопаться в их машинах, Поль. Какие мысли?

— Они крайне странные. Их генератор электричества основывается на тех же принципах, что и наши. Он запускается от включения небольшого двигателя внутреннего сгорания, который функционирует благодаря некоей неизвестной мне жидкости — я был бы рад, Сиг, если бы ты провел ее анализ, так как это точно не бензин. Генератор работает практически бесшумно, но если принципы аналогичны нашим, то техника сильно отличается. Ноги краба приводятся в движение сжимающимися искусственными мышцами, которые, в свою очередь, «подзаряжаются» от электричества. Весьма хитроумные у них и аппараты контроля. Все это свидетельствует о высоком уровне знаний, который плохо сочетается с отсут-

ствием у них пушек, взрывчатых веществ или хотя бы более эффективного средства атаки, чем их клешни. Во всем этом есть какая-то тайна...

глава 4

Одиссея Рэя

Так, в монотонных работах и поисках, пробежали два месяца. Они исследовали несколько сотен квадратных километров, но повсюду была все та же пустыня, — разве что иногда, то тут, то там, на глаза им попадались другие иридиевые призмы, всегда расположенные по семь и всегда загадочные. Во время работ по выработке пустой породы в лагере Семиугольника они откопали толстую пластину — также иридиевую, — служившую основанием для семи призм, правда, какой-либо более или менее удовлетворительной гипотезы относительно их возможного использования никто так и не сумел выдвинуть. Надежд на обнаружение пропавшего спутника с каждым днем становилось все меньше и меньше.

За эти восемь недель Артур, при помощи Поля, полностью восстановил марсианскую машину и даже научился искусно ею управлять. Максимальная ее скорость равнялась 65 км/ч, но пользовались машиной нечасто, так как «подпитка» марсианского карбюратора, обнаруженная в других краях, уже подходила к концу — этот углеводород сгорал очень быстро.

Как-то вечером, ближе к концу второго месяца, они сидели за столом. Снаружи более неистово, чем обычно, поднимая смерчи песка, задувал ветер. В кают-компании царила мрачная атмосфера; без особой на то причины все чувствовали себя нервными, раздражительными. Особенно не по себе было Элен. Внезапно она резко распрямилась и воскликнула:

— Вы слышали?

Они затаили дыхание, но услышали лишь ветер да скрежетание бьющегося о корпус звездолета песка.

— Я уверена, — произнесла она сдавленным голосом, — я уверена, что кто-то пытался открыть герметическую дверь.

— Тебе показалось, — сказал Поль. — Ни один краб к «Рони» не приближался. Радары его бы засекали, и мы бы слышали сигнал тревоги!

Тем не менее он встал из-за стола, сделал пару шагов в направлении двери, затем вернулся на место. Из соседнего отсека донеслись звуки очень четких шагов. Все резко вскочили на ноги. Поль вытащил свой револьвер, Сиг и Бернар схватили стулья за спинку, Луи взял со стола нож, Артур извлек из кармана рабочей спецовки тяжелый английский ключ. Ингрид уже готова была подхватить стоявшую на плитке кастрюлю, в которой закипала вода для кофе. Лишь Элен даже не пошевелилась.

Шаги приближались. Дверь открылась, и появился Рэй — исхудалый, бледный, оборванный, но гладко выбритый.

Они собрались за столом в гостиной. С наслаждением растянувшись в кресле, Рэй рассказывал о своем приключении. Удалившись от призм, он не имел иного намерения, кроме как провести рекогносцировку за скалистым отрогом, за которым и скрывалась долина. Когда он обогнул этот контрфорс, то увидел, что через овраг можно добраться до плато, расположенного на противоположной стороне каньона. Преодолев нагромождение осыпавшихся кусков скальной породы, он поднялся по каменистому склону и напоролся на остановившегося краба, облаченные в скафандры пассажиры которого, улегшись на краю утеса, внимательно наблюдали за землянами. Они увидели его в ту же секунду, что и он их, и ринулись к крабу, швырнув в него нечто похожее на морского ежа. Он подумал, что это граната, и выстрелил. Один из марсиан упал, другой успел заскочить в аппарат и запустить мотор. Рэй склонился над жертвой, уже сожалел о своем враждебном жесте. Существо упало лицом вниз. Он перевернул тело и увидел за стеклом шлема человеческое, хотя и крайне уродливое, лицо. Внезапно он услышал легкое позвякивание, и второй краб, возникший словно ниоткуда, вырвал у него из рук карабин, разрезал оружие надвое, а затем перехватил поперек тела, не сжимая, уже его самого.

— Забавное, скажу я вам, то было ощущение. Меня держали в воздухе и уносили куда-то на полной скорости; руки

были свободными, но револьвер находился за поясом, зажатый клешней, так что воспользоваться им я в любом случае не мог. Тогда мне пришла в голову мысль оставить для вас послание. Не без труда, так как меня ужасно трясло, и уже начинала неметь поясница, мне удалось добраться до записной книжки и черкнуть вам несколько слов. Затем я вытащил «Лейку» из футляра, сунул фотоаппарат в нагрудный карман скафандра, положил на его место записку и якобы нечаянно выронил футляр в тот момент, когда меня уже затаскивали в какой-то грот. Меня минут десять тянули куда-то в темноте на скорости примерно 20 км/ч, не больше. Потом я увидел в глубине подземелья небольшой огонек, который постепенно трансформировался в яркий свет. Мы остановились перед металлической дверью. Свет исходил от трубок вроде тех, которые на Земле используются в рекламных конструкциях. После 30 или 40 секунд ожидания дверь открылась на манер фотографического затвора. Едва мы прошли, как она снова, с сухим щелчком, закрылась. Мы находились в своего рода тамбуре, перед такой же дверью, которая тотчас же открылась, и мы проследовали — я был по-прежнему зажат в клешне краба — в просторную, ярко освещенную пещеру. Там, насколько хватало глаз, шеренгами располагались крабы со сложенными ногами. Вокруг расхаживали марсиане без скафандров. Проходивший прямо по центру конвейер убежал в глубину грота, теряясь в расплывчатом сиянии. Державшая меня клешня разжалась, и я упал на пол. Пошатываясь, сделал пару шагов; голова раскалывалась от боли, во всем теле чувствовалось онемение, ужасно хотелось есть и пить. Меня тут же окружила толпа марсиан. My God! До чего же они уродливы! По идее, я должен был бы уже привыкнуть к этому, но в тот момент меня едва не стошнило. Двое из них подхватили меня под руки. Я был на голову их выше и заметно шире в плечах. Вооружены они, судя по всему, не были. Если сами они безобразны и неважно сложены, то их одежды довольно изящны. Вы их пока что, вероятно, не видели, так как скафандры они надевают на голое тело. В обычной обстановке они ходят в своеобразной тоге, черной или коричневой.

Мои стражники подтащили меня к конвейеру, усадили на него и сели рядом сами. Все их движения были преис-

полнены поразительной уверенности. Похоже, до самого моего побега им в голову не приходила мысль, что я могу быть опасен. Проскользив метров 200 или 300 в глубь зала, между двумя шеренгами неподвижных крабов, конвейер увез нас в туннель, освещенный уже гораздо слабее. Слева от нас, в противоположном направлении, бежал другой конвейер, перевоза множество каких-то металлических изделий, двигателей и марсиан в тогах. Становилось все жарче и жарче, так что я снял шлем, решив так: если окружающая атмосфера непригодна для моего дыхания, уж лучше сразу в этом убедиться и действовать сообразно обстоятельствам, если же там такой же воздух, как и наш, пусть уж в моем резервуаре останется какой-то его запас для будущего побега. Что касается давления, то манометр скафандра показывал полторы атмосферы, — это было выше, чем на Земле, но не настолько, чтобы я чувствовал недомогание. Словом, я осторожно снял шлем и с радостью понял, что дышу без особых проблем.

Через несколько сотен метров после того, как мы покинули большой зал, конвейер начал опускаться по довольно-таки выраженному склону. По мере спуска, который вскоре стал практически вертикальным, конвейер разъединялся на горизонтальные полосы. Так мы достигли глубины примерно в 180 или же 200 метров. Там меня заставили пересест в лифт, который опустил нас еще примерно на сотню метров и, пройдя под сводом, привез в огромный подземный мир.

Представьте себе пещеру в несколько квадратных километров, ярко освещенную, обсаженную деревьями, пересекаемую реками и усеянную жилищами в форме цилиндров, покрытых продолговатыми конусами. Высота свода составляла как минимум 500 метров. Наш лифт спускался в стеклянном — или из какой-то прозрачной материи — тубусе, так что я чувствовал себя весьма неуютно, тем более что состоял он из обычной платформы без поручней, и между его краем и тубусом оставался метровый зазор — я спокойно мог бросать взгляды вниз. Если смотреть на него по диагонали, тубус уже не кажется прозрачным, но выглядит блестящим, словно ртуть.

К земле мы приближались с весьма умеренной скоростью, поэтому я смог как следует рассмотреть долину — все это

действительно походило скорее на зажатую между крутыми берегами долину, нежели на грот. Свод исчезал в сильнейшей иррадиации, а стенки — в далеких далях. По мере спуска вырисовывались детали. Я заметил дороги, по которым циркулировали длинноногие аппараты, аналогичные крабам, но закрытые, всего лишь с четырьмя ногами и множеством гибких щупалец. Другие машины скользили по рекам. То тут, то там виднелась пышная растительность, судя по всему, интенсивно культивируемая. Одни деревья были зелеными, другие — красноватыми.

Наконец мы коснулись земли. Меня отвели к какому-то строению, которое, как и другие, было цилиндрическо-конической формы, но отличалось от них своими более крупными размерами. Перед нами открылась автоматическая дверь, за которой обнаружился просторный цилиндрический зал, устроенный как какой-нибудь земной конференц-зал или зал суда — за тем лишь исключением, что позади того места, которое предназначается для докладчика или судьи, располагался большой белый экран. На помосте сидели на стульях двенадцать марсиан в белых тогах, а для плотной толпы, состоявшей исключительно из лиц мужского пола, были уставлены скамейки. Женщин мне предстояло увидеть гораздо позднее. Эта толпа хранила глубокое молчание и, как и те двенадцать персон, что восседали на помосте, пристально смотрела на мерцающий экран. Располагавшийся в углу марсианин управлял действиями некоей сложной машины.

«Хотят показать мне какое-то свое кино», — подумал я.

И сильно заблуждался. Мерцание экрана прекратилось, и мало-помалу возникли картинки, сначала расплывчатые, потом четкие. Я увидел окруженный крабами «Рони», выдающий один оружейный залп за другим, и «Жюля Верна», который несся куда-то, но не стрелял.

— У нас к тому моменту уже закончились боеприпасы, — прервала его Элен.

— Так я и подумал, и это меня обеспокоило. Внезапно появился самолет и приступил к бомбардировке. Картинки начали смешиваться, к глубочайшему разочарованию присутствующих, которые чуть засуетились, хотя и продолжали хранить молчание. Один из моих стражников выдвинулся вперед

и почтительно, как мне показалось, обратился к Двенадцати. Он выражался на гуттуральном языке, в котором часто повторялось слово «экли»; голос его звучал слабо. Речь его длилась не менее получаса. Двенадцать довольно-таки долго советовались; толпа, с отсутствием любопытства, которое мне показалось странным — представляю, какую сенсацию произвел бы марсианин в Нью-Йорке или Париже! — вышла. Возможно, все дело в дисциплине, подумал я. Последующие события доказали, что данное предположение было верным. Наконец тот, кто выглядел самым пожилым, что-то ответил моему стражнику, который поднес ко рту микрофон или нечто подобное и сказал несколько слов. Из какой-то двери тотчас же выскочили десятка два марсиан, в то время как Двенадцать вышли через другую. Появившиеся буквально-таки набросились на меня — в прямом смысле этого слова. Я попытался вытащить револьвер, не смог, сбил пятерых или шестерых с ног ударами кулака. На меня навалились, обхватили, сжали, что-то ударило меня по голове, и я потерял сознание.

В себя я пришел уже в каком-то круглом зале с низким потолком, но без видимых проемов. Стены были украшены барельефами, на которых резвились стилизованные крабы. В этом зале я провел почти два месяца, так что времени познать и пофотографировать их у меня было предостаточно. Там постоянно горел яркий свет, из-за чего сначала я никак не мог уснуть, но потом все же свыкся. В первые два дня я был там совершенно один, затем меня под надежной охраной раз в сутки стали выводить на прогулку. Пока я спал, мне приносили обильную и свежую, но не слишком питательную — по крайней мере для меня — пищу, состоявшую главным образом из различных желатинов и фруктов. Я чувствовал себя встревоженным и довольно-таки подавленным. Из того, что происходило в зале совета, я знал, что вы вышли из того сражения победителями, но они вполне могли атаковать вас снова, правда, теперь, осознавая грозящую вам опасность, вы были бы уже настороже. К тому же, насколько я смог заметить, их оружие сильно уступало нашему. Тогда я еще не знал, что они, напротив, вооружены достаточно мощно и не пользуются этим своим оружием лишь в силу

некоего ритуального запрета, связанного с их религией. Но этому периоду вскоре придет конец.

На восьмой день, когда мне уже начало казаться, что время тянется бесконечно долго, дверь открылась, и вошел какой-то марсианин, преклонных лет старец. Смерив меня пристальным взглядом, он уселся на землю напротив меня и на своем языке задал мне некий вопрос. Естественно, я ничего не понял. Тогда он заговорил на другом, совершенно уже ином наречии. Я снова никак не отреагировал, что его, похоже, весьма удивило. Он принялся довольно-таки сложным образом жестикулировать, что, разумеется, принесло не больше успеха. Я понял лишь то, что на Марсе, судя по всему, существует три расы. Откуда-то из-под тоги он извлек суму, из которой вытащил лист бумаги и карандаш и нарисовал в центре листа сверкающий диск, затем концентрический круг с жирной точкой где-то сбоку, потом — еще один, и еще. Всего таких кругов он нарисовал ровно десять. Внезапно я понял, что все это — их представление солнечной системы. Десятый круг должен был относиться к какой-то неизвестной нам трансплутоновой планете. Он постучал пальцем по кругу, представляющему орбиту Марса, а другой рукой указал на себя самого. Эта рука обладала одной отличительной особенностью: на ней было шесть пальцев, тогда как руки всех других виденных мною марсиан располагали лишь пятью, как и наши. Тут уже я приложил палец к орбите Земли и указал на себя. Удовлетворенно кивнув, он с поразительной ловкостью и быстротой нарисовал марсианина, произнес соответствующее слово: кникс, а затем вопрошающе посмотрел на меня. Уж и не знаю почему, но вместо того, чтобы сказать «землянин», я ответил «теллуриец», а поправляться — из опасения все лишь запутать — не стал. Урок продолжался часа два, после чего он ушел.

Вернулся он на следующий день и приходил в каждый из дней моего плена. Я получил от него бумагу и карандаш — свою записную книжку я потерял — и составил своего рода французско-марсианский словарь, после чего обучил его французскому, на котором все мы говорим вместо английского, коего не знают Луи с Артуром. У меня способность к языкам, так вот: хотя марсианский крайне прост, а французский

очень сложен, этот скотина Ниуп — так его зовут — научился выражаться на сносом французском скорее, чем у меня начали складываться самые элементарные марсианские фразы.

глава 5

Предыстория и история Марса

Вобщем, ближе к концу моего плена мне удалось кое-что для себя прояснить относительно марсианского мира. Я вовсе не претендую на то, что представленная мною картина будет детальной — как-никак между Ниупом и мною оставалось немало недопонимания. Я был бы и рад задержаться там подольше и узнать побольше, но так уж вышло, что представился случай бежать. Итак, выяснил я следующее.

В данное время Марс — на его поверхности — является непоправимо бесплодным миром, и вся жизнь проходит в глубинах планеты. Марсиане живут в огромных пещерах, как естественных, так и искусственных. Эти глубины делят между собой три расы: черные марсиане, желтые марсиане, их смертельные враги, к которым я еще вернусь, и марсиане красные. О последних я узнал крайне мало. Если я правильно понял Ниупа, они совсем другие и происходят от насекомых, аналогичных нашим муравьям, но человеческого роста. По словам Ниупа, о них ничего не было слышно вот уже 30 000 земных лет.

Летописи Кникса насчитывают триста тысяч столетий. В те времена на Марсе существовала всего лишь одна гуманоидная раса. Очень многочисленная и сильная, она жила на плодородной почве и даже отправляла на Землю экспедицию, которая, правда, так и не вернулась. Но это важное событие, судя по всему, произошло примерно за 1000 лет до начала хроник и всего лишь за 5 лет до развязывания войны, которой предстояло разрушить Марс. Как бы то ни было, но 30 миллионов лет тому назад марсиане-гуманоиды вступили в войну с марсианами-насекомыми, начинавшими все чаще и чаще посягать на их территории. Эта война продлилась 1000 лет. Анналы начинаются в конце этого конфликта и на

первых порах содержат крайне расплывчатую информацию: в них повествуется о победах и поражениях, но не очень понятно, кем именно эти победы одерживались. Проще говоря, резюме войны в них присутствует, но крайне противоречивое. Впрочем, как минимум один определенный вывод из них сделать можно: после 200 или 300 лет войны в недрах марсианского человечества произошел довольно-таки забавный феномен: вид мутировал. Внезапно то тут, то там начали рождаться дети, очень сильно отличавшиеся от своих родителей. Станных рождений становилось все больше и больше, тогда как численность прежней расы неуклонно сокращалась. Спустя 250 лет после рождения первого желтого марсианина все раннее, примитивное человечество исчезло. Если верить Ниупу, оно должно было в значительной степени походить на нас. На первых порах желтые и черные продолжали свою борьбу против красных, но вскоре желтые предали союзников и перешли на сторону «насекомых». Сначала черные терпели одно поражение за другим; их города горели, происходил передел территории. Именно тогда один из их ученых изобрел ужасное средство разрушения — ужасное настолько, что хроники говорят о нем в выражениях крайне расплывчатых и пронизанных благоговейным страхом. Вся поверхность Марса оказалась охваченной огнем! Желтые и красные были побеждены, но черные неосмотрительно позволили разгуляться силам, которые быстро вышли из-под их контроля. Выжили лишь те, кто находился в глубоких пещерах. Сражение прекратилось за неимением сражающихся. Осталось примерно 50 000 черных под Синусом Меридиана, приблизительно столько же желтых в районе Солис Лакуса да около тысячи красных где-то на южном полюсе. Опустошенный Марс стал навеки бесплодным, а цивилизации, проживавшей на его поверхности, пришел конец.

Тогда-то и началась адаптация к подземной жизни, продолжившаяся несколько тысяч веков. Раса претерпела модификации. Она уменьшилась в росте, похорошела — как они сами говорят! — но мало-помалу утратила всяческую изобретательскую способность. Многие миллионы лет они не могли придумать ничего нового — с научной точки зрения; в то время этот факт, похоже, глубоко беспокоил их мудрецов.

Анналы отражают их тревогу и отчаяние. В конце концов они с этим смирились. Продолжение хроник в деталях описывает их историю до примерно 5 миллионов лет от сего дня. Затем в них следует пробел лет в десять, и первый же приведенный факт повествует о подземной битве с желтыми в сильно изменившемся тоне и с намеками на культ краба.

Разумеется, я передаю вам лишь то, что услышал от Ниупа. Я не смог прочесть летопись сам, так как это слишком почитаемая книга, чтобы мне позволили к ней прикоснуться, и к тому же я очень плохо разбираюсь в их буквах. Добавлю только, что хроники состоят более чем из 60 000 томов по 3500 страниц каждый!

Теперь я должен рассказать вам то, что узнал про культ краба. До пробела в летописи черные марсиане были атеистами либо соблюдали довольно-таки возвышенную религию, схожую с исламом, если я правильно понял. Ниуп и сейчас соблюдает ее обряды. Но все прочие черные марсиане — за исключением человек 170, полагаю — поклоняются богу-крабу. Происхождение этого культа крайне любопытно. Пять миллионов лет тому назад, прямо перед пробелом в летописи жил странный индивид, у которого изобретательская способность пробудилась до невероятного уровня. То был Мпа, пророк, человек, крайне почитаемый черным народом и глубоко ненавистный Ниупу и его немногочисленным сторонникам. Судя по всему, он подвергался гонениям и отомстил за себя жесточайшим образом. Он изобрел машину, которая поработила человеческую волю, и загипнотизировал весь народ. В одном из отдаленных озер подземного мира обитали гигантские крабы. Он убедил черных, что эти крабы — воплощения божества, и что им следует ежегодно приносить в жертву по 100 молодых людей. Предки Ниупа, обладавшие наследственной особенностью, заключавшейся в шестипалых руках, были жрецами параисламского культа. Умевшие укреплять силу воли за счет аскетизма, они воспротивились данному внушению и сражались на протяжении 10 лет — тех самых 10 лет, которых недостает в анналах, хранителями и составителями которых они и являлись. В конечном счете они были побеждены. Но так как Мпа был зятем великого жреца, он предложил черным относиться к шестипалым как

к париям, недостойным участвовать в культе краба или быть принесенными ему в жертву. Таким образом они продолжили жить в старой вере, презираемые всеми другими черными марсианами. Они перестали быть хранителями летописей, хотя и по-прежнему имели право наводить по ним справки. Теперь уже они вели хронику для самих себя, почему и являются единственными, кто осведомлен об истоках религии краба и о значимости откровения. Подземным миром правят двенадцать жрецов краба, в то время как шестипалые теперь выступают лишь в роли толмачей-переводчиков, так как остаются единственными, кто понимает язык желтых марсиан и даже язык марсиан красных, состоящий главным образом из жестов.

Среди прочих указов пророк издал и такой: жертвы никогда не должны быть добровольными; их следует брать в плен живыми при помощи исключительно холодного оружия — и никакого другого. В случае оказания ими сопротивления каким-то научным оружием, против них разрешается использовать любые средства, но лишь по истечении 75 дней. Вот почему вы были атакованы столь неэффективными средствами. Таким образом они надеялись поддерживать бесконечные распри. По разумению безумца-пророка, жертвами должны были становиться черные марсиане, но он забыл оговорить это дополнительно. Так как на каждой планете имеются свои иезуиты, казуисты постановили после его смерти, что богу следует приносить в жертву 100 молодых людей неважно какой расы. Отсюда — и возобновление войны с желтыми марсианами, отсюда — и нападение на вас и мое пленение. Если за пару недель до даты пожертвования еще не удастся достичь числа в 100 жертв, начинаются «дни террора». Жрецы краба и их приспешники объезжают подконтрольные им территории, похищая молодых людей. Никто не осмеливается выходить. При необходимости они даже штурмуют дома. Каждый марсианин, за исключением шестипалых, загипнотизирован с самого детства жрецами, которые твердо убеждены в том, что исполняют свой священный долг, хотя и сами, из поколения в поколение, становятся жертвами внушения. Марсианам таким образом навязывают мысль — которая для них является уже очевидностью, — что они не должны

ни действовать по собственной воле, ни оказывать групповое сопротивление.

Вот что я узнал об истории и религии черных марсиан. В лице Ниупа я нашел ценного союзника. Увы! Боюсь, как бы он и его люди не заплатились за мой побег своими жизнями. Они безумно ненавидели других черных марсиан, но так как не могли отправиться жить в какое-нибудь другое место — они пытались установить контакт с желтыми марсианами, но тщетно, — то вынуждены были оставаться в Нро, как называется их подземная деревушка.

глава 6 Побег

Ближе к концу второго месяца моего плена Ниуп предупредил меня, что вскоре я предстану перед Богом. «Ничего не бойтесь. Подношение богу-крабу пройдет лишь через два дня после этого. До этого времени я устрою вам побег. Позвольте себя увести. Так вы ознакомитесь с местностью».

Скафандр все еще оставался на мне. С меня хотели его снять, но я воспротивился, заявив, что сильно страдаю от перепадов давления. При мне же были моя «Лейка» — пленка, увы, уже кончилась! — и револьвер. Полагаю, сначала они просто не обратили на него внимания, а потом уже я спрятал его в скафандр. Думаю также, что исходя из сказанного им Ниупом, они, должно быть, считали, что я уже смирился со своей участью.

Итак, в один из дней за мной пришли. Ко мне приставили охранника, бряцавшего обнаженными саблями, и тот сопровождал меня к берегу реки, у которого стояло плоское судно. На корабле были вооруженные люди, охранявшие толпу связанных по рукам и ногам индивидов. Последних я насчитал 99 человек; располагавшиеся по 10 в группе, то были желтые марсиане.

Скажу честно: более красивых существ я никогда не встречал! У них золотистая кожа, фиолетовые глаза и платинового

цвета волосы. Их рост варьируется от 1 м 60 см у женщин до 1 м 70 или даже 75 см у мужчин. Как и черные марсиане, они тоже были облачены в тоги, но ярких расцветок. У них абсолютно человеческие черты лица, которые сделали бы честь самым возвышенным нашим расам. Когда меня привели, они посмотрели на меня с живым интересом и о чем-то заговорили между собой. Их охранники тогда нанесли им пару-тройку резких ударов клинком плашмя. У меня и сейчас перед глазами стоит прелестное лицо девушки, которой в кровь разбили губы. Не сумев сдержаться, я запрыгнул на судно, выхватил саблю у одного из охранников и ринулся на ее обидчика. Как вы знаете, у меня шотландские корни, и в моей семье каждый и сегодня еще умеет пользоваться подобным оружием. По-моему, я с первого же удара разрубил его надвое. Завязалась битва; мне мешало то, что сабля оказалась слишком для меня короткой, к тому же, мне приходилось обращать внимание на то, чтобы они не порезали мой скафандр. Дополнительной помехой являлось то, что по ногам мне бил шлем, помещенный мною в сумку. Отбиваясь правой рукой, левой я пытался вытащить револьвер, также находившийся в сумке. Наконец мне это удалось, и, одну за другой, я расстрелял пятнадцать пуль, проделав дыру в рядах черных марсиан. Воспользовавшись этим, я подскочил к ближайшей группе желтых и освободил человек пять, прежде чем черные опомнились и пошли на штурм. Но теперь нас было шестеро, и пусть мои союзники уступали мне в мощи и силе — как-никак, я вырос в мире с гораздо более сильной гравитацией, — они оказались намного более ловкими, чем наши враги, и более искусными в обращении с холодным оружием. В конце концов, когда мою руку, уже уставшую то и дело подниматься и опускаться, начали сводить болезненные судороги, нам удалось прорваться и вскоре оставить преследователей далеко позади. Сначала я решил, что мои союзники не смогут бежать так же быстро, как я, но уже через минуту-другую увидел, что это мне едва удастся за ними поспевать. Быстрота их бега столь необычайна, что они с легкостью побили бы все наши мировые рекорды. Какое-то время мы просто мчались наугад в направлении фруктовых садов, оставляя город у себя за спиной. Моей мыслью было до-

стичь лифта и постараться его захватить. Было видно, что мои союзники знакомы с топографией местности столь же плохо, как и я сам. Внезапно из-за какого-то дерева выскочил черный. Я бросился к нему с саблей наперевес, но он лишь улыбнулся и протянул мне лист бумаги. То был шестипалый, посланный Ниупом. Пока я разворачивал листок, посланник упал, сраженный угодившей ему в спину стрелой. «Черт, — подумал я, — стрелы это ведь тоже холодное оружие». Начав отступать перед новыми противниками, мы поднялись по склону, выведшему нас прямо к стене пещеры. Мы оказались практически окружены, и я уже видел вдали несущуюся к нам одну из их машин со щупальцами. Наши преследователи также ее заметили и перестали забрасывать нас стрелами. Впрочем, они и так стремились не убить нас, а лишь ранить за счет попадания в ноги.

Пока машина приближалась, у нас выдалась минутка передышки, которой я воспользовался для того, чтобы ознакомиться с посланием Ниупа. Я увидел, что это очень подробный план района. Я без труда обнаружил на нем упиравшийся в стену пещеры холмик, на котором мы находились; на некотором расстоянии от него, прямо на стене грота, был нарисован полукруг, от которого уходила стрела, пересекавшая залы и заканчивавшаяся прямо в месте расположения «Рони». Я понял, что это дорога к свободе, и мысленно, но горячо поблагодарил Ниупа.

Согласно плану выход из пещеры должен был находиться примерно в 200 ярдах слева. Показав рисунок спутникам, я жестами дал им понять, что этот путь выведет нас из грота. Действуя быстро и эффективно, на высоте примерно в три ярда от земли мы обнаружили нужную дыру. Я подпрыгнул, подтянулся на руках и протиснулся к входу в некую галерею, после чего размотал пояс и на нем затянул вверх марсиан.

Пройдя около полутора километров по восходящей галерее, мы оказались в просторной пещере, в которой находилось с десятков черных. Они заметили нас слишком поздно, чтобы оказать хотя бы малейшее сопротивление, и мы безжалостно истребили всех до единого. Я обнаружил в стене дверь, но не смог ее открыть. Тогда один из желтых подошел к ней, произвел какие-то манипуляции, и дверь отвори-

лась. Она вела в чуть меньших размеров зал, содержащий шесть крабов. Я уже вытащил из сумки шлем и собирался его надеть, но остановился, вспомнив, что желтые марсиане, все как один, — без скафандров. Я не хотел оставлять этих отважных союзников на растерзание толпам черных, которые вот-вот должны были возникнуть на горизонте. Повернувшись к желтым, я указал на скафандр. Один из них меня понял, улыбнулся и, в свою очередь, указал на краба. Они забрались внутрь пяти из этих машин. Я надел шлем, сел в шестую, и мы выбрались из пещеры. Почти тотчас же я увидел, что нахожусь примерно в километре от «Рони», который я различал вполне отчетливо. Было почти шестнадцать часов. Жестами я попытался увлечь желтых с собой. Они мне ответили тем, что направили клешни своих машин к югу — и были таковы. Я приблизился к «Рони» и уже собирался показаться, когда вдруг заметил краба, несшего вахту среди покореженных панцирей, и буквально оцепенел от страха. Уж не одержали ли они над вами победу? Вдруг теперь вы — пленники? Я оставался там до наступления темноты. Лишь когда стало совсем темно, краб остановился, и я увидел выбравшуюся из него фигуру, в которой распознал силуэт Артура. Только тогда я понял, что это вы захватили в плен этого краба, и что я подросел прямо к ужину. Вот и вся моя история!

Какое-то время они молчали: слишком много вопросов так и хотело одновременно сорваться с их губ. Наконец Поль, самый практичный, спросил:

— Каковы их научные средства нападения?

— О, они сильно дегенерировали со времен марсианского могущества! Если верить Ниупу, у них сейчас сохранились лишь кое-какие достаточно мощные взрывчатые вещества и что-то наподобие пневматических пушек. Впрочем, вскоре мы сами это узнаем. Отсрочка в 75 дней истекает уже завтра да и подношение богу-крабу должно вот-вот состояться.

— Да, но мы не станем их ждать. Мы и здесь-то оставались лишь в надежде на твое скорое возвращение. Теперь мы попытаемся найти желтых марсиан. В какой стороне они проживают? Надеюсь, они тебя еще не забыли.

— Опять же, по словам Ниупа, они должны проживать в пещерах, находящихся под тем, что мы называем «Солис Лакус».

— Отлично. Тогда мы снимаем лагерь. Ни в коем разе не выходите из света наших прожекторов. «Уэллс» и «Жюль Верн» возвращаются в ангар.

Спустя полчаса они уже занимались демонтажом всех временных конструкций лагеря Семиугольника. Приподнятые кранами, вездеход и самолет первыми исчезли в чреве звездолета. И тут разразилась драма, жестокая и стремительная: Луи и Артур разбирали экскаватор. Внезапно позади них забурился песок, открылся люк. Два длинных щупальца прозондировали воздух слепыми жемами, наткнулись на них, схватили и утащили в люк, который тут же захлопнулся. Песок осел, стерев все следы...

глава 7

Подношение богу-крабу

Вне себя от злости, они собрались в гостиной. Похищение оказалось столь неожиданным, столь быстрым, что они пребывали в растерянности, вялые и апатичные. Первым от потрясения оправился Сиг.

— Мы не хотим, мы просто не можем оставить наших друзей в руках у этих животных, чтобы те могли принести их в жертву своему идолу. Мы должны действовать!

— Да, — сказал Поль, — но как? Бернар, а ты что на это скажешь?

Бернара с ними не оказалось: было слышно, как он копается в оружейном отсеке.

— Бернар?

— Да. Что?

Он появился, уже наполовину экипированный.

— А вы что сидите? Нужно ли что-то делать? Конечно! Что именно? Выручать товарищей! Как? За счет хитрости или же за счет силы? Мы войдем к ним, вынеся дверь при помощи динамита. Только возьмите, черт подери, себя в руки!

Сиг и Рэй тоже уже успели экипироваться. Натягивая на себя скафандр, Сиг сказал:

— Поль, останешься здесь с Ингрид и Элен. Туда пойдем мы втроем — Рэй, Бернар и я... И даже не возражай: ты должен остаться! Речь идет не о смелости — ты в этом плане не уступишь ни одному из нас. Речь, возможно, пойдет о физической силе. В рукопашной, один на один, ты будешь для нас помехой. И стыдиться здесь нечего. Тут, быть может, будет не менее опасно. А ты тут необходим, нужно, чтоб остался хоть кто-то!

Он бросал свои аргументы на ходу, решительно и без колебаний. Затем, повернувшись к забившейся в уголок Элен, сказал:

— Не волнуйся. Мы вернем тебе твоего Луи!

Вздвогнув, она подняла на него мокрые от слез глаза:

— Так ты знаешь?

— Все знают. Это же очевидно!

Бернар нервно заканчивал наполнять пояс боеприпасами. Рэй флегматично собирал гранаты. Набив сумки, они опустили шлемы и вышли. Поль смотрел в иллюминатор, как их гигантские силуэты, пошатываясь, исчезают за скалами.

Оказавшись снаружи, они тотчас же ускорили шаг. Первым шел Рэй. Вскоре они были уже у двери, через которую ему удалось бежать. Бернар уже намеревался подложить под нее заряд динамита, когда они заметили, что она не заперта. Они прошли в прихожую — там оказалось пусто. Дверь автоматически захлопнулась за ними. Другая, внутренняя, открылась после манипуляций Рэя, и они проследовали в зал, в котором черные держали свои машины. Там тоже не было ни души. Лишь один-единственный краб стоял со сложенными ногами в уголке с видом невыразимой злобы.

— Как-то необычно наблюдать всю эту пустоту, — проворкотал Рэй. — Не имею ни малейшего представления, что здесь могло случиться!

По-прежнему никого не встречая на своем пути, они начали продвигаться по длинному коридору. Так они вышли к небольшому гроту, помогшему американцу сбежать. Осторожно нагнувшись, он осмотрел подземную долину.

— Все в порядке. Снимаем шлемы. Оставим весь наш скарб в этой расселине.

— Но что, если мы не сможем вернуться тем же путем?

— Тогда мы не сможем вернуться вовсе.

Они оставили при себе лишь оружие и боеприпасы и, облегченные, спрыгнули на пол пещеры.

— До чего ж странный свод! — изумился Бернар.

— Тут таких полно. Идемте!

Бесшумно пробравшись вдоль стены, они достигли обломков горной породы, за которыми смогли укрыться.

— А ты знаешь, — спросил Сиг, — куда они могли увести наших товарищей?

— Нет, нам придется поискать их самим. Но ночи здесь не бывает!

Бернар, словно пораженный внезапной идеей, спросил:

— А когда должно состояться подношение крабу?

— Завтра... — начал было Рэй, но тут же осекся и побледнел. — Нет, я ошибаюсь: уже сегодня, этим вечером, my God! Это просто ужасно!

— Когда они отводят жертв в храм?

— Должны были уже отвести.

— Где именно он находится?

Рэй вытащил из кармана листок смятой бумаги.

— Согласно плану Ниупа: вот здесь, — и он указал на восток.

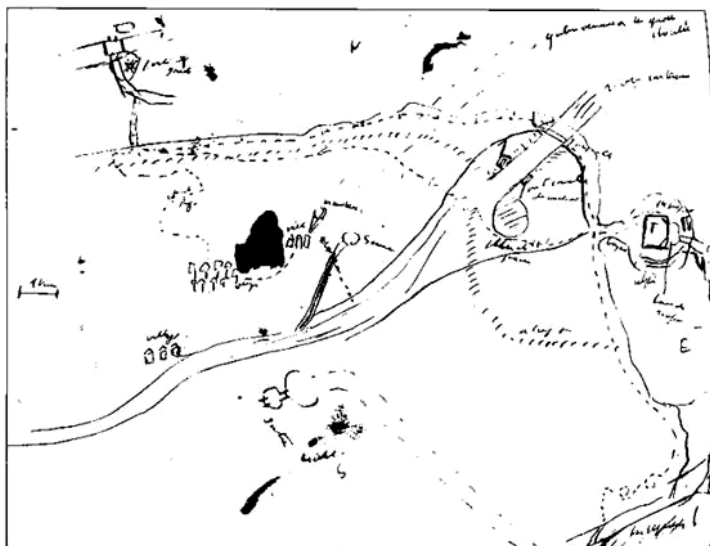
— Нельзя терять ни минуты. Далеко отсюда?

— Не знаю. Это в конце пещеры, в гроте, который соединяется с длинным подземельем, где обитают боги-крабы. Придется пересечь реку. Быть может, это несколько километров!

Они двинулись вперед быстрым шагом, обеспокоенно оглядывая долину, в которой ничто не шевелилось.

— Вероятно. Если подношение должно состояться сегодня, на нем будут присутствовать все, кто имеет на это право. Остальным просто-напросто запрещено выходить.

Примерно через час они услышали нарастающий шум воды. Дорога пошла вверх. Внезапно, обогнув скалу, они увидели реку. Она вытекала из небольшого грота в том месте, где огромная стена меняла направление. Там, где сбегавшая

План огромной пещеры, в которой делались подношения богу-крабу

по крутому склону река входила в равнину, ее окружали конструкции, судя по всему, предназначенные для каптирования ее энергии. В окне одного из этих строений они заметили ходившего взад и вперед марсианина. Спутники забились в расщелину между двумя скалами. Бернар спрашивал себя, что же это за процесс, который управляет подземной циркуляцией воды на Марсе? Почти напротив них реку, метрах в десяти над ней, пересекал легкий мостик.

— Рэй, Бернар! Внимание. Нужно будет быстро преодолеть этот мост. В нем метров сто длины, так что бежим со всех ног. Готовы? Пошли!

Они понеслись сломя голову. Мостик глухо стучал под их ногами.

«Не может быть, — думал Бернар, — чтобы нас не услышали».

Но ничто не двигалось. За исключением марсианина, которого они мельком видели в окне завода, нигде не показалось ни единого живого существа. Как только мостик остался позади, они угодили в хаос обрушившихся скал, благоприят-

ствующий как скрытому продвижению, так и засадам. От невероятной жары по лицам их ручьями стекал пот. С револьвером в руке и стучащим от возбуждения и бега сердцем, они начали пробираться от скалы к скале. Так они прошли примерно с километр, в конечном счете оказавшись у огромных размеров портика, перед которым — спиной к ним — стояла группа из трех марсиан. По всей вероятности, их нужно было устранить, и бесшумно. Сиг уже полз вперед. Рэй схватил его за ногу и подтянул к себе.

— Позволь это сделать мне.

Покопавшись в сумке, он вытащил с десятков трубок, которые привинтил одну к другой, собрав таким образом одну — приблизительно метровой длины. Затем он открыл некую кассету и извлек из нее необычного вида небольшие стрелы длиной в несколько сантиметров. Их кончики, очень острые, были смазаны чем-то коричневым. Рэй с улыбкой показал стрелы товарищам.

— Яд, — шепнул он. — На мысль об этом приспособлении меня навели мои экспедиции в Южную Америку.

Он наклонился, сунул одну из стрел в трубу и дунул. Внизу, метрах в тридцати от них, один из марсиан вздрогнул и провел рукой по шее. Второй обернулся, но лишь для того, чтобы получить стрелу прямо в лоб. Третий, увидев, что его спутников поразило нечто таинственное, искал что-то у себя за поясом, не обнаружил искомого и припустил к крабу, две ноги которого выглядывали из-за скалы, но тоже, в свою очередь, получил стрелу в затылок. Сделав еще несколько шагов, он взмахнул руками и упал лицом вниз. Другие были уже мертвы. Все это заняло секунд тридцать — сорок.

— Пользуюсь этим уже во второй раз, — пояснил Рэй. — В первый пришлось применить против Бига Джонсона, гангстера!

Перешагнув трупы, они прошли под портик. Пол был искусно выстлан плитами из драгоценных металлов, образующими сложные геометрические фигуры. Коридор оказался довольно-таки узким. Они двинулись вперед, не встречая другого сопротивления. «Железный закон», навязанный черным марсианам, был столь древним и соблюдался столь строго, что средства принуждения и защиты стали уже

ненужными. По мере продвижения они все отчетливее слышали отдаленное пение, звонкое и меланхоличное. Оно поднималось и опускалось, словно песня ветра в листве деревьев, перемежалось мгновениями тишины и иногда раздувалось в величественный унисон. Сомнений быть не могло: это пел целый народ. Священный путь теперь уже проходил между двумя рядами крайне реалистичных статуй. Приглядевшись к ним получше, Сиг пробормотал:

— Да это уже металлизированные люди!

— Антинаея*, — прошептал Бернар, но Рэй и Сиг не поняли этого намека на французский роман начала века.

Пение уже смолкало, когда дорожка резко повернула, и они увидели перед собой храм. Они оказались в пещере, ярко освещаемой большими прожекторами, которые отбрасывали пурпурный свет, утомительный для глаз. Храм, причудливое строение из камня и металла, почти кубическое, украшенное многочисленными скульптурами, возвышался посреди широкой металлической паперти, выглядевшей черной под багровым светом. С одной из его сторон располагался очень больших размеров рыбный садок, окруженный огромным амфитеатром, битком забитым шумной толпой. На паперти, рядом с садком, держалась коллегия облаченных в пурпурные робы жрецов и солдаты, охранявшие нагих жертв. Последних было 100 человек, мужчины и женщины, все — желтые марсиане. Внезапно среди них друзья увидели высокую фигуру Луи и коренастую — Артура.

Пение возобновилось в уже более мрачном тоне. Трое жрецов схватили молодую желтую марсианку и, несмотря на ее отчаянные крики, подтащили к садку. Вода в нем вдруг пошла пузырями, возникла толстая клешня и вцепилась в тело. Тотчас же появились и другие клешни, начали биться с первой и в итоге все ушли под воду с куском добычи. Подношение богу-крабу началось! Земляне принялись быстро советоваться. Что можно сделать против этой огромной толпы?

* Имеется в виду роман «Атлантида» (1919) Пьера Бенуа, краткое содержание которого сводится к следующему: два французских офицера, лейтенант Сент-Ави и капитан Моранж, оказываются пленниками таинственной Антинаеи, правящей неизвестным королевством, находящимся в самом сердце алжирской Сахары.

— Предлагаю следующее, — сказал Сиг. — На Земле я метая гранату на 70 метров. Здесь спокойно зашвырну ее на вдвое большее расстояние. Мы же от них сейчас максимум метрах в 100. Забрасаем все гранатами, поседем панику...

Его прервал крик Бернара.

— Смотри!

Двое жрецов схватили яростно жестикулировавшего Артура. Луи изо всех сил пытался разорвать свои путы. Артур попробовал вырваться, поскользнулся и после несильного толчка свалился в садок, но за секунду до падения успел вонзить зубы в руку одного из жрецов и утащил его за собой. Они уже не смотрели; вся их ненависть и злость сосредоточилась на бросках гранат. С секунду-другую те находились в полете, а затем погрузились в толпу, разрывая на куски конечности и торсы. Вторая граната Бернара, не долетев до амфитеатра, разорвалась прямо на паперти. Отказавшись от дальнейших попыток, он выхватил карабин и принялся расстреливать священную коллегия. Луи уже удалось разорвать путы, и теперь он неистово отбивался саблём, вырванной из рук одного из стражников.

— Держись, Луи, мы уже тут! — прокричал Бернар.

До сих пор марсиане, ошеломленные пролившимся на них градом снарядов, не могли понять, откуда они прилетают. Вопль Бернара просветил их на этот счет. Толпа забурилась, охваченная гневом и паникой.

Воодушевленные жаждой резни, гиганты-земляне бросились в храм, безостановочно паля из своих револьверов. Обезумевшие марсиане разбежались кто куда. Луи уже освободил от пут нескольких желтых марсиан и вооружил их саблями мертвых охранников, но было очевидно, что долго они не продержатся — слишком велико было численное превосходство черных. Тогда-то и подоспела подмога в лице Бернара, Рэя и Сига.

Шеренга стражников распалась от удара. На Земле общий вес трех товарищей составлял 285 килограммов. То были мощные боевые машины, созданные для рукопашной, обладающие массой, быстротой и сообразительностью. Держа карабины за ствол, Сиг и Бернар размахивали ими с таким ожесточением, что разрывали черепа и ломали конечности.

Державшийся чуть в сторонке Рэй без конца разряжал револьвер, а затем снова его заряжал с ловкостью киношного ковбоя. Мало-помалу они приблизились к Луи и его отряду желтых марсиан. Те сражались с не меньшим неистовством, долгое время исход сражения оставался непонятным, затем наконец в рядах черных марсиан удалось пробить брешь, и друзья воссоединились.

— А теперь отступаем, скорее! Пока они не успели заблокировать проход!

Они побежали. Выживших было пятнадцать: десять мужчин и пять женщин. Топча черную толпу, они неслись вперед, вне себя от гнева и ярости. Паперть храма была усеяна десятками трупов. Внезапно Сиг развернулся, бросился обратно к святилищу. Преследовавшие их черные при виде этого маневра разбежались по сторонам. Одну за другой, швед метнул в обагренный кровью садок шесть гранат. В воздух взлетели фрагменты панциря и плоти.

— Это тебе за Артура, — прокричал он.

Через несколько мгновений он уже снова присоединился к товарищам. У выхода из теснины они наткнулись на патруль из десятка черных, вооруженных чем-то вроде ружей, быстро обменялись несколькими залпами, швырнули парутройку гранат и прошли дальше. Теперь их оставалось лишь шестеро. Все желтые марсиане погибли или были ранены, за исключением одного юноши и одной же девушки. Обратный путь через мост был для них уже отрезан: с другой его стороны их поджидал внушительный отряд черных. Вдали виднелись прибывающие машины-крабы. Они остановились для небольшой передышки.

— Сколько гранат, Рэй?

— Три.

— А у тебя, Бернар?

— Пять.

— У меня четыре. Карабины уже ни на что не годятся — да и неудивительно. Остаются револьверы.

Внезапный свист заставил их пригнуться. Мельком они увидели что-то вроде крылатого снаряда, который пролетел над их головами и расколол часть скалы.

— Артиллерия! Только этого не хватало!

Луи огляделся.

— Сюда! Так они нас и привезли. — Он указал на дорожку, шедшую вдоль стены.

— Скорее!

Совсем рядом разорвался второй снаряд. Желтый марсианин пошатнулся и упал, убитый наповал угодившим в висок осколком. Словно одурманенная, девушка смотрела на залившую ее кровь. Они снова побежали — со всех ног, на авось. Было заметно, что Луи вот-вот оставят силы. Без единого слова Бернар и Рэй подхватили его под руки и потащили за собой. Сиг поступил так же с девушкой. Бежали они долго. Время от времени Луи короткой ремаркой указывал дорогу. Наконец они достигли подъемника, который шел прямо к своду. Ближайший краб находился от беглецов метрах в 200.

— Твоя, — ухмыльнулся Бернар, подготавливая гранату.

Луи устроился перед пультом управления лифтом.

— Посмотрим. Красную кнопку нажимают для спуска. Зеленую — для остановки. Стало быть, синяя — для подъема.

Они столпились на узкой, без поручней, платформе.

— Чего ты ждешь, Бернар? Совсем из ума выжил?

— Хочу заполучить его шкуру.

Краб приближался. Внезапно Бернар заметил, что он оснащен своего рода пушкой. Метнув гранату, он вскочил в уже тронувшийся с места лифт. Сквозь прозрачную стенку они увидели покореженную марсианскую машину, которая пылала и быстро уменьшалась в размерах. Ступив на пол просторного зала, они расправились с тремя охранниками крабов, судя по всему, еще не осознавшими, кто к ним поднимается. Сорвав с одного тогу, Рэй протянул ее молодой марсианке.

— Не то чтобы ваша нагота меня шокировала, но здесь холодно, — произнес он на диалекте черных.

Она его не поняла, но была весьма рада заполучить хоть какую-то одежду. На себя Луи натянул тогу другого из убитых охранников. Они осмотрели возможные пути отхода. Таковых оказалось три: люк — с этой стороны, пока лифт находится наверху, опасаться было нечего. Второй вывел их к тупику. Стало быть, третий и вел наружу.

— Чудесно, конечно, что мы добрались сюда, но теперь бы еще как-нибудь выбраться отсюда.

— Крабы, Бернар. Они-то нам и помогут!

— К счастью, Артур успел научить нас ими пользоваться...
Бедный Артур!

— Ей-богу, у него были прекрасные похороны, — заметил Бернар. — Я же, в свою очередь, отныне стреляю в любую повстречавшуюся мне черную марсианскую машину!

— Нас пятеро, — заметил Сиг. — Рэй не умеет управлять крабом. Что до марсианки...

Он обернулся.

Девушка лежала на земле, без сознания.

— Бедняжка, — пробормотал скандинав. — Значит, так: Бернар и Рэй — в одном крабе, Луи и девушка — в другом, я — в третьем.

Они направились к машинам.

— Секундочку, — сказал Рэй, разрывая на части свою белую рубашку и цепляя по отдельному ее фрагменту на верхушку антенны каждого из крабов. — А то Поль еще вздумает по нам пострелять!

В «Рони» тем временем один час мучительного ожидания приходил на смену другому. Поль не находил себе места.

— Мне следовало быть там, — повторял он снова и снова.

В районе пяти часов вечера ни на минуту не отходившая от иллюминатора, за которым скрылась отправившаяся на поиски похищенных товарищей тройца, Элен заметила движущихся в направлении звездолета трех крабов. В ту же секунду сработал сигнал тревоги.

— По боевым постам! — прокричал Поль и бросился к ведущей в башню лестнице.

— Подожди, — ответила Ингрид. — Они идут под белым флагом!

Маневр пересадки пассажиров выдался долгим и затруднительным. Не могло и речи идти о том, чтобы выбраться без скафандров из крабов и перейти в «Рони», поэтому «Уэллс» и «Жюль Верн» были извлечены из ангара, где их места, один за другим, заняли крабы. Первым вышел Сиг, за ним Бернар и Рэй, последними — Луи и марсианка.

— А Артур? — обеспокоенно спросил Поль.

— Увы, погиб, старина. Мы прибыли слишком поздно. Я обо всем тебе расскажу.

В соседнем отсеке, держась за перегородку, стояла Элен. Как только по тону голосов она поняла, что случилось несчастье, сердце ее сдавила жесточайшая боль. Она не осмеливалась пройти в ангар, опасаясь, что подтвердятся ее худшие тревоги. Затем ей показалось, что она слышит голос Луи. Дверь открылась, и он вошел — бледный, истощенный, покрытый кровью. Она долго смотрела на него, не веря своему безграничному счастью.

— Ты... ты... — пролепетала она наконец, проглотив подступивший к горлу комок, а затем, зарывав, упала ему на грудь.

глава 8 Анаэна

На следующее утро Бернар проснулся со смутным предчувствием катастрофы и расплывчатым воспоминанием о чем-то ужасном. Ему казалось, что ему снился невероятный кошмар. Мало-помалу память вернулась к нему — полностью. Он снова увидел похищение и подземную битву. На валявшейся рядом с кроватью одежде чернели пятна крови. Одно видение преследовало его неотступно — как друг вонзает свои зубы в руки жреца и утаскивает того за собой в рыбный садок. «Должно быть, — подумал он, — я буду это видеть до глубочайшей старости». Он попытался представить себе, какими могли быть последние мгновения Артура, и от этого ему стало так плохо, что он едва не закричал и не заскрипел зубами. Ему была невыносима сама мысль о том, что тот, кто был их спутником, делил с ними все невзгоды, всегда был веселым и готовым оказать услугу, медленно растворился в пищеварительных соках огромного краба, и на какой-то момент он даже позавидовал участи Элен и Луи.

— Впрочем, ладно, — пробормотал он. — Он погиб, но погиб как мужчина. И я очень надеюсь, что гранаты Сига разорвали на части того, кто им полакомился.

Для его неприкаянной души это стало едва ли не облегчением. Он встал, натянул на себя чистую одежду и посмотрел на все еще спящих товарищей. Луи казался нервным, возбужденным, другие спали спокойно. Та кровать, которая прежде принадлежала Артура, уже исчезла из дортуара — ее предоставили молодой марсианке. Можно было подумать, что Артура никогда здесь и не было, что его и вовсе нигде никогда не было. От этого «стирания» Бернару сделалось как-то муторно на сердце. Принадлежа к расе, которая всегда предавала земле своих мертвых, он бы скорее смирился, если бы они смогли провести ночь у тела погибшего друга.

Абсолютно бесшумно встал уже и Сиг, который спросил шепотом:

— У него были родные? Невеста?

— Нет, насколько мне известно. Но у него были друзья. И что мы им теперь скажем? Что опоздали всего на минуту-другую?

— Ничего не поделаешь. Это судьба, если вообще что-то можно назвать этим словом.

Завтрак прошел в мрачной атмосфере уныния. Элен незаметно убрала со стола все еще лежавшую на нем сложенную салфетку их товарища. Сделав над собой усилие, Сиг поинтересовался:

— Как там марсианка?

— Все еще спит. Уснула уже под утро. Я была вынуждена дать ей успокоительное, хотя и не знала, подействует ли оно. Подействовало. С ней сейчас Ингрид.

Спустя несколько минут появилась шведка, ведя за руку спутницу, которая выглядела смущенной и то и дело оглядывалась. Она была в одном из платьев Ингрид, которая оказалась с ней практически одного роста.

— А она действительно очень красива! — сказал Рэй. — Вы замечали, что они все красивы?

— О да, это восхитительная раса!

Бернар рассматривал марсианку с точки зрения антрополога. Что в ней поражало с первого же взгляда, так это насыщено-золотистый цвет кожи, платинового цвета длинные волосы и серо-голубые, скорее даже фиолетовые глаза. Черты лица ее были чистыми, лоб — высоким и широким. По струк-

туре тела она была достаточно мощной: рост — примерно 1 м 65 см (как и у Ингрид, подумал Бернар), плечи широкие и одновременно хрупкие, очень длинные ноги.

По знаку Ингрид она села за стол и с недоверчивым изумлением уставилась на поданные ей какао с молоком и несколько намазанных маслом тостов. Судя по всему, она никогда не видела подобной пищи. С минуту-другую она смотрела, как тосты едят другие, затем решила попробовать их сама. Ее зубы были очень маленькими; съев половинку тоста, она отпила немного какао и улыбнулась: очевидно, пища не показалась ей такой уж неприятной.

Рэй попытался завести разговор на диалекте черных, но она поняла не больше, чем накануне. Она отвечала на языке плавном и звонком, богатом на гласные.

— Нужно узнать хотя бы ее имя, — заметил Поль. Указав на себя, он произнес: Поль. Остальные последовали его примеру.

Марсианка на мгновение задумалась, затем, повторив этот жест, сказала:

— Анаэна.

После завтрака, пока остальные занимались последними приготовлениями к отбытию, Бернар провел марсианку по всему «Рони». Его ждал довольно-таки досадный сюрприз. Когда он показал ей свой микроскоп, шедевр компании Карла Цейса, она громко рассмеялась, похоже, найдя в инструменте нечто восхитительное и забавное. Бернар тотчас же сократил экскурсию. Позднее, уже на более холодную голову, он подумал, что разумный народ, имеющий за собой более 30 миллионов лет истории, вероятно, достиг огромного технического прогресса, и даже учитывая тот факт, что сейчас он пребывает в упадке, все еще должен обладать остатками былого величия. Более практичным, подумал он, будет начать с самого начала, то есть выучить язык желтых марсиан и обучить Анаэну французскому. В соответствии с методом, примененным Рэем, он принялся называть ей окружающие предметы. Она сделала так же, и Бернар записал марсианские слова в фонетической орфографии. Марсианская письменность оказалась довольно-таки занятной. Она записывалась справа налево, затем слева направо, в бустрофедоне. Урок

проходил в присутствии всех, кроме Луи и Поля, которые проверяли машины для назначенного на десять утра отъезда. В самом его начале все шло хорошо, но затем они столкнулись с серьезными трудностями произношения. С одной стороны, плавность марсианского языка с его множеством акцентуаций, вынуждала их совершать одну оплошность за другой, причем, судя по всему, весьма забавные, так как Анаэна хохотала до упаду. С другой стороны, ей и самой с трудом удавалось выговаривать звуки «р» и «у». Первые трансформировались в «л», вторые — в «ю», вследствие чего ее произношение начинало походить на произношение китайца или же, в зависимости от случая, англичанина. По прошествии полутора часов они уже располагали примерно пятьюдесятью существительными и прилагательными и несколькими простейшими глаголами: есть, спать и т.д. Кроме того, Анаэна поняла, что они прилетели с Земли. Урок мог бы и затянуться, если бы Элен не заметила, что марсианка очень юна (ей, вероятно, лет шестнадцать, не больше), и после испытанных эмоций ей следует больше отдыхать. Тем не менее Бернар сумел добиться от Анаэны сведений относительно того, в каком направлении нужно было искать ее народ, тлиу. Им предстояло взять курс на юго-запад.

глава 9

На бесплодной планете

Открывавшийся из иллюминатора вид на долину постепенно сменялся другим. Бернар припал лбом к стеклу, чтобы еще раз взглянуть на тот уголок Марса, где они оставили товарища, даже не имея возможности честно сказать себе, вернутся ли они когда-либо на его могилу. «Рони» мало-помалу набирал скорость, и вскоре лагерь Семиугольника стал для Бернара не более чем воспоминанием.

Нагнувшись, он прошел на пост № 2. Управлял «Рони» Поль, рядом с ним сидели Сиг и Анаэна. Последняя внимательно следила за малейшим маневром. На посту № 19, который прежде занимал Артур, находился Рэй. Ингрид

расположилась в башне. Элен ухаживала за Луи, слегшим с ужасной желтухой, которая возникла у него с некоторым запозданием в результате нервного потрясения.

Бернар с пару минут постоял там, опираясь на спинку кресла Поля. Время от времени он слышал в микрофоне голос Рэя. На борту все идет хорошо. Американец упорно навистывал себе под нос «Янки Дудл».

Перед звездолетом, насколько хватало глаз, лежал песок. То были пологие дюны, с округлыми куполовидными либо с серповидными вершинами, порой — со скалистыми отростками, жалкое плечо планеты. Навязчивое, как рефреном повторяющаяся в его голове фраза: «Мы в бесплодном мире... в бесплодном мире... в бесплодном мире...» Несмотря на устрашающие глубины подземелий, несмотря на красоту желтой расы, он чувствовал, что находится на износившейся планете, жизнь которой уже близится к закату. Он подумал, что и Земля когда-нибудь станет такой — огромной рыжей опустошенностью под небом цвета индиго. Он содрогнулся, словно внезапно увидел сквозь свою плоть собственный же скелет.

Все те же дюны, все тот же песок, все то же тусклое и далекое солнце. Горизонт выглядел затуманенным пылью, поднимаемой этим легким и постоянным ветерком, не прекращавшимся ни на минуту со дня их прибытия.

— Все в порядке, Поль?

— В полнейшем. А как ты?

— Да что-то как-то на душе тоскливо.

— А в чем дело? — поинтересовался Сиг. — Поругался с Ингрид?

— Нет. Но мне почему-то кажется, что эта планета нас ненавидит. Ты только посмотри на эту желтую землю. Никогда во время своих экспедиций в Сахару я не ощущал такой враждебности почвы. В свободные минуты на ней всегда можно было обнаружить какую-нибудь травинку, насекомое, рептилию или же людей. Здесь же все обстоит совершенно иначе. А что нас ждет за горизонтом? Кто они, эти желтые? — Он кивком указал на Анаэну. — Что мы знаем о ней, о ее мыслях? Она была прекрасна, я ее спас, как поется в одной песенке. Что в этой прелестной головке? Быть может, они

такие же злюки, как и черные. В любом случае, у них за спиной 30 миллионов лет истории! Тридцать миллионов лет! На Земле это переносит нас в мезозой! Я чувствую себя живым ископаемым! Возможно, мы для них такие же диловины, как для нас — диплодоки. И потом, мы уже потеряли одного из наших...

— Я уверен, — возразил Поль, — что в них больше гуманности, чем тебе кажется. И я вообще не понимаю, какая муха тебя укусила. Естественно, мне тоже не весело, когда я думаю об Артуре. Но все это риски...

— Ну да, ты же не видел, как он там отбивался и укусил жреца!

— Довольно уже, успокойся, Бернар, — промолвил Сиг. — Это пройдет. Это просто криз. Такое у всех нас будет. Просто ты первый. Послушай. Два года тому назад я зимовал на Шпицбергене вместе с двумя химиками и командой траппёров. Искал «редкие земли». Так вот, там у всех случился криз — сначала у одного, потом у другого. Дошло до того, что один из химиков, пока мы спали, заложил свои сани и ушел... прямо в Швецию. Мы настигли его только через двое суток, уже едва не замерзшего. Прошло еще двое суток — и он же первый над этим смеялся!

— Ох, да знаю я, что это пройдет! Но как факт того, что я это знаю, может уменьшить мою нынешнюю печаль?

Он пожал плечами и направился в башню. Ингрид, развалившись в кресле, разглядывала пустыню.

— Ты тоже? — спросил Бернар.

— Что — тоже?

— Тоже хандришь?

— И да и нет. Я вспоминала наши тихие скандинавские озера. Но я ни о чем не жалею!

— А что ты думаешь о желтых марсианах?

— А что, по-твоему, я должна думать о том, чего не знаю? Анаэна кажется вполне симпатичной. Каковы там все остальные, даже не представляю.

Они долго сидели молча. Затем вдруг в ритме хода звездолета что-то резко изменилось, и «Рони» остановился.

— В чем дело? — спросил Бернар в микрофон.

— Посмотри в передний иллюминатор!

В песчаной пыли, примерно в километре от них, двигались три формы. От прилива внезапной ненависти Бернара аж затрясло. Снова крабы. Он открыл казенную часть пушки, поместил внутрь снаряд...

— Подожди, — сказал Поль, когда Бернар спросил у него, следует ли стрелять. — Анаэна волнуется, возможно, это желтые.

Силуэты приближались, их детали становились более явственными: эти были гораздо более высокими, нежели крабы, имели всего шесть ног и продолговатую форму.

— Судя по жестикуляции Анаэны, я склонен сделать вывод, что это кто-то из желтых, — сказал Поль. — Не делай никаких преждевременных враждебных движений. Но будь наготове!

Загадочные аппараты продвигались большими шагами. На носу первого, на темно-желтом фоне, проступала «сетка» красных разрозненных черточек. На крыше была установлена миниатюрная катапульта, похожая на те, которые использовались когда-то высокортными кораблями для отправки самолетов. В микрофон Бернар мог слышать что-то без остановки тараторившую на своем языке Анаэну. То и дело звучало слово «плиу», обозначавшее ее народ.

Три машины остановились. Из брюха первой по гибкой лестнице спустился одетый в прозрачный скафандр желтый марсианин.

— Открой наружную дверцу шлюзовой камеры, — командовал Поль Сигу. — Мы его примем. Общий созыв совета. Чтобы в нем мог принять участие Луи, совет пройдет в дортуаре.

Убедившись, что марсианин поднялся в шлюзовую камеру, они закрыли внешнюю дверцу и открыли внутреннюю. В течение какого-то, не слишком продолжительного времени земляне и марсианин разглядывали друг друга. Бернар заметил озорной огонек в его взгляде, промелькнувший при виде «земных» одежд Анаэны. Сам марсианин носил, под скафандром, что-то вроде охровой туники, перетянутой на талии поясом и оставлявшей руки ниже плеч обнаженными. Сняв прозрачный шлем, он сразу же задал несколько вопросов Анаэне. Та коротко ответила.

На Земле марсианин показался бы скорее высоким, тем не менее он заметно недотягивал до 1 м 95 см Сига и Рэя и 1 м 87 см Бернара, хотя и был на голову выше Поля. Войдя в дортуар, где уже сидел в своей постели, обложившись подушками, Луи, земляне тотчас же обступили гостя.

— Разговор рискует выдаться не слишком оживленным, — заметил Поль. — Рэй, может, ты и с этим поговоришь на диалекте черных? Кто-то же из них должен его знать?

Марсианин действительно его знал и отвечал на том же языке. Впрочем, как заметил американец, имелись кое-какие легкие различия, позволившие ему полагать, что марсианин, должно быть, изучал черный диалект в другой среде. Говорил марсианин довольно-таки долго.

— Он утверждает, — перевел Рэй, — что они нас искали. Те, кого я освободил во время своего бегства, смогли вернуться в родной город и рассказать там о нас. Приехать раньше они не могли по причинам, которые я уяснить не сумел. Он благодарит нас за спасение Анаэны и спрашивает, не желаем ли мы побывать в их городе.

— Разумеется! Спроси, как его зовут.

Желтый марсианин ответил: Сли. Состоялся новый обмен репликами.

— Он говорит, что покажет нам дорогу. Криоксам — так, полагаю, называются их машины — нужно еще выполнить какую-то миссию, и сопровождать нас они не будут. Но сам он останется с нами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОДЗЕМНЫЙ МИР

глава 1

Город желтых марсиан

«Рони» вскарабкался на вершину дюны и повернул направо. И тотчас же, словно кто-то отдернул огромный занавес, возникли суперструктуры города желтых марсиан. Последние, в отличие от черных, сохранили на поверхности некоторое количество постоянных строений. Главным образом то были высокие, совершенно закрытые башни, снабженные редкими окнами. Перед этими конструкциями, метрах в тридцати — сорока от них, располагалась ярусами целая вереница наполовину врытых в землю небольших фортов. Довольно высокая, с несколькими входными воротами стена окружала собственно город.

Сли сказал что-то Рюю, и тот пояснил остальным, что нужно обогнуть город, так как в те ворота, которые располагаются с этой стороны, «Рони», вероятнее всего, не пройдет. Произведя заданный маневр, звездолет прошел под портиком и оказался в черте города.

Города, войти в который Поль решил не без определенных сомнений. По сути — в этом он был согласен с Бернардом, — о желтых марсианах они ничего не знали. Предательство по-прежнему представлялось возможным, поэтому,

когда они, облачившись в скафандры, сошли на землю, он включил блокировочное устройство, закрыв тем самым вход в шлюзовую камеру для любого, кто не обладал секретом открытия люка. Они направились к ближайшей башне, в которой при их приближении широко раскрылась треугольная дверь, тотчас же, правда, снова закрывшаяся за их спинами. У Поля возникло безотчетное ощущение некоей ловушки — ведь до сих пор земля Марса была так к ним враждебна!

Они очутились в прихожей, от стен которой исходило слабое голубое свечение, затем вошли прямо в лифт, который тут же начал погружаться. Спуск длился минут пять и был весьма быстрым. Сли как мог отвечал на вопросы, но так как сам он знал черный диалект не слишком хорошо, а Рэй — и того хуже, многие вопросы остались без ответа уже в силу того, что их не удалось должным образом сформулировать. Они смутно поняли, что сейчас будут представлены некоему Совету, но что это за Совет — правительство, экспертный комитет или же академия, — так и осталось невыясненным. Они прошли в галерею, которая привела их к залу, где ожидали многочисленные марсиане. Едва они вошли, как с легким свистом откуда-то выскользнул и подъехал прямо к ним какой-то яйцеобразный аппарат. Они сели в него вместе с марсианами. Анаэна их покинула — ей нужно было с кем-то повидаться. Рэй так и не понял, идет ли речь о ее родителях или о ком-то другом. Аппарат двинулся вперед со скоростью, которую трудно было определить, так как иллюминаторов в его стенах не имелось. Внутреннее устройство было простым и удобным и занимало весь интерьер. Ничто не указывало на какие-либо двигатели, и Поль предположил, что они находятся в зоне действия электромагнитного поля, «всасывающего» данный аппарат посредством соленоидов. Через десять минут они остановились у какой-то станции, затем снова двинулись в путь и прибыли на «вокзал», где пересекались несколько линий. Там они вышли, проследовали по галерее и оказались в городе.

То была просторная и, судя по всему, искусственная пещера значительно меньших, нежели пещера черных марсиан, размеров. Она имела эллиптическую форму и, должно быть, достигала нескольких километров в своей большой

оси и трехсот или четырехсот метров в высоту. Почти вся она была занята фруктовыми садами, в которых змеились реки. В двух точках эллипса высились своего рода башни (или скорее колонны, так как они упирались в свод) метров в пятьсот диаметром. Они выглядели так, словно были высечены прямо в скале, и были снабжены окнами и балконами. Сли указал на ближнюю: Анак, затем на дальнюю: Энак. Из последовавших объяснений Рэй разобрал, что данный грот является одной из основных резиденций желтых марсиан, и что две эти колонны представляют собой два города. Энак был административным и артистическим городом, Анак — городом научным и столицей. На земле, между рядами красных и зеленых деревьев, пробегала целая сеть путей, по которым циркулировали открытые трамваи, монорельсы. Пока они осматривались, парочка таких трамваев на весьма приличной, от шестидесяти до восьмидесяти километров в час, скорости пронеслась к ближайшей станции. Вся эта перспектива была освещена тусклым голубым светом, вызывавшим небольшую резь в глазах и не слишком, по мнению Бернара, подходящим для обеспечения фотосинтеза растений. Легкие планеры летали на умеренной скорости и садились либо на землю, либо на балконы городов. На реплику Луи, заметившего, что ему представляется не слишком очевидной целесообразность их использования в столь ограниченном пространстве, Сли ответил, что это всего лишь спортивные планеры, но есть и другие, очень быстрые, которые летают в больших туннелях, соединяя желтые города.

По приглашению своего гида они сели в один из легких трамваев и направились напрямиком в Анак, где длинный лабиринт коридоров и подъемников в конечном счете вывел их к залу, в котором должен был собраться Совет. То было просторное помещение, украшенное панно, представлявшими, судя по всему, древнюю жизнь на Марсе. Здесь можно было увидеть морские пейзажи, прерии, по которым бегали неизвестные, но очень похожие на земных животные. Были тут и городские виды, удивительно напоминавшие некоторые человеческие агломерации; в частности, одна из них, представленная в виде зарисовки города с высоты в несколько сотен метров, вполне могла сойти за Париж с его большой

центральной площадью в форме звезды и ажурной металлической башней. В глубине зала, под белоснежным потолком, ожидали своих владельцев тридцать восемь металлических стульев, снабженных мягкими подушками. Перед каждым из них стоял небольшой столик из серого металла.

— Мы прибыли раньше времени, — заметил Бернар.

Не успел он произнести эти слова, как послышался легкий скрип, одна из стен раскололась надвое, и из образовавшегося таким образом проема появились тридцать семь персон. Первые пятеро были старцами, которые заняли пять сидений, стоявших немного в стороне. Затем шла смешанная толпа из мужчин и женщин; последней вошедшей оказалась Анаэна. Один из стульев оставался незанятым, и тогда Сли отделился от их группы и сел на него.

— Ну и дела! — шепнул Бернар Ингрид. — Похоже, мы спасли крупную шишку. Ты только посмотри, с каким важным видом восседает на своем стуле Анаэна! Я чувствую себя так, словно мне предстоит сдавать экзамен перед крайне строгой комиссией.

Ингрид прыснула со смеху.

— Замолчи!

Один из старцев заговорил, не вставая со своего места. У него был красивый голос, степенный и полный, медленные и преисполненные достоинства жесты.

— Люди планеты, которые мы называем Злой, и которую сами вы именуете Землей, от имени всей нашей расы и наших союзников, я желаю вам приятного пребывания в нашем древнем городе. Мы благодарим вас за спасение той, которая, несмотря на свою молодость, является одной из надежд нашей науки, — Анаэны.

Он говорил медленно, тщательно выговаривая слова; Рэй переводил его речь на французский. Старик продолжал:

— Пока что мы еще не можем обмениваться мнениями и представлениями, так как говорим на языке, который чужд всем нам, поэтому, вместо того чтобы продолжать пустые дискуссии, мы решили заняться изучением вашего языка. Вам же, если вы еще нас не покидаете, думаю, будет полезно выучить наш. Сли и Анаэна сообщили мне, что вы — ученые с Земли, и полагаю, нам будет небезынтересно поделиться

друг с другом мыслями. Здесь у вас будет полная свобода действий. Вас я прошу лишь соблюдать наши обычаи, какими бы странными они вам ни казались; мы же, в свою очередь, будем с уважением относиться к вашим. Жить вы будете здесь, в Анаке, во дворце Науки. О материальной стороне вашего размещения позаботятся Сли и Анаэна. Уже завтра, если вы не против, мы приступим к изучению наших языков.

Во время этой речи Рэю пришлось несколько раз просить старика повторить другими словами непонятые ему фразы. План работы показался им здравым, так что никаких возражений не последовало.

Спустя полтора месяца Рэй, Сиг, Бернар и Ингрид, обладавшие определенной предрасположенностью к изучению языков, болтали на местном диалекте уже достаточно хорошо для того, чтобы самостоятельно разобраться с любой проблемой. Поль и Элен немного отставали, Луи же, к его огромному стыду, испытывал в этом плане серьезные трудности. Анаэна, Сли и почти весь Совет говорили по-французски медленно и несколько упрощенно, но вполне понятно. Земляне поселились практически на самой вершине Анака, в веренице комнат, выходящих на общий балкон, откуда открывался прекрасный вид на предместья. Комнаты были обставлены просто и элегантно: удобные кресла, легкий металлический столик да кровать, состоявшая из очень мягкого матраса и обычного одеяла. Здесь можно было не бояться ни малейшего изменения климата. По крайней мере в помещениях, так как вне их жара чередовалась со свежестью, что, по словам желтых марсиан, самым благоприятным образом сказывалось на растительности. Днем всю пещеру заливал насыщенный свет янтарного оттенка, ночь же была представлена голубым светом, столь удивившим их по прибытию. Комнаты, по желанию, в любой момент можно было погрузить во мрак. Двери не содержали никакой запорной системы, что, по мнению Бернара, являлось доказательством того, что марсиане не опасаются вмешательства в их личную жизнь. Немало времени ушло у землян на то, чтобы уяснить социальное устройство общества. Желтые марсиане оказались яркими коллективистами. В частной собственности у них находились лишь предметы личного пользования: одежда,

книги, орудия труда и т.д. Жилые помещения принадлежали государству, но каждый был волен занимать свое столько времени, сколько он пожелает там оставаться. Первоначально он был вправе менять меблировку и орнаментацию квартиры лишь после вынесения эстетическим комитетом разрешительного постановления, но уже давно, несколько тысячелетий назад, как уточнил Сли, эти комитеты перестали накладывать вето, преобразовавшись в собрание людей, проповедующих культ красоты во всех ее формах и стремящихся установить его повсюду. Безупречные формы теперь имели даже промышленные машины.

Единственное значительное ограничение свободы заключалось в следующем: ввиду не слишком большой численности населения (в данный момент, насколько понял Бернар, она составляла одиннадцать миллионов человек), каждый марсианин и марсианка были должны государству определенное количество рабочих часов в месяц. Обязанность Сли состояла в патрулировании на криоксе; Анаэна была ответственна за материально-техническое обеспечение школ. Помимо этого первый был скульптором, а вторая — геологом, скорее даже аэрофизиком.

По-прежнему — как факт биологический, но не легальный — существовала семья. Каждому, в его связях, была предоставлена полная свобода, однако многие предпочитали хранить верность одному спутнику жизни. Ребенку давали имя, сопровождавшееся упоминанием о том, что он является сыном такого-то или дочерью такой-то. Мальчиков таким образом звали по их собственному имени и имени их отца, девочек, опять же, по их собственному имени и имени их матери. По отношению к государству они к тому же обозначались серией номеров. Правительство было представлено рядом экспертных комитетов, которые подчинялись Совету «Тридцати восьми». В этот Совет входили выдающиеся умы планеты, избравшиеся комитетами. Каждый марсианин мог войти в любой комитет — достаточно было лишь показать, что ты способен должным образом выполнять ту или иную специфическую работу. Но это не давало никаких социальных преимуществ, и многие достойные марсиане предпочитали заниматься исключительно своей профессией. Для власть

имущих существовала дисциплина, которая становилась все более и более строгой, по мере того как человек поднимался по социальной лестнице. Член какого-либо комитета или совета мог на время уйти в отставку. В этом случае право на переизбрание он получал лишь через два года. Нарушившего регламент ждало незамедлительное и бесповоротное исключение.

— И это работает? — недоверчиво спросил Бернар, когда Анаэна изложила ему все эти факты.

— Да. Не забывайте, что мы пережили, пусть и в далеком уже прошлом, ужасные времена и не имели выбора. Если бы мы не сумели ужиться, поладить друг с другом, наш вид бы просто-напросто вымер. На днях вам покажут старые документы времен страха... И потом, у нас за спиной — миллионы лет обучения! Вначале Совет был правительством авторитарным и безжалостным, трезвым и жестким, поддерживаемым сильной и фанатичной полицией и располагавшим ужасными средствами принуждения, которыми, должна заметить, он никогда не злоупотреблял. По мере того как обучение совершенствовалось, то, что прежде было запретом, стало обычаем. Мы очень свободны, потому что ни один из нас не горит желанием совершать безрассудные поступки. Но для того, кому захотелось бы вести жизнь безумца, пребывание здесь быстро стало бы невыносимым, даже если бы мы не стали предпринимать против него никаких мер.

Они посетили несколько школ. До возраста, который соответствовал десяти земным годам, основное внимание уделялось физическому воспитанию. Кроме того детей обучали правильному владению своим языком, рисованию и моделированию, игре на музыкальных инструментах, вождению некоторых машин. От десяти до пятнадцати лет шла уже исключительно литературная фаза: они читали те произведения марсианских писателей, которые подходили для их возраста. Также они обучались азам науки и начинали записываться в самые разнообразные спортивные секции. От шестнадцати до двадцати лет шла научная фаза. Ученики в общих чертах знакомились с историей планеты и населявших ее рас, а также с основными вехами грандиозной космической авантюры. Помимо этого они обучались какой-либо профессии, одно-

временно продолжая читать классиков и заниматься музыкой либо тем или иным видом искусства. После двадцати лет они были вольны выбирать тот путь, который им нравился.

— Но сколько же лет вам, Анаэна?

— В ваших годах?

— Да.

Она произвела быстрый подсчет.

— Двадцать три.

— Вы выглядите гораздо моложе! Я бы не дал вам больше семнадцати!

— Мы развиваемся медленнее, чем вы, и становимся взрослыми примерно к тридцати вашим годам.

— Да вы просто какие-то монстры скороспелости! А какова у вас продолжительность жизни?

— Сто пятьдесят, сто шестьдесят, иногда сто восемьдесят лет.

— Вдвое больше нашей, ну и ну! Это расовая особенность или же следствие вашей науки?

— На этот уровень мы вышли благодаря нашей науке. Наши предки жили не более девяноста — ста лет. Вы можете расспросить об этом моего брата Лои. Он — биолог и просветит вас гораздо лучше, чем я. Но я думаю, что, если вы останетесь здесь, то проживете не меньше нашего.

глава 2

Другая версия истории

Наступил день, которому предстояло стать незабываемым для землян. Накануне вечером Агум, председатель Совета «Тридцати восьми», заявил им, что теперь, когда они в достаточной мере понимают язык своих хозяев, для них будет проведена лекция, сопровождающаяся показом фильмов по истории планеты Марс. Сеанс начался рано утром. В роли лектора выступал Цер, профессор истории в местном «университете». По меркам желтых марсиан то был настоящий великан, практически одного роста с Бернаром. Даже будучи весьма преклонных лет, совсем уже седым

стариком, он все еще пребывал в полном рассвете сил. Да и вообще, Цер был выдающейся личностью, бывшим «скитальцем по планете», как сами марсиане называли тех, кого любопытство побуждало посещать самые негостеприимные места Марса. Сорок земных лет тому назад он являлся главой миссии, которая попыталась восстановить контакт с красными марсианами, тысячелетиями жившими в уединении на южном полюсе. Впрочем, миссия обнаружила лишь давно покинутый его прежними обитателями город.

Когда Цер поднялся на трибуну, то сразу же начал очень четко выговаривать каждое слово, чтобы оказаться лучше понятным земной аудиторией.

— Я не стану вам объяснять, каким было прошлое Марса до появления на нашей планете людей, как не стану рассказывать и о том, какими были первые цивилизации, творения белых людей, сравнимых с вами. Мой доклад касается эпохи, предшествовавшей Великим Переменам. В то время, 30 миллионов 112 тысяч 700 лет тому назад, Марс делили между собой двенадцать народов, которым после множества войн удалось-таки перейти к мирной жизни при практически полном отсутствии вооружения. Единственным пространством, не подпадавшим под их юрисдикцию, являлась расположенная на экваторе довольно-таки обширная область, в которой проживали красные марсиане. Последние не были гуманоидами. Не вторгаясь в сферу моих коллег-биологов, я должен указать их происхождение. В неопределенную эпоху, вскоре после открытия металлов, некий вид насекомых, похожих, насколько мне это известно, на ваших муравьев, развился настолько, что достиг очень большого роста и сопоставимой с нашей, хотя и несколько иной, психики. Но до эры Соединенных Штатов Марса они почти не эволюционировали в индустриальном плане и — странная штука! — не питали даже малейшей враждебности к гуманоидам. Два вида жили в полнейшем согласии, и мы даже отправляли к ним миссии, задачей которых было привести их к цивилизации. Их единственная деятельность заключалась в выращивании одной из зерновых культур и возведении огромных, но очень бедных подземных городов. Внезапно все изменилось. Они начали отсылать наши миссии обратно, а значительный рост

численности населения привел их народ к бедности. Затем в один из дней наши охранявшие границы авангарды с изумлением увидели появившиеся у наших рубежей их первые боевые машины, ими же и построенные. Сперва, несомненно, они просто-напросто копировали наши изобретения. Как бы то ни было, за достаточно короткий промежуток времени им удалось организовать довольно-таки мощную промышленность. Вероятно, они уже давно вынашивали такую идею, и нужно сказать, сюрприз удался. Уже в самом скором времени они начали производить в том числе и машины собственного изобретения.

Короче говоря, наши аванпосты пребывали в таком изумлении, что серьезного сопротивления оказать не смогли. Развернувшись на огромном пространстве, армия красных быстро завоевала 11-й и 12-й штаты, названия которых до нас не дошли. Города, располагавшиеся на поверхности, были разрушены, население изгнано или истреблено. Поспешно созванный Совет Штатов решил сражаться. Мы снова вернулись к конструированию тех машин, о которых совсем еще недавно забыли с такой радостью, и спустя пять или шесть лет после нападения красных первые массивные эскадры белых марсиан начали атаковать вражеские территории.

Прежде чем продолжить, я покажу вам, что тогда представляла собой марсианская цивилизация; наш воздух, пусть он никогда и не отличался такой плотностью, как ваш, все же был достаточно плотным для того, чтобы поддерживать летательные аппараты на незначительной скорости.

Он подал знак, и по экрану побежали картинки. Они увидели крупные, густонаселенные и оживленные города, обрабатываемые поля, над которыми летали легкие самолеты. У населения, мирного и спокойного, была белая кожа. В плане техническом увиденное в разы превосходило все то, что когда-либо производил земной кинематограф. Затем пошли кадры, сделанные с воздуха над территорией красных и показывающие бомбардировки «входов» в их подземные города. На экране возникло существо, напоминающее муравья. У него было разделенное на три части тело, шесть лап, большая голова и антенны. Но лишь четыре лапы использовались для ходьбы, две передние — в чем не могло быть со-

мнений — были адаптированы для хватания: трехраздельные на конце, они оканчивались острыми, противопоставляемыми когтями. Имелись и мандибулы, чуть усеченные. Из-под трех простых глазков смотрели два темных и неподвижных фасеточных глаза, расположенных по бокам головы.

Демонстрация прекратилась, и Цер продолжил:

— Война была ожесточенной. В самом ее начале мы имели абсолютное превосходство в воздухе. Нам неоднократно удавалось изгнать красных с поверхности. Тогда они отступали в свои подземные города и там готовили новые армии. Нашим предкам так никогда и не удалось проникнуть ни в один из этих городов. Затем борьба стала носить иной характер. Во-первых, у красных появились собственные летательные аппараты. Построенные по отличным от наших принципам, они ни в чем не уступали нашим лучшим типам. Сведений о том, каким было бортовое оружие — как наше, так и их, — у нас нет. Исход войны долгое время оставался неопределенным. Потом мы начали терять территории, пришлось снова эвакуировать 11-й и 12-й штаты. Затем в руки врага перешли 10-й и 9-й, что повлекло потерю большинства наших хромовых мин. Тогда было заключено перемирие, условия которого красные обязались в дальнейшем уже не оспаривать. Они сохраняли завоеванные штаты, многие наши города оказались разрушенными, тогда как их подземные, напротив, пострадали весьма незначительно. Перемирие было заключено одним из наших президентов, гениальным человеком, которого звали Билер. Главным образом он хотел выиграть время. Он полагал, что раз уж мы не можем победить красных, атаковав их с поверхности, следует перенести войну в их города, напав на них через подземелья. Наши предки принялись конструировать огромные бурильные машины и уже были готовы возобновить войну, когда произошла внезапная мутация.

Вот уже лет двадцать нашим ученым приходилось констатировать тот занятный факт, что рождается множество детей, сильно отличающихся от их родителей. Еще с доисторической эпохи на Марсе существовала всего одна-единственная гуманоидная раса — белая. Так или иначе, но все шло к тому, что подобное положение вещей вот-вот изменится. Первым родившимся «мутантом» был Анакс; он принадлежал

к нашей, желтой, расе, и его случай в те времена изучался с живейшим любопытством. Так как за исключением врожденных особенностей, он оказался вполне нормальным, это любопытство быстро сошло на нет. Но его сняли на пленку, и этот фильм случайно дошел до нас. Вот он.

На экране возник мальчуган, похожий на тех, кого земляне уже видели в школах, разве что, возможно, не столь белокурый. Он играл в восхитительно цветущем парке. В какой-то момент он повернул голову к объективу и улыбнулся. Эта столь давняя — все-таки прошло уже 30 миллионов лет! — улыбка почему-то тронула Бернара до глубины души.

— Странных рождений становилось все больше и больше. Но в ярости войны, которая шла уже тридцать лет, никто, за исключением пары-тройки биологов, не придавал им большого значения. Выжили лишь две расы, наша и черные. Но образовалось уже с дюжину новых, представители которых были просто гигантами, порой достигая трехметрового роста. По неизвестным нам причинам все эти расы быстро дегенерировали. К тому моменту, когда президент Билер задумался о возобновлении военных действий, рождавшихся аномальных детей у нас насчитывалось уже 70 %, из которых 30 % были желтыми и 25 % — черными. Даже отъявленным скептикам стало очевидно: вид меняется. Судя по всему, красные тоже претерпели определенные трансформации, чем, вероятно, и объясняется резкое изменение их поведения. Впрочем, внешне они остались прежними — мутации у них затронули лишь психику. Каковы причины этих мутаций? Некоторые полагали, что они были вызваны усилением излучений вследствие великой солнечной катастрофы, случившейся незадолго до этого (результатом этой катастрофы стала гибель некоей находившейся близ Меркурия внутренней планеты, которая столкнулась с колоссальным болидом). Но эта теория плохо соотносится с тем фактом, что подобные мутации, должно быть, происходили еще в животном мире на протяжении многих геологических периодов. Наши современные биологи полагают, что нашли ответ на этот вопрос, и вы сможете переговорить с ними. Уже спустя восемьдесят лет после смерти президента Билера население Марса состояло лишь из желтой, черной и парочки других рас. Последний белый,

химик, трагически погиб в результате несчастного случая. Мы, желтые и черные, унаследовали их науку, их язык и их неприязнь по отношению к красным.

Перемирие продлилось еще несколько лет. За это время популяция реорганизовалась. По взаимному согласию, желтые и черные поделили территорию между собой. Эти расы с первых же дней своего возникновения испытывают одна к другой глубокую антипатию. И мы, и они полагаем друг друга уродливыми и несносными. Они по большей части занимаются психологическими и психико-химическими исследованиями, рассматриваемыми с практической точки зрения. Мы находим удовольствие в величайших объяснительных теориях, даже не пытаюсь подыскать им какого-либо применения. В плане конструирования машин они нас тогда заметно превосходили, и, не помоги нам красные, мы были бы уничтожены. Но я забегаю вперед... Перемирие было нарушено. Как-то ночью красные сожгли и разрушили Копак, столицу черных и важный металлургический центр. На следующий день вспыхнул уже Талль, наша столица. Буровые машины Билера стояли неиспользованными в наших арсеналах; они тотчас же приступили к работе. Спустя месяц после разрушения Талля, они прорвались в красную столицу 11-го штата, что оказалось для красных полнейшей неожиданностью. Мы выпустили в город огромные объемы токсических газов на основе цианистоводородной кислоты, и он погиб. Затем наступила решающая фаза войны. Один из влиятельных красных командиров угодил к нам в плен. От него мы узнали — и он привел тому неопровержимые доказательства, — что это не красные нарушили перемирие, а черные. Тогда мы решили сделать все возможное для того, чтобы остановить войну. Спустя месяц состоялась мирная конференция. Мы признали за красными владение 10-м, 11-м и 12-м штатами. Они вернули нам 9-й и согласились предоставить в обмен на что-либо весь необходимый нам хром. Казалось, все закончилось лучше некуда.

Но мы забыли о черных! Спустя неделю все, кто слушал радио, услышали выдвинутое против нас пылкое обвинение в предательстве «идей гуманоидного мира». Еще через сутки

началась война. У нас сохранились фильмы, запечатлевшие атаку черных на наши города. Вот вам один пример.

На экране возник небольшой городок, тихий и миролюбивый, ярко освещенный поздним вечером. На улицах — вполне счастливая толпа. Затем, внезапно: лучи прожекторов, выхватывающие заходящие на цели самолеты; взрывы; обрушения домов; облака дыма над целыми кварталами; и наконец — широкая пелена огненного дождя, пожирающего все, что еще осталось стоять.

— Город Бле насчитывал 55 000 жителей. Ни один не выжил. Этот документальный фильм был обнаружен в обломках сбитого самолета. В ту ночь мы получили 600 000 трупов! Тогда черные впервые использовали «жидкий огонь», принесший нам впоследствии столько бед. Как наши химики ни старались, вывести его формулу им так и не удалось.

Красные, атакованные через подземелья при помощи все того же «жидкого огня», отреагировали мгновенно и не менее болезненно. Второго числа месяца тло эры мира — мы с красными уже наивно провозгласили «эру мира» — красная и желтая воздушные эскадры объединились для того, чтобы стереть с лица земли черный город Клек.

И эта адская война продолжалась, с непродолжительными перерывами, веками. Долгое время наиболее пострадавшей в ней стороной были именно мы. Один за другим сгорели наши города. У нас осталось всего три штата: 1-й, 2-й и 4-й. Красные держались получше и уступили лишь один штат, 12-й. Тогда-то сотрудничество двух гениальных химиков, желтого, Блио, и красного, имя которого в истории не сохранилось, и изменило — причем кардинальным образом — установившееся положение вещей. В весьма непростых условиях этим двум химикам удалось создать совершенно новое вещество, сочетавшее в себе ионизированный гелий и кислород. Это соединение, устойчивое в крайне сжатых условиях давления и электрического напряжения, действует с поразительным освобождением теплоты, когда эти лимиты преодолены. Мы снабдили этим продуктом наши последние самолеты, разместили его запасы под черными городами, где уже работали наши буровые машины, и как-то раз мы причинили врагу вдесятеро больший ущерб, чем понесли

сами. С этого момента партию уже можно было считать выигршной! Борьба продолжалась спазматически еще лет пятнадцать. Затем черные совершили то, что мы называем «преступлением планетарного масштаба». В одно прекрасное утро, каковых больше — увы! — уже нет в нашем мире, они пустили в ход неизвестные нам энергоресурсы. Воздух словно воспламенился. Выжили лишь те из наших предков, которые находились в самых глубоких и закрытых городах. Остальные сгорели заживо. С поверхности планеты исчезла вся растительность. Кислород воздуха соединился частично с почвой, частично с азотом, дав NO_2 , который был выброшен под видом нитрата. Атмосферное давление резко снизилось. Марс превратился в пустыню!

В живых осталось всего лишь около 70 000 наших и 27 000 красных. Черные, которые укрылись в уже известной вам огромной пещере, сохранили порядка миллиона человек. Но, разрываемые междоусобными войнами (а также по причине того, что их правительство и лучшие инженеры погибли в результате неверного маневра, о чем мы узнали уже позднее), они не истребили нас до последнего индивида, как могли бы сделать. Наша раса выжила, но цивилизация была уже мертва. Разрушенные заводы, не способные летать в этом разреженном воздухе самолеты, скудные или испорченные запасы продовольствия — все это не могло не вызвать у выживших смятение и расстройство. Пошли мятежи, гражданские войны, сократившие наши ряды до 30 000. Отношения с красными перестали поддерживаться. Они давно уже живут в уединении где-то на южном полюсе. Наступил период в одиннадцать миллионов лет — так называемый «черный период», — о котором мы знаем крайне мало. Наша цивилизация скатилась до уровня, обеспечивающего лишь выживание расы. Несколько раз случался ренессанс, длившийся, правда, не очень долго. Хорошо уже то, что нашим предкам удалось сохранить бесценные документы. Наш вид охватила явная дегенерация творческих способностей. То были тяжелые времена. Затем творческий дух проявился снова. Мы смогли почти всё открыть для себя заново — при значительно меньших, в сравнении с нашими предками, возможностях. Возобновилась и война с черны-

ми, в которой шесть миллионов лет тому назад мы потерпели сокрушительное поражение, снова отбросившее нас едва ли не к нулю. Конечно, с тех мы уже поправили свои дела и сегодня находимся почти на том же уровне теоретических знаний, на каком пребывали и наши прародители. С практической точки зрения многие вещи нам — увы! — по-прежнему недоступны за неимением необходимых средств. Война против черных продолжается — скорее не война даже, а герилья, подземная и жестокая, проходящая вокруг глубоких металлоносных месторождений. Иногда они вторгаются в наши галереи, иногда уже мы берем в плен с десяток-другой врагов. Исследовательские рейды на территорию неприятеля были во времена моей юности чем-то вроде приятной спортивной игры. Я часто в них участвовал, когда был молодым. Наши криоксы и их крабы нередко вступали в сражения где-нибудь на поверхности, но на протяжении вот уже почти тысячи лет настоящей войны не ведется. С точки зрения цивилизации теперь уже мы их превосходим, и довольно-таки сильно. Из былых навыков они сохранили разве что свое мастерство механиков... Вот в каком состоянии находится сейчас эта несчастная планета, у которой тоже некогда были времена величия.

— Во время моего пребывания у черных, — сказал Рэй, — я слышал, что когда-то вы отправляли экспедицию на Землю.

— Истинная правда. Ее организовали белые, вскоре после развязывания войны. Наши астронавты достигли своей цели, но, столкнувшись с проблемой гравитации, быстро вернулись. У нас остались их фильмы, или скорее фрагменты, которые сохранились со времен возрождения — они сейчас, правда, в неважном состоянии. Кроме того, в библиотеке университета хранится рассказ об этом путешествии, написанный начальником той экспедиции, Бруи. Они привезли на Марс несколько образчиков земных животных, которые не выжили. Впрочем, какие-то их скелеты, если не ошибаюсь, все же удалось спасти. Вы найдете их в виде муляжей в отделе палеобиологии.

Тут уже Бернар, в свою очередь, пожелал узнать детали эволюции жизни на Марсе. Цер заявил, что это — вне его компетенции.

— Вам лучше поговорить с Вли, нашим ведущим специалистом. Насколько я знаю, ему и самому не терпится с вами пообщаться, чтобы сравнить геологию Земли и Марса.

глава 3

Во фруктовых садах города

Облокотившись на перила балкона, Сиг мурлыкал какой-то старый напев из скандинавского фольклора и блуждал взглядом по подземному миру. Расположившиеся на другом конце балкона Луи и Элен о чем-то непринужденно болтали. Растянувшийся на диване Поль курил свою трубку, пытаясь читать учебник по марсианской физике. Рэй, в поисках сенсационных снимков, отправился на экскурсию: марсиане обеспечили его своим материалом для цветных фото. Бернар объяснял Ингрид результаты своей встречи с Вли.

— Судя по журналу экспедиции, фильмам и скелетам, марсиане высадились на Земле в начале среднего эоцена. В фильме есть кадры, на которых запечатлено стадо резвящихся диноцератов, которое привело бы в восторг всех палеонтологов мира. Мне разрешили взять с собой копию всех фрагментов и книги. На Земле это произведет оглушительную сенсацию! А видела бы ты их коллекцию ископаемых! Жизнь проходила на Марсе практически теми же путями, что и у нас, но не в точности. К примеру, у них никогда не было непарнокопытных — лошадей, носорогов. Но зато у них были хоботные, которые у нас вымерли на стадии мастодонта. Чудеса, да и только! В их музеях можно бродить вечно!

Он буквально сиял от счастья.

— Ах, Ингрид! Как же прекрасна и восхитительна жизнь, подарившая мне такую радость! Но я веду себя эгоистично. Полагаю, вам с братом тоже должна представиться возможность узнать что-либо новое.

— Разумеется! Пусть даже это и будет всего лишь синтез альбуминоидов... Но снаружи так хорошо, да и этот свет

совсем не режет глаза. Я бы не прочь прогуляться по фруктовым садам. Сходим?

— Хм... Да как-то работы — по горло... — пошутил он.

Лифт быстро доставил их вниз. На улице они сразу же наткнулись на небольшую группку желтых марсиан, суетливых и улыбающихся. Благодаря той борьбе, которую земляне вели против черных, исконных врагов, они были здесь очень популярными. Чуть отойдя от дороги, они попали в тень фруктовых деревьев сада. Землю покрывал густой мох. Несколько ярких бабочек, муравьев и птичек — единственные выжившие здесь представители фауны — оживляли пейзаж своей хрупкой и грациозной жизнью.

Они расположились у небольшого ручья. Ингрид расстелила сандалии и опустила ноги в воду. Она долго сидела так с задумчивым видом, не произнося ни слова. Бернар, лежа на спине, курил огромную трубку. Он ощущал себя счастливым, но с трудом справлялся с внутренним перевозбуждением, которое приводило его к самым смелым гипотезам, плодам его визита к Вли. В его мозгу крутились десятки мыслей, мало-помалу выстраиваясь в гармоничное целое. Он все еще был там, внешне совершенно безмятежный, но в душе ликующий от того, что ему представился шанс узнать все это. Постепенно, убаюкиваемый трепетанием бегущей воды, легким плеском, который производила Ингрид, перебирая голыми ступнями, успокоился и он, предавшись воспоминаниям... Письмо Поля, отлет, появление Ингрид... Мысль о ней вновь пробудила в нем беспокойство: он знал, что любит ее, но вот любит ли его она? Ему, быстро находившему единственно верные решения в борьбе с материей, удавалось познать окружающих его людей лишь после продолжительных размышлений, осмотрительных бесед и долгого привыкания. Естественно, он знал, что Ингрид приятна его компания, что она любит шутить и спорить с ним, обмениваться мыслями. И он глубоко ценил эту дружбу. Но знал он и то, что если признается ей в своей любви, то это выйдет как-нибудь резко и неуклюже, и что если он будет отвергнут, то уже никогда не посмеет посмотреть ей прямо в лицо. Этот панический страх оказаться смешным был его недостатком, недостатком, который не раз и не два мешал ему на Земле. Кроме того, ему

казалось, что в их отношениях есть нечто деликатное и уникальное, нечто такое, что никоим образом не следует марать.

— Да здесь просто Эдем какой-то, — произнесла вдруг она. — Рай, из которого выгнали наших прародителей...

Невероятно, но факт: от протестантского образования она сохранила влияние Библии, что позволяло ей разбавлять свою речь античными метафорами и параболоми, звучащими из ее уст как-то свежо и молодо. Бернар поднялся, подхватил с земли спелый и тяжелый плод.

— Яблоко с древа Науки! На сей раз искусителем буду я. История перевернулась!

— Мы уже пробовали плод этого дерева — мы оба, — ответила она. — Он живительный, но горький. Я иногда с тоской вспоминаю ту маленькую девочку, которая ходила в храм и верила, что видит в новогоднюю ночь летающих ангелов!

— Какая-то ты задумчивая. Жалеешь, что полетела?

— Нет. Я бы и сейчас, даже зная, что нас ждет, все равно полетела. Просто иногда складывается впечатление, что мы перешли человеческие границы, и за это придется заплатить.

— Ба! Лично я не чувствую за собой ни малейшей вины. Полагаю, человек сможет зайти даже еще дальше, еще выше — как морально, так и физически. А когда солнце охладает, мы перейдем на другую звезду.

— Возможно... А может, человечество просто исчезнет, как игуанодоны...

Она тряхнула головой.

— Дай-ка лучше мне этот искушающий плод. Какими бы ни были последствия, таково человеческое предназначение — надкусить его!

— Так ты у нас, значит, Ева?

— Возможно... Если ты Адам.

Он не сразу в полной мере осознал смысл этого ответа. Потом быстро прокрутил в мозгу триумф, сомнения, опасения. Затем присел рядом с ней, по-турецки.

— Ингрид?.. — начал он.

Она обернулась, глядя на него своими большими и искренними карими глазами.

— Что?

— Ингрид, — повторил он, — ты согласишься...

Она отложила яблоко, обхватила его голову обеими руками и, нежно глядя в лицо, сказала:

— Ну конечно, дурашка!

В тот вечер, за ужином, проходившим в их квартире, Поль заметил нечто необычное в поведении Бернара. Никогда еще со смерти Клер он не видел его столь веселым и взволнованным. Сейчас он, всегда такой серьезный и малоразговорчивый, оживлявшийся лишь для поддержания долгих и ожесточенных дискуссий, смеялся, шутил и сыпал еще более непристойными каламбурами, чем иногда — сам Поль. И с каждой минутой это его возбуждение нарастало.

«Черт, — подумал Поль, — я знал, что Бернар любит геологию, но чтобы так сильно!..»

Сидевший с краю стола Сиг загадочно улыбался. В конце ужина Бернар вдруг распрямился и, перекрывая веселый шум разговоров, прокричал:

— Друзья, у меня есть для вас одно объявление...

— Слово предоставляется гражданину Бернару, — председательским тоном сказал Поль.

— В общем, так: мы с Ингрид с сегодняшнего дня — жених и невеста.

Комнату огласил вопль дружеских поздравлений, которые после повторения хором сменились бурными аплодисментами.

— Речь, Бернар, речь! — закричали Поль и Луи. То была их давняя лагерная привычка, старая, как и сама их дружба.

— Дамы и господа, — начал Бернар. — Я только что сообщил вам новость, которая, я в этом уверен, обрадует и потрясет все человечество. И я не преувеличиваю, заявляя это, так как не далее как минуту назад видел и главное слышал ту кучку людей, коей оно, наше человечество, представлено в этом странном мире, и эта кучка людей выражала свою радость и потрясение криками, которые напоминают — что весьма досадно для меня как для натуралиста — крики обычной свиньи (*sus scrofa**), скажем мы в целях научного уточнения), хвостовой придаток которой прижало дверью.

* Дикий кабан, вепрь (*лат.*)

Затем, уже степенным тоном церковного проповедника, он продолжил:

— Господь сказал, мои дорогие собратья: нехорошо, когда мужчина один. Поэтому я принял решение — разумеется, героическое — отказаться от своей независимости. Я только что связал свою жизнь с той, которая будет мне преданной спутницей и стабилизирует на ее пути блестящую звезду науки, коей я и являюсь. Так как, как бы это ни неприятно было слышать тем завистникам, на чьих лицах я сейчас вижу улыбки, я действительно — звезда науки!

Тоном политического оратора он закончил:

— Да, сограждане, женщина — это естественная спутница мужчины. Без нее нет домашнего очага! Без очага — нет семьи! А семья — это краеугольный камень государственной машины, основа общественного строя. И я приложу все усилия для того, чтобы был принят закон, по которому брак станет делом обязательным и бесплатным!

Он сел на свое место. Едва шум и смятение улеглись, встал уже Луи:

— Друзья мои, я благодарю Бернара за столь прекрасную речь, соперничать с которой я не осмелюсь. Так как мне тоже есть что вам сказать: мы с Элен обручены вот уже два месяца!

Это признание вызвало шквал возмущенных криков:

— И чего было скрытничать? К штрафу его! Вышвырнуть его за дверь!

В поднявшемся гвалте Поль завопил:

— Большой судебный совет единогласно постановляет: приговорить Луи Лапейра к штрафу в шесть бутылок «Монбазияка» каждому, выплачивается по возвращении. Мотив: преступные действия, имеющие целью погубить экспедицию за счет ликвидации одного из ее членов; ведь, как-никак, Элен теперь — всего лишь его половина! Более того, по тем же мотивам, Бернар приговаривается к идентичному штрафу!

— Мы решительно протестуем! — в унисон прокричали Бернар и Луи.

Громкий взрыв смеха, добродушного и искреннего, заставил их обернуться. В дверях, хохоча до упаду, стояли Анаэна, еще несколько девушек и трое парней. То было редкое зрелище, так как если улыбались желтые марсиане охотно и с

удовольствием, то смеялись они не часто. Выступив вперед, Анаэна представила:

— Лои, мой брат, биолог. Кни и Элиор, твои коллеги, Бернар. Мои подруги Эния, Лия, Ансия и Фиала. Последняя, как и я, была в плену у черных. В результате вашего вмешательства многим пленникам удалось бежать. Через старые галереи, где они бродили довольно-таки долго, в конечном счете они вышли к одному из наших аванпостов. Фиала добралась сюда лишь вчера вечером. О вашем существовании она даже не догадывалась, потому и задавалась вопросом: что же такого случилось в храме? Она пожелала поблагодарить вас лично. А теперь я должна сообщить, что через три дня мы уезжаем в разведывательную экспедицию в старые туннели, которые находятся в районе южного полюса. Как вам известно, я — геофизик. К тому же, Лои доложили, что там все еще сохранилась кое-какая остаточная фауна. Мы пришли спросить, не желает ли кто-то из вас отправиться с нами. Мы были бы рады вашему присутствию. Только вооружитесь. Возможно, нас ждет встреча с черными.

— Мы поедem, — сказали Бернар, Сиг и Рэй.

— Я тоже еду, — промолвила Ингрид. — Куда ты, дорогой, — туда и я.

глава 4

Фульгуратор

В назначенный день экспедиция была готова к отбытию. Она насчитывала восемь членов: Лои, Анаэну, Кни, Элиора, Бернара, Сига, Ингрид и Рэя. На трех криоксах им предстояло добраться до мертвого города Лло, откуда они уже пешим ходом направились бы к старым туннелям. Размещенный в Лло гарнизон желтых марсиан численностью в 200 человек присмотрел бы за криоксами. Накануне Бернар попросил показать ему местоположение Лло на карте. Мертвый город находился неподалеку от 70-го градуса южной широты и точно на 30-м градусе западной долготы в районе Серебряной горы.

Начальником экспедиции был назначен Лои. «Хорошенько вооружитесь, — посоветовал он землянам. — Будет лучше, если именно вы воспользуетесь своим оружием. С нашим, когда не имеешь на то давней привычки, обращаться весьма нелегко. Однако же ружья брать нет смысла — в узких галереях они будут вам только мешать». Так что каждый из них взял с собой два револьвера, запас патронов, несколько гранат. Рэй, естественно, захватил и «Лейку», заправленную марсианской фотопленкой.

По дороге, которая была им неизвестна, они дошли, следуя за желтыми, до гаража криоксов. Последних там, со сложенными ногами, стояло штук 200. Лои распределил членов экспедиции по машинам.

— Анаэна, Бернар, Ингрид — в № 1. Кни, Рэй, Элиор — в № 2. Сиг и я — в № 3.

Каждый криокс был четырехместным, так что даже если бы одна из машин вышла из строя, экспедиции не пришлось бы сворачиваться. Бернар не без любопытства проник вслед за двумя девушками внутрь аппарата: до сих пор шанса осмотреть интерьер криокса ему не представлялось. Он оказался в просторном продолговатом корабле примерно 10-метровой длины, вся задняя часть которого была забита двигателями, что значительно сокращало свободное пространство. Герметические перегородки из прозрачного материала разделяли этот зал на три отсека: один занимали двигатели, второй служил шлюзовой камерой и содержал скафандры, в третьем располагался пункт управления. Все перегородки этого последнего отсека также были прозрачными. Из четырех имевшихся тут кресел три стояли на одной линии, одно — чуть сзади. Перед каждым из трех передних, на небольшом столике, находилась клавиатура, похожая на фортепианную, но гораздо меньших размеров. Эти пульты управления были, за исключением пары-тройки деталей, практически идентичными. На каждой из кнопок стояла какая-нибудь марсианская литера; все они, кроме двух красных на центральном пульте, были черными.

— Управление здесь довольно-таки простое, — сказала Анаэна, устраиваясь в кресле. — Напрямую командовать весьма замысловатыми движениями ног нет никакой необ-

ходимости — за это отвечает специальный механизм. Наша единственная задача состоит в том, чтобы, нажимая на эти кнопки, регулировать скорость. Если говорить в понятных вам единицах измерения, здесь у нас, слева направо, такие кнопки: старт, скорость 5, 10, 30, 45, 60, 85 км/ч, что является максимумом. Изменения направления задаются вот этими педалями. Есть также кнопки «прыжок» и «стоп». Обе красные кнопки отдают распоряжения... скажем так: пушке. Правая — это начало стрельбы, левая — ее прекращение. Наводка по высоте осуществляется за счет маневрирования вот этим курсором вот этого градуированного полукруга, наводка по направлениям — посредством вот этого колесика. Параметры расстояния и прицеливания вы можете увидеть на небольшом телеметре, расположенном прямо напротив центрального кресла. Бернар, ты его и займешь — будешь, если что, вести бой. Вот инструкция, составленная на вашем языке, из нее можешь почерпнуть дополнительные детали. Я расположусь за левым пультом, ты, Ингрид, устраивайся за правым. Эта маленькая зеленая кнопка — сигнальная сирена. Ее я беру на себя.

— Но если, когда мы будем на поверхности, у нас пробыют корпус, и начнет выходить воздух, мы разве не задохнемся? — спросила Ингрид.

— Нет, не задохнемся. Корпус здесь двойной, и между двумя листами залита смесь, которая обладает способностью заделывать дыры... если они, конечно, не слишком велики, — добавила Анаэна с улыбкой.

Через прозрачную перегородку Бернар увидел, как криокс № 3, в котором находился Луи, медленно распрямил ноги. На небольшом экране ретро-телевизора тот же самый маневр повторял № 2.

— Ах да, совсем забыла, — сказала марсианка. — Для распрямления ног нужно одновременно нажать кнопки «стоп» и «старт». Поднять криокс на ноги поручим тебе, Ингрид. Если что-то пойдет не так, просто вскинь руку, и я все исправлю.

С некоторым волнением при мысли, что она может где-то ошибиться, Ингрид нажала на указанные кнопки. Они почувствовали, как аппарат плавно, без рывков, приподнялся.

— И давно у вас эти криоксы? — поинтересовался Бернар. — Настоящее чудо механики!

— Изобрели их не мы, а красные. Мы их лишь усовершенствовали. Но мы участвовали в изобретении фульгуратора, чрезвычайно эффективного орудия, которым оснащены все наши машины. Впрочем, ты сам все увидишь, если мы наткнемся на черных, на что я очень надеюсь.

Сказав это, она пустила машину вперед на минимальной скорости. Преодолев небольшой туннель, они «вошли» в грузовой лифт, который поднял их на поверхность. Слева Бернар заметил просторный ангар, возведенный марсианами вокруг «Рони». Затем скорость увеличилась, и три криокса выстроились треугольником: № 1 — во главе, № 2 — слева и чуть сзади, № 3 — справа и, опять же, чуть сзади. Вскоре они уже мчались вперед на предельной скорости среди пологих дюн, прямоком на юго-запад. Машину немного шатало, но это было размеренное и довольно-таки приятное покачивание.

— Если я правильно все подсчитала, — сказала Ингрид, — до Лло 4 500 км. При средней скорости в 80 км/ч, мы будем там через 56 часов, то есть через двое суток и восемь часов.

— Думаю, что дорога займет у нас куда больше времени. Хорошо, если уложимся в трое суток. Впрочем, наши криоксы оборудованы всем необходимым для долгих поездок и предполагают гораздо больше удобств, чем ты можешь себе представить. В задней части, за машинным отделением, находится комната отдыха с четырьмя расположенными одна над другой кроватями, кладовой-кухней и т.д. Эти аппараты — 14-метровой длины, тогда как первые три отсека занимают лишь 10 метров.

Ингрид долго смотрела на пробегающий за стеклом пейзаж. Мало-помалу разговор прекратился. Бернар изучал памятку по марсианской стрельбе. Анаэна управляла машиной, что было не так уж и сложно: путь пролегал по прямой линии. Ближе к концу дня, по подсчетам Бернара, они должны были оказаться в области Фрикса, быть может, даже в районе Босфорского плато. Монотонность поездки слегка угнетала. Ингрид даже пожалела, что не захватила с собой книжек. Вскоре она нашла развлечение в том, что принялась наблюдать за другими криоксами. Они продвигались в завихрении

ног, поднимая с марсианской земли рыжеватую пыль. Их ход был уверенным и легким. Глядя на них, она невольно подумала о муравьях. Затем обнаружила, что видит весь этот мир точно таким же, каким его должен видеть настоящий муравей — в тех же самых пропорциях, — и даже прыснула от этого со смеху. Бернар поднял голову, улыбнулся ей и снова погрузился в чтение. В полдень они остановились на несколько минут, чтобы немного перекусить. Часов в пять вечера Анаэна, до сих пор выглядевшая дремавшей за своим пультом, внезапно распрямилась. Затем, прикоснувшись к плечу Бернара, который действительно уснул, сказала:

— Смотрите! Вон там — пилоны защитной зоны! Там-то мы и проведем ночь.

Они посмотрели — и ничего не увидели: лишь горизонт да бескрайние пески.

— Знаю, вы ничего не видите — еще не привыкли к этой безмолвной пустыне. Но через минуту-другую увидите и вы.

Мало-помалу из угрюмой необъятности песков возникло приземистое строение, над которым возвышался огромный пилон из ажурного металла. Когда до него оставалось примерно два километра, из бортового самописца донесся легкий шум, и на бумажной полоске отпечатались марсианские буквы.

— Это они так приветствуют нас, — пояснила Анаэна.

Спали в караульном помещении. То была невысокая металлическая постройка с подземными комнатами, которая входила в пояс защитных укреплений желтых марсиан. Постоянно в ней находились полтора десятка мужчин и женщин, сменявшихся каждые два месяца. Она использовалась в качестве отправной базы многими подобными экспедициями. Кни и Элиору уже доводилось останавливаться в других пилонах.

В путь отправились с рассветом и снова примерно в течение часа ехали исключительно по прямой. Затем Анаэна повернулась к спутникам и сказала:

— С этого момента мы уже не на нашей территории, а на нейтральной. Здесь постоянно рыскают патрули черных. Смотрите в оба. Их машины не такие быстрые, как наши, да и орудия не такие мощные, но в дальности стрельбы мы

им уступаем. Ингрид, поведешь немного, чтобы привыкнуть к маневру, затем наступит очередь Бернара.

Время побежало гораздо быстрее, чем накануне, да и беседа приняла более оживленный оборот. Анаэна уже бывала в этом месте, но основную информацию они получили от Кни и Элиора, которые, как и все геологи, по праву могли называть себя «скитальцами по планете». Переговаривались из криокса в криокс, по радиотелефонной связи.

— Ну что, Рэй, — спросил Бернар, — как ты там?

— Да не очень. Мерзкий край. Не будешь же фотографировать голые пески!

— Прибереги пленку, — подал голос Сиг. — Если верить тому, что мне сказал Лои, вскоре тебе будет чего пощелкать. Где мы сейчас, Бернар?

— В районе Огигии.

В криоксе № 3 Сиг сравнивал земные карты с марсианскими.

— Точно. Марсиане называют этот район «Биль-Хиор». По словам Лои, еще ни одна экспедиция не проходила здесь без того, чтобы не вступить в бой с черными.

Разговор оборвали три коротких гудка сирены, исходивших из № 2, который был примерно в километре слева.

— Выстраиваемся в боевом порядке, — перевела Анаэна. — Бернар, займи свой пост. Ингрид, будь готова заменить меня, если что.

По радио Кни сообщил им, что впереди замечено приближающееся к ним облако пыли.

— Патрульные криоксы никогда не удаляются так сильно ни от пилонов, ни от Лло, да еще без предупреждения. Это наверняка черные!

Три криокса уже мчались навстречу предполагаемому врагу. Тщетно Бернар и Сиг пытались заметить, что можно избежать стычки благодаря большей скорости желтых машин: многовековая ненависть уже заставила желтых марсиан позабыть об осторожности и благоразумии. Ингрид все бы отдала — даже жизнь — за возможность увидеть битву между марсианами. Для Рэя то был сногшибательный репортаж, который ни в коем разе нельзя было упустить. Расстояние быстро сократилось. Мало-помалу в пыли начали проявлять-

ся формы. То действительно были крабы — примерно с десяток, — и значительно больших размеров, чем те, с которыми землянам уже доводилось встречаться. Они тоже никуда не собирались сворачивать. Криоксы маневрировали таким образом, чтобы накрыть огнем передовые вражеские машины. До черных оставалось уже три километра... два... один...

— Стреляй, Бернар, стреляй же! — закричала Анаэна.

Он никак не мог решиться, охваченный тем страхом убивать без необходимости, который был ему характерен. Они вполне могли бы избежать этого боя. Вдавлив ладони в пульт управления, он прицелился, опустил палец на красную кнопку, колеблясь между желанием увидеть, как действует оружие криокса и своим отвращением к убийству, даже самых беспощадных врагов. Он бы предпочел, чтобы начал кто-то другой. № 2 и № 3 ждали сигнала № 1, распологавшегося по центру.

Перед одним из крабов полыхнул небольшой огонек. Бернар вдруг услышал сухой щелчок, затем, где-то позади себя, — взрыв. Его обдало теплым воздухом, засвистели осколки, рикошетируя в командную рубку, срезая у него мочку левого уха. Анаэна повалилась на пульт. На мгновение ему стало страшно, что корпус криокса пробит, но так как давление в машине не падало, где-то внутри него начала подниматься волна ненависти, сметая в стороны все гуманные сантименты. Целая и невредимая, Ингрид уже была готова взять управление аппаратом на себя: в момент взрыва она разве что втянула голову в плечи, не более. Он до предела вжал палец в красную кнопку. Из крыши криокса № 1 вырвался сноп огня. Почти тотчас же две другие пылающие кометы вылетели из № 2 и № 3. Секунду-другую они еще парили в воздухе, затем упали среди черных. Бернару показалось, что вспыхнули три зеленые звезды. Солнце вдруг потускнело, и хотя они находились как минимум в 800 метрах от этих горящих очагов, Бернар увидел, как на заднюю перегородку отбросило его тень, и весь интерьер криокса окрасился в зеленый цвет.

— Заглуши мотор, — произнес знакомый голос. Ингрид повиновалась. № 1 остановился, а вслед за ним — и другие. Анаэна приподнялась, тряся головой. Тонкая струйка крови

текла по ее затылку, среди платиновых волос, черная в зеленом свете.

— Пустяки, — сказа она. — А вот они, похоже, получили по полной! Отличный выстрел, Бернар.

Бернар перевел взгляд на зарево. Оно уже опускалось и вскоре погасло. От черных машин не осталось и следа. В радиусе 300 метров песок буквально остекленел. Бернар заметил, что обливается пóтом. Передняя перегородка была обжигающе-горячей.

Так как Сиг изъявил желание прогуляться до места падения снарядов, пришлось подождать, пока песок охладится. За это время Ингрид успела осмотреть Анаэну и Бернара. Ранивший марсианку осколок отрикошетировал от потолка и угодил в иридиевое украшение, которое она носила в волосах. Это украшение вонзилось в плоть, отсюда — и шок вместе с легким порезом.

По прошествии часа они смогли пройти в остеклованную зону. В том месте, где находились вражеские машины, они обнаружили лишь несколько частиц расплавленного металла. Лои, Кни и Элиор, не пожелавшие покидать криоксы, довольно посмеивались. Даже Анаэна улыбнулась, увидев этот металлический скрап. Затем, уловив осуждающий взгляд Бернара, сказала:

— Должно быть, мы кажемся тебе жестокими и бессердечными. Но ты сам видел: тут либо мы — их, либо они — нас! Вот только вместо того, чтобы исчезнуть без следа, мы бы оказались разорванными на части. Да и удача была на нашей стороне. Начни они стрелять издали, куда бы мы не добились... Возможно, мы и плохие, но они еще хуже!

Вечером они остановились среди развалин одного из «наземных» городов, датируемого последним «ренессансом», — теперь этот город, некоторые помещения которого уцелели и поддерживались в нормальном состоянии, использовался в качестве промежуточной станции. Кни и Лои отремонтировали № 1. Ущерб оказался минимальным: небольшого диаметра дыра спереди, одна-единственная. Разбившуюся перегородку, отделявшую рубку управления от шлюзовой камеры, быстро заменили. Марсиане вытащили из багажного отсека тубусы, заполненные вязкой жидкостью, которую они

залили в специальные формочки. Уже спустя четверть часа эта субстанция стала твердой, как сталь. Вскоре новая пергородка заняла место прежней.

Поели они в мертвом городе, но спать легли в криксах. К Бернару долго еще не приходил сон: перед глазами по-прежнему стояло невероятное зарево, в котором сгинуло по меньшей мере десять человеческих жизней.

— Мне прекрасно известно, — сказал он Ингрид, — что они плохие и убили бы нас, если бы смогли. Но я все равно не перестаю думать о том, что это были люди, и что вечером, в черном городе, их будут оплакивать друзья и товарищи. Смех Анаэны и остальных ранил меня до глубины души.

— Да, — сказала она. — Но имеем ли мы право судить их? Подумай о последней войне на Земле, о до основания разрушенных без сколь-либо весомой причины городах, о десятках тысяч погибших... Они, в этом суровом и бесплодном мире, разделенные многовековой расовой ненавистью, имеют больше оправданий, чем мы. И потом, знаешь ли, мне тоже хотелось рассмеяться. Эта нормальная реакция после того, как ты выжил лишь чудом. Не все такие чувствительные, как ты... я говорю тебе это не в упрек, порой я тебе даже завидую. Из всех нас ты — самый человечный, Бернар, но не стоит судить других по себе. Если бы рассмеялся ты — ты, какой ты есть на самом деле, — это вызвало бы у меня омерзение. С ними все обстоит иначе...

Проведя тихую ночь, к вечеру следующего дня они без происшествий прибыли в Лло.

глава 5

В заброшенных галереях

Снаружи город состоял всего лишь из нескольких пилонов и одного небольшого строения, прикрывавшего вход. Вот уже 400 лет в городе стоял гарнизон из 700 желтых марсиан. На первых порах это была обычная промежуточная станция, но лет сорок назад они расчистили часть завалов в подземных галереях и теперь часто были

вынуждены отражать атаки черных, так как, если Лло был мертвым красным городом, всего лишь в 600 километрах от него находился вполне живой черный город.

Между членами экспедиции и командованием гарнизона состоялся военный совет. Последние работы открыли проход к некоей еще не исследованной галерее, уходившей в южном направлении. Легенды гласят, сказал Элиор, что когда-то красные разрабатывали очень богатые вольфрамовые и магниевые рудники к югу от Лло, примерно в 70 километрах. Стало быть, именно в этой стороне и нужно искать.

В ожидании отбытия, Бернар и его спутники посетили музей. То был зал, где временно, перед отправлением в Анак, складировали все открытия археологического порядка, сделанные расчищающими галереи от завалов рабочими. Сейчас в этом зале находились обломки машин и кое-какие таблички, которые Кни удалось дешифровать. Это были указатели направления, глубины, предупредительные и запретительные щиты.

— Вот и от нашей цивилизации, — шепнул Бернар Сигу, — возможно, останется лишь эмалированная табличка с надписью: «По газонам ходить воспрещается».

— Это еще куда ни шло! Будет куда печальнее, если на ней окажутся буквы «W. C.»! — ухмыльнулся в ответ скандинав.

В туннель они вошли с некоторым волнением. Свод, на первых двухстах — трехстах метрах имевший такой вид, будто он вот-вот обрушится, и местами даже снабженный металлическими подпорками, далее был уже вполне прочным и без трещин. Дорога, пусть и не резко, но постепенно уходила вниз. На протяжении первых нескольких километров она была довольно-таки широкой, затем резко сузилась, и дальше пришлось идти уже гуськом. Лои, глава экспедиции, шествовал первым, за ним шли Сиг и Бернар, не преминувшие указать своим марсианским товарищам на то, что в случае какой-либо неожиданности или рукопашного боя их физическая сила может оказаться весьма ценным подспорьем. Кроме того, земное оружие представлялось значительно более предпочтительным, чем марсианское, так как могло быть использовано даже в близком бою. Анаэна

и Ингрид находились в середине цепочки, Рэй, Кни и Элиор составляли арьергард.

Продвигались бесшумно. Бернар думал о том, что даже в ярком свете карманных фонариков эта галерея выглядит гораздо более внушительной, чем все земные пещеры, в которых ему доводилось бывать. В земных вечно откуда-то капала вода, свисали сталактиты самых различных форм, заставляя забывать об окутывающем тебя мраке; здесь же царила полнейшая тишина, повсюду были голые, гладкие скалы, и у тебя складывалось неприятное ощущение, будто ты оскверняешь чью-то могилу. Вероятно, такое же чувство испытывали и его товарищи, так как если они и нарушали тишину, то лишь для того, чтобы обменяться парой-тройкой коротких замечаний научного толка. По прошествии нескольких часов они остановились на привал в месте, где галерея чуть расширялась, и приступили к уничтожению завтрака. Он состоял из своеобразных кулебяк, которые выпекали желтые, и в которых приятный вкус сочетался со значительной питательной ценностью. Земляне, вдобавок к этому, съели еще по плитке шоколада. Анаэна, уже привыкшая к этому лакомству за время, проведенное на борту «Рони», также попросила себе одну, и ее просьба с нарочитой помпезностью была удовлетворена. Этот небольшой, ярко освещенный зал принес им ощущение комфорта и безопасности, и все тотчас же заметно повеселели.

— Ты вчера говорил, — обратился Бернар к Элиору, — что красные где-то здесь добывали руду. В любом случае, мне не кажется, что эта галерея могла использоваться для ее вывоза — слишком уж она узкая.

— Ну да. Вероятно, это лишь проход, дублирующий основной путь. Если эта гипотеза верна, мы скоро его обнаружим.

После короткой передышки они двинулись дальше. Вдруг Сиг, который шел теперь первым, остановился.

— Смотрите!

В тонком слое пыли, покрывавшей каменный пол, виднелись следы чьих-то шагов.

— Здесь недавно кто-то прошел, — заметил скандинав.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразил Бернар. — Когда я исследовал пещеры, то часто натыкался на следы,

оставленные медведем, но оставленные несколько веков назад. В них даже шерсть порой находилась!

— В любом случае, — отрезал Элиор, — эти следы оставил не красный. Да и не желтый, — продолжал он, склонившись над следами. — Это мог быть только кто-то из черных. И, как уже заметил Бернар, они могли быть оставлены несколько тысячелетий назад... Правда, с тем же успехом их могли оставить здесь и вчера...

Они осторожно пошли дальше. Вскоре они очутились у входа в огромную галерею, свод которой достигал не менее 30 метров в высоту. Вдоль всей галереи тянулись рельсы из блестящего металла.

Сиг наклонился:

— Никель, или схожий металл. Надо будет взять образчик. Но как так вышло, что они не покрыты пылью?

— Возвращаемся в маленькую галерею! — скомандовал Лои. — У красных никогда не было рельсовых машин. Должно быть, этой линией пользуются черные!

Решено было держать совет. Бернар и Элиор высказались за то, чтобы вернуться в Лло и вновь прийти сюда уже с подмогой. Остальные полагали, что будет лучше провести разведку, зайдя так далеко, как позволят обстоятельства. Спор грозил затянуться надолго. Внезапно они заметили, что Анаэны и Ингрид нет рядом.

— Куда они могли пойти? — пробормотал Сиг.

— В большую галерею, полагаю, — и Бернар двинулся в этом направлении. Не прошел он и десяти шагов, как появились два огонька.

— Скорее гасите фонарики! — прокричала Анаэна. — Что-то приближается!

Они послушались, оставив зажженным лишь один — на всякий случай его обернули куском материи. В большой галерее что-то прогрохотало по рельсам, коротко сверкнув огнем. Не успели они высказать и пары предположений относительно того, что бы это могло быть, как громыхание возобновилось.

— Уж на этот раз я посмотрю, — прошептал Сиг и, прежде чем они успели его удержать, бросился вперед и вжался в стену у самого входа в галерею.

Он увидел большой ламповый прожектор, и мимо с ветерком пронеслась установленная на колеса широкая платформа, покрытая крабами, какими-то мудреными механизмами и кучками черных марсиан.

«Поезд» беспрестанно дефилировал с полчаса, не меньше. Товарищи уж и не знали, что думать.

— Если хотите мое мнение, — сказал наконец Бернар, — то все это чертовски смахивает на мобилизацию. Должно быть, черные вознамерились напасть отсюда на что-то. И это — не Лло, который находится в противоположной стороне. Есть здесь еще какие-нибудь города, Кни?

— Нет. Ни единого, разве что...

— Разве что — что?

— Разве что мы ошибались, полагая, что красных здесь больше нет. Пойдемте взглянем.

— А если появятся новые «поезда»?

— Прежде чем черные нас увидят, они уже будут мертвы...

Они проследовали в большую галерею и долго шли, никого на своем пути так и не встретив. В районе восьми вечера, когда уже начинала ощущаться усталость, они уснули в нише, выдолбленной в скале метрах в пяти от земли, куда они легко забрались при помощи «кошки». Бернару уже начинал сниться сон, когда его разбудил шум голосов. Он бесшумно нагнулся. Смутный свет освещал галерею, в которой, на некотором расстоянии от них, остановилась платформа. Машин на ней не было — лишь с десятков черных марсиан, о чем-то болтавших между собой. В уголке платформы нечто копошилось во мраке. Один из черных марсиан наклонился, полыхнул яркий свет, на мгновение озарив эту часть вагона. Бернар с изумлением увидел, что этим вяло шевелящимся «нечто» были пятеро пленников, красные марсиане... В голове у него уже созрел план. Их нужно было освободить. Разбудив товарищей, он шепотом ввел их в курс дела. Без лишних слов и жестов он и Сиг передали свои револьверы Рэю, лучшему стрелку из этого вида оружия с дальнего расстояния.

— Сколько, говоришь, их там? Десять в двадцати метрах? Well, считай, что они уже трупы! Уж при сорока двух возможных выстрелах я как-нибудь с ними справлюсь!

Он подполз к краю ниши, нагнулся. Все задержали дыхание. И тут, один за другим, раздались оглушительные выстрелы. Бернар машинально подсчитывал: их оказалось тринадцать. Рэй обернулся и флегматично сказал:

— Готово.

Они ринулись на штурм платформы. Соппротивление оказывать было уже некому. Черные были мертвы, за исключением одного раненого, в глазах которого сверкала беспомощная ярость. Анаэна выхватила револьвер из рук Сига и хладнокровно его прикончила.

— Мертвые не кусаются, — бросила она в качестве комментария.

Все произошло так быстро, что никто не успел даже среагировать.

Бернару стало тошно от омерзения. Сиг побледнел, Рэй произнес энергичное и осуждающее: «My God!» Ингрид отвела взгляд в сторону. Марсианам поступок девушки определенно пришелся по душе.

Действуя методом проб и ошибок, они привели платформу в движение. Пленников развязали. Кни попытался войти с ними в контакт при помощи того небольшого, что знал из красного диалекта, но понят не был. Элиор был за машиниста.

— Кни, Анаэна, переместитесь вперед с вашими «сжигающими пушками», — попросил Бернар. — Думаю, так будет лучше всего. Мы же не знаем, куда едем!

Платформа на довольно-таки приличной скорости мчалась вперед в течение уже почти получаса, не встречая на своем пути ни малейших препятствий. Напряженные и настороженные, все вглядывались во мрак, начинавшийся там, где заканчивался свет сигнальных огней. Красные столпились в уголке и, судя по всему, что-то оживленно обсуждали. Из их безгубых ртов вырывались короткие свистящие звуки. По прошествии получаса они заметили вдали другой неподвижный вагон. Элиор ударил по тормозам. Их собственная платформа остановилась примерно в 500 метрах. Кни, Анаэна и Лои уже начали вытаскивать свои «сжигающие пушки», когда Сиг подал им знак: не стрелять. Действительно, впереди не наблюдалось ни малейшего движения. Они подождали не-

сколько минут, а затем стали медленно продвигаться. Вагон, к которому они подошли, оказался пустым; метрах в ста от него — туда еще добивал свет его прожектора — стояла целая вереница таких же, и тоже пустых.

— Прекрасно, — вслух подумал Бернар. — Вот мы и прибыли на вокзал. Где же выход?

С оружием наготове они потянулись вдоль вагонов; красные замыкали строй. Но вскоре один из них вцепился в руку Бернару тремя своими жесткими, будто металлическими, пальцами и другой рукой указал на открывавшуюся слева небольшую галерею. С минуту-другую они еще колебались, не зная, как быть. Впереди тянулся дебаркадер с подъемными машинами, похожими на земные краны, но более хрупкими. Все казалось темным и пустынным. Должно быть, черные полагали, что им здесь ничто не грозит. То тут, то там высились поддоны с металлическими ящиками, заполненными небольшими крылатыми снарядами.

— Готовятся к войне, не иначе, — пробормотал Сиг.

Ему никто не ответил. Обернувшись, он увидел, что товарищи вслед за красными направляются к небольшой галерее и уже удалились от него метров на двадцать. Он поспешил к ним присоединиться, и так, с ним в арьергарде, они и прошли под арочный свод. Через несколько метров повернули направо, затем налево, и только тогда услышали смутный шум, состоящий из взрывов, криков, стрекотаний.

— Что это? — спросила Ингрид.

— Вот уж не знаю, — ответил ей брат. — Подойдем ближе — увидим.

Постепенно шум нарастал, и вскоре они уже были вынуждены кричать, чтобы оказаться услышанными. Красные теперь бежали и выглядели крайне взволнованными. Они последовали за ними; в конце туннеля появился свет, который с секундой становился все более и более ярким, и они очутились на горном карнизе, находившемся в срединной части крутого утеса, ограничивавшего с одной стороны огромную пещеру.

С первого взгляда, ослепленные, они ничего не увидели. Затем их глаза привыкли к свету, и они рассмотрели сцену в мельчайших деталях. В отличие от того, что происходило

в других пещерах, детали были четкими, не расплывшимися в дымке. Внизу, на огромной равнине, разворачивалось яростное сражение. Располагавшаяся на противоположной от них стороне армия красных яростно отбивалась от превосходящих ее численно черных марсиан, которые шли в атаку при поддержке крабов и своеобразной артиллерии, состоящей из короткоствольных пушек очень крупного калибра. Красные, в свою очередь, располагали крайне малым количеством машин, похожих на криоксы, и использовали свои аппараты, применяя центробежную силу и метая дискообразные снаряды, которые довольно-таки долго планировали в воздухе и падали совершенно бесшумно. Там, где они касались земли, столь же бесшумно поднималось белое пламя, убивая все живое в радиусе двадцати метров. Пока что все шло к скорой победе черных. Армия красных была практически разделена надвое, и их теснили к стене, в которой не было ни единого проема, ни малейшей щели. Черные забрасывали их снарядами, воздерживаясь от рукопашной, в которой физически гораздо более мощные, да еще обладающие острыми мандибулами красные определенно имели бы преимущество.

Освобожденные экспедицией красные марсиане выглядели совершенно ошеломленными. Тогда Сиг сказал:

— У нас великолепная позиция для того, чтобы вмешаться. Всего-то и нужно, что разместить фульгураторы батарей. Полагаю, до собственно черной армии — я имею в виду ее бойцов — они не добьют, но их орудия находятся менее чем в 150 метрах от нас.

Кни и Элиор, улегшись на каменный выступ, уже прицеливались. Анаэна и Лои последовали их примеру. По сигналу четыре фульгуратора выплюнули свои снаряды. Дальнейшее выглядело полным — только уже в меньшем масштабе — повторением сражения с крабами: сноп пламени, зеленые звезды, падающие среди черных батарей. Бернар с изумлением увидел, как пушка, стоявшая в паре метров от того места, куда упал один из снарядов, покраснела и расплавилась, словно сливочное масло на сковородке. На какие-то мгновения среди черных артиллеристов воцарилось смятение, но затем несколько из них бросились разворачивать одну из дальних пушек.

— Скорее! — прокричал Бернар. — Или нам конец!

Снова сработали фульгураторы. И в ту же секунду выстрелила пушка. Крылатый снаряд медленно летел прямо на них. Они ринулись назад. Ужасный взрыв, грохот обвала, и их разбросало по сторонам — кого куда. Выпавшие из рук фонарики тут же погасли.

глава 6 Жажда

Первым пришел в себя Сиг. Он тотчас же провел переключку.

— Ингрид?

— Она здесь, — ответил Бернар. — Должно быть, всего лишь без сознания, так как сердце бьется.

— Рэй?

— I'm here.

— Анаэна? Анаэна?

Тишина.

— Элиор?

— Да.

— Кни?

— Я ранен.

— Лои?

Послышался стон. Появился слабый мерцающий огонек: это Бернар щелкнул спичкой. При ее свете он заметил один из их фонариков. Тот работал, и он облегченно выдохнул.

— Так где же все-таки Анаэна? — спросил Рэй.

Бернар поводил кругом ярким лучом. Худшего и представить себе было невозможно. Свод обрушился не только со стороны пещеры, но и с противоположной. Они оказались замурованными. Ингрид по-прежнему лежала без сознания рядом с ним. Кни поддерживал сломанную в области предплечья левую руку, Лои был весь в крови, которая струилась из раны на голове. Остальные были целы, если не считать пары царапин. Красных марсиан нигде не было видно. Вдруг

они услышали, как кто-то кричит с другой стороны завала. Это был голос Анаэны.

— Я жива, только ногу зажало между двумя камнями. Кости вроде бы целы, но высвободить не могу.

Они быстро увидели, что их от нее отделяет вставшая ребром обычная гладкая плита. Осторожно отбросив плиту в сторону, они помогли марсианке вытащить из-под камней ногу. Бернар повел итог:

— Трое раненых, из них двое — серьезно: Кни и Лои. У Анаэны лишь ушибы. Из еды — лишь то, что осталось в сумках. Воды очень мало, большинство фляг пробито. Из оружия — револьверы, гранаты и один фульгуратор из четырех. К счастью, пока вытаскивали Анаэну, я нашел перевязочный материал.

Вместе с Сигом он тотчас же занялся Ингрид, которую нужно было привести в сознание. Элиор и Рэй принялись оказывать первую помощь раненым. Как только перевязки были сделаны, они осмотрелись и поняли, что положение — не из лучших. Все попытки найти какой-нибудь выход завершились ничем. Они были замурованы. Воды оставалось на несколько дней, максимум на десять. Целая фляга была только одна — шестилитровая, но марсианская пища жажды практически не вызывала, скорее даже наоборот — утоляла ее. Правда, приходилось считаться с возможным жаром у раненых. Их они постарались расположить как можно удобнее, но максимально комфортных условий создать все же не получилось. Лои постоянно стонал, похоже, получил сотрясение мозга.

Бернар ходил взад и вперед, недоверчиво ощупывая стены. Он чувствовал, что все его товарищи, даже Сиг, рассчитывают на него, верят, что он, геолог, сможет их отсюда вытащить.

— Была бы у нас хотя бы мотыга, рычаг... Мы находимся в слоистом известняке. Один или два слоя обрушились, но они не толстые, и я уверен, что над всем этим должен быть свод!

Он до крови разбивал кулаки о скалистые выпуклости. Сиг думал. Рэй рассматривал свой драгоценный фотоаппарат. Марсиане находились в состоянии прострации.

Анаэна осторожно массировала распухшую лодыжку. Ингрид встала и подошла к Бернару.

— Как думаешь, есть надежда?

Он посмотрел на нее с любовью и сказал, пожимая плечами:

— Пока ты жив, всегда есть надежда. Сиг, Рэй, подойдите, помогите мне.

Втроем они попытались сначала вытолкнуть, затем, наоборот, подтянуть к себе немного расшатанный, как показалось Бернару, каменный блок.

— Ну же! Идет!

Послышался треск, грохот. Они едва успели отскочить назад. Наконец хаос прекратился. Вверху вырисовывалась черная дыра.

— Ура!

Он подтянулся, просунул в щель голову и фонарик — и испустил вопль разочарования. За дырой действительно обнаружилось свободное пространство, но далее огромная сплошная глыба перекрывала галерею. Они лишь чуть расширили свою тюремную камеру!

Тем не менее они перебрались на другую сторону барьера, где пол галереи, покрытый мелким песком, показался им более удобным.

Бернар проснулся, взглянул на часы и раздраженно вырезал на стене еще одну черточку. Они находились здесь уже тринадцать дней! Вчера у них закончилась вода. Вот уже тринадцать дней, как они не могли как следует утолить свою жажду. Терпимая вначале, жажда уже начинала одолевать их. Один из раненых, горя в лихорадке, громко стонал. Если Анаэна уже начинала ходить, а Кни уже перестали беспокоить боли в предплечье, то состояние Лои вызывало у него беспокойство. Глядя перед собой отупевшим взглядом, тот уже с трудом узнавал сестру и друзей, землян же не узнавал вовсе.

Рядом с Бернаром пошевелился Сиг. Чуть дальше что-то бормотала во сне, по-шведски, Ингрид. Хотя в физическом плане с ней все было в порядке, больше всех от жажды страдала именно она. Ингрид и Анаэна выцедили последние

капли воды — правда, ему пришлось едва ли не заставлять их сделать это.

Сиг уже окончательно проснулся, и они начали перешептываться.

— До чего же идиотская ситуация! — пробормотал Бернар. — Случись такое со мной на Земле, я бы счел это нормальным. Но пролететь 70 миллионов километров, чтобы сдохнуть, как крыса в норе! В скольких пещерах мне доводилось бывать, но даже самого ничтожного инцидента не припомню!..

— Рано еще падать духом, Бернар, но час отчаянных действий определенно настал. У нас довольно-таки много гранат. Среди одежд наших товарищей есть пояса, которые из искусственного шелка, а он — я проверял — легко воспламеняется. Мы сможем сделать из него фитиль. Кто знает, какой толщины плиты, которые нас окружают? Разумеется, это рискованно. Мы можем вызвать обвал, который нас здесь и похоронит. В любом случае, если так и будем сидеть, через несколько дней все равно умрем.

— Я уже думал об этом. Но как сделать лунку для укладки мины?

— Выкопать среди обломков горной породы, я нашел твой молоток и стамеску. Разбудим-ка остальных.

Быстро посоветовавшись, они решили все же пойти на эту отчаянную меру. Вырыть яму в основании плиты, пусть она и была из довольно-таки податливого известняка, оказалось делом нелегким: к концу работы они были уже совершенно обессиленными. К закладке мины Сиг подошел со всей тщательностью — им нужно было, что взрыв удался на славу. После того как раненых перенесли на другую сторону от завала, они подожгли фитиль.

То были ужасные секунды... Никто не знал, какой результат принесет взрыв. Он мог открыть проход, вызвать смертельный обвал или же вовсе ничего не вызвать. Забившись в самый дальний уголок, они даже не могли проследить взглядом за прогоранием фитиля, так как их от него отделяла горка осыпавшихся с потолка осколков скальной породы, — они различали разве что слабый мерцающий отблеск. Сиг считал, что полностью фитиль должен прогореть примерно

за полминуты. Бернар не сводил глаз с секундной стрелки своих часов. Свободной рукой он обнял Ингрид, словно желая защитить.

Сухой и короткий взрыв, несколько упавших камней, затем облачко едкого дыма, вызвавшего у них кашель... Бросившись к барьеру, все те, кто держались еще на ногах, увидели, что плита всего лишь украсилась звездообразными трещинами.

— Не будем отчаиваться, — сказал Рэй. — Возможно, теперь, при помощи чего-нибудь железного и прочного...

Бернар не дал ему закончить. Он уже приступил к работе. Осколки скалы полетели во все стороны от лихорадочных ударов его молотка. Он наклонился, просунул пальцы в дыру, согнул их — и что было сил дернул. Плита затрещала, и кусок ее отошел в сторону. Из проделанного таким образом небольшого треугольного отверстия в лицо ему ударил поток свежего воздуха.

— Ура! Теперь выберемся.

Гнев его тотчас же прошел, он заработал молотком — медленно, терпеливо. Вскоре перед ним образовалась небольшая дыра, в которую он смог просунуть голову. Оставшуюся работу закончили уже быстрее. И тогда они с изумлением увидели, что эта не слишком толстая — сантиметров 60, не больше — плита, бесспорно, была вытесана человеческой рукой и «ходила» туда-сюда по вертикальным желобкам.

— Сомнений быть не может, Бернар! Это ловушка, задуманная уж и не знаю для каких целей!

— Вероятно, мы этого никогда и не узнаем! Должно быть, в этих галереях действительно имелись подобные «ловушки», предназначенные для тех, кому находиться здесь не полагалось. А может, это было что-то вроде вращающейся двери? В былые времена, с контргрузом, она, судя по всему, срабатывала куда легче. А тут, похоже, застопорилась из-за того, что давно бездействовала, и лишь после того как ее как следует потрянуло в результате взрыва, снова задвигалась — к счастью для нас. Так что мы дешево отделались!

— Подожди, мы еще не спаслись! Воды больше нет, с нами двое раненых и две женщины.

На поиски воды отправились все вместе — чтобы уже не возвращаться в это страшное место. Бернар и Сиг поддерживали раненых. Несмотря на обезболивающее, у Кни снова сильно разболелась рука. Лои шел как во сне, жар никак не желал отступить. Анаэна уже ни на что не жаловалась, но едва не падала с ног от истощения. Даже Элиор, более крепкий, держался из последних сил. Да и вообще земляне переносили жажду гораздо легче, чем марсиане — вероятно, усталость им немного компенсировала меньшая сила тяготения. Вели всех за собой Рэй и Ингрид, которым выпало нести всё оружие и аптечки.

Шли долго, уже чисто автоматически ставя одну ногу перед другой. Сознание начинало затуманиваться. Бернар, привычный к длинным и монотонным дорогам Сахары, обучил их одному трюку, благодаря которому у человека притупляется разум, и время для него пролетает незаметно: нужно мысленно повторять одну и ту же фразу. У самого Бернара то был фрагмент морской песенки: «Выпьем, когда доберемся — в порту Такомы». Ирония этих слов сейчас вызывала у него горькую усмешку. При таком раскладе они уж точно умрут гораздо раньше!

В какой-то момент им пришлось сделать привал. Марсиане скорее рухнули на землю, нежели на нее опустились. Губы и язык у них так распухли, что даже простые фразы они выговаривали с трудом. Кни обратился к землянам:

— Вы должны нас оставить. Мы только задерживаем вас и напрасно утомляем. Идите без нас. Быть может, удача вам улыбнется...

— Ну нет! Ни за что! — ответил Сиг. — Все или никто.

— Yes, — подтвердил Рэй. — Американец товарищей не бросает!

Бернар и Ингрид кивнули — мы тоже, мол, остаемся.

— И однако же это ваш единственный шанс, — сказала Анаэна.

— Тем хуже!

Бернар, казалось, о чем-то задумался.

— А как так вышло, что мы все еще не добрались до туннеля с железной дорогой? До бельведера-то мы шли не так долго.

Они переглянулись. Об этом они не подумали: сначала безумно обрадовались спасению, затем все мысли занимала одна лишь вода.

— Должно быть, мы просто не заметили того ответвления. Теперь уже поздно забивать этим голову — мы заблудились.

— Тем лучше, — заметила Анаэна. — В том туннеле все равно никакой воды до самого Лло. Здесь же...

Они снова двинулись в путь. Прошло несколько часов. Туннель пару раз повернул. Они продолжали идти — слепо, преисполненные решимости двигаться вперед до последнего вздоха. Бернар снова начал повторять про себя слова из песенки про Такому. Они уже не разговаривали — во рту у всех была такая сухость, что тяжело было вымолвить даже одно слово. Бернар, который теперь шел впереди вместо Рэя, поддерживая Ингрид, услышал позади себя шум падения. Элиор повалился на землю. Неподдалеку от него упала и Анаэна. Лои и Кни тоже уже практически безжизненно висели на руках Сига и Рэя.

«Это конец», — подумал Бернар.

Не в силах что-либо сказать, он написал: «Р. С. И. Оставайтесь здесь, с марсианами. Я пойду вперед один». Они прочли, и Сиг написал: «Хорошо». И они тоже, в свою очередь, опустили на землю.

Захватив с собой шестилитровую флягу, фульгуратор и револьвер, Бернар двинулся дальше.

По истечении какого-то времени это одиночество начало его угнетать. Умирать так умирать, но тогда уж умирать вместе! Но, волевым усилием, он подавил свое желание вернуться назад: он оставался теперь единственной надеждой их небольшой группы, он не хотел дрогнуть, он не дрогнет!

Бернар шел уже четыре часа, когда у него случилась первая галлюцинация: ему показалось, что он слышит шум бегущей воды. Он побежал, но быстро заметил, что шум отступает перед ним. Ну вот, подумал он, это начало конца. Тем не менее он продолжил идти, один-одинешенек в этом туннеле с гладкими стенами, на которые он даже больше не смотрел, один-одинешенек в глубинах враждебной планеты. Единственными шумами, которые он теперь слышал, были

шум его шагов, глухой и зловещий, и шум его свистящего дыхания... да еще гудение крови в висках. Он все шел и шел, на автомате, подталкиваемый каким-то необъяснимым инстинктом, непонятной силой, которая приказывала ему бороться до конца, продолжать до пределов его возможностей, даже тогда, когда надежды уже не осталось. Он шел в полусне, в полудреме, даже не замечая, что туннель уже начинает менять свой облик, расширяться, считая лишь перекрестки, которые позволили бы ему найти дорогу назад.

Внезапно он обнаружил, что стоит в светлой пустынной пещере, а неподалеку от него бежит река...

Его товарищам ожидание далось еще тяжелее. Если марсиане, за исключением Анаэны, пребывали в полубомрачном состоянии, то Сиг, Рэй и Ингрид сохраняли еще достаточно сил, чтобы думать о будущем. Полные страха и тревоги, бежали часы. Десятки раз им казалось, что они слышат приближающиеся шаги, и каждый раз их ждало разочарование. Анаэна дергалась, словно во сне, Ингрид, прислонившись спиной к стене, широко раскрытыми глазами разглядывала пустоту. Время от времени Рэй писал карандашом обрывок какой-нибудь фразы, и Сиг отвечал ему тем же. Внезапно губ американца коснулась слабая улыбка. Он взял фотоаппарат, при свете фонарика снял всю эту сцену.

— Быть может, мое последнее фото, — написал он с трудом.

— Вероятно, — ответил швед.

Они погрузились в полубабытье. Их разбудил шум совсем близких шагов, затем громовой голос прокричал:

— Такома! Такома! Все на выход!

Бернар бежал к ним пляшущим огоньком, вырвавшимся из мрака ночи.

— Вода! Вода!

Рэй, Сиг, Ингрид протянули к нему руки. Почти грубо он оттолкнул их, наполнил кружку и начал осторожно вливать воду в рот раненым. Почувствовал, как жадные руки схватили висевшую на его спине флягу и, обернувшись, увидел Анаэну, которая пила прямо из горла, большими глотками.

— Хватит! А то плохо станет.

Он дал выпить немного воды землянам и продолжил ухаживать за ранеными. Спустя час все чувствовали себя уже гораздо лучше, одному лишь Лои до полного выздоровления было еще далеко. Рэй, любопытный по природе и по профессии, потребовал, чтобы Бернар рассказал о своем пути к столь живительной находке.

— О, это было проще простого! Я шел, шел, шел, вышел к реке, напился, наполнил флягу и вернулся. А теперь дайте мне поспать.

— Может, выставить караул? — спросил Сиг.

— К черту твой караул! К тому же я никого не видел... в Такоме.

— Где?

— В Такоме. Так я назвал пещеру, в которой течет река... потом расскажу... — он зевнул, — ... позднее...

От навалившейся на Бернара неимоверной усталости у него уже слипались глаза.

— Спокойной ночи, — пробормотал он и провалился в глубокий сон.

Он проснулся разбитым, но отдохнувшим, слегка изменившимся. Зажег фонарик, который они из осторожности выключили, выпил немного воды и — чего давно уже с ним не случалось — с наслаждением набил трубку. Посмотрел на все еще спавших товарищей. Сиг спал, подложив руку под голову, мерно похрапывая; Рэй — на спине, подтянув колени к груди; Ингрид и Анаэна — бок о бок, в одинаковых коричневых туниках, обе красивые, одного роста, и при свете фонаря не представлялось возможным провести различие между смуглой кожей одной и золотистой — другой. Отличались они только цветом волос: у шведки они были медно-красными, у марсианки — платиновыми.

«Словно сестры», — подумал он.

Трое марсиан расположились чуть дальше. Жар у раненых уже спал. Они тоже были красивыми, хорошо сложенными парнями, но чувствовалось, что их рельефные мышцы не имеют той напряженности, которая присутствовала в мускулатуре Сига или Бернара.

Проснулся Рэй и по направлению взгляда понял, о чем думает друг.

— Жалко, что нельзя взять их с собой на Землю! Они произвели бы настоящий фурор в Голливуде.

— Не думаю, что им бы там сильно понравилось, киношник ты чертов! На мой взгляд, им скорее пришлось бы по душе заседание Академии Наук. И потом, с чего ты взял, что они у нас не побывают? Если помнишь, их предки уже совершали подобный полет и нашли пребывание на Земле тяжелым, но терпимым. Думаю, они бы быстро ко всему у нас привыкли. У них крепкие кости, сильные мышцы. Было бы занятно представить Анаэну моему славному мэтру Сагену! Так и вижу, как гуляю с ней по Парижу, по Дордони...

— Хм... Есть кое-кто, кому бы это, возможно, понравилось не так сильно, — Рэй кивком голову указал на Ингрид.

— Ингрид? Не думаю, что она бы ревновала. И, конечно, она была бы с нами.

Едва он это сказал, она проснулась, протерла, словно маленькая девочка, глаза.

— Кажется, вы говорили обо мне. Что именно?

— Мы говорили в основном о них; о том, чтобы взять марсиан с собой на Землю, представить их в Академии. Рэй даже хочет отвезти их в Голливуд, где они будут блистать в каком-нибудь «Доне Жуане с планеты Марс» или чем-то подобном, не так ли, старина?

Они рассмеялись и тем самым разбудили остальных. После скромного завтрака Сиг спросил у марсиан, чувствуют ли они себя достаточно отдохнувшими, чтобы дойти до Такомы.

— А как далеко отсюда она находится?

— Я дошел до нее часов за шесть, но пребывал не в лучшем своем состоянии, — сказал Бернар, — тогда как обратный путь занял у меня уже менее пяти. Я был уже изрядно уставший, так что, думаю, проходил не более трех километров в час.

— Будем считать, это километров 15–20.

— Думаю, мы дойдем, — сказал Кни, посоветовавшись с товарищами.

— Тогда — в путь!

Проблем в дороге у них не возникло. Спустя несколько часов они оказались в светлой пещере и растянулись на песчаном пляже в излучине пробегавшей здесь же реки. Пещера

была скорее длинной, нежели широкой, и довольно-таки извилистой. После того как все, за исключением Кни, с удовольствием искупались, они решили немного передохнуть. Раны Лои затягивались, Кни тоже чувствовал себя уже лучше. Остальные о своих синяках и ссадинах и думать уже давно забыли.

глава 7

Красные марсиане

Погруженные в мечты, они лежали на тонком песке, когда Бернар вдруг вскрикнул:
— Слушайте!

Они услышали слабое жужжание, нараставшее с каждой секундой. Прежде чем они успели пошевелиться, из-за угла скалистой стены возникло нечто, походившее на огромную осу. С оружием в руках они вскочили на ноги. Описав грациозную кривую, аппарат приземлился в нескольких метрах от них. Вихревое движение крыльев прекратилось, открылась боковая дверь, и появился красный марсианин — на первый взгляд, совершенно безоружный, — который спрыгнул на землю.

Лои подошел к нему, сделал парочку мудреных жестов. Собеседник понял его, ответил так же — несколькими жестами, которые сопровождал пронзительным стрекотанием. Лои сказал:

— Я спросил у него: друг или враг? Он ответил: зависит от вас. В любом случае, их язык не слишком изменился с древних времен нашего альянса. До чего же я рад, что выучил этот язык — если его можно так назвать, — который мы все полагали навсегда умершим!

Он возобновил этот странный разговор. Анаэна тоже, как могла, приняла в нем участие.

— Ваш вид, — сказала она землянам, — удивляет его и немного тревожит. Он спросил у меня, кто вы такие. Я ответила, что вы — наши союзники в борьбе против черных, и что вы прилетели с Земли.

Записи Бернара

6–9 часов. Мы сейчас в городе красных. Странное поселение! Мы прибыли сюда вчера в прилетевших за нами трех осах. С высоты город невидим, так как располагается на втором подземном уровне. На земле, у пещеры, видны лишь небольшие постройки: блиндажи, закрывающие входы. Наши осы опустились на балконы, размещенные перед нишами примерно на полпути к вершине утеса. Это весьма любопытные машины, очень точные и довольно-таки быстрые, способные развивать скорость в 300–400 км/ч, чего для подземелий вполне достаточно. За их маневром понаблюдать я не смог, так как кабина пилота оказалась закрытой, и нам не позволили туда пройти.

В данный момент мы находимся в абсолютно голой комнате, за исключением ковра из металлической шерсти да пары этажерок, на которых размещены непонятного для меня предназначения аппараты, несколько напечатанных на металле книг и письменные принадлежности: листки легкого металла, близкого к дюралюминию, очень тонкие, и ручка с особыми чернилами. Мне удалось заглянуть в соседние комнаты — они точно такие же. Должно быть, это что-то вроде гостиницы. Во всех комнатах спят на полу, на металлических ковриках, от двух до шести красных марсиан. Спят они, кстати, мало — по 2–3 часа.

Бесит то, что я не понимаю этого их языка жестов и стрекотаний. Анаэна и Лои ушли с одним из них.

11 часов. Собираюсь немного прогуляться. Посмотрю: свободны мы или же пленники. Убедил Рэя, Сига и Ингрид пойти со мной. Остальные хотят еще поспать. Устроились на ковре.

13 часов. Мы уже вернулись. До чего же монотонный город! Везде эти строгие, без какой-либо отделки, клетушки, одни и те же аппараты. Где их заводы, лаборатории? Красных мы почти не видели, а те немногие, которых видели, смотрели на нас с любопытством, если их лица вообще выражают какие-то эмоции. У меня полное впечатление, что я гость некоего муравейника. Правда, если говорить об их внешнем виде, то это просто гигантские муравьи. Я бы даже скорее отнес их к дорилинам...

Анаэна и Лои так еще и не вернулись. Что с ними стало? Оружие у нас при себе, но будет ли оно эффективно? Фульгураторы — уж точно будут, но как-то не с руки пользоваться ими здесь, в этих подземельях. Да и боеприпасов к ним осталось не так уж и много. По предложению Рэя мы немного поели. Ингрид только что мне сказала, что ей страшно. Мне тоже.

22 часа 30 мин. Все обстоит гораздо более странно, чем я думал. Но пойдём по порядку, а то, образно говоря, у нас докембрий встанет вслед за четвертичным периодом. После обеда я пожелал снова выйти. Переступил порог и спросил у Ингрид и Сига, пойдут ли они со мной. Когда они уже были готовы ко мне присоединиться, откуда-то из пола вдруг выскочила дверь, и они оказались взаперти. К счастью, у меня с собой было оружие: два револьвера, три гранаты. Я попытался открыть дверь. Куда там! Тогда я отстучал морзянкой: не волнуйтесь, я вернусь. Хорошо, ответил Сиг. Я двинулся в направлении, противоположном тому, в котором ходил утром. В конце длинного коридора обнаружил большой зал, где проезжали вагоны, груженные железной рудой. Довольно-таки неосмотрительно я запрыгнул в один и покатил. Минуты через две-три я услышал нарастающий шум; проехав по короткому туннелю, мой отдельный вагон прибыл в другой зал, огромный и наполненный гулом машин. Там гигантские дробилки перемалывали руду, которая затем по конвейерам уходила в другой туннель, располагавшийся слева от того, из которого я приехал. Вокруг этих сложных механизмов снова ли десятки рабочих, но то не были красные марсиане! Разумеется, это были тоже муравьи, но гораздо меньших размеров, коричневатые, с очень короткими антеннами. Я поспешил выпрыгнуть из вагона, прежде чем он выгрузил все свое содержимое в дробилку, и немного пошлялся по залу. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Я говорил, кричал, жестикулировал, прикасался к этим рабочим — необычные, скажу я вам, ощущения! — ни один даже не обернулся. Все они заняты исключительно своей работой. Некоторые ходят туда-сюда по рабочей необходимости, смысла которой я не постиг. Провожу опыт: встаю на дороге. Первый же втыкается в меня, словно не видит, отступает, втыкается снова

и снова, до тех пор, пока не сбивает меня с ног! Я отползаю на четвереньках, встаю, удивленный. Все уже опять в работе, словно ничего и не произошло.

Ровно в 16.00 из другого туннеля появляется когорта таких же коричневатых рабочих — судя по всему, смена, так как они заменяют тех, что стояли у машин. Теперь уже смененные выстраиваются в когортку. У выхода неподвижно стоит красный марсианин. Я бросаюсь к нему, стараясь сохранять достаточно самообладания, чтобы не делать жестов, которые могли бы что-то означать для него. Удовольствуюсь тем, кто указывают ему на коричневатых рабочих. Тогда он роется в сумке, которую они носят висящей между первой и второй парой лап, вытаскивает металлический листок и пишет на нем что-то. Протягивает его мне. Написано «желтыми» буквами, но увы! Если говорю я на языке наших друзей довольно-таки бегло, то их письменность для меня так и осталась полузагадкой! Мне удастся лишь понять, что это — рабочие (об этом я и так уже догадался), которые составляют низшую касту. Только-то и всего. Пытаюсь черкнуть: не понимаю; но, должно быть, где-то я ошибаюсь, так как он возвращает мне листок с озадаченным видом. В конце концов он знаком предлагает мне проследовать за ним. По окольной галерее меня провожают к моей комнате, дверь которой уже снова открыта, и в которой меня с нетерпением ждут друзья, особенно Ингрид. Лои и Анаэны по-прежнему нет.

23 часа 30 мин. Вот и они наконец, с ними — двое красных марсиан. Даже не знаю почему, но мне кажется, что они очень старые.

7–10 часов. Нужно записать то, что нам рассказала об этом разношерстном народе Анаэна. Прежде всего — такая новость: красные и желтые заключили (или скорее возобновили) договор о союзе. Через два месяца они начнут совместную атаку на черных с целью убрать их с южного полюса, богатого глубокими металлоносными месторождениями. Я знал, что Анаэне и Лои предоставлена полная свобода действий в плане возобновления отношений с красными на случай, если нам они все-таки встречаются, но не знал, что их полномочия заходят так далеко. Впрочем, Анаэна, Лои

и Элиор входят в Большой Совет, и их ненависть к черным столь глубока, что договор наверняка будет ратифицирован.

Далее мы получили кое-какие уточнения относительно того, как живут красные. Их в этих городах — меньшинство: два миллиона от семи всей популяции. Остальные пять миллионов — это коричневатые рабочие другого вида, низведенные почти до рабства, в целом не слишком умные и за счет гипноза «вымуштрованные» настолько, что они уже не видят ничего, кроме того, что касается непосредственно их работы. В романе «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли с низшими кастами обращались куда лучше — там они имели хотя бы право на развлечения. Здесь же, помимо трудовых часов, рабочие лишь едят и спят. Кроме того, все они — существа бесполое. Вид продолжают лишь несколько партеногенетических самок. Они не страдают от своего положения, так как не способны даже осознать, что оно могло бы быть иным.

Что до красных, то у них как раз таки существует деление на полы. Самки занимаются воспитанием детей и всеми вопросами, связанными с внутренним устройством города. Самцы следят за рабочими, воюют и создают машины. Это выдающиеся механики, которыми, правда, крайне редко движет бескорыстное любопытство. Они скорее техники, нежели ученые. Однако же бывают и исключения. Из тех двоих красных марсиан, что сопровождали Анаэну, один занимался чистой математикой, а другой — физической химией.

У красных также существует разделение на касты. В первую, низшую, входят самки, специалисты сельского хозяйства, простые химики. Затем идет каста военачальников, надзирателей за рабочими, инженеров, геологов-рудодобывателей, физиков и т.д. Над ними стоят 30 членов Большого Совета, членство в котором является наследственным для двух поколений. Тот, кто желает подняться еще выше, должен проявить себя и в других сферах. Среди членов Совета по праву фигурируют красные, которые многого добились в области фундаментальных исследований. Этот народ инженеров очень хорошо понимает, что фундаментальные исследования могут давать ощутимый результат — при условии, что его не требуют, как говорится, сию же минуту.

У них занятный менталитет и суровые законы. Сделай красный марсианин то, что сделал я: выйди он из комнаты без разрешения — его бы приговорили к смертной казни. Приговоренным они отрубают головы, что выглядит довольно-таки варварским, хотя диффузия жизненных центров и позволяет голове и телу жить еще несколько часов по отдельности. Но им совершенно неизвестно то, что мы называем «чувством». В общем и целом, в сравнении с прекрасной демократией желтых, это тоталитарное государство во всей его красе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

глава 1 Война

В красном городе они пробыли относительно недолго. Многого они так и не узнали; к примеру, так и не смогли уяснить, какова же в действительности повседневная жизнь этого странного народа. Они посетили огромные заводы, где под надзором десятков красных бригадиров трудились тысячи рабочих, пещеры, в которых красные выращивали некие зерновые культуры, жутко навороченные лаборатории, в которых ни марсиане, ни земляне, включая Сига, практически ничего не поняли. Побывали они и в арсеналах, битком забитых самыми разнообразными бронированными танками, криоксами, весьма похожими на машины желтых, пушками-«центрифугами», как их назвал Сиг. У землян сложилось впечатление, что они имеют дело с населением чрезвычайно многочисленным (все красные были сосредоточены именно в этом регионе, хотя и продолжали содержать пару-тройку небольших отдаленных колоний), живущим в крайней нужде и беспощадно прикованным к такой работе, которая ориентирована на получение незамедлительной прибыли. Из Лло, избавив их тем самым от опасностей и тягот возвращения через подземелья, за ними должны были прибыть

криоксы. В конце своего пребывания в городе земляне поднялись к его суперструктурам, которые возвышались над ровным и пустынным пейзажем, покрытым очень тонким слоем снега, — то была полярная шапка Марса! Спустя несколько часов прибыли криоксы, и как только все поднялись на борт аппарата № 3, Анаэна связалась по радио с Анаком. После довольно-таки продолжительного разговора с секретарем Совета девушка вернулась к сопровождавшим ее Ингрид и Бернару, отвела их в комнату отдыха, находившуюся в задней части летательного аппарата, и сказала:

— Плохие новости! Развязав активные наступательные действия на подступах к рудникам Гно, черные застали наших инженеров врасплох и истребили всех до единого. Сотни крабов патрулируют сейчас эту территорию. Некоторые, прорвав пилонный кордон, сумели добраться до суперструктур небольшого города Эйля, которому в результате последовавшей бомбардировки был нанесен незначительный ущерб. Наши криоксы ведут бой с неприятелем, значительно превосходящим их численно. Получение оксида гелия, основы фульгуратора, — дело весьма затруднительное, требующее немалых затрат энергии. Три пилона уже изолированы и окружены — как под землей, так и на ее поверхности. Луи, поднявшемуся в воздух на вашем самолете, удалось разбить мощную вражескую колонну и уничтожить затем с несколько десятков крабов, но вскоре бомбы у вас закончатся, а наши заводы смогут их вам поставить лишь через две недели.

— А Поль? — прервал ее Бернар.

— Целыми сутками работает в лаборатории атомной физики вместе с нашими лучшими специалистами. Они пытаются найти способ заменить уран — на Марсе он встречается крайне редко, — но все еще находятся на стадии предварительных опытов. И... и для вас у меня тоже плохая новость. Три дня назад, когда черные перешли в атаку, Элен вышла в патруль от 98-го пилона на передовом криоксе 367, которым управляли Нио и Блои... Они все еще не вернулись...

Они уже начали готовиться к отбытию, когда исследовавший горизонт Лои заметил в небе крошечную черную точку. Точка быстро увеличилась в размерах; то был «Уэллс»,

который уже через пару минут спикировал и приземлился. Из него вышел Поль и поднялся в № 3.

— Я прилетел, чтобы отконвоировать вас. На дороге небезопасно. — Его рука указывала на северо-восток. — Там полным-полно крабов...

— Что слышно об Элен? — спросил Бернар.

— Новостей пока нет. Ее ищут Луи и сорок криоксов.

— Какова ситуация?

— Хорошего мало. Но еще ничего не потеряно. Я провожу вас до пилонов, а потом полечу прямо в Анак, в лабораторию.

Первая часть пути прошла без осложнений. «Уэллс» летел, выписывая большие круги над криоксами. Но в начале шестого они увидели, как он устремился на север, завернул вираж и спикировал, после чего снова поднялся в небо. Спустя несколько секунд на горизонте поднялось облако пыли.

— Поль на что-то там скинул бомбы, — сказала Анаэна. — Выходим на огневые позиции. И на этот раз долго не тяни, Бернар.

Они выстроились треугольником, с № 3 во главе, и минут через пять увидели первых крабов — расположившихся полукругом, тех было не меньше сотни. «Уэллс» уже исчерпал весь свой запас бомб и теперь поливал крабов пулеметным огнем, пробивая в их рядах зияющие дыры. Где-то вдалеке зазвучали фульгураторы, начавшие выплевывать, один за другим и веером, по десять снарядов зараз каждый. И снова именно это ужасное оружие принесло победу. Когда продолжившееся всего несколько минут сражение прекратилось, на поле боя остались лежать сорок пять крабов. Еще с пару дюжин, уничтоженных самолетом, валялись вдоль змеившейся по равнине дороги. Один из водителей криокса № 2, прибывшего из района пилонов, Боли, погиб, второй, Лои, получил легкое ранение. У криокса Элиора оказалась перебитой нога, в результате чего он уже не мог двигаться с прежней скоростью, поэтому они решили направиться к 613-му пилону, располагавшемуся гораздо ближе 578-го, к которому они и ехали.

Прибыв на место назначения, они узнали тревожные новости. Черные перешли в широкомасштабное наступление на

всех фронтах. Пленные не скрывали, что целью неприятеля является полное истребление желтых. Трех из них, судя по всему, командиров, решено было в тот же вечер подвергнуть психическому допросу, остальных казнили. В пять часов вечера, когда земляне и их спутники уже готовились к вылету в Анак на подземном самолете, через громкоговорители было распространено коммюнике Совета: он провозглашал всеобщую мобилизацию, чрезвычайное положение и объявлял черным войну до тотального уничтожения.

Бернар поинтересовался у Анаэны, что именно подразумевает чрезвычайное положение.

— Мобилизацию всего населения в возрасте от 16 до 55 ваших лет. Для всех тех, кто не сражается, — двенадцати-, а то и четырнадцатичасовой рабочий день. Такого не было более 100 000 лет. Должно быть, ситуация близка к критической.

— Но, разумеется, — добавил Кни, — вас это никак не касается.

— Ну почему же? — ответил Бернар. — Мы считаем себя такими же вашими союзниками, какими являются, скажем, красные! Не забывайте, что нам и самим еще нужно кое-что с черными покончить.

В памяти снова промелькнуло искаженное лицо разрываемого крабами на части Артура, отчего его беспокойство относительно исчезнувшей Элен лишь усилилось.

— Вы только заправьте наш «Уэллс» подходящими бомбами — и мы избавим планету от этих мерзавцев!

Сиг, сидя в кресле, торопливо набрасывал планы. Ближе к концу полета он подошел к Анаэне.

— Вот проект, который может вам пригодиться. Если вкратце, то ваши проблемы сводятся к следующему: 1) враг значительно превосходит вас численно; 2) ваши машины гораздо более сложны в плане сборки, чем аппараты черных; 3) у вас наблюдается явная нехватка фульгураторов, оружия мощного и крайне эффективного, так что многим вашим людям будет просто-напросто не с чем воевать. Я предлагаю вам приступить к выпуску одного земного оружия, которое использовалось в последней войне. Это реактивный гранатомет. Выпущенный им снаряд, при весе в пятнадцать килограммов,

улетает как минимум на пять или шесть километров. Изготовить такой гранатомет очень просто. Наладив массовое производство, вы сможете вооружить ими противокрабовую пехоту.

Во взглядах, которыми обменялись между собой марсиане, читался неподдельный интерес.

Самолет сел на одну из палуб Анака, и Лои, Аназна и Элиор тотчас же присоединились к Совету. Земляне направились в свою квартиру. Минут через десять — они уже успели переодеться — туда явились Поль и Луи. Мучимый лихорадкой, Луи был бледен и едва держался на ногах. На изнуренном лице Поля темнели две впадины воспаленных глаз.

— Ну что там? — спросил Рэй.

— Ничего, — ответил Луи. — Мы тут все обыскали — кругом одни лишь крабы... А у меня еще, как назло, бомбы закончились — успел изрешетить лишь с полдюжины членистоногих, не больше. Они прорвали пилонный кордон, и сейчас там, в облаке пыли, идет ожесточенное сражение. Криоксы держатся, но их вдсятеро меньше! К тому же 32-й, 33-й и 35-й пилоны уже повалены.

— Откуда такая информация? Сам видел?

— По громкоговорителю сообщили, едва я приземлился. Поль, «Уэллс» нуждается в срочной починке — центральное сопло совсем не фурычит.

— Только этого не хватало!

— А у тебя как дела, Поль?

— Да не очень. Вот уже с неделю как стою на пороге ужасного открытия — высвобождения энергии при распаде какого-нибудь — все равно какого — радиоактивного элемента, но мне нужен открытый доступ к их лабораториям, их архивам, а в доступе мне, именем Совета, постоянно отказывают. И что вот прикажете делать? Оставить их мы не можем, это было бы нечестно... и потом, есть ведь еще и Элен.

— Разумеется, мы их не оставим, — ответил Сиг. — Как-никак, они наши союзники, а альянс нужно соблюдать. Итак, наша первоочередная задача — разобраться с черными и разыскать попавшего в беду товарища. Все согласны?

— Думаю, да, — сказал Бернар.

— О'кей, — подтвердил Рэй.

- Ну конечно, Сиг, — произнесла Ингрид.
- Для меня тут и вовсе все очевидно. Пока Элен...
- Прекрасно. Поль тоже с нами, так что пойду предложу Совету...

Со щелчком опустился защитный щит телевизора, обнажив экран, на котором высветилось лицо Анаэны.

— Вижу, все уже в сборе. Тем лучше! Совет просит вас срочно явиться.

Когда они прибыли, собрание гудело, словно растревоженный улей. Несколько стульев пустовало. То были места инженеров, которых удерживала на заводах работа, командиров патрулей, сражавшихся на поверхности земли или в глубинах осажденных городов. Председательствовал Билиор, пожилой физик и выдающийся государственный деятель. Приветствовав землян, он сказал:

— Кое-какие, не зависящие от нас обстоятельства, возможно, вынудят вас сократить свое пребывание в нашем городе. Враг, численно превосходящий нас в двадцать, а то и во все тридцать раз, перешел в наступление. Конечно, мы располагаем более совершенным оружием, но это очень зыбкое преимущество. Наши боезапасы подходят к концу, а их пополнение невозможно без огромных затрат энергии, энергии, с которой наша планета расстается крайне неохотно. Вероятность того, что мы потерпим в этой войне поражение, довольно-таки высока. Впрочем, полагаю, у нас еще будет возможность пожелать вам счастливого пути, после того как вы разыщете вашу спутницу — очень хотелось бы надеяться, что вы найдете ее живой и невредимой. Нескольким десяткам криоксов удалось пробиться в ту зону, где исчез 367-й. Согласно поступающим оттуда сообщениям, ничто не указывает на какой-либо бой.

Сиг грузно поднялся на ноги.

— От имени всей нашей группы я хотел бы сделать вам контрпредложение. Почему бы нам не заключить всесторонний союз, не собрать все наши силы воедино? За два месяца ваши заводы могли бы построить десятка два подобных нашему самолетов, изготовить необходимое количество бомб и оружие, о котором я уже говорил Анаэне и Лои. Нам нужны лишь свободный доступ в ваши лаборатории — в физические

для Поля, в химические для меня — и возможность сверяться с вашими архивами. Поль мне только что говорил, что при наличии материальных средств он уже в самом ближайшем будущем сможет привести к распаду один или два элемента, как на Земле мы приводим к распаду уран, столь редко, к сожалению, встречающийся на Марсе.

По залу прокатилась волна надежды, но голос председателя произнес:

— За два месяца, говорите? Но нашим фульгураторам нечем будет стрелять уже через две недели.

— За две недели, начиная с этого дня, при помощи ваших химиков и металлургов, мы изготовим достаточное количество бомб. Опять же, уже через две недели будут готовы и первые реактивные гранатометы. А пока что мы заминируем окрестности ваших городов и будем отчаянно сражаться за каждую пядь земли. В погребах «Рони» еще хватает боеприпасов для наших пулеметов и пушки.

— Мы посоветуемся и сообщим вам наше решение, — сказал Билиор.

Земляне удалились.

глава 2 Элен

Луи улетел на «Уэллсе», который пусть и с горем пополам, но все же поднялся в воздух, остальные решили подождать. В собрании продолжалась дискуссия. Бернар думал об Элен. Он снова видел ее ждавшей его и Сигу перед зданием эйзийской мэрии, или же стоявшей, перевязывая его раны, в изголовье кровати. От мысли о том, что ее, быть может, раздавила клешня металлического краба, он заскрежетал зубами — бездействие было для него невыносимо. На подземном самолете он вылетел к 98-му пилону, приказал выдать ему криокс и устремился в направлении того места, где предположительно исчез 367-й.

Примерно в это же время Совет сообщил Сигу, что его предложение принимается. Поль получит доступ во все ла-

боратории, какие ему будут необходимы. Триста химиков поступят в полное распоряжение Сига и его сестры. Луи возьмет на себя контроль над строительством самолетов. Бернар и Рэй займутся организацией оборонительных укреплений. Отныне все они подчиняются лишь Большому Совету, в который они приняты на правах даже не союзников, но граждан Анака. Сиг согласился с этими условиями от имени всех землян. Луи и Бернару по радиосвязи было приказано немедленно вернуться. Вечером, так ничего и не обнаружив, прилетел Луи.

Криокс № 502, которым управлял Бернар, пробивался сквозь завесу кружившего на ветру песка. Видимость была крайне слабой. Двумя часами ранее ему повстречался усиленный патруль, о котором говорил Билиор, — тот возвращался без каких-либо результатов. Крабов они не видели. Усовершенствованной модели № 502 шел на своем максимуме, значительно превышая обычную скорость криоксов и достигая 110 км/ч. Постоянно менявшийся рельеф местности вынуждал Бернара то и дело вычерчивать причудливые спирали. Вскоре опустились сумерки. Преследующего одну-единственную цель — разыскать Элен, — его это ничуть не встревожило. Шансов на то, что удастся найти ее живой, было мало, но в душе его все еще жила надежда, томительная и горячая.

Резкий занос 502-го едва не выбросил его из сиденья. Ноги криокса уже не впивались в землю, тогда как когти продолжали скользить с раздражающим скрежетанием. Он остановился, бросил взгляд на нижний иллюминатор: земля в этом месте выглядела остеклованной.

«Воздействие фульгуратора, — подумал он. — Здесь явно был бой».

Сбросив скорость, он двинулся дальше и метров через пятьсот наткнулся на «размягченного» краба: не попав в центр радиации фульгуратора, тот расплавился лишь наполовину. Затем началась совсем уж необычная зона — покрытая развалившимися панцирями, усеянная остеклованными кругами, на которых ноги криокса разъезжались в стороны, или же которые они, эти ноги, пробивали с шумом, напоминающим звук покрытого ледяной коркой снега.

Еще через сотню метров он вдруг увидел 367-й. Тот лежал, завалившись на правый бок; в желтоватой скорлупке зияла рваная дыра. Испустив вопль ярости, Бернар подвел 502-й поближе, спустился на землю и направился к разрушенному криоксу. Корпус аппарата был испещрен десятками небольших отверстий; внутри, среди раскуроченного машинного оборудования, он обнаружил изуродованные тела двух облаченных в скафандры желтых марсиан. Лица под стеклами шлемов выражали скорее удивление, нежели страдания. Рука одного из марсиан сжимала рукоятку фульгуратора. Элен бесследно исчезла.

Спрыгнув на землю, он принялся осматривать прилегающую территорию, описывая концентрические круги. Наконец он нашел ее. Судя по всему, она защищалась до конца: вокруг нее лежали шесть разорванных на части гранатами крабов. Шлем ее был раздавлен клешней, но голова осталась целой. Из ушей и носа, вероятно, какое-то время шла кровь. Он наклонился, поднял ее на руки и с этой скорбной ношей вернулся к 502-му. Затем он перенес туда же погибших желтых марсиан и, с гневом в сердце, но сухими глазами, на полной скорости понесся в направлении пилонов.

В Анак он вернулся глубоко за полночь. Предупрежденные о его возвращении, его ждали Анаэна и Лои.

— Ну что? — спросил последний.

— Сам посмотри!

Летчики как раз выносили из подземного самолета трупы.

— Бедный Луи, — пробормотала Анаэна. — Нам сообщить ему?

— Уж лучше это сделаю я, — сказал Бернар.

Они ввели его в курс решений Совета.

— Хорошо, я возьму на себя командование подземными бригадами, но хочу быть свободным в своих действиях.

— У тебя будет полная свобода, — тихо произнес Лои.

Воспользовавшись лифтом, Бернар поднялся в общий зал. За освещаемым ночником столом сидел Сиг, расчерчивавший какие-то схемы. Поль, судя по всему, остался в лаборатории. Рэй и Луи спали. На губах Луи играла легкая улыбка. Бернар посмотрел на него с жалостью, а потом опустил руку на плечо Сига, даже не заметившего, как он вошел.

— Я нашел Элен, она мертва. Защищалась до конца, крайне отважно. Ее тело, как и тела ее спутников, сейчас в аэровокзале № 2. Сообщи остальным.

— А ты?

— Сейчас же возвращаюсь на свой боевой пост.

— Я распорядился снять с «Жюль Верна» три пулемета. Они ждут тебя, с мобильными лафетами, в арсенале вместе с тремя твоими офицерами.

— Уже иду.

— С Ингрид повидаться не хочешь? Она очень волновалась, когда увидела, что ты не вернулся.

— Не сейчас. Боюсь, не найду в себе сил ее оставить. Как только выдастся свободная минутка. Думаю, бой будет не из легких. Какие новости?

— Не слишком хорошие. Там, в подземельях, тебе придется как следует потрудиться. Эйль практически окружен, и хотя мы пока удерживаем прилегающую территорию, упали еще три пилона — 1-й, 44-й и 77-й. Сегодня мы уничтожили 214 крабов, но потеряли 61 криокс. Эта наземная война просто ужасна. Видел бы ты, сколько там раненых!..

— И много у нас сейчас криоксов?

— Примерно 2 600. С конвейеров сходят по десять штук за день. Черные располагают целыми полчищами крабов: в одном лишь северном секторе мы их насчитали 12 000! Но есть и приятные новости. В войну вступили красные, которые уже захватили черный город Кабанеб. Шесть их инженеров прибыли сюда с исследовательской миссией. Через парутройку дней будут готовы первые реактивные минометы. Уже идут работы по строительству 42 самолетов того же типа, что и наш «Уэллс». Сам он, кстати, уже отремонтирован — 12 механиков трудились над ним одиннадцать часов. У нас остались еще 32 стокилограммовые бомбы. Первые марсианские получим уже завтра к полудню. Но, если не случится ничего из ряда вон выходящего, я хотел бы использовать «Уэллс» лишь для обучения пилотов.

— Хорошо. Пойду заберу пулеметы. Какой к ним прилагается боезапас?

— По 10 000 патронов на каждый.

— Не густо, ну да ладно. До скорого!

Подземное сражение

Варсенале Бернар обнаружил трех марсиан, командиров подземных бригад. Он объяснил им устройство пулеметов и попросил показать ему на плане, где пройдет битва. Наибольшей опасности в данный момент подвергался тот сектор, в котором находился Эйль. Желтые марсиане удерживали там лишь большой воздушный туннель. Все прочие пути, соединявшие Эйль с Анаком, уже с неделю как перешли в руки черных марсиан, которым удалось проникнуть на располагавшиеся в Бильсе, неподалеку от большого туннеля, заводы хромовых соединений. Обычный туннель, тянувшийся из Эйля в небольшой городок Абиль, представлявший собой металлургический центр, оказался заблокированным. Потеря Бильса и Абиля привела бы к 30-процентному сокращению производства хрома, и если бы пал Эйль, долго бы ее ждать не пришлось. Ближайший, 34-й пилон, защищавший регион на поверхности, был взят врагом накануне.

Бернар решил отправиться в эти места. Им предстояло на самолете долететь до города Флоо и уже оттуда на глассере добраться до поля боя. Пулеметы погрузили в самолет, который тут же взял курс на Флоо. Быстро преодолев 250 км пути, они пересели в глассер. Бернар установил два пулемета спереди и устроился рядом с ними, готовый при необходимости стрелять, но поездка прошла без эксцессов. Желтые марсиане были вооружены легкими фульгураторами и чем-то вроде пневматических гранатометов.

Тогда-то и начался для Бернара изнуряющий двухнедельный период. Подчиненные сразу же категорически воспротивились тому, чтобы он рисковал собственной жизнью. Тем не менее он все же отправился на аванпосты, чтобы лично установить там пулеметы. Его план состоял в том, чтобы освободить Бильс, где враг прочно удерживал минные галереи, и, атаковав с другой стороны, вернуть себе контроль над туннелями. Это позволило бы устранить угрозу окружения. Вторая часть плана прошло как по маслу, и уже через два дня после его прибытия туннели были освобождены, что во многом

решило проблему снабжения. Но в Бильсе неприятель лишь укрепил свои позиции, и, несмотря на возражения своего генштаба, Бернар счел необходимым взять командование операцией на себя. По мере того как его глассер приближался, шум боя становился все более и более оглушительным. Черные использовали пневматические пулеметы, звучание которых напоминало грохот отбойных молотков. Температура была повышенной — судя по всему, из-за теплоты, выделяемой фульгураторами. Оставив свой глассер, Бернар проскользнул в галереи. Сражение в узких туннелях было беспорядочным, бесславным и яростным, отдавая жестокостью примитивных войн. Вследствие многочисленных поворотов использование усовершенствованного оружия было почти невозможным: черным лишь изредка удавалось пускать в ход свои пневматические ружья, желтым — их гранатометы. Зачастую то была обычная рукопашная с применением холодного оружия. Желтые выглядели более крепкими и ловкими, но черные имели численное превосходство.

В тот момент, когда Бернар явился на аванпосты, они как раз вели наступление. Ставкой в бою был важный перекресток, через который проходило с десятков галерей. Он был залит ярким светом; казалось, противники, по молчаливому согласию, решили сохранить освещение. Черные подступали по шести галереям, но анакийцы удерживали центральную площадь. Позади укрепления из перевернутых вагонеток укрылся один из пулеметов и обслуживающий его расчет. Прибыв в минуты затишья, Бернар проворно дополз вдоль идущей по насыпи железной дороги до самого пулемета, который обслуживали двое — парень и ослепительной красоты девушка. Шестеро вооруженных гранатометами бойцов составляли их группу поддержки.

Позиция черных была очень сильной. У входа в галереи они построили баррикады из крупных камней, опрокинутых вагонеток и хромосодержащих минералов.

— Тут не помешала бы настоящая пушка, — пробормотал Бернар. — А нельзя ли воспользоваться фульгуратором?

— Слишком малое расстояние, — ответила девушка.

С минуту-другую он раздумывал над тем, как бы преодолеть эти препятствия, затем вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ну, не дурак ли я? Для этой войны нужны огнеметы! Постарайтесь продержаться, — бросил он, удаляясь.

Вернувшись в ставку, он по радиотелефону связался с Сигом.

— Бросай все дела и, как хочешь, но сделай мне огнеметы. Подбери к ним подходящую зажигательную смесь. Они нужны мне уже послезавтра. Справишься?

— Это будет непросто, но я постараюсь. Как там, внизу?

— Пару суток продержимся. Дальше ничего гарантировать не могу. Что в Анаке?

— Работа продвигается. Первые реактивные минометы уже на испытаниях. Металлурги творят чудеса, химики тоже. Оборудование у них тут и правда отменное.

— Какова общая ситуация?

— Криоксы пока держатся. «Уэллс», пилотируемый Рэем, уничтожил несколько крабов. Бомбы скоро уже будут готовы. Строительство самолетов идет, но первый появится дней через двадцать пять — тридцать, не раньше.

— Что с пилонами?

— 44-й мы вернули, но в любой момент можем потерять 28-й. Постараемся этого не допустить — направили туда тридцать два криокса.

— Как там наши товарищи?

— Поль весь в работе, сутками не вылезает из лабораторий. Рэй занят обучением пилотов. Вот только Луи...

— Что с ним?

— Да какой-то он вялый, аморфный. Делает все, будто во сне. Это было для него слишком тяжелым ударом.

— Знаю. Сам такое пережил когда-то... А Ингрид?

— С ней все в порядке. Быть может, немного устала, но она в этом никогда не признается. За тебя, конечно же, переживает.

— Я тут в полной безопасности. Правда, когда решил обойти наши передовые посты, мои офицеры взвыли во весь голос!

— Там у вас, наверно, идут ожесточенные бои?

— Ожесточенные — это еще мягко сказано! Так что с реактивными минометами не затягивай!

— О'кей. Ну, все тогда, до связи... Ах да, чуть не забыл. В одном из наземных сражений была ранена Анаэна. Три

осколка снаряда вошли ей в правую ногу. Впрочем, ранение несерьезное.

— Каковы ваши потери?

— Потери мы, увы, несем тяжелые. Но они все же не столь значительны, как у черных: согласно докладам Совета, с начала военных действий мы лишились 321 криокса, а враг — 950 крабов, не говоря уж о тех, которых уничтожил «Уэллс». Старине Г. Д. такая война миров и не снилась! А что у вас?

— 265 убитых, примерно столько же — тяжелораненых, вдвое больше — получивших легкие ранения.

— Это официальные цифры?

— Да. Можешь передать их Совету. И не забудь про минометы.

— Считаю, они уже у тебя. Ну все, пока!

Как только экран погас, Бернар связался с Бильсом. Ситуация там оставалась прежней; он передал новости и анонсировал скорое появление мощного оружия. Затем он провел предварительный инструктаж будущих огнеметчиков, инструктаж беглый и не слишком детальный, так как какими именно будут эти огневые средства, он еще не знал. Среди добровольцев была и уже знакомая ему девушка-пулеметчица, Мауно. После того как остальные ушли, Бернар задал ей несколько вопросов — не только из любопытства, как он пытался себя убедить, но и из внезапно возникшей симпатии. Она была совсем юной и хрупкой, с — большая редкость для ее расы! — зелеными глазами и медно-красной шевелюрой, которая делала ее немного похожей на Ингрид. Она рассказала, что учится на инженера-металлурга, и что незадолго до прилета землян два ее брата были убиты черными. Она говорила о черных с такой ненавистью, что ее аж трясло, и мечтала о том, чтобы улететь с землянами, когда они отправятся назад, но боялась, что Совет ей этого не позволит. В прошлом году, по ее словам, она объехала на криоксе всю планету.

— Видишь ли, — говорила она Бернару (сперва марсиане обращались к землянам на «вы», но теперь, после натурализации последних, перешли на «ты»), — я хотела бы узнать Землю не только ради того множества вещей, которым могло бы меня научить подобное путешествие, но еще и потому, что у вас есть океаны, облака, горы. Я видела все это

в старых-престарых фильмах, снятых еще в те времена, что предшествовали великой катастрофе, но это все-таки не одно и то же. Как думаете, я могу полететь с вами?

— Не вижу к этому никаких препятствий, так как — увы! — два места у нас теперь свободны. Но согласится ли на это Совет? И потом, знаешь ли, на Земле отнюдь не все так прекрасно. Там гораздо более сильная гравитация, из-за чего у тебя могут возникнуть проблемы.

— Я к ней привыкну. В крайнем случае создам машину, которая доставит меня обратно...

— Хорошо. Только давай вернемся к этому разговору позднее. Как-никак, сейчас идет война, и на кону в ней — судьба всей твоей расы.

— Уверена, мы победим. Ваше прибытие пробудило во всех нас энергию и какие-то скрытые силы. Мне вернуться на свой пост, к пулемету?

— Нет, останься здесь.

Из глубины его сна Бернару показалось, что кто-то зовет его. Он устало — предыдущий день выдался крайне тяжелым — открыл глаза и увидел Мауно. Девушка выглядела встревоженной. Он тотчас же распрямылся:

— В чем дело?

— Они атакуют. Уже заняли перекресток.

— А пулемет?

— Кончились припасы. Пулемет теперь тоже у них.

— А его расчет?

— Они все мертвы.

— Черт возьми!

Он вскочил на ноги. Где-то вдали шло сражение, шум которого, прокатываясь по галереям, разносился на многие километры.

— Почему меня раньше не разбудили?

— Командиры думали, что продержатся.

— Ладно. Не все еще потеряно.

Он связался по радиотелефону с Анаком.

— Что там с огнеметами?

— Уже отправляю самолетом. Их там десять штук. Плюс запасы горючего.

Бернар произвел быстрый подсчет. Они будут здесь часа через два. Еще час уйдет на то, чтобы разобраться в их функционировании и доставить к месту боя. Итого — три часа. Необходимо продержаться еще как минимум три часа. Он вызвал к себе начальника генштаба, Билои.

— Я должен сам взглянуть на то, что там происходит. Централизуйте новости, восстановите связи. И постарайтесь больше не плошать. Это единственный ваш шанс исправить допущенную вами небрежность и спасти свою шкуру!

Он взял два револьвера, карабин и с десятков гранат, а затем сказал Мауно:

— Останешься здесь. Собери огнеметчиков, чтобы нам не пришлось терять время, когда придет оружие. Считаю, это приказ. Выполняй.

С небольшой, человек в десять, группой сопровождения, он начал пробираться по галереям. Миновал санчасть, в которую свозили раненых, потом две линии обороны. За одним из углов шел яростный бой. Вражеская пуля отколола кусок скалы чуть правее его плеча, срикошетировала и угодила в висок одному из его людей, убив его наповал. Подобрал боезапас убитого, они ползком двинулись в обход.

В ярком свете Бернар видел бегающих, прыгающих, прижимающихся к земле, стреляющих черных. Ответный огонь желтых был каким-то вялым. Должно быть, у оборонявшихся уже заканчивались патроны.

«Этому идиоту Билои придется сильно постараться, чтобы спасти свою шкуру!» — подумал он.

Оборону облегчал ров, который проходил через всю галерею, и в котором можно было чувствовать себя в относительной безопасности. Бернар пригибаясь пробежал метров десять–пятнадцать вдоль одной из стен, запрыгнул в ров и взглянул на часы. До прибытия огнеметов оставалось еще полтора часа.

С появлением командира-землянина желтые марсиане заметно приободрились. Их огонь стал более точным. У девяти человек из прибывшего с Бернаром отряда подкрепления хватало боеприпасов. Чтобы не оказаться отрезанными в результате обходного маневра черных через другие галереи, Бернар отослал парочку связных. Затем,

предупредив желтых марсиан, бросил одну за другой четыре гранаты, которые, срикошетировав от стенок, осыпали находившихся вне укрытий врагов сотнями осколков. Обрушились и несколько достаточно крупных обломков скалы. Победоносный свист сменился воплями ярости и боли. Получив небольшую передышку, желтые смогли утолить жажду, оказать первую помощь раненым. Судя по всему, неприятель дожидался подхода подкрепления. Вскоре оно действительно подошло в виде небольшой пневматической пушки, довольно-таки малоэффективной по причине слишком настильной стрельбы и глубокого рва, служившего анакийцам прекрасным укрытием. Но ее снаряды, разрывавшиеся у изгиба галереи, сильно затруднили подход гонцов или возможного подкрепления.

Первое же полученное Бернаром послание вселило сдержанный оптимизм. В других галереях сражение шло в непосредственной близости от потерянного перекрестка — окружения, судя по всему, удалось избежать. Спустя двадцать минут Мауно доложила о прибытии огнеметов и двух пусковых реактивных установок, стреляющих снарядами с метательным зарядом. Вскоре их доставили на передовую, и Бернар приступил к обстрелу позиций неприятеля.

Наконец появился и взвод Мауно. В него входили совсем еще молодые люди, которые быстро вывели свои боевые установки на огневую позицию. По приказу Бернара все замерли в ожидании вражеской атаки. Черных подстерегал пренеприятнейший сюрприз. Колышущейся бесформенной массой они ринулись вперед, но не успели пробежать и двадцати метров, как десять огненных струй превратили для них эту относительно узкую галерею в настоящий ад. Живыми и вопящими факелами черные, спотыкаясь, пробежали еще несколько метров, а затем воздух наполнился омерзительным запахом керосина и горячей плоти.

Под защитой этого огненной стены небольшой отряд в масках выдвинулся к перекрестку, где, обезумевшие и задыхающиеся, вертелись черные. Все они, до последнего человека, вскоре превратились в обугленные трупы. Пользуясь этим успехом, анакийцы продолжили продвижение и через какое-то время при поддержке подошедшего подкрепления

освободили шахту. К вечеру было восстановлено взаимодействие всех групп войск, а еще через шесть дней желтым удалось вернуть себе пилоны и полностью очистить подземелья от черных. Бернар распорядился взорвать ту галерею, которая была пробита черными для последующего вторжения; его потери оказались минимальными: 39 убитых, около полусотни — тяжелораненых, еще примерно сто человек получили незначительные ранения. Персональный ущерб Бернара выразился в потере половины левого мизинца. «Определенно, им чем-то не нравятся мои фаланги, — шутил он. — Хорошо еще, что я не играю на флейте!»

Вместе с Мауно и своими людьми, которых заменили новые, более свежие бойцы, он вернулся в Анак. Со стороны подземелий опасность, похоже, им больше не грозила, и битве теперь предстояло носить исключительно наземный характер. Сиг и Ингрид, а также небольшая делегация Совета, ожидали его у дебаркадера. Старик Билиор, возглавлявший делегацию, взволнованным голосом поблагодарил Бернара и его отряд за одержанную победу.

— Отныне, с этим новым оружием, полученным от вас, и нашим старым, традиционным, мы сможем успешно противостоять врагу, перенести войну в его города и там его уничтожить, потому что — увы! — ничего другого нам не остается. Красные уже захватили один из черных городов.

— Отлично, — ответил Бернар, — но сейчас я хотел бы немного передохнуть. — Затем он указал на Мауно: — Она была великолепна. Именно она оказалась для меня самым ценным помощником, поэтому я хотел бы просить Совет о небольшом для нее одолжении...

Едва державшаяся на ногах, девушка вдруг потеряла сознание и рухнула на землю. Бернар бросился к ней, но Сиг и Ингрид его опередили.

— Думаю, она спасла мне жизнь, — продолжал Бернар. — В какой-то момент я решил было, что мне уже конец. У 33-го пилонна один из черных навел на меня свое ружье, а у меня как раз закончились патроны, и я бы, вероятно, погиб, не поджарь она его с поразительным хладнокровием. Можешь сказать ей спасибо, Ингрид. А теперь я хотел бы поспать... да, поспать.

Ингрид и несший Мауно Сиг помогли ему подняться в поезд, который доставил их в Анак. В лифте Бернар опустился на пол и моментально уснул.

глава 4

Луи

Его разбудил слабый шум голосов. Он лежал на диване в своей спальне. Через открытую дверь он увидел в гостиной Ингрид и Мауно, сидевших на канapé рядом с Анаэной. Мауно говорила о своем желании увидеть Землю и просила Анаэну походатайствовать о ней перед Советом. Анаэна пыталась ее разубедить, упирая на сильную земную гравитацию и опасности путешествия.

— Опасности? Полагаю, я сталкивалась и с более серьезными. Нет, я хочу увидеть океан, настоящий океан, а не наши тусклые подземные озера.

Ингрид молчала, раздраемая противоречивыми чувствами — зарождающейся симпатией к Мауно и ревностью от мысли, что та сражалась бок о бок с Бернаром.

— Это решит Совет, — сказала Анаэна.

— К сожалению, возможно, нам самим придется просить Совет о том, чтобы несколько марсиан сопровождали нас, — прервал ее степенный голос. В руках у вошедшего в комнату Сига был листок, покрытый какими-то письменами. — Иначе нам просто не хватит людей для управления «Рони». Вот, только что нашел. Это от Луи:

«Мои дорогие друзья,

Не пытайтесь за мной следовать. Когда вы найдете это письмо, будет уже слишком поздно. Я обнаружил дорогу, которая выведет меня к большой пещере черных. Помните озеро с крабами? Оно располагается прямо над пещерой и соединяется с подземным морем. Находясь в плену, я смог удостовериться в том, что это море и пещеру разделяет лишь не слишком толстая стена. Я собираюсь ее взорвать. Тем самым я уничтожу

все это отродье и отомщу за бедняжку Элен и Артура. Ты, Поль, и ты, Бернар, вы — это то, что мне дорого больше всего на свете. Я унесу с собой в вечность память обо всех наших счастливых часах и нерушимой дружбе. Вас, Сиг, Рэй и Ингрид, я тоже очень люблю.

Прощайтесь от моего имени с Анаэной и другими марсианами. Если, как я полагаю, после этой жизни существует лучший мир, я встречусь в нем с Элен, а когда-нибудь и вы к нам присоединитесь. Желаю всем вам того счастья, которого вы достойны, особенно Бернару и Ингрид.

Я говорю лишь «до свидания»...

Луи.

Р. S. В моих бумагах вы найдете астрономические наблюдения Земли, которые я вел в обсерваториях Марса, а также целую кучу других научных документов, требующих публикации. Они в порядке.

Р. P. S. Для Бернара. Не смею тебя умолять, но если ты назовешь своего первого сына Луи, мне это будет приятно».

Ну вот. Датировано этим утром, шестью часами. А сейчас уже пять часов вечера!

Ошеломленные, они молчали. Бернар встал и присоединился к товарищам.

— Не думаю, — сказал он, — что Луи уже мог достичь Синуса Меридиана. Он должен быть все еще в пути.

— У него одиннадцать часов фьоры перед нами, — горько ответил Сиг.

— Для «Уэллса» это дело полутора-двух часов. Скорее!

— Предупреди Поля, — бросил Сиг Анаэне.

— Нет, я тоже полечу. Мауно...

— И я с вами!

— Нет! — отрезал Бернар. — Вы обе слишком устали.

— Вам понадобится кто-нибудь присматривать за самолетом.

— За самолетами, — поправил ее Сиг. — Уже готовы еще два.

— Хорошо. Ингрид поведет «Уэллс», ты — второй, я — третий. Нам нужно пятнадцать человек сейчас же, с фульгураторами и всем прочим. Ингрид, Мауно и Анаэна приглядят за самолетами — покружат там немного, готовые опуститься и забрать нас.

— Но они не умеют пилотировать, — заметил Сиг.

— Ингрид умеет. Остальные летали на марсианских туннельных самолетах, что гораздо труднее!

Луи долго вынашивал это решение. Когда, в пять утра, он писал прощальную записку, все было уже готово. Изучив планы старых галерей, он обнаружил, что одна из них начинается в мертвом городе Кнера, примерно в 200 километрах от пилонов, и соединяется с большой пещерой черных марсиан. Некий историк заверил его, что именно через эту галерею когда-то проходили желтые шпионы. Черные давно уже наглухо завалили камнями выход из галереи, но между большой пещерой и подземным океаном она по-прежнему оставалась полой. Стены в этом месте — как с одной стороны, так и с другой — были не слишком толстыми и в результате мощного взрыва должны были обрушиться. Даже удивительно, хмыкнул Луи, что желтые сами не додумались до такого плана. Накануне он перенес 200 кг только что изготовленного бризеита в криокс 212, выбранный им для этой миссии. Кроме того, он захватил с собой клок, небольшую гусеничную машину из легкого металла, которую желтые использовали в узких галереях для перевозки тяжелых грузов.

С реализацией плана проблем не возникло. Он без труда уговорил охранников позволить ему взять криокс 212 и за пять часов, не встретив по пути ни единого краба, доехал до Кнера. Какое-то время он потратил на обнаружение входа в галерею, после чего разгрузил криокс и разрушил машину.

Вооружившись фульгуратором, он поудобнее устроился в клоке и направился навстречу своей судьбе.

И вот тут-то Луи пришлось пережить крайне волнующие минуты. Фара его аппарата выхватывала из мрака гладкие стены, которые словно бы смыкались сразу же позади него. Он был в галерее совершенно один. Клок продвигался мягко и довольно-таки тихо, производя лишь глухой стук, напо-

минавший голос самой планеты. Со всех сторон окружавший Луи минерал действовал на него угнетающе. Он встряхнулся и, обернувшись, проверил крепление взрывчатки и небольшого перфоратора, который он захватил с собой. Все было в порядке. Прежде у него неоднократно возникали проблемы с обрушивающейся скальной породой, из-за чего он до крови разбивал себе руки. Сейчас порой в памяти проскакивали обрывки приятных воспоминаний, но Луи гнал их от себя, дабы всецело сосредоточиться на своем мщении.

Наконец, после тщательного подсчета, производимого в уме, он остановил клок и дальше пошел уже пешком, не желая, чтобы шум машины привлек внимание черных. Галерея продолжалась еще метров 600, спускалась вниз, заворачивалась в букву S и после 150 метров прямого пути заканчивалась стеной из стальных блоков, возведенной черными. Луи вернулся обратно, запустил двигатель клона и, включив перфоратор, проделал 24 лунки для укладки мин, 12 в стене грота и 12 со стороны подземного океана, но примерно в ста метрах над ним. Затем он заложил в лунки заранее подготовленный бризеит и поджег запал, размещенный со стороны грота. Удалившись за S-образный поворот, он услышал мощный взрыв и был сбит с ног взрывной волной. Встав и отряхнувшись, он увидел через широкую, метров шесть на пятнадцать, дыру пещеру черных — прямо под ним находилась самая высокая ее часть.

— Этого должно хватить, — произнес Луи вслух. Наклонившись, он увидел внизу небольшую группу черных, в испуге мечущихся по пещере. Поняли, подумал он. Он быстро поджег вторую закладку, запрыгнул в клок и поднялся вверх по галерее.

От взрыва содрогнулась земля. Раздался грохот вырываемых кусков скальной породы, затем со страшным завыванием вперед устремилось море. Снова спустившись вниз, Луи увидел в свете фонарика твердую как сталь стену воды, с ужасной силой бившуюся в возникшую на ее пути каменную преграду. Внезапно эта преграда пала, и через огромный проем, созданный первым взрывом и увеличенный морем, Луи увидел, как на подземную равнину обрушился колоссальный водопад, разбрасывая в стороны осколки скал, гигантских

крабов, всю эту чудовищную фауну. Быстрая и пеннистая, вода сбегала по склону, вырывая деревья и дома, затопляя дороги, сбивая с ног крабов живых и металлических, монстров и черных марсиан. Отдаленные отблески свидетельствовали о том, что где-то в низине уже начало образовываться озеро. То тут, то там, подхваченные бурным потоком, отчаянно и беспомощно размахивали руками черные марсиане. Луи представил себе тот город (слишком далекий, чтобы его можно было различить), где держали в плену Рэя, его проживающее в конических домах население, должно быть, уже встревожившееся от звуков приближающегося рева, его обезумевших от ужасных новостей жителей, первые язычки черной воды, панику, тщетные попытки инженеров, бегство впереди все прибывающей и прибывающей воды к суперструктурам через битком забитые лифты и — для тех, кого эта вода настигнет — смерть. Чтобы насладиться зрелищем, он улегся на живот, избегая тем самым сильнейшего турбулентного потока, вызванного водопадом.

«Таких катаклизмов я еще не видел, — подумал Луи. — Что ж, у Элен и Артура будут прекрасные похороны!»

Вдали усиливалось сверкание нового озера. Разыгравшаяся внизу величайшая драма уже заканчивалась. Бурный поток унес с собой последние группы людей, цеплявшихся за крыши энергоцентралей. Луи в этот момент вдруг осенило: а ему ведь и необязательно умирать! Он подумал, что жизнь, быть может, зарезервировала для него еще много чего хорошего, в том числе новые исследования и чистую дружбу. Подумал он и том, что, раз уж он выжил в разразившейся катастрофе, значит, высшие силы не желают его смерти, и потому он не вправе сводить с жизнью счеты. Впав в иступление, он пополз к клок, но вдруг с ужасом увидел, что стена, отделявшая его от моря, от давления уже пошла трещинами. Запрыгнув в клок, он уже запустил мотор, когда стена зашаталась и обрушилась на него всем своим многотонным весом.

С высоты самолетов его товарищи внимательно осматривали расстилающееся внизу необъятное пространство. Монотонные и голые, под ними струились желтые и красные пески. Чтобы не терять времени даром, решено было держаться на

небольшой высоте, но скорости не снижать. Вдали возникло чуть более темное пятно.

— Синус Меридиана, — пояснил по радиофону Бернар, и его № 2 спикировал к земле.

— Это еще что за чертовщина?

На глаза Бернару попался бесконечный поток крабов, выползающих из какой-то дыры и сверху напоминающих растревоженный черный муравейник. Он пролетел над лагерем Семиугольника, затем, уже на бреющем полете, — над стайкой крабов, которых он расстрелял из пулемета. «Уэллс» и № 1 повторили его маневр, после чего все три летательных аппарата снова набрали высоту. Внезапно перед самолетом Бернара словно извергся вулкан. Один из куполов, закрывавших подъемные шахты, взорвался, выбросив вверх груды осколков и столб воздуха, который едва не опрокинул самолет — лишь в последний момент, метрах в пятнадцати от земли, Бернару удалось вернуть аппарат на прежнюю линию полета. Два других самолета благополучно избежали вихревого потока. Через «ворота», прорытые в лощине, хлынула черная вода, начавшая заполнять овраг, затопляя отдельных крабов и превращая тем самым поверхность Марса в зачаток озера. Тогда-то Бернар все и понял.

— Воздушное давление, черт возьми! От него-то и взорвался купол. Мы опоздали!

Он резко развернул самолет. Центробежная сила раската-ла перед его глазами черную завесу. Позади него вскричали от боли и страха пассажиры.

— Ингрид, — возопил Бернар, — бомбы!

— Какие? Наши или воспламеняющие?

— И те и другие, черт подери!

На пятисотметровой высоте он облетел группу обезумевших крабов, продолжавших выбирать из верхних ворот и разбегаться куда попало, после чего, развернувшись и спикировав, забросал их снарядами. В опускавшихся сумерках фульгураторы разжигали изумрудные костры, то тут, то там перемежавшиеся короткими красными разрывами земных бомб. Самолет Бернара, а вслед за ним и «Уэллс» с номером первым, снова и снова заходили на очередной круг. Когда

бомбы закончились, в ход, пробивая панцири, пошли пушки. С наступлением ночи спастись удалось лишь нескольким отдельным крабам.

Тихие и уставшие, они отправились в обратный путь. В № 2 все молчали. Осознавая боль Бернара и Ингрид, желтые не осмеливались радоваться своей победе. Когда вдали замерцали огни суперструктур Анака, Бернар спросил у Бли, командира того небольшого отряда желтых марсиан, который находился на борту его самолета:

- Сколько жителей насчитывал тот город?
- Около трех миллионов.
- Да уж, это настоящая бойня.
- Это был их самый крупный город.
- Именно что был...

глава 5

Пароксизм

Удар оказался тем более тяжелым для черных, что примерно в то же самое время два других их небольших городка захватили красные. Но они по-прежнему сохраняли подавляющее численное превосходство, и их территория включала в себя практически все Северное полушарие, а также анклав, которыми они располагали к югу от экватора. Словом, Совет не удивился, когда по прошествии двух месяцев поставленные у пилонов часовые доложили о движущейся в направлении территории желтых огромной армии крабов, состоящей из 12 000 машин. Вечером черные разведчики наткнулись на небольшую группу из восьми криоксов, которые после короткого боя были разрушены, так и не нанеся сколь-либо ощутимых потерь врагу. Другой черный авангард, атакованный самолетами, был уничтожен. Но когда самолеты решили приняться за основную часть вражеских сил, черные марсиане выпустили облака красноватого дыма, полностью их окутавшего, и бомбардировать их пришлось наугад. Тем не менее атака на пилоны началась лишь спустя двое суток.

Хорошо укрепленные, пилоны были оснащены многочисленными дальнебойными крупнокалиберными реактивными минометами. В нескольких километрах от них были вырыты линии траншей, в которых располагались тиральеры, как их называл Поль.

То были желтые марсиане, облаченные в скафандры с большим запасом воздуха и вооруженные легкими реактивными минометами. Разделенные на группы по 12 человек, для своих перемещений они пользовались подземными ходами и галереями, что позволяло им возвращаться к пилонам, не попадая под вражеский огонь.

Вскоре стало очевидно, что ось атаки сосредоточена между 37-м и 52-м пилонами. Во время разведрейда Бернар произвел примерный подсчет вражеских сил: неприятель располагал более чем 16 000 боевых машин, а также довольно-таки большим количеством высоких, длинноногих аппаратов продолговатой формы, судя по всему, представлявших собой своего рода интендантскую службу. Желтым марсианам удалось собрать порядка 3 200 криоксов, не считая патрульных подразделений, которые круглые сутки вступали в стычки с врагом. Противник применил совершенно новую тактику. Он продвигался под прикрытием облака красноватого дыма, что привело к тому, что бой начался уже тогда, когда враг оказался всего лишь в тридцати — сорока метрах от позиций оборонявшихся. Криоксы не могли воспользоваться фульгураторами, иначе сами оказались бы их первыми жертвами. Они были вынуждены прервать сражение и отступить, понеся незначительные потери. Отбившись от неприятеля, они открыли огонь по облаку дыма уже с большего расстояния и, как стало известно впоследствии, уничтожили как минимум сотню крабов, но ценой огромного расхода снарядов.

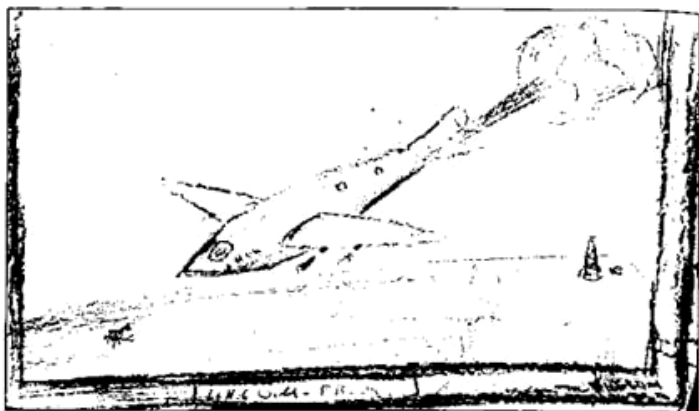
К счастью, черные в тот день не стали развивать своего преимущества. Похоже, он ждали подкрепления, которое в итоге и подошло в лице почти тысячи громадных крабов, оснащенных крупнокалиберными орудиями. Эта отсрочка позволила снабдить большинство криоксов реактивными минометами и завершить сборку нескольких самолетов. Последние, будучи менее быстрыми и снабженными меньшим количеством оружия, нежели «Уэллс» и №№ 1 и 2, были,

однако же, больших размеров и могли поднять на борт впятеро больше бомб.

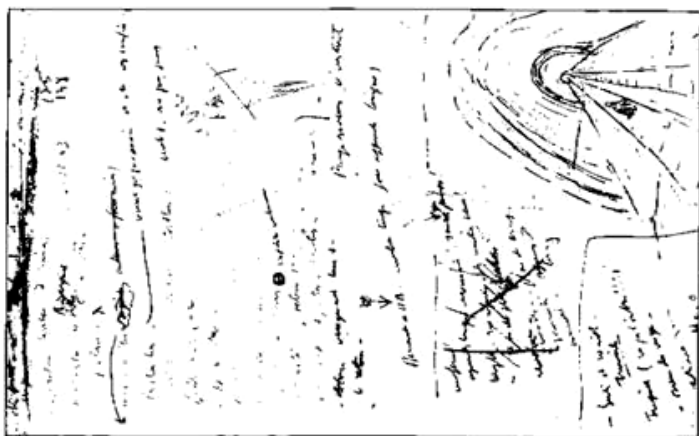
С рассветом черные все же перешли в решительное наступление. План обороняющихся был довольно-таки простым. Половина оснащенных реактивными минометами криоксов — около 600 машин — образовала передовую линию. Затем эти криоксы отступили, и враг вывалился прямо на облаченных в скафандры тиральеров, поддерживаемых тяжелыми пусковыми реактивными установками пилонов и бомбами самолетов, после чего остальные криоксы перешли в контратаку, окружив черных с флангов. Командование тиральерами было доверено Рэю, который в 1945 году принимал участие в последних фазах войны в Тихом океане. Сиг возглавил артиллерию. Несмотря на его протесты, главнокомандующим Совет назначил Бернара, который должен был направлять бой из «Уэллса» при поддержке генштаба в лице Лои, Анаэны и Азои, командовавшего в мирное время патрулями безопасности. Последний стал для Бернара ценным помощником.

В 6 часов 30 минут утра примерно 3 000 крабов выдвинулись к 44-му и 45-му пилонам, прикрывая тяжелые орудия, которые открыли огонь ровно в семь часов. Тактика черных заключалась в том, что они продвигались под покровом облака рыжего дыма. Несколько крабов, оставшихся в стороне от этого облака, вели пристрелку. Сосредоточенный исключительно на пилонах, вражеский огонь утратил свою первоначальную точность сразу же, как только были уничтожены разведчики. Не оставшись в долгу, пилоны принялись наугад обстреливать облако из реактивных минометов калибра 800 мм. Эта артиллерийская дуэль продлилась два часа, не нанеся пилонам особого ущерба.

Из «Уэллса», летавшего над полем брани, Бернар наблюдал за суетливой беготней черных. Так как сражение никак не начиналось, он отправил семь самолетов на бомбардировку главных сил вражеской армии, приказав им вывести из строя как можно больше машин интендантской службы противника. Заметив приближающуюся эскадрилью, черные тут же выпустили свой дым, но несколько машин снабжения уже были уничтожены. Вследствие недостаточной видимости атака прекратилась. В девять часов, все так же под защитой

а. «Г. Д. Уэллс» во время битвы у пилонов.

б. Предварительные заметки и рисунок марсианского туннеля

облака дыма, враг наконец-таки приступил к массированному штурму. Тогда-то и произошел инцидент, сыгравший на руку желтым: поднялся сильнейший ветер, разогнавший рыжие клубы дыма. Конечно, довольно-таки значительный туман все еще сохранялся, но видимость сделалась уже достаточной для того, чтобы криоксы смогли применить свои фульгураторы. Когда враг был уже в паре километров от передовой линии тиральеров, Бернар бросил криоксы в бой.

Схватка выдалась несколько суматошной, жестокой и непродолжительной. Со всех сторон сверкали зеленые звезды. Дымящиеся снаряды создавали странный узор, белыми полосами разграфляя рыжеватую поверхность Марса в клетку. Бернару, наблюдавшему за битвой сверху, порой даже казалось, что это коричневые муравьи сражаются с черными пауками. 600 криоксов были разбиты на небольшие, по десять машин в каждой, группы, прикрывавшие одна другую.

Какое-то время Бернар еще надеялся на то, что криоксам удастся отбросить врага. Черные несли ужасные потери. Две первые штурмовые волны, состоящие каждая из 700 крабов, в бою просто-напросто расплавились — в прямом смысле этого слова. Потери желтых были минимальными, примерно 30 машин. Но в 9 часов 27 минут Лиои, командир авангарда криоксов, доложил ему, что боеприпасы — как к фульгураторам, так и к минометам — заканчиваются. Почти тут же, поддерживаемые артиллерией, на них накатили две новые волны черных. На криоксов обрушился настоящий град огня. В мгновение ока 60 из них были разрушены — правда, и черные при этом лишились 200 крабов. Но при таком раскладе черные без труда одерживали победу.

— Жаль, мы не успели построить бронированные машины! — бросил Бернар старавшейся не отходить от него ни на шаг Ингрид и отдал приказ к отступлению.

— В конце концов, — заметила Ингрид, — мы могли бы разыграть эту партию и при 90 криоксах против 1 600 крабов.

— Да, но и они могли бы бесконечно подводить все новых и новых, тогда как все наши резервы уже тут, — ответил Азои.

Развернутый строй черных уже достиг дюн-репéров, расположенных в километре от окопов. Бернар радиотелефонировал Рэю:

— Дело за тобой, старина. Задай-ка им жару!

Тотчас же заговорили пилоны, осыпав осаждающих крупными снарядами. Бернар бросил в бой самолеты. Могучие W1 один за другим срывались в пике с высоты в три-четыре километра. Вот уже и Рэй распорядился открыть огонь: метрах в пятистах перед крабами из земли начали вылетать первые ракеты, небольшие черные или блестящие

штуковины, оставляющие за собой серебристый вихревой след — одна, две, десять, сто, тысяча. На вторые линии падали огромные снаряды пилонов, тогда как на основную часть армии пролился дождь воздушных бомб. Вражеская волна резко остановилась. Одни крабы, пошатываясь и спотыкаясь, еще пытались идти вперед, но лишь затем, чтобы через несколько метров повалиться, другие расплавились под невероятными зелеными вспышками фульгураторов, уже не в состоянии что-либо противопоставить закопавшимся в землю тиральерам. Остатки первых линий вертелись волчком, пытаясь спастись бегством, но натыкались на главные силы армии, которая продвигалась и... безжалостно расстреливала беглецов. Черная артиллерия открыла огонь по траншеям, но тиральеры уже отошли метров на 200, и повторилась та же ошеломляющая сцена. Впрочем, ей предстояло еще не раз повториться на протяжении этого дня. Лишь однажды крабам удалось форсировать линию окопов, но почти тут же они были уничтожены огнем 44-го пилон. Напоминавшие гигантскую карусель, самолеты бомбардировали, приземлялись, запраплялись, снова поднимались в воздух. Четыре самолета — в качестве подкрепления — прибыли из Анака.

В 15 часов 30 минут, сочтя противника уже достаточно ослабевшим, Бернар отдал приказ о контрнаступлении. 2 500 криоксов обступили черных с флангов. Самолеты, используя «огненные» бомбы весом в тонну, которые расплавили все в радиусе одного километра, отрезали врагу отход. Со стороны пилонов дорогу блокировали артиллерия и тиральеры. Сражение перешло в массовое истребление. К 19 часам были разбиты последние группы крабов — лишь ста с небольшим удалось прорвать оцепление и бежать. Потери черных составили примерно 16 000 крабов, 1 200 пушконосцев и 700 машин снабжения, то есть почти 70 000 человек. То был сущий пустяк с учетом многомиллионного личного состава армии, но весьма ощутимый удар по ее материальной части. Желтые потеряли в бою 852 криокса вместе с их экипажами, 1 250 машин получили более или менее значительные повреждения. Людские потери составили около 4 500; тиральеры потеряли 70 человек. У пилонов погибли 457 марсиан.

То была сокрушительная победа, но Элиор, их товарищ по приключениям, исчез вместе с криоксом 879.

Бернар меланхолично объехал поле боя в криоксе 1302 в компании Мауно, Анаэны, Ингрид, Сига и Рэя. Мауно, сражавшуюся в рядах тиральеров, после разрыва одного из снарядов едва не засыпало землей, но девушка отделалась легким испугом и переломом левой руки. Теперь, когда после анестезии боль чуть поутихла, она сидела рядом с Ингрид и, прижавшись лбом к иллюминатору, со свирепой радостью рассматривала развороченных крабов.

— Как же я ненавижу войну! — заметил Бернар.

— Я тоже, — ответил Сиг. — Но у нас не было выбора. И для пацифиста ты неплохо справился с ролью генерала.

— Это было проще простого. Наша стратегия мало чем отличалась от стратегии ребенка, ведущего собственную игрушечную войну. Похоже, черным вообще не знакомо такое понятие, как «маневрирование», или же они просто решили им пренебречь. Правда, если бы в нужный момент не поднялся ветер...

— Да уж, с ветром нам сильно повезло, — сказала Ингрид. — А если б он не подул, что бы ты делал?

— Поль пустил наш уран на изготовление атомных бомб, но, примени мы их, — и нам бы пришлось отказаться от возвращения на Землю, по крайней мере до тех пор, пока бы мы не нашли чем заменить уран в ракетных двигателях «Рони».

глава 6

Истребление

Второй бой прошел спустя месяц, уже на вражеской территории. 175 криоксов, при поддержке 11 самолетов и 500 облаченных в скафандры тиральеров, доставленных гусеничными вездеходами, уничтожили около тысячи крабов. Но последние сражались в рассредоточенном боевом порядке, вследствие чего и сами анакийцы понесли значительные людские потери, лишившись к тому же и одного из самолетов, W10, в который угодил снаряд.

От дальнейшего сражения неприятель предпочел отказаться, удовлетворившись яростной защитой своих городов на ближайших к ним подступах. Криоксы продолжали свое победоносное шествие. Время от времени, правда, им доводилось наткаться на вражеские патрули, но практически из всех этих стычек победителем выходили желтые. Следующие три месяца ознаменовались лишь одним важным событием — тяжелейшим взятием черного города Акатура, насчитывавшего 100 000 жителей. Подземная битва длилась три недели. Она, вероятно, выдалась бы еще более кровопролитной, если бы в какой-то момент на помощь осаждавшим не пришла довольно-таки крупная армия красных, пробравшаяся к городу через галерею, которую пробивали в скалах огромные буровые машины, что позволяло наступающим продвигаться на сто — сто пятьдесят метров в час. Таким образом черные оказались между двух огней и быстро были истреблены.

Война продлилась еще год, причем что с одной, что с другой стороны велась она с предельной жестокостью. Несмотря на численное превосходство, черным уже так и не удалось снова завладеть в ней реальным преимуществом. За все это время они сумели захватить разве что деревушку Рейо и один небольшой уединенный красный поселок. Заводы Анака, Клиена и Илио, трех крупнейших желтых городов, как и заводы красных марсиан, в массовом количестве выпускали все более и более смертоносные орудия, плод совместного разрушающего гения красных и желтых марсиан и землян, которые в конечном счете все же превзошли черных, искусных и затейливых механиков, в изобретательности.

Спустя десять месяцев после начала войны последние удерживали уже всего лишь несколько изолированных островков. Они потеряли 28 миллионов человек, тогда как желтые — 700 000, а красные — 126 000. Сражение среди пилонов, где Бернар впервые выступил в роли главнокомандующего, затмили другие, куда более серьезные конфликты, бросавшие друг на друга тысячи криоксов и десятки тысяч крабов. Последние были уже усовершенствованной модели: облегченные, более продолговатые, лишённые бесполезных клешней, имевшие до пяти скорострельных орудий, даль-

нобойность которых значительно увеличилась. Завоевание подземелий потребовало еще больших усилий: в них проходили ожесточенные битвы, в которых и те и другие убивали всех подряд. Желтые решили истребить черных, и земляне не стали этому противиться.

— Делайте что хотите, — сказал Бернар, — мне это уже как-то без разницы. Эти черные принесли нам немало бед, причем без какой-либо на то причины.

В итоге в живых осталось лишь несколько десятков тысяч черных, укрывшихся в одном-единственном подземном городе. И вот тогда-то в Совете и возникли разногласия. Большинство членов полагало, что истребление должно быть тотальным. Земляне, когда спросили их мнения, на это заметили, что полное уничтожение того или иного вида всегда имеет катастрофические последствия. В тот момент, когда Совет уже готов был проголосовать за поголовную экстерминацию, Цер, тот самый старик, который читал землянам лекцию по истории Марса, поднялся на ноги и сказал:

— Братья, я согласен с землянами. Прошу вас еще раз как следует взвесить все «за» и «против». Как вы помните, мы начали эту войну главным образом по причинам безопасности: нас было 12 миллионов против 70 миллионов. Теперь же мы имеем совершенно иное соотношение: 10 миллионов с нашей стороны против примерно 70 тысяч со стороны врага. Опасность исчезла.

— Она возникнет вновь!

— Вполне возможно! Но скажите мне, вы, молодежь, которая заседает в Совете, что больше всего привлекает вас в ваших экспедициях на криоксах? Правильно: возможность встретиться с черными. Я не намерен как-то превозносить войну. Она слишком дорого стоила нашей планете. Но не забывайте и о том, что с исчезновением черных из нашего мира исчезнет и надежда на какие-либо приключения. Что мы будем делать на этой постаревшей, одряхлевшей, непоправимо бесплодной планете? Планете, где мы станем абсолютными властителями — за исключением того небольшого уголка, в котором проживают наши союзники красные. Мы что, пойдем тогда войной на них? Или же разделимся на враждебные города и погрязем в собственном декадансе?

Вы отлично знаете, что Марс, в силу его особенностей, не может гарантировать нам быстрое и всестороннее развитие. Разумеется, прилет землян заметно укрепил наше старое общество, за что я премного им благодарен. Мне прекрасно известно, что для многих из нас исследования — это тоже своего рода приключение. Но мне бы не хотелось, чтобы теперь, когда ничто нам уже не угрожает, мы погрузились в самоуспокоенность. Пусть эти немногочисленные черные, которых, естественно, с годами будет становиться все больше и больше, станут для нас тем жалом, той, если хотите, иголкой, которая не даст нам уснуть. Я знаю, Бернар, что на Земле перед вами стоит проблема иного рода, и вы абсолютно правы, что хотите любой ценой избежать войны. Вам еще предстоит завоевать множество планет, и ваше человечество молодо. У нас же здесь больше ничего не осталось. Наша экономика, все наше развитие были подорваны — не стоит этого отрицать — нашими собственными преступлениями, поэтому я прошу, умоляю: оставьте черных в живых. Быть может, избавившись от тирании жрецов краба, они постепенно эволюционируют и станут более гуманными. А уничтожить их, если возникнет такая необходимость, мы всегда успеем.

Единогласно поддержанное землянами, к которым присоединились Анаэна и Лои, предложение было одобрено. Войну решено было завершить... на какое-то время. Гораздо труднее оказалось убедить принять это решение красных, но в конце концов они все же согласились с доводами своих союзников.

глава 7

Делает ли это нас менее смертными?

Тогда-то для землян и начался — какими бы горькими ни были их воспоминания о погибших товарищах — самый лучший период их жизни на Марсе. На криоксах и самолетах они обследовали всю планету, посещая желтые города

и руины городов черных. Бернар, Сиг и Ингрид вернулись к красным, захватив с собой на этот раз и Поля. В гостях у них они провели два месяца, собрав массу научных сведений. Взамен на оказанное им в Анаке гостеприимство они прочли местным жителям несколько лекций по земным наукам. В трюмах «Рони» собралась богатейшая коллекция марсианских окаменелостей и минералов. На звездолете, захватив с собой Анаэну, Лои, Кни, Мауно и трех марсианских астрономов, они слетали в разведку на Фобос и Деймос, абсолютны пустынные и бесплодные скалы, крошечные звезды, тщетно блуждающие в вакууме.

В один прекрасный день Поль поставил перед Большим Советом вопрос о возвращении на Землю. Теперь, после потери Луи, Элен и Артура, землянам не хватало людей для обеспечения нормального управления «Рони», и им было жизненно необходимо, чтобы Совет разрешил нескольким марсианам сопроводить их.

— Мы обещаем вам, — сказал Поль, — вернуть их в назначенный вами срок. Более того, их пребывание на Земле принесет огромную выгоду обоим нашим планетам. Я знаю, что вы с сомнением относитесь к этому плану, так как в большинстве своем полагаете Землю непригодной для вашего на ней обитания. Разумеется, гравитация там гораздо более сильная, чем на Марсе, но Бернар заверил меня, что ваш скелет достаточно прочен для того, чтобы ее выдержать. Нам и самим придется ко многому привыкать заново. Но это быстро пройдет!

Спор выдался жарким, но в конечном счете Совет позволил пяти марсианам сопровождать землян. Вернуться им следовало ровно через один марсианский год, то есть примерно через два земных года. Совет выбрал Лои, Кни, Анаэну, Афри, молодого физика и астронома, и — по просьбе Бернара — Мауно. Он пожелал сообщить ей эту новость сам. Девушка посмотрела на него с недоверием:

— И они разрешили?

— Да, ты и еще четверо ваших, среди которых Анаэна с братом, летите с нами. Ты сможешь изучить земную металлургию... и искупаться в океане, — закончил он с улыбкой.

Наступил вечер, которому предстояло стать их последним на Марсе. Днем, на «Уэллсе», они облетели места, где погибли Артур, Элен и Луи, после чего Ингрид и Бернар, никому ничего не сказав, прогулялись по фруктовым садам. Вечером все они собрались в общей комнате их анакской квартиры, вместе с марсианами, которые должны были их сопровождать, историком Цером и его внучкой Анией, которая тоже с радостью отправилась бы в путешествие. За исключением светившейся от радости Мауно, все выглядели какими-то невеселыми; желтые — потому, что им предстояло покинуть родную планету, земляне — из-за их мыслей о так и не доживших до возвращения на Землю товарищах.

Большой Совет устроил им незабываемый прощальный прием.

— Благодаря вам, — сказал старый физик Анер, — мы теперь можем жить, не думая о том, что являемся бесповоротно изолированной расой. Сражаясь с нами бок о бок, вы принесли нам нечто большее, нежели победу — вы подарили нам надежду! Вы теперь — одни из нас. Пусть же ваши путешествия всегда будут успешными!

Потом Совет подарил им восхитительную коллекцию алмазов и драгоценных камней, предназначенную для финансирования их будущих исследований.

Затем слово взял Цер:

— Я очень рад, что все же дожил до того дня, когда наши планеты пришли к союзу и согласию, и теперь могу надеяться на то, что наша раса, навсегда обезопасив себя от черных, устремится к более радужному будущему. Благодаря вам мы снова живем, а не прозябаем. Но вы улетаете, а это сродни прощанию...

— Мы обязательно еще вернемся, — возразил Бернар.

— Я знаю. Вы доставите сюда наших людей, но долго ли пробудете здесь сами? Ведь вас ожидает столько планет! И Венера, и жгучий Меркурий, и ледяной Нептун...

— Мы сможем отправлять смешанные экспедиции, — заметил Поль.

— Возьмете меня? — в один голос воскликнули Анаэна и Мауно.

— Разумеется...

Поль заводил свой легендарный будильник.

— Боишься проспать? — пошутил Бернар. — Знаю тут одну, — он указал на Мауно, — которая в любом случае разбудит тебя вовремя.

— Назови это суеверием, если желаешь, но мне бы хотелось, чтобы нас разбудил именно он. Помнишь, как над ним смеялся Луи?

— Да. Бедняга Луи...

Наступила тишина. Все погрузились в собственные мысли. Марсиан снедало любопытство нового мира. Бернар, Поль и Сиг размышляли о докладах, которые им предстояло сделать в академиях. Рэй прикидывал, сколь высоких тиражей смогут достичь газеты, в которых он разместит свои статьи. Цером и Анией владели меланхолия и грусть, что, впрочем, было вполне объяснимо — ведь они никуда не летели. Ингрид думала о прекрасной жизни завоевателей неба, которая ждала их — ее, Бернара и их будущих детей — впереди.

— В общем и целом, — сказал Сиг, — мы пережили самое чудесное приключение, какое только может пережить человек. Конечно, мы потеряли дорогих нам товарищей, но так заканчиваются все великие человеческие начинания. Мы перешли рубежи, казалось, навязанные людям самой природой, и стали первыми, кому довелось встретить рассвет на другой планете. И это всего лишь начало. У нас будет масса последователей, которые зайдут еще дальше, чем мы. Да и сами мы...

— Все это так, — согласился Бернар. — Но делает ли это нас менее смертными?

Ания тихо пела прощальную песню времен планетарной катастрофы, нежную и печальную, песню, которая теперь, спустя столько тысячелетий, казалась уже устаревшей.

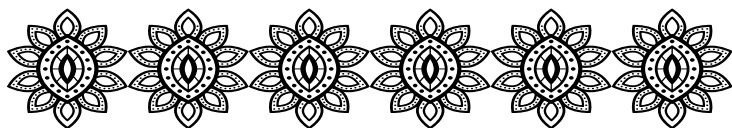

НАША РОДИНА – КОСМОС

POUR PATRIE, L'ESPACE

1962

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

глава 1

Бесконечное падение

Тинкар падал среди звезд. Повсюду — вокруг него, над ним, под ним — в бесконечности безмятежно светились их яркие точки. Падая, он вращался и смотрел, как смещается Млечный Путь, похожий на полосу подернутого серым пеплом огня. Когда его глаза натыкались на газовое облако, оставшееся от звездолета, их снова слепило только что отпылавшее сияние. Постепенно, выполняя движения, которым его обучили в Школе кадетов, он замедлил вращение. Светящаяся полоса галактики медленно покачнулась, словно волчок на излете вращения. Теперь можно было подумать о своей участи.

Он был один в бесконечных просторах космоса. Миллиарды километров отделяли его от планет, заселенных любыми формами жизни, гуманоидными или негуманоидными. Душу его наполнило отчаяние, но не из-за очевидности скорой смерти, а от осознания того, что не выполнено порученное ему задание. Он никогда уже не сможет доставить послание адмиралу, командующему Седьмым флотом на Фомальгауте IV. Мятежники одержат верх, а значит, Империя погибнет.

Империя...

Он не думал о близкой смерти. Пока не думал. В его груди кипела ярость от поражения, которое он потерпел в результате собственной невнимательности. Смерть для Тинкара ничего не значила. Он пожертвовал жизнью в тот день, когда принес присягу. С тех пор его тело ему более не принадлежало, он дышал лишь милостью Императора.

Из-за срочности, с которой он должен был выполнить задание, у него не осталось времени на проверку гиперспаситронов. Да и как он мог подумать о возможности саботажа, если доверенный ему звездолет состоял во флотилии личной императорской гвардии? Значит, и там был по крайней мере один предатель. Гангрена поразила все. Никакой возможности послать сообщение у Тинкара не было. Гиперпространственное радио только поступило на испытания, и дальность его действия не превышала пятнадцати световых лет, а энергии один приемопередатчик пожирал столько, что его можно было устанавливать лишь на самые крупные крейсера. К тому же на вооружении Седьмого флота таких судов еще не было. И никто среди этих лентяев-«ученишек», загнанных в лаборатории Империи, не был способен увеличить радиус действия приемопередатчиков и снизить их вес. А может, они этого и не хотели? Самодовольные глупцы, жившие за счет государства, никчемные людишки! Неспособные даже на лояльность. А ведь накануне его отлета казнили за предательство еще семерых!

На этот раз мятеж был тщательно подготовлен. Ничего похожего на беспорядочные бунты, подавленные в свое время императорами Ктиусом IV, Ктиусом V и, величайшим из всех, Антеором III! Тинкар презирал нынешнего властителя Ктиуса VII, человека слабого и безвольного, который позволил бы вырвать у себя «реформы», не выступи против них Звездная Гвардия.

Тинкар проснулся еще до того, как до его ушей донесся шум. Бросившись к окну казармы, он с недоумением уставился на высоченную колонну клубящегося дыма на месте арсенала Килеор. И тут же мрачно взвыли сирены. Мгновенно одевшись, он через пять минут после объявления тревоги стоял у трапа своего звездолета с журналом учета в руке, готовый отметить того, кто прибудет последним. Потом по-

следовали два месяца борьбы с неуловимым противником, отказывавшимся от прямых схваток и наносившим удары исподтишка. Но самым поразительным было то, что звездолеты мятежников легко уходили в космосе от самых быстрых крейсеров Звездной Гвардии.

Тинкар сражался на Марсе, Венере, Земле, участвовал в рейде на Абель, третью планету системы Проксима Центавра. На самые далекие миры Империи мятеж пока еще не распространился.

На Земле все, что некогда называлось Западной Европой и Северной Америкой, оказалось в руках мятежников. Они захватили обширные территории в Азии. Овладели половиной Марса, обоими полюсами Венеры, всеми спутниками Юпитера и Сатурна. Медленно, но неуклонно мятежники теснили силы Звездной Гвардии; угроза нависла над столицей Империи. Наконец Императора вынудили призвать на помощь Космический флот, ближайшая эскадра которого располагалась в районе Фомальгаута. Друг за другом улетели один, два, три, десять посланцев. Ни один из них не добрался до места назначения. И тогда великий адмирал вызвал Тинкара.

Тинкар пять лет подряд выигрывал звездные гонки от Земли до Ригеля III и обратно, а в первый раз — неслыханное дело! — победил, когда был еще кадетом. Если кто и мог прорваться к Фомальгауту, то только он. Ему вручили запечатанный конверт с посланием и передали самый быстрый катер флота. Он взлетел ранним утром под прикрытием дыма, окутавшего астропорт в момент химической атаки.

Едва покинув пределы атмосферы, Тинкар ушел в гиперпространство. Он был один на борту крохотного суденышка, но это его не смущало. Жизнь звездного гвардейца всегда была аскетической, почти монашеской. Похоже, его никто не преследовал. На третьи сутки Тинкара разбудил сигнал тревоги. Экран гиперрадаров был пуст, но быстрый взгляд на приборы заставил его побледнеть — нарушилась фазовая настройка второго гиперспасиотрона. Столь крупная неполадка требовала срочного выхода в нормальное пространство. Он был способен выполнить такие ремонтные работы: в цикл тренировок офицеров Звездной Гвардии, прекрасно знавших

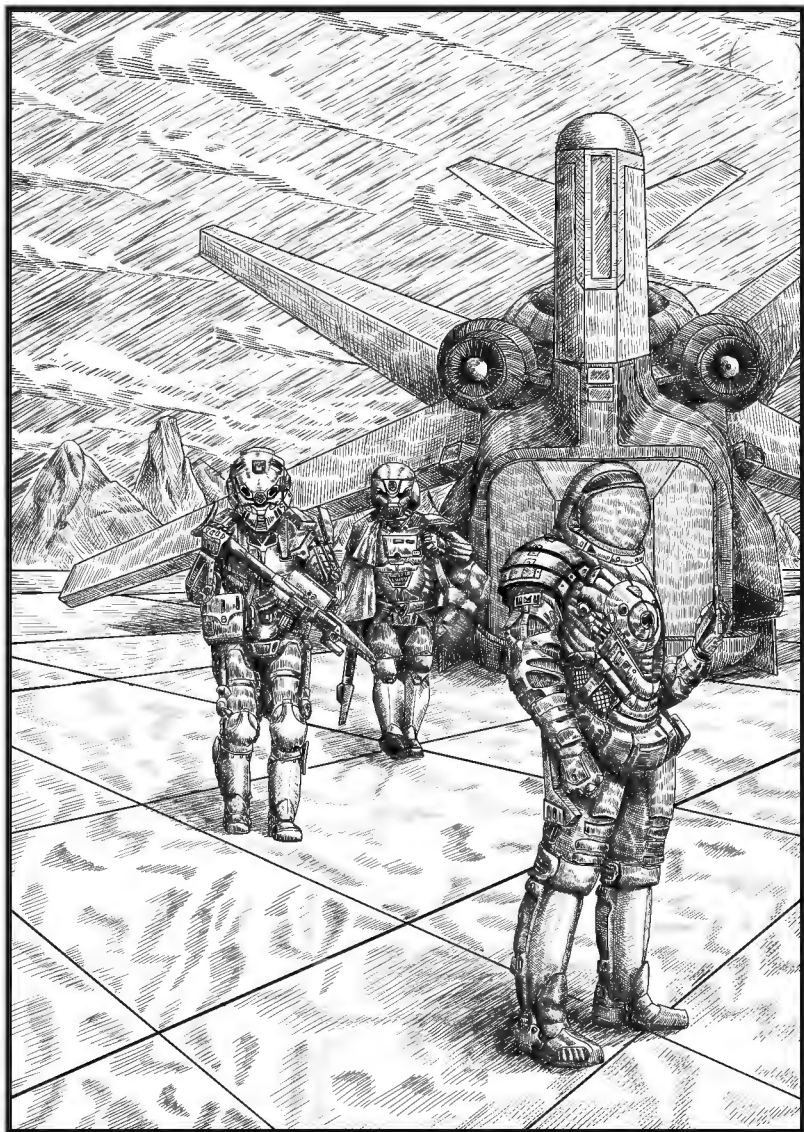
теорию гиперпространства, входили практические работы с гитронами, как их называли кадеты. Но, как говорится, пришла беда, открывай ворота. Когда он устранил аварию и собирался стартовать с опущенными экранами, как того требует устав, крохотный астероид обрубил антенну. Тинкар мог дожидаться прибытия на Фомальгаут IV и заменить антенну уже там, но это помешало бы ему посылать опознавательные сигналы, а кроме того, «ни один хороший офицер не привел бы свой звездолет к месту назначения с повреждением, которое мог устранить сам». Тинкар надел скафандр и вышел в открытый космос.

А потом... Произошел первый взрыв, скорее всего химический, довольно слабый. Тинкара отбросило в пространство, на пару десятков метров от корабля. Опасности его положение не представляло — реактивный пистолет легко позволил бы ему вернуться. Но тут случилось непоправимое: сработала стандартная процедура уничтожения покинутого корабля. Небольшая бомба, помещенная между тремя гитронами, вот-вот должна была взорваться, а там — разрушение или перекокс центральной опоры, схождение гиперпространственных осей. И — ад крошечный!

У него оставалось всего десять минут, чтобы удалиться, включив реактивный пистолет на полную мощность. Этого времени едва хватило. Беспорядочный полет и головокружительное вращение продолжались до того момента, пока его не настигла вспышка света. Три тонны материи испарились в мгновение ока! Потом на Тинкара обрушился поток сверхжесткого излучения, от которого, как он надеялся, его защитили расстояние и скафандр. Впрочем, облучение не имело значения, он был обречен на смерть в любом случае.

Тинкар падал среди звезд. Он знал, что падает, но ничто не позволяло ему измерить скорость полета. Все еще светившееся газовое облако, которое расползлось на месте звездолета, не могло помочь сориентироваться, ведь он не знал, с какой скоростью оно распространяется.

Он падал и знал, что теперь будет падать вечно и однажды превратится в иссохшую мумию в скафандре. Потом, вероятнее всего, тело его притянет какая-нибудь звезда, и оно испарится. Но он будет мертв. Умрет, так и не вручив послание.

Смерть. Это слово пока еще не имело смысла. Умирают от раны, от взрыва, от излучения, от несчастного случая... или от старости. А он ощущал себя молодым, и на теле его не было ни одной царапины. И все же ему придется умереть. Шансы на помощь были практически равны нулю. Хотя не совсем: оказавшийся почти в такой же ситуации капитан Рамсей после шестнадцати часов пребывания в космосе был подобран кораблем, вынырнувшим из гиперпространства в нескольких сотнях метров от него. А значит, шансы Тинкара все же не равнялись нулю, хотя и были до отчаяния низкими!

«Я умру», — подумал он. Мысль о смерти его не страшила, скорее околдовывала. Он столько раз видел, как умирали люди, и умирали самой разной смертью! Павшие товарищи, только что стоявшие рядом и рухнувшие на палубу звездолета, враги, которых находили после высадки обгоревшими или разорванными на куски... А та ужасная ночь, когда он часовым присутствовал на допросе предателя-физика Альтона в подвалах императорского дворца! Он тряхнул головой. Ему не хотелось вспоминать об этом. Но он надолго затаил злость на адмирала за то, что тот назначил его и еще трех кадетов в наряд, словно у Империи не хватало палачей и прислужников!

Тинкар был хорошо обученным человеком, знавшим все опасности космоса, а потому хладнокровно оценил свои ресурсы: воздуха — на двадцать четыре часа, пищевых высококалорийных концентратов — на десять суток, электрических батарей — на месяц работы.

— Итак, я умру от удушья, — вполголоса произнес он. — Вернее, почувствовав, что конец близок, отключу ток, чтобы замерзнуть, а не сгнить... а может, сниму шлем!

Он отрицательно покачал головой. Снять шлем? Это было бы самоубийством, а гвардейский кодекс чести самоубийства не допускал: офицер продолжает бороться даже тогда, когда иссякают все надежды.

Чтобы успокоить совесть, он включил радио, послал вызов. Радиус действия передатчика был невелик, к тому же Тинкар был уверен, что ни один дружеский звездолет не находится в этом уголке космоса. А что касается врагов, то их было слишком мало для того, чтобы они могли оказаться так далеко от планеты.

На его вызов никто не ответил. Он поставил переключатель на автоматическую передачу сигнала SOS, а сам стал прослушивать позывные на частотах имперского флота. Ничего, лишь привычные космические шумы, голоса туманностей. Только помехи и приглушенный свист клапанов подачи воздуха. Тинкар решил подождать. Теперь он вращался очень медленно и мог полностью остановить вращение. Но оно ему не мешало, напротив, позволяло наблюдать за космосом.

Он бросил взгляд на часы и вздрогнул: он падал уже целый час. Всего лишь час. Час. Еще двадцать три отрезка вечности — и он будет мертв. Дыхание станет коротким, в ушах загудит, рот откроется, пытаясь втянуть воздух. А потом — медленное скольжение во мрак смерти. И наконец (как он надеялся), рай для воителей, если, конечно, он такового достоин.

Тинкар не был метафизиком. Религиозность вообще не поощрялась в Гвардии. «Подчиняйся Императору и своим начальникам, следуй правилам, храбро сражайся, будь верным до самой смерти, и тогда тебе нечего бояться». Он следовал всем этим заповедям. Но в последний час его вдруг посетило сомнение. У народа была другая религия, не ограничивавшаяся одной лишь воинской доблестью, но требовавшая еще и любви к ближнему, а также отказа от убийства. Как народ мог примирять эту последнюю заповедь со своими жесточайшими бунтами? Этого Тинкар никогда не мог понять. Империя поддерживала религию ненасилия среди плебса, но не среди гвардейцев. «Не убий!» Он вспомнил о полицейских, распятых рядом с храмом в самом начале восстания. «Не убий!» Правда, в священных писаниях этой религии встречалось и другое высказывание: «Кто с мечом придет, тот от меча и погибнет...»

Добрые сказки для детишек. Как создать и сохранить Империю, не убивая? Впрочем, даже если Бог был таким, каким Его описывали священники из народа, Он не мог гневаться на него, Тинкара, за то, каким он был. Разве он мог поступать иначе? Он был похищен Гвардией, чтобы получить воспитание солдата почти с самого рождения. О родителях у него сохранились весьма смутные воспоминания. Ему казалось, что у матери его были длинные белокурые волосы... А отец всегда представлялся ему огромным расплывчатым силуэтом...

Жизнь Тинкара проходила сперва в обществе кадетов, затем среди гвардейцев. Каждую минуту времени занимали учеба, физическая подготовка, бесконечные маневры на Земле, в космосе или на других, обычно адских планетах. В качестве отдыха им предоставляли евгенические центры, где их потчевали девицами из народа, напуганными, накачанными наркотиками, покорными и ненавидящими. Говорить с ними было запрещено. Вначале он с нетерпением ждал этих каникул, как и все остальные. Потом у него возникло ощущение, что после подобных развлечений он опускается так же низко, как и эти девицы. Он вспомнил слова своего приятеля Гекора, его последнее высказывание: «До каких пор Император будет держать нас за жеребцов?»

Больше он Гекора не видел: того в тот же день перевели в маршевую роту, и он «погиб славной смертью за Императора» в какой-то банальной пограничной схватке с х'ронами, тупьмами или какими-то другими негуманоидами.

Тинкар падал среди звезд. Он снова поглядел на часы: воздуха оставалось на пять часов. Мало-помалу тело цепенело. Мысли вращались по кругу, выхватывая из памяти, казалось бы, навсегда забытые образы и события: вспышку ярости в одиннадцать лет, когда его избил старший кадет, тогдашние горькие слезы — он страдал не столько от боли, сколько от уязвленного самолюбия: как бы ни было больно, настоящий воин плакать не должен. Девушку из народа, которую он мельком заметил на улице и которой улыбнулся в тот теплый весенний вечер, получив в ответ ненавидящий и презрительный взгляд. Труп собаки на пороге разграбленного дома...

Он падал. Кислородный клапан свистел в ухо: секундой меньше, секундой меньше... Его вновь охватил стыд за невыполненное задание. Быть может, Империя рухнет из-за его промашки? Ему следовало проверить гитроны, хороший офицер проверяет все на корабле лично. Но как бы он это сделал, ведь был приказ стартовать немедленно? Нет, он не мог помешать этому саботажу. А когда вышел в космос, было уже поздно...

Тинкар падал. Воздух в скафандре сделался тяжелым, свист в клапане становился все слабее. Он быстро подсчи-

тал: максимум через час для него все будет кончено. Тинкар принялся ждать, не ощущая ни страха, ни любопытства. Потом в ушах загудело. Он едва расслышал в наушниках резко усилившийся шум, впрочем, тут же затихший. Вдали, между двух звезд, двигалась сверкающая точка. Он с недоумением уставился на блестящий предмет — тот быстро рос в размерах и вскоре превратился в овал. Гвардейская подготовка невольно взяла свое — он разглядел звездолет, но модель корабля была ему неведома. Корабль выглядел настоящим гигантом и, определенно, не принадлежал к силам Империи. Быть может, это мятежники? Или же представители какой-то негуманоидной цивилизации? Ему было все равно. В худшем случае управлявшие кораблем астронавты, подобрав его, тут же прикончат. Если же возьмут в плен, он, быть может, однажды сбежит и вернется в Гвардию. Собрав последние силы, он включил сигнал тревоги, успел услышать в наушниках переданный на всех частотах сигнал SOS и увидеть в черном небе букет распускающихся красных ракет. Потом Тинкар провалился во мрак.

глава 2

Звездный народ

Тинкар медленно, почти ничего не чувствуя, пробудился ото сна. Он лежал на спине, ощущая под собой мягкое ложе; его кровать в казармах Гвардии даже после присвоения ему лейтенантского звания никогда не была такой мягкой. Он был накрыт тонким одеялом. Тинкар обвел глазами белый потолок и пустые стены. У кровати стоял металлический столик. Он ни секунды не сомневался относительно того, где находится. Это место напоминало офицерскую каюту в медблоке крейсера класса «Ужасный». Он поискал в изголовье кнопку звонка и ничуть не удивился, когда обнаружил таковую.

Распахнулась дверь, и в каюту вошел мужчина. Среднего роста, смуглолицый, с черными вьющимися волосами и темными глазами, он передвигался с кошачьей грацией. Подойдя

к кровати, он взглянул на табличку над головой Тинкара и сказал на межзвездном:

— Вы здоровы. Вас хочет видеть текнор.

Резким жестом он сорвал с Тинкара одеяло и указал на одежду, лежащую на стуле: шаровары с застёжками на щиколотках, короткую тунику. Тинкар оделся, после чего вслед за своим гидом переступил порог, и дверь автоматически захлопнулась. В обе стороны тянулся бесконечный коридор. Мужчина свернул налево, Тинкар двинулся за ним. Шли они долго, но ни малейшей усталости пленник не ощущал: гравитация внутри звездолета была ниже, чем на Земле. Они спустились в антигравитационный колодец. Тинкар почувствовал невольное восхищение: подобные колодцы на Земле имелись лишь во дворце Императора. Колодец привел их в новый, более широкий коридор с мобильными, скоростными дорожками.

— И каковы же размеры этого звездолета? — нарушил молчание Тинкар.

Мужчина обернулся, на мгновение задумался.

— В радиусе — около пяти километров.

Пять километров! Сколько же миллионов тонн он весил? Как такое вообще возможно? Самый крупный боевой крейсер имперского флота не превышал четырехсот метров в длину! И однако же они шли только по первому коридору не менее десяти минут, а теперь их нес вперед скоростной тротуар! Тинкар вознес хвалу Вседержителю за то, что хозяевами этого монстра были люди.

Они встретили нескольких прохожих, все они выглядели молодо и представляли собой самые разные типы людей, одетых в разнообразные одежды. Некоторые из них были высокими, другие — низкими, одни — блондинами, другие — шатенами или брюнетами, но все без исключения отличались хорошим сложением, лучились здоровьем и находились в прекрасной физической форме. Одевания тоже поражали своим разнообразием: яркие и темные, строгие и фривольные, дорогие и дешевые, иногда — почти полностью отсутствовавшие. Молодая женщина, на которой был всего лишь коротенький передник, вперилась в него взглядом. Она была очень красива, но Тинкар отвел глаза. В Империи полуоб-

наженными ходили лишь рабыни, а гвардейцы на рабынь не смотрели.

Пройдя еще три коридора, они наконец достигли своей цели. Распахнулась дверь, и Тинкар вошел внутрь помещения. Его гид тут же удалился. Комната, в которой он оказался, была обширной, и Тинкар с горечью вспомнил о командных рубках да истребителях Гвардии, маленьких и забитых приборами. Здесь же по стенам тянулись полки с книгами и аудиокнигами. Их не было лишь на левой стене, где светился огромный экран, состоявший из шести секторов, и показывавший Вселенную вокруг корабля. В центре, среди ковров и вороха шкур, стоял огромный позолоченный стол из драгоценного дерева, гораздо более красивый, как показалось Тинкару, чем стол верховного адмирала. За столом, опершись локтями на полированную столешницу, сидел человек и смотрел на него.

Он был высок. Вероятно, подумал Тинкар, одного роста со мною. Темноволос; коротко стриженные волосы торчали щеткой, открывая широкий лоб. Все еще молод, лет сорок, не больше. Два черных буравчика-глаза внимательно изучали гостя из-под густых бровей. На тонких губах играла снисходительная улыбка. Одет он был в короткую краснофиолетовую тунику-безрукавку, открывавшую могучие загорелые плечи. Тинкар инстинктивно встал по стойке смирно, приветствуя нового начальника.

— Вольно! — командирским тоном приказал человек.

Тинкар вздрогнул, потом расслабился.

— Вот, значит, как выглядит представитель планеты-матери, — произнес незнакомец на безупречном межзвездном. — Давненько мы с вами не встречались, мы путешествовали так далеко... Вам, молодой человек, повезло: я слушаю планетные передачи. Я перехватил ваш SOS и предупредил вперёдсмотрящих, которые заметили ваши ракеты. А подобрать вас было проще простого.

Незнакомец бросил взгляд на лежавшие на столе вещи, и Тинкар узнал свой бумажник и конверт с печатью, который он должен был вручить командующему Седьмым флотом. Он гневно дернулся и тут же покраснел. Ему следовало уничтожить документы до того, как он потерял сознание. Что ни

говори, а провал был полным. Не только потому, что приказ не дошел по назначению, но и в силу того, что документы попали в руки возможных врагов. Лишь ритуальное публичное самоубийство могло смыть бесчестье после подобного нарушения долга, разве что...

Мужчина просмотрел содержимое бумажника, извлек из него удостоверение личности и прочел вслух:

— Тинкар Холрой. Родился 12 мая 1860 года Империи в Ниарке, планета Земля. Лейтенант Звездной Гвардии, 3-й корпус истребителей. Сколько вам лет?

— Посчитать не так-то и сложно...

— Вы думаете, мы живем по времени имперской эры? Хо! Я, конечно, мог бы заглянуть в справочник по истории, но едва ли мне следует знать наизусть все планетные эры... — Губы мужчины скривились в презрительной усмешке.

— Мне двадцать четыре года, — ответил Тинкар.

— Двадцать четыре земных года. Вы еще очень молоды. Как вы потерялись в космосе? Откуда летели? Куда направлялись?

— В мой звездолет подложили бомбу. В результате взрыва произошло схождение осей гиперспасиотронов. Летел я с Земли, но не имею права сказать, куда направлялся...

— Война?

— Нет, мятеж.

— Вы должны были передать это сообщение?

— Да.

— Возьмите его. Оно нам не нужно. Я не открывал его. Дела планетян нас не касаются, если только они не относятся к нам враждебно.

— Планетян?

— Вас. Всех тех, кто живет на поверхности планет, вне зависимости от того, к какой расе принадлежите, гуманоидной или же нет.

— А разве вы не живете на планете? — с удивлением спросил Тинкар.

— Мы — Звездный народ. Бродяги. Торгуем с планетянами, иногда садимся на поверхность планет, чтобы поохотиться, поразвлечься, пополнить запасы. Но наша территория — космос. Тут мы все, или почти все, и родились. У вас

будет время изучить все это, поскольку вы надолго останетесь с нами. Быть может, навсегда.

— Моя миссия...

— Забудьте о ней! Дела планетян, я уже вам сказал, нас не интересуют. Возможно, однажды вам разрешат спуститься на планету и остаться там. Но я, в отличие от большинства моих соотечественников, проявляю интерес к остальной части человечества. Скажем так, интерес исторический или социологический. Каково нынешнее политическое устройство этой области космоса? Мне это важно знать, ибо я текнор «Тильзина». Вы находитесь в состоянии войны, и, хотя ваши силы не могут нас потревожить, у меня нет никакого желания оказаться в гуще сражения. Говорите без всякой боязни. Кем бы ни были ваши враги, у нас с ними нет ничего общего.

Тинкар колебался.

— Если вы, вследствие неверно понимаемой лояльности, не желаете отвечать, у нас есть средства, совсем, впрочем, не жестокие, для того, чтобы узнать правду. — Текнор внимательно посмотрел на землянина. — Несколько минут под психоскопом, и мы узнаем все, что нас интересует.

Тинкар вздрогнул. На Земле, среди гвардейцев, ходили слухи, что политическая полиция располагает устройством, которое может читать мысли человека, когда тот даже и не подозревает об этом.

— Ладно, — решил он. — Вы сейчас в границах Империи. В этом секторе космоса от нее зависят все обитаемые планеты, кто бы на них ни жил, люди или другие расы. Или же мне следовало сказать — зависели? Когда я стартовал, мятеж охватил всю Солнечную систему, и со всеми внешними планетами, кроме планет Альфы Центавра, мы связь потеряли.

— Значит, у вас нет гиперпространственного радио? Я так и думал. Жаль. Но продолжайте. Стало быть, Земля, как и прежде, — центр Империи. Как она организована?

— На вершине Император, потом его премьер-министр, возглавляющий Великий Совет. Ниже — класс знати, потом рыцари, торговцы, инженеры и, наконец, народ.

— Знатность определяется по рождению?

— А разве есть иная? — удивился Тинкар.
— Для государства лучше, если есть и иная. А каково ваше место в этой иерархической структуре?

— Класс рыцарей. Лейтенант Звездной Гвардии.

— Хорошо. Сейчас мне пора заняться неотложными делами. Но прошу вас, в качестве вознаграждения за спасение, подготовить для меня отчет о вашем обществе, как можно более полный, и главное, не забывайте о военных деталях. Нет, это не предательство. Ваша Империя нам не угрожает, да и нас самих она не интересует. Впрочем, не забывайте, что у нас в любом случае есть средства узнать правду.

— Каким будет мое положение на борту?

— Положением тех планетян, которых заносит к нам случай. Вам нельзя входить в двери, отмеченные красным перечеркнутым кругом. Не считая этого, вы — свободны. У вас будет жилое помещение. Для приобретения одежды, пищи и прочего вы получите достаточную сумму денег. Советую вам как можно скорее посетить библиотеку университета и прочесть труд Мокора «История межзвездной цивилизации». Как и большинство наших книг, она написана на межзвездном. Это, несомненно, облегчит вашу адаптацию и позволит избежать оплошностей. Наша цивилизация отличается от вашей самым радикальным образом.

— Как я должен вас называть?

— Меня зовут Тан Экатор. Я — текнор «Тильзина».

— А если я откажусь подчиняться вашим приказам?

— Я уже говорил вам, у нас есть средства... Но мы прибегаем к ним лишь в крайнем случае. Мы испытываем отвращение к насильственному проникновению в человеческое сознание. Отправляйтесь в помещение 63, улица 19, палуба 7, сектор 1. Там вами займутся. До свидания, Холрой.

По военной привычке Тинкар отдал честь и крутанул на пятках. В зеркале отразилось лицо снисходительно улыбающегося текнора. Оскорбленный в лучших чувствах землянин переступил порог и оказался в коридоре, где его ожидал уже знакомый ему гид.

— Следуйте за мной.

Комната, куда его привели, напоминала кабинет интенданта в казарме, что придало Тинкару уверенности в себе. За низкими столами работали десятка два мужчин и женщин. Секретари, решил землянин. Очевидно, на звездолете таких размеров административной работы хватало. Один из чиновников сделал ему знак подойти.

— Тинкар Холрой? Отлично. Вот ваша карточка. На ней имеются все необходимые сведения. Вы офицер? Быть может, позже вам подыщут место службы. А пока — никаких обязанностей. Напоминаю: вам запрещено входить в помещения, отмеченные перечеркнутым или непечеркнутым красным кругом. Наказание за нарушение приказа — космос!

— Где находится библиотека университета?

Чиновник с любопытством уставился на него.

— Чем вы собираетесь там заняться?

— Ваш начальник посоветовал мне прочесть книги по вашей истории.

— Вот как! Секундочку.

Чиновник снял трубку, произнес несколько быстрых слов, выслушал ответ. Теперь он выглядел удивленным, более того, на лице его возникла гримаса недовольства и осуждения.

— Странно. Такое впервые... Эй! Килиан! Другую карточку для этого человека! Образец «А»!

— Образец «А»? Для планетянина?

— Приказ Тана Экатора. Я только что получил подтверждение.

— Ладно! Но вам придется немного подождать...

Прошло несколько минут. Тинкару вручили новую карточку.

— Вот ваша карточка образца «А» и план «Тильзина». Запрет на помещения с перечеркнутым красным кругом остается, но можете входить туда, где круг не перечеркнут. Карточка «А» для планетянина, — пробормотал себе под нос секретарь, — такого я еще не видывал!

Выйдя из кабинета, Тинкар обнаружил, что его гид исчез. Теперь он был предоставлен самому себе. Он уселся на скамью, чтобы прочесть личную карточку и свериться с пла-

ном. На одной стороне карточки записи были сделаны на незнакомом языке, на другой — на межзвездном. Ему показали: квартира (ячейка 189, улица 21, палуба 10, сектор 3), ресторан (зал 19, улица 17, палуба 8, сектор 3) и ежемесячный кредит в 152 стеллара. Тинкар даже не представлял, что означает такая сумма.

План оказался исключительно сложным. На звездолете было пятьдесят палуб, а некоторые огромные залы были помечены как «парки» или «сады». Каждая палуба делилась на четыре сектора. В межпалубных помещениях проходили концентрические коридоры, между которыми лежали улицы, радиальные или параллельные, делившие внутреннее пространство на блоки.

Вследствие того, что его хорошо тренированная память удержала все названные командиром корабля цифры, ему не составило особого труда определить, где он находится, но вот местная система счета времени по-прежнему оставалась для него загадкой. Почувствовав голод, Тинкар решил направиться в указанный ему ресторан. Держа план в руке, он двинулся вперед по коридору.

И быстро заблудился: воспользовавшись колодцем для спуска, он пролетел мимо нужной палубы и оказался на палубе 11, на перекрестке двух улиц. Тинкар в раздражении поднялся вверх по лестнице, попытался определить, где находится, и окончательно потерял направление. Все двери были закрыты, никто мимо не проходил. Наконец на улице появилась девушка: высокая, стройная брюнетка с темной, но не черной кожей, довольно привлекательная. Тинкар поздоровался и шагнул к ней:

— Не могли бы вы показать мне дорогу? А то я совсем заплутал, — произнес он на межзвездном.

Девушка с любопытством уставилась на него:

— Вы планетянин?

— Да, меня недавно подобрали в космосе.

— Куда вы хотите пройти?

— В ресторан, к которому меня прикрепили, если, конечно, сейчас время обеда.

— Время обеда? Вы хотите сказать, что на вашей планете есть специальные часы для приема пищи?

— Конечно, — произнес Тинкар, но, увидев, как вздернулись ее брови, добавил: — Они вовсе не обязательны. Кое-какая свобода действий, по крайней мере, у гражданских лиц, все же имеется.

— Вот как! Понятно. А деньги у вас есть?

— На карточке написано, что мне положены 152 стеллара в месяц. Но я не знаю, много ли это? И какова у вас продолжительность месяца?

— Как вижу, вас никто не просветил, планетянин! — задорно улыбнулась девушка. — Ну что ж, месяц соответствует тридцати периодам по двадцать четыре стандартных часа. 152 стеллара — сумма вполне подходящая, я и сама получаю столько же. Стало быть, у вас карточка «А»?

— Да.

— Странно... Обычно планетяне имеют право лишь на карточку «В» и 92 стеллара. Вам повезло. Первым делом следует зайти в банк, там вы получите деньги. Вы знаете нашу валюту? Ну конечно же нет! Один стеллар делится на 10 планаров, а те равны 10 сателларам каждый. Один сателлар равен 10 астерарам. Поесть можно на сумму от 30 сателларов до 1 стеллара.

— А где расположен банк?

— Холл 5, по этой же улице. Пойдемте.

Служащие банка были явно удивлены типом его карточки, но промолчали, и через несколько мгновений Тинкар оказался на улице с бумажником, набитым странными купюрами.

Девушка отвела его в огромный ресторанный зал, почти пустой в это время суток.

— Вот вы и на месте!

Она уж было вознамерилась уйти, но Тинкар попросил:

— Останьтесь!

— Зачем?

— Мне еще нужно о многом у вас спросить. Быть может, вы согласитесь отобедать со мной?

Она резко отшатнулась.

— Ну уж нет! Доброта тоже имеет свои границы!

Уязвленный в своей гордости, Тинкар молча смотрел ей вслед.

Город-бродяга

Он в недоумении окинул зал взглядом. Тот походил на любой ресторанный зал, какие встречаются и на Земле, и за ее пределами, правда, здесь ощущался какой-то военный порядок: столы были выстроены строго по линейке и по большей части пустовали. Стены украшали продолговатые картины с ландшафтами неизвестных планет. В глубине виднелась стеклянная заставленная тарелками с различными блюдами стойка, за которой стояли три официанта. Тинкар подошел к стойке и тут же ощутил себя в привычной обстановке. Взяв поднос, он приблизился к прилавку.

— Новенький? — с улыбкой спросил официант. — Какой город?

— Империа.

— Империа? Нет, не слышал... Его, должно быть, построили после последней ассамблеи. А какой клан? Похож на финна. Нет? Свед? Русски? Норв? Ха! Понял, англ или амер!

— Нет, я с Земли.

Лицо мужчины посуровело.

— Планетянин! Твое место не здесь, улитка! Для обладателей карточек «В» есть свой ресторан!

— Но у меня карточка «А»! Вот она! — Тинкар вытащил из кармана карточку.

Официант схватил ее, недоверчиво изучил.

— Действительно! Стало быть, теперь планетяне говорят на межзвездном!

— Мы сами его и создали, еще во времена Килоса II Славного!

Лицо мужчины исказила гримаса, его товарищи подошли ближе.

— Килоса Славного! Ты хотел сказать: Килоса шелудивого пса, убийцы!

— Я не позволю оскорблять основателя Империи!

— Твоя империя далеко, ползучая тварь! Чем раньше ты ее забудешь, тем будет лучше для тебя!

В разговор вмешался один из стоявших рядом:

— Оставь его, Йорг! Он ничего не знает! Все они так себя ведут вначале, откуда бы ни явились — из Империи ли землян, из Конфедерации или же с какой-нибудь свободной планеты. Все больны себялюбием!

Он обратился к Тинкару:

— Вы хотели поесть, землянин. Выбирайте, платите, ешьте и проваливайтесь!

Тинкар сдержался. В конце концов, он был обязан жизнью этим людям, пусть даже они считали его поганым животным. Ему следовало выждать, адаптироваться, изучить мир, в который он попал. И лишь потом действовать.

Непритязательный во вкусах — в Гвардии не поощряли гурманства, — он наудачу взял кусок жареного мяса, зеленое желе, странного вида фрукт, заплатил 40 сателларов и уселся за пустой столик. Пища оказалась вкусной и намного превосходила ту, к которой он привык.

За соседним столиком заканчивали обед два молодых человека и темноволосая женщина. Мужчины были в темных коротких туниках, перехваченных в поясе, женщина — в более длинной тунике ярко-красного цвета. Брюнетка с бронзовыми отблесками в волосах, она была очень красива.

— Значит, — говорила она голосом столь громким, что было очевидно: ей совершенно все равно, что ее слышит весь зал, — Тан Экатор, как я поняла, выдал этой улитке карточку «А»? Ну подождите, вот соберется Большой Совет...

— Он имеет на это право, Орена. Ни одна статья хартии не запрещает этого. Все, что ты можешь сделать, так это проголосовать против него, если все еще будешь на борту «Тильзина» через два года.

— Право! Право! У вас на устах только это слово! Текнор оскорбляет нас, выдавая карточку «А», карточку галактианина, планетянину, а вы только и твердите, что он имеет на это право! Ты мне противен, Олиеми, и ты тоже, Дарас!

Она повернулась к Тинкару:

— А ты что об этом думаешь, брат? Как, по-твоему: в каком-нибудь другом городе, а не здесь, на этом вонючем «Тильзине», галактиане стерпели бы подобное оскорбление? Не возмутились бы?

Он не ответил, раздираемый яростью — оттого, что его в очередной раз назвали улиткой — и смущением.

Женщина не отставала:

— И ты — тоже? Откуда ты? Я тебя никогда не видела! Новенький?

Он молчал.

— Что, мпфифи откусили тебе язык? Или, — она вкрадчиво посмотрела ему в глаза, — ты просто боишься высказать собственное мнение?

Тинкар пожал плечами и встал. Ему не стоило ввязываться в ссору, которая его не касалась, хотя косвенно и была вызвана его появлением. Брюнетка вскочила с места, загородила ему дорогу. Лицо ее покраснелось от гнева.

— Не думай, что тебе удастся смыться! Когда я задаю вопрос, то хочу получить ответ!

— Довольно, Орена, — отрезал один из мужчин. — Закон галактиан...

— Да пошел ты к Рктелю со своим законом! То и дело цитируя его букву, вы забываете его дух!

Тинкар попытался отстранить ее от себя. И тут же получил сильнейшую пощечину.

До этого мгновения он сдерживался изо всех сил, хотя его гордость звездного гвардейца и была уязвлена оскорбительными словами, произнесенными женщиной. Но тут он расшвырнул — не столько от боли, сколько от ярости. Его левая рука дернулась к отсутствующему фальгуратору. И тотчас же непроизвольно сработала правая. Женщина скользнула по столу и рухнула на пол, увлекая за собой пластиковые тарелки и стаканы. Он замер в напряженной позе, ожидая нападения двух мужчин. Тот, что повыше, медленно встал из-за стола.

— Ты с ума сошел, брат? Разве не знаешь, что мужчина никогда не должен бить женщину!

— Она меня...

— Орена несносна, согласен с тобой! Но закон есть закон, и можешь быть уверен, она потребует своего права!

— Своего права? — удивленно переспросил Тинкар.

— Неужели в твоём городе иные обычаи? Здесь вас двоих оставят наедине в Большом Парке. Но у нее будет десять

патронов, а у тебя один, и кроме того, одна твоя рука будет привязана к телу!

Какой-то мужчина раздвинул круг любопытных и встал перед Тинкаром. Тот узнал в подошедшем одного из официантов.

— Ну хватит, земная вошь! Мотай отсюда, да побыстрее!
Круг тут же сомкнулся.

— Планетянин?

— Ну да! Тот, которому дали карточку «А»!

— Выбросить его в космос!

— Нет, отправить в экспериментальные клетки!

— В трансформатор материи!

— Дайте Орене воспользоваться своим правом, она еще ни разу не промахнулась!

— Еще бы, всегда стреляет в живот!

У ног мужчин появилась голова с короткими взъерошенными волосами, с синяком под глазом и кровоточащим распухшим носом. Орена вскочила на ноги и застыла перед Тинкаром.

— Ты очень быстр, планетянин! Оставьте нас! Я оскорбила его, не зная, кто он, и получила по заслугам. Ему, по крайней мере, хватает смелости поступать согласно своей натуре.

Она скривилась, сплюнула сгусток крови.

— Но вот бьешь ты слишком сильно! — Брюнетка посмотрела на него с интересом. — Не знаю, может, я все же и воспользуюсь своим правом! Хотя нет! Эти придурки только получают удовольствие от нашей схватки, хотя самим им не хватает мужества поучаствовать в игре! Пошли со мной!

Она схватила Тинкара за руку и потянула за собой.

— Пошли, пошли! Хочу поболтать с тобой в более спокойном, чем это, месте.

Она отвела его в небольшой парк, усадила рядом с собой на скамейку.

— Что ж, это научит меня смотреть на тех, кто сидит рядом, когда я говорю, — произнесла она с задумчивым видом. — А теперь я задам тебе несколько вопросов. Первый такой: почему текнор выдал тебе карточку «А»?

— Текнор?

— Тан Экатор!

— А, ваш командир... — Тинкар переваривал случившееся и никак не мог сосредоточиться.

— Только технический, поэтому его так и называют, — объяснила Орена. — Таков принцип. Чтобы город жил и функционировал, нужен человек, координирующий деятельность всех остальных, всего этого единого целого. Но этим его полномочия и должны ограничиваться.

— Об этом я ничего не знаю. Видел его всего пару минут, часа два назад.

— И что он тебе сказал?

— Ничего такого, что могло бы вас заинтересовать. Посоветовал сходить в библиотеку университета и прочесть книгу некоего Мокора.

— Это меня не удивляет! Книга Мокора словно предназначена для консерваторов. Мы же, авантисты, ее совершенно не ценим. Автору не хватает объективности, к тому же он слишком много внимания уделяет паломникам.

— Если будете продолжать говорить загадками, думаю, я сейчас же отправлюсь читать этого Мокора. Мне надо сориентироваться в вашем обществе, и чем быстрее, тем лучше!

— Я могу тебе помочь. Я довольно-таки долго и усердно изучала историю. Что ты хочешь знать?

— Все!

— А не слишком ли это много? Постараюсь вкратце расставить основные вехи. Не удивляйся, если вначале мой рассказ не будет соответствовать тому, чему тебя учили на Земле. Чем ты там занимался?

— Был лейтенантом имперской Звездной Гвардии.

Она присвистнула.

— Полагаю, мне следует выбирать выражения! Ну да ладно, начнем. В правление Килоса II Убийцы...

— Славного!

— Если будешь перебивать... Итак, в правление Килоса II, Славного Убийцы, жизнь для мало-мальски мыслящего и свободного человека становилась все более и более невозможной. Вскоре после своей коронации он издал ряд законов, ограничивавших исследования и права инженеров, а на самые важные посты назначил знать и рыцарей. Но это было только начало. Многие университеты были закрыты,

их профессора депортированы или приговорены к работам в шахтах...

— Но почему они предали Императора?

— Предателем можно быть лишь по отношению к такому государственному устройству, с которым ты согласен. Думаю, ты знаешь, с чего началась династия Клютенидов? С убийства и узурпации власти. Ни народы Земли, ни народы внешних миров никогда не признавали эту династию! Они ее терпели. Но императоры заручились преданностью инженеров, военных и гражданских, истинных предателей, дали им немислимые привилегии, и любой мятеж стал невозможным. Единственным выходом для тех, кто хотел остаться свободным, стало бегство. Но это было непросто. Два поколения страдали молча, пронося через бесчисленные ужасы факел знания и тайно собирая необходимые материалы. Многие были разоблачены, подвергнуты пыткам, убиты. Но какой смысл входить в детали? Ты найдешь их в любой книге. Должна сказать, что, хотя роль паломников, на мой взгляд, Мокором преувеличена, бегство не удалось бы без их помощи.

— Паломников?

— При Антеоре I, во времена конституционной Империи и за триста лет до Килоса II, один ясновидец по прозвищу Менеон Пророк основал новую религию. Он был священником древней христианской религии, которая...

— Я знаком с христианами. Их и сейчас еще хватает в Империи, но исключительно среди народа.

— Вот как? Менеону однажды было видение. «Если Бог, — говорил он, — позволил людям завоевать космос, значит, это входило в его планы». Пребывание человеческой расы на Земле было, по его словам, испытанием, предназначенным для смывания первородного греха — если ты знаешь, о чем идет речь, то мне это неизвестно. Однажды, гласит это учение, люди встретят Бога в одном из уголков космоса, и эта встреча будет новым началом истории человека. Конечно, я излагаю все это в общих чертах, а значит, частично искажаю смысл. Менеон быстро обзавелся учениками. Странная религия нашла последователей в основном среди богатых торговцев и астронавтов, которые черпали в этой доктрине утешение, когда находились в гнетущем одиноче-

стве в пустоте мироздания. Хотя менеониты никогда не были многочисленны, их могущество быстро возросло. Первые императоры еще не были тем безмозглым и кровожадным зверьем, каким стали их потомки. Они оказали поддержку новому культу, даровали менеонитам множество привилегий, в частности, разрешили вооружать и укреплять свои монастыри, а также наделили их правом предоставления убежища. В каждой межзвездной экспедиции принимали участие один или несколько священников-менеонитов, являвшихся, как правило, еще и прекрасными инженерами. Но все изменилось с приходом Килоса II. Новый император выносил независимый дух монахов не больше, чем, скажем, ученых или художников. Мало-помалу он свел все их привилегии на нет. Его наследники не решились на открытое преследование верующих, ибо монастыри все еще были могущественными. Но желание подчинить их своей воле оставалось, ведь монахи были настроены к Империи откровенно враждебно, частично из моральных соображений, но в основном из-за того, что теперь единственными звездолетами, которым позволялось уходить в космос, были звездолеты Гвардии или торговые суда, на борт которых менеонитам запретили подниматься.

Вот почему монахи заключили с инженерами соглашение. Они дали им приют в своих монастырях, помогли тайно построить звездолеты, а потом, чтобы избавиться от тирании императоров, вместе с ними отправились на поиск свободной планеты.

Подготовка к бегству прошла успешно, и исход состоялся четыреста тридцать два земных года назад. Взлетели 745 звездолетов, унесших 131 000 инженеров, ученых, художников, писателей, просто свободных мужчин и женщин, а также около 12 000 менеонитов, среди которых были как монахи, так и миряне. Гвардия Империи оказалась не готовой к этому старту, вследствие чего всего лишь один звездолет понес незначительные повреждения.

Наши предки нашли девственную планету рядом с одной из звезд созвездия Лебедя и обосновались там. Десять лет они налаживали жизнь. Но едва отстроились первые города, как явились императорские звездолеты. После короткой битвы моему народу вновь пришлось пуститься в бегство. Двадцать

пять лет мы провели на другой планете, и снова на нас обрушились императорские прихвостни. Тогда наши предки решили уйти очень далеко и по пути обнаружили первый город, дрейфующий в космосе.

Нам и сейчас не известно, кто его построил. Явно не мпфи-фи, хотя у них города тоже есть. Летающий город был цел, но покинут, и если машины сохранились в отличном рабочем состоянии, то внутри не нашлось ни единого предмета, а потому мы ничего и не знаем о создателях города. Размеры коридоров, комнат и дверей дают повод для размышлений. Похоже, эти существа мало отличались от нас. Их система освещения свидетельствует о повышенной чувствительности глаза к фиолетовой части спектра. Анализ изотопов радиоактивных металлов позволил установить возраст города — пять тысяч пятьсот лет.

Когда-нибудь тебе наверняка покажут фильм об этой встрече... Город был просторным, принцип работы двигателей оказался вполне понятным, к тому же их легко можно было подвергнуть переделке. Вооружение, по своему качеству и эффективности, также значительно превосходило все то, чем тогда располагали мы или же Империя. Этот город под названием «Встреча» существует до сих пор, хотя лично мне посетить его пока не довелось. Часть беглецов обустроилась в нем, остальные на звездолетах двинулись следом.

Конечно, поначалу мы решили воспользоваться этим космическим городом для того, чтобы добраться до какой-нибудь пригодной для жизни планеты, как можно более отдаленной. Жизнь на борту этого корабля оказалась гораздо более комфортабельной, чем на обычных звездолетах, а пригодная для обитания планета никак не находилась, и малопомалу люди привыкли к бродячей жизни. Когда планету все же отыскали, беглецы решили, что она станет базой для строительства новых городов.

С тех пор население, разумеется, увеличилось, возникли другие города, и сегодня у нас их уже около сотни. Все они скитаются в космосе, а Авенир, наша планета, где сосредоточены базы и заводы, дает нам приют лишь тогда, когда мы в нем нуждаемся. Мы вступили в контакт с различными мыслящими расами и несколькими планетами, заселенными

людьми. Последним повезло больше, чем нам, ибо Империя так и не узнала об их существовании. Когда ты покинул свою страну, она стояла на пороге краха, как нам вчера в полуденных новостях сообщил текнор.

— И вы способны жить вот так, без всяких корней?

— Не только способны, но и не желаем жить иначе. Мы презираем планетян, как ты уже мог убедиться, из-за их привязанности к своим крохотным шарикам и боязни Вселенной, ведь они выходят в космос только на короткое время. Мы же в нем — короли, по своему собственному желанию путешествующие от звезды к звезде, от галактики к галактике.

— Вы были в других галактиках?

— Естественно! Что тебя удивляет?

— Но расстояния... Даже через гиперпространство...

— А что для нас годы путешествий? — рассмеялась Орена. — Наши города обеспечены всем необходимым. Кроме того, мы достигли определенных успехов с тех пор, как наши предки покинули Землю. Они были людьми блестящего ума, и у нас почти все, даже паломники, которые путешествуют с нами, в той или иной мере занимаются исследованиями. Вот уже четыреста лет. Я должна, однако, сказать, что два города, которые отправились исследовать туманность Андромеды, все еще не вернулись.

Тинкар задумался.

— А какова ваша социальная организация?

— Полагаю, тебе она покажется столь же непонятной и невозможной, как и твоя — нам. Быть может, тебе будет легче понять, как организовано наше общество, если ты вспомнишь, что в подавляющем своем большинстве наши предки были инженерами и учеными. А это те человеческие типы, которые любят не только порядок и эффективность, но и независимость. Тебе никогда не доводилось работать в группе ученых?

В его памяти мелькнуло воспоминание о шестимесячной стажировке в центре технического усовершенствования, о спокойной, хотя и наполненной активной деятельностью атмосфере, о какой-то душевной легкости, превосходящей беспощадную дисциплину, сравнимую лишь с дисциплиной в иных подразделениях Гвардии.

— Словом, наши предки относились к клану ученых. Добавь к этому ужасы многовековой тирании, и ты поймешь, почему мы, галактиане, не имеем политических вождей, довольствуясь лишь текнорами.

— А это разве не одно и то же?

— Ну нет! Власть текнора ограничена лишь нуждами технического обеспечения, как то: руководство городом, оборона в случае нападения, общий план коммерческих отношений с планетянами и в какой-то мере выбор маршрута для города.

— Но кто поддерживает внутренний порядок?

— Мы сами, конечно, кто же еще?

— А если предположить, что некий механик откажется обслуживать двигатель, за который он отвечает, кто заставит его им заниматься?

Орена посмотрела на землянина с удивлением.

— Прежде всего, такая ситуация никогда, или почти никогда, не возникнет. Механик — не сумасшедший, он отлично знает: остановись двигатель, и ему придется страдать в той же мере, что и другим.

— А если он хочет больше зарабатывать? Бастует?

— Он не может зарабатывать больше. У всех галактиан равная зарплата.

— Тогда почему вы были так возмущены тем, что мне выдали карточку «А»?

— Потому, что такую карточку обычно не выдают планетянину, который живет в городе паразитом и нигде не работает!

— Если все получают равную зарплату, то где вознаграждение за инициативу, без которого общество не может процветать?

— Работа, за которую мы получаем эту зарплату, чисто общественная. Она длится два часа в день. Остальное время мы можем творить и таким образом увеличивать свои доходы. Я, к примеру, пишу фантастические романы о событиях, происходящих на разных планетах. Именно для этого я и изучала историю и космологию. Другие занимаются скульптурой, рисуют, изобретают, увлекаются исследованиями. Кроме того, существует торговля внутри города и внешняя торговля с иными мирами.

— Что насчет административной деятельности?
— Это часть общественной работы.
— У вас есть солдаты?
— И да и нет. Профессиональных солдат не существует, но многие из нас обучались военному искусству, необходимому, увы, из-за мпфи. А! Понимаю: ты, наверное, хочешь вступить в армию? Ее как таковой нет, а даже если бы ее создали, ты не смог бы этого сделать до полной ассимиляции: ты ведь планетянин.

— А планетное происхождение, — обронил он с горечью, — относится к абсолютным порокам, которым нет прощения! Я начинаю понимать чувства простых землян к знати и гвардейцам! В детстве любой ребенок мечтает попасть в гвардейцы, конечно, если он наделен необходимыми качествами. Тогда как я здесь обречен быть паразитом, так ведь?

Она смущенно возразила:

— Никто не мешает тебе заняться творчеством.

— Творчеством? — расхохотался Тинкар. — Меня выдрессировали на уничтожение! Творчеством!.. В одиночку? И чем заниматься? Торговлей? — Он выплюнул это слово с нескрываемым презрением. — Более благородно было бы заняться исследованиями, но мы так и не перешагнули рубежа в сто пятьдесят световых лет, а вы уже отправились в иные галактики! Где та область, в которой вы за двести лет не приобрели знаний? Я молод, силен и могу заниматься тем, что хорошо знаю, а хорошо знаю я воинское дело! По правде говоря, лучше бы вы оставили меня дрейфовать в космосе в этом моем скафандре. Все уже давно было бы решено.

— Неужели вы, планетяне, так низко пали, что даже не можете адаптироваться? — едко заметила Орена. — Стоит вас извлечь из железного корсета вашей цивилизации, как вы теряете умение ходить! Когда я увидела тебя в первый раз в полном одиночестве, готовым к бою с враждебной толпой, я подумала: «Наконец-то появилась земная вошь, которая держится человеком!» Неужели я ошиблась? До чего же жалка Гвардия, если она научила тебя сражаться лишь в тесном строю! Неудивительно, что ваша Империя катится в тартарары, если к тирании у вас примешивается еще и трусость!

Она стояла перед ним, дрожащая от гнева, и с вызовом смотрела ему прямо в глаза.

— Я сражался и в одиночку! — выкрикнул он. — Но тогда у меня была цель! А что осталось теперь? Я не выполнил задания, живу вашей милостью без всякой надежды вновь стать человеком! Что произойдет, если ваш город будет разрушен, ваши товарищи окажутся вне досягаемости, ваш...

— Что ж, тогда я доберусь до другого города и продолжу жить, как и прежде, — невозмутимо ответила Орена. — Какое значение имеет железная конструкция вроде «Тильзина»? Я родилась на «Робуре», несколько лет провела на «Суоми», потом на «Франке», «Амере», «Англике», «Ниппо»! И везде чувствовала себя как дома! Мои друзья? Да, конечно, я их люблю, и если бы их убили, постаралась бы отомстить за них. Но разве в других местах нет хороших товарищей? Мне непонятна твоя точка зрения.

— Как и мне — ваша. Скажите, разве это нормально — то и дело менять место жительства?

— Конечно! Почти при каждом таком соединении происходит перемешивание. Одни уходят, другие приходят. Труднее всего специалистам, которыми города вынуждены обмениваться между собой. Но всегда находятся добровольцы.

— А ваше жилье? Ваши вещи? Я еще могу понять, когда дело касается таких людей, как я, солдат, у которых нет ничего своего, но...

— Везде есть пустые квартиры. Что касается вещей, то их мы берем с собой или находим новые.

Он задумчиво потер подбородок.

— Боюсь, мне будет трудно адаптироваться. Были ли кроме меня другие планетяне в ваших городах?

— Редко, но были.

— Что с ними стало?

— Некоторые ассимилировались. Многие умерли. Другие вернулись на свой земной шар во время остановки. Среди последних был и мой отец. Вот почему я ненавижу планетян, и почему в то же время они меня так интересуют.

— Ваш отец был планетянином, а вы их ненавидите?

— А что тут удивительного? — хмыкнула она. — Он прожил с нами шесть лет, адаптировался, а потом предал нас.

— Предать можно лишь то, что ты признал своим...
— Конечно!
— Я признал своей Империю. И если вы меня примете, а я не откажусь, то стану предателем!

— Это не одно и то же, тупица! Был ли у тебя на Земле выбор? Мог ли ты заняться чем-то иным?

Он некоторое время молчал.

— Думаю, нет. Гвардейцев набирают в раннем детстве. Мне было три года, когда меня забрали у родителей. Мой отец...

Перед его глазами мелькнул громадный силуэт. Только и всего, силуэт, и никаких деталей, ни единой черточки лица, которую бы он вспомнил.

— Родителей я едва помню, — пробормотал он с внезапной, его самого удивившей тоской. — Даже не знаю их имен! Холрой, фамилия, которую я ношу, вовсе не моя, ее мне дали для удобства. Мать... Не знаю. Она была светло-волосой и улыбалась мне! Ох! Стоит ли пытаться оживить воспоминания? Я мог бы встретить родителей на улице и не понять, что это они. Я даже не знаю, к какому классу они принадлежали. Быть может, во время весеннего мятежа я убил своих братьев!

— И *это* ты называешь цивилизацией? За *это* ты готов умереть?

— А за что еще? Ничего другого я не знаю, во всяком случае, не знал до встречи с вами.

Он вскочил и принялся расхаживать взад и вперед перед скамейкой, на которой сидела Орена.

— В три года! Что знает трехлетний ребенок? Ничего! Я был в их руках словно кусок глины, из которой можно вылепить что угодно. Сперва была низшая школа: там я научился читать, писать и считать. Правда, совсем в других условиях, нежели остальные дети. С самого начала — железная дисциплина. Потом средняя школа и долгие часы политических занятий!

Он продекламировал:

— «На вершине государства стоит Император, который правит и управляет ради всеобщего блага. Его персона священна, никто не имеет права смотреть ему в лицо. На Земле

он — воплощение божественного, и слово его есть слово Божье. Ниже стоит знать...»

Тинкар немного помолчал.

— Я верю, или почти верю, в это. Любой другой образ жизни показался бы мне немислимым. Однако здесь я вижу вас, вас, потомков ученых-предателей, и я уже начинаю верить, что вам под силу уничтожить Империю, стóбит вам того захотеть!.. Так вот. С тринадцати лет меня ждала казарма. Лекции, сплошные технические лекции: математика, физика, химия, биология. Нас обучали ремонтировать звездолеты, выживать и сражаться во враждебных мирах. Подъем в пять утра, отбой в половине девятого, в любое время года. И физическая закалка, да еще какая! Бег, прыжки, плавание в ледяной или почти кипящей воде! Метание гранаты, копья, стрельба из пистолета, пулемета, фульгуратора! Обращение с пушками при тридцатиградусном морозе, когда кожа прилипает к стали, когда все руки в крови, которой никак нельзя запачкать тренировочный мундир! И дисциплина, бесчеловечные наказания, вроде стояния на холоде в течение многих суток! Наказания кнутом, лишением пищи, воды, сна, и это еще не самое худшее! Я прошел через все это ради великой славы Империи! А теперь вы хотите, чтобы я согласился с тем, что жил впустую? Как я могу? Я гвардеец и останусь им до самой смерти ради Импе... Снова это слово! Добавьте к этому тренировки в бою, с оружием или без него...

Он посмотрел на свои сжатые кулаки.

— Я могу убить человека, как курицу, одними пальцами! Убивать. Вот что я умею делать лучше всего. Вы не желаете принять меня в свое общество, ведь я планетная вошь, но захотите ли вы принять меня, если я буду сомневаться в том, что смогу стать одним из вас? Слишком многое нас разделяет.

— Возможно, меньше, чем ты полагаешь. В космосе есть цивилизации и похуже твоей. Мпфифи...

— Это еще кто такие?

— Другие. Нелюди. Как и мы, они живут в городах-бродах. Они грабят наши города, уничтожают в них все. Служатся, побеждаем и мы. Но чаще...

Она перечислила несколько названий:

— «Кантон», «Юта», «Испания», «Дрезден», «Рио», «Париж II», «Норг II»... Пропали в космосе. Один раз, в случае с «Римом», мы успели вовремя спасти нескольких уцелевших. Тогда я жила на «Суоми».

— «Суоми», «Рим», «Испания» — ведь все это названия земных городов и стран?

— Да. Иногда, как в случае с «Тильзином», название соответствует нашей базовой планете. «Тильзин» — самый молодой из городов; двадцать четыре года назад он был заселен людьми с «Франка», «Амера», «Суоми» и «Норга I».

Тинкар бросил взгляд на часы и улыбнулся. Они показывали земное время, время, которое здесь ничего не значило.

— Который час?

— Шестнадцать тридцать две. Мы делим сутки на двадцать четыре часа, как на старой планете.

— Для меня это удобно. Благодарю вас за все те сведения, которые вы мне сообщили, и...

Он на мгновение заколебался, ощущая неловкость.

— Прошу прощения за удар кулаком! Я даже не успел подумать, как сработал рефлекс, — только и смог, что смягчить удар. На Земле даже благородная женщина не посмела бы так со мной разговаривать.

Она вытаскала из кармана небольшое зеркальце, осмотрела лицо.

— Пустяки! Зубы не выбиты, иначе их пришлось бы вставлять, а это стоит немало. Нос немного распух, но за день все пройдет. Чем займемся теперь? Осмотрим город?

— Мне не хотелось бы злоупотреблять вашим временем. У меня есть план и...

— Я уже отработала утром свои два часа на гидропонных плантациях. И теперь совершенно свободна.

— Для той, кто ненавидит планетян...

— Планетяне бывают разные. — Она весело потрянула головой. — Те, которых я видела до сегодняшнего дня, были жалкими, бесхребетными существами. Ты — другой. И потом, ты меня забавляешь.

Он дернулся, но потом решил рассмеяться.

— Ладно! Ведите меня.

Они пересекли парк, прошли по длинному пустому коридору и оказались на перекрестке, от которого лучами расходились шесть улиц.

— Пойдем по той, что первая справа. Я не могу тебе показать всего, даже я всего не видела, хотя нахожусь на борту уже четыре года. Но после того как ты посетишь наблюдательный пост 32, куда мы направляемся, ты сразу же поймешь, как выглядят все остальные.

Улица тянулась бесконечно, монотонно-печальная в резком свете флуоресцентных ламп. Единственным, что отличало одну металлическую дверь от другой, были номера.

— Жилая зона. Ужасная улица, не правда? — весело щелкала Орена. — Но квартиры за этими дверьми совершенно другие. В коммерческих зонах магазинчики выглядят веселее. Там можно найти товары с любой планеты. Даже с Земли!

— Да ладно!.. — Тинкар посмотрел на спутницу с явным недоверием.

— На ваши аванпосты иногда прилетают контрабандисты из свободных миров, расположенных вне зоны влияния вашей Империи.

Бывший гвардеец тут же вспомнил удививший его когда-то разговор двух старших офицеров, в котором речь шла о звездолетах столь быстрых, что крейсера Гвардии не могли их догнать.

Они нырнули в антигравитационный колодец, сели в небольшой вагончик, и тот быстро доставил их в периферийную зону. На конечной остановке они вошли в дверь, за которой тянулся огромный коридор. По его ровному полу бежали рельсы.

— Периферийный путь 7, — разъяснила молодая женщина. Он входит в систему обороны и позволяет быстро доставлять людей и снаряжение к любой точке корпуса на этой палубе в случае нападения. Сейчас можно пересечь его, поскольку сигнальные огни не горят. Но никогда не переходите при горящих!

Перед ними появилась еще одна дверь. Они вошли внутрь помещения и увидели сидящего за столом мужчину.

— Ваши имена? Ваши карточки? — официальным тоном спросил незнакомец.

— Орена Валох, гидропонист и писательница.

— Тинкар Холрой.

Он на мгновение запнулся, и Орена добавила вместо него:

— Планетянин.

Мужчина нахмурил брови.

— Карточка «А», — продолжила она. — Распоряжение текнора.

— Хорошо. Проходите.

— Наблюдательные посты — это глаза города, — принялась объяснять Орена, — и всегда находятся под охраной, но в мирное время проход к ним открыт.

Пост оказался довольно-таки большим залом, одну из стен которого занимал экран, в этот момент безжизненно-серый. В зале работало пять инженеров, удобно расположившихся в креслах спиной к экрану. Орена обратилась к самому молодому, желтолицему парню с раскосыми глазами.

— Привет, Пеи. Привет, братья. Представляю вам Тинкара Холроя из Звездной Гвардии земной Империи.

Сидящие разом вскочили.

— Планетянин? Да ты с ума сошла! Зачем ты притащила его сюда?

— Карточка «А», приказ текнора!

— Полагаю, Тан знает, что делает, — проговорил китаец. — Привет... — Он поискал забытое слово, потом закончил: — Господин Холрой.

— «Лейтенант» было бы более уместно, но мне все равно. Мне гораздо интереснее посмотреть, как работают ваши наблюдательные посты, чем заниматься вопросами этикета. А почему ваш экран выключен?

Губы китайца расползлись в тонкой улыбке.

— Неужели в земной Гвардии нашли метод наблюдения за гиперпространством? Мы вынырнем через несколько минут.

Тинкар глазами поискал свободное кресло. Переход в гиперпространство и выход из него на земных звездолетах всегда сопровождалась неприятными ощущениями.

— Что вы ищете? — поинтересовался китаец.

— Какое-нибудь кресло, или что-то такое, за что можно было бы ухватиться.

— А, вы все еще используете гитроны Кюрсена? — понимающе хохотнул новый знакомый. — Мы давно уже от них отказались! Не бойся, ты ничего не почувствуешь.

— Будь у тебя, планетянин, мозги, ты бы это уже понял. С тех пор как ты на «Тильзине», мы два раза выходили в космос и возвращались обратно, — злорадно заметил другой наблюдатель.

— Ох! Довольно уже! — оборвала его Орена. — Разве он виноват в том, что попал к нам из дикой страны? Лучше покажите, как действует экран, мы уже вынырнули! Хороши наблюдатели, не видят, что зажглась лампочка тревоги!

Мужчины смущенно заняли свои места перед пультом управления, и экран зажегся. Тинкар удивленно вскрикнул. Вокруг сияло множество звезд.

— Центр галактики?

Он вспомнил уроки космографии, которые посещал, когда еще был юным кадетом, и огромную модель Млечного Пути, свисавшую с потолка в холле Военной академии. Он часто мечтал около нее, разглядывая крохотную пурпурную зону, которая представляла собой земную Империю, находившуюся практически на периферии галактики.

— Нет. Шаровое скопление, — откликнулся китаец.

Землянин зачарованно смотрел на экран. Справа немислимо громадная газовая туманность затеняла сверкающим покрывалом целый сектор неба, а слева огромный матовый шарф сливался с бездной, в которую стремглав падал город. Один из мужчин встал и заговорил в микрофон:

— Приближаемся к планетарной системе, которую намерен обследовать текнор.

Мужчина наклонился к стоявшему перед ним аппарату. Тинкар подошел ближе. На маленьком экране пульсировали светящиеся полосы.

— А у вас на флоте есть такое?

— Нет. А что это?

— Анализатор пертурбаций. Каждый раз, когда звездолет входит в гиперпространство или выходит из него, образуются волны Люрсака, мы их засекаем и анализируем с помощью этой аппаратуры. Вот, смотри!

Верхняя полоса замерла. По индикатору побежали ряды цифр.

— Расстояние 300 000 километров. Склонение плюс 30. Восхождение справа — 122. Иная раса или одна из наших. Быть может, мы этого никогда не узнаем.

Тинкар едва не спросил: «Получается, вы не способны отслеживать их в гиперпространстве?», но вовремя вспомнил о кодексе чести гвардейца и промолчал. Ничто в аппаратах, которые он видел перед собой, не походило на локатор.

Раздался звонок.

— Ага! Снова ныряем в гиперпространство. На этот раз вылазка продолжалась недолго. Скорее всего, в этой системе нет ничего интересного, — сказал китаец.

— Уже восемнадцать часов, Тинкар, — озабоченно сказала Орена. — А поскольку я хочу пригласить тебя на ужин, нам пора идти. Всем до свидания!

— До вечера, Орена? — спросил Пеи.

— Нет, сегодня я занята.

Желтолицый помрачнел.

— А, понимаю. Ладно, ты свободный человек.

— Мы все свободны, Пеи!

Орена открыла дверь и посторонилась:

— Входи, Тинкар!

Квартира была маленькой, но мебелированной таким образом, что землянину, привыкшему к аскетическим кабинам звездолетов Гвардии, показалось, будто он попал в шикарные апартаменты. На Земле только люди знатного происхождения могли позволить себе иметь столь драгоценные ткани, навощенный столик из настоящего дерева, книги в кожаных переплетах. Несколько светящихся картин, словно окна, прорезали стены. То были ландшафты разных планет. Тинкар замер перед одним из них, бесконечной рыжей равниной, укрытой фиолетовым туманом, за которым угадывались холмы.

— Марс?

— Нет. Какая-то другая планета.

— Эти картины нарисовали вы?

— Я? Конечно же нет!

— Вы их купили? Император отдал бы за них тысячи дилларов!

— Маловероятно, что он когда-либо их увидит! Картины нарисовал Пеи, тот молодой человек, которого мы встретили на наблюдательном посту.

— Да? Скажите, а почему он смотрел на меня так сердито, когда мы уходили? Потому что я планетянин?

Она улыбнулась.

— Ха-ха! И из-за этого. Но в основном из-за того, что сегодня ты ужинаешь со мной вместо него.

— И только? Вы очень странный народ!

Тут уж она расхохоталась.

— Ты полагаешь? Покину тебя на какое-то время, чтобы приготовить еду.

Оставшись один, Тинкар осмотрел книги, главным образом по истории. Некоторые из них были на межзвездном, другие на неизвестных языках, а две, очень старые, на английском и французском. Он открыл их: «Краткая история завоевания космоса» Артура Кларка, изданная в Лондоне в 1986 году. Как такое было возможно? Шел лишь 1884 год Империи! Или же этой книге было более двух тысяч лет? Она относилась к первой цивилизации, существовавшей еще до великих катаклизмов! Вторая, за авторством некоего Жана Веранкура, называлась «Обзор колонизации Марса» и была издана в 1995 году в Париже. Чуть менее старая. Он пролистал, решив взять почитать, если такое возможно. Его изрядно удивило то, что задолго до появления Империи люди выходили в космос, хотя и не покидали пределов Солнечной системы.

— Готово, благородный гвардеец! — произнес позади него веселый голос.

Он обернулся и едва не выронил книгу. Орена сняла простую красную тунику, которая была на ней, и теперь ее окутывало длинное невесомое платье из тонкой сверкающей ткани, какой ему не доводилось видеть даже при императорском дворе.

— А вот и меню, — продолжила она, не обратив внимания на его смущение. — Жареный ламир с Сарнака, салат из ростков турмака с Альдебарана IV, гидропонные фрукты, вино с Телефора II.

Он рассмеялся.

— Все это мало что мне говорит! Даже не представляю, что это за сказочные блюда!

— О! Ламир — это такое маленькое животное, турмак — овощ. Что касается Телефора, то это древняя колония людей, возникшая еще до появления твоей Империи, одной из первых. Надеюсь, тамошнее вино тебе понравится.

— Ни разу в жизни не пил вина! Мы пьем воду, или же, в случае необходимости, спирт.

— Что ж, пришло время привыкать к вину. Пойдем.

Стол сверкал серебром и хрусталем. Тинкар уселся в кресло напротив молодой женщины.

— Хочу задать вам вопрос, быть может, глупый, безусловно, грубый, но я должен его задать, чтобы попытаться понять вашу цивилизацию. Вы богаты, Орена? Принадлежите ли вы к высшему классу?

— Сколько раз можно повторять, что у нас нет деления на классы? Богата ли я? Даже не знаю, но расходятся мои книги неплохо. Но к чему этот вопрос?

— Эти ткани, старинные книги, серебро, хрусталь...

— Бедный варвар! Да, мое платье стоит довольно дорого. А все остальное... Все остальное доступно любому, у кого есть карточка «А». Серебряные вилки — потому что это красиво, хрустальные бокалы — потому что их сделать столь же просто, как и обычное стекло, а прекрасные ткани продаются нам по весу железа; его слишком мало у велинзи, которые занимаются ткачеством! В этом весь секрет торговли, Тинкар: доставить товар туда, где он редок, из мест, где ты его приобретаешь по низкой цене. Что же касается картин, то, как я уже говорила, это подарок Пеи.

— Кто он, этот Пеи?

— Инженер связи и художник.

— Один из ваших друзей?

— Если бы он им не был, то не подарил бы мне пять своих полотен! Обычно он их продает по пятьсот стелларов за штуку!

— Император заплатил бы в сто раз больше!

Он на мгновение представил себе, как возвращается на Землю с десятком таких картин. Их продажа позволила бы ему оплатить экзамены для вступления в класс знати. И тог-

да — конец тяжелой доли солдата! Его будущим детям уже не пришлось бы опасаться строгости законов и несправедливости администраторов. Быть может, он сумел бы создать семью... Он тряхнул головой: доведется ли ему снова увидеть Землю?

— Ты не пьешь, Тинкар? Не нравится телефорское вино?

— Нравится. Все чудесно, Орена, и кажется мне нереальным. Утром я проснулся, ожидая, что мои спасители будут обращаться со мной как с пленником, думая, что мне придется провести остаток дней в мрачной стальной камере без малейших надежд на освобождение. Вчера — не далее чем вчера! — я падал в космосе, ожидая смерти. Четыре дня назад я получил из рук военного министра секретный приказ для флота! А сегодня вечером ужинаю с очень красивой женщиной, чувствую себя и богачом, и парией! Я свободен, но заблудился в дебрях чуждой цивилизации, которая, сам уж не знаю почему, терпит и кормит меня, словно я безвредный паразит! А та, которая угощает меня этим чудесным ужином, презирует планетян и получила от меня удар кулаком! Я не понимаю, что происходит. И все еще не могу поверить в свою безопасность. На Земле политическая полиция обожает жестокую игру — пленнику сообщают, что тот свободен, а в тот момент, когда он выходит за ворота концлагеря, его казнят выстрелом из фульгуратора в спину. Бывали случаи, когда *реально* освобожденные люди не решались выйти за ворота и стояли перед ними целыми сутками, пока голод и усталость не вынуждали их рискнуть! Неужели и вы играете со мной в подобную игру? Если да, то это постыдная игра! Я — солдат, и если уж меня должны убить, то пусть стреляют в лицо!

— Не сравнивай галактиан с планетными вшами, Тинкар! У нас немало недостатков и даже пороков! Мы отнюдь не святые и даже не паломники! Но вот чего у нас нет, так это привычки бросать в тюрьму или убивать человека, виновного только в том, что он отличается от нас! Особой дружбы от Звездного народа не жди. Для большинства из нас ты просто планетный червь и останешься таковым надолго, если не навсегда. Безусловно, найдутся и такие, которые попытаются убить тебя, но это случится по лич-

ным мотивам, и вызов тебе бросят в лицо! Убийство у нас наказывается лишь одним способом: изгнанием в космос без скафандра. Быть может, однажды ты сможешь стать одним из нас, как было с моим отцом. Надеюсь, ты лучше распорядишься этим даром, а не вернешься, как он, в свое болото.

— Я здесь сегодня вечером из-за вашего отца?

— Частично. Я увидела, что ты одинок, и подумала: каково ему было здесь в течение шести лет, пока он пытался приспособиться? И кроме того, я уже говорила — ты меня забавляешь. Но хватит об этом... Ты любишь музыку?

— Да, даже играю на флейте. У гвардейцев поощряют все, что может скрасить монотонную жизнь на борту крейсеров.

— У меня есть прекрасные записи, тебе, вероятно, не известные, так как написана эта музыка была задолго до наступления космической эры. Мы их обнаружили в старых колониях, вроде Телефора или Германии. Ты слушал когда-нибудь Бетховена?

— Нет.

Она склонилась над аппаратом, вставила тонкую магнитную ленту.

— Тебе это должно понравиться: концерт номер пять, называется: «Для императора». Императора доисторического, конечно же, или почти.

...Тинкар медленно выплыл из грез, в которые его погрузило потрясающее искусство людей, исчезнувших много веков назад.

— Это было великолепно, Орена. Наши современные музыканты, кроме, быть может, Мерлина, и в подметки не годятся старым мастерам. Но уже поздно, и мне пора. Я ведь даже не знаю, где находится моя квартира.

— Как, ты еще ее не занял? Но тогда она пуста! Тебе следовало купить все необходимое. А так, ты пока что не можешь туда пойти!

Она хитро улыбнулась.

— Но если согласишься остаться у меня на ночь, я смогу тебе гарантировать, что никто в нашей цивилизации не почувствует себя оскорбленным.

Одиночество

Когда он проснулся, Орены уже не было. Одевшись, он обнаружил на столе записку: «Тинкар! Я ушла на работу. Увидимся на днях. Орена».

Он скривился, в глубине души чувствуя себя униженным: послание было коротким и равнодушным. Потом пожал плечами: «Иная цивилизация, иные обычаи. Я ничего о них не знаю и не могу их судить».

На всякий случай взглянул на часы: 8.30. Он еще не проголодался, а потому решил обследовать небольшое жилище. В комнате, где Тинкар еще не был, располагался кабинет Орены с диктографом, рядом с которым, на столе, лежала стопка листов — страницы неоконченной рукописи. Он взял верхний листок, пробежал глазами и понял, что, хотя книга и написана на межзвездном, читать ее трудно: диктограф использовал символы, весьма отличные от тех, к которым привык гвардеец.

«Похоже, — подумал он, — они тоже пока не смогли решить проблему прямой транскрипции человеческой речи!» И все же ему удалось уловить суть романа: это была замысловатая история, происходившая на планете Каффир, о существовании которой он даже не подозревал, и которая вполне могла быть и вымышленной. Герой, попавший в затруднительное положение, оказался прижатым к непроходимому обрыву воинами-калабинцами.

«Надо бы почитать произведения Орены, — сказал он себе. — Прежде всего, это поможет мне узнать о ней, а потом и о ее цивилизации». Он вспомнил о разговоре, который случайно услышал, когда был часовым и каменной статуей стоял у дверей залы, в которой Император давал большой бал. На какое-то мгновение рядом с ним остановились два дворянина. Он узнал того, что был помоложе, историка Бель Карона, кузена Императора.

— Ошибаетесь, дорогой друг, — говорил тот, — ошибаетесь! В романах куда больше правды, чем вы думаете, если вы, читая их, следите не за развитием исторического сюжета, а пытаетесь понять саму цивилизацию. Уверяю вас, эти ста-

рые произведения рассказывают нам гораздо больше о состоянии доимперского общества, чем учебники истории. Не говорю уж о нашей официальной истории, которая соткана из пропагандистских фраз, предназначенных для безграмотного народа.

— Тсс! — прошипел второй собеседник, указывая кивком головы на Тинкара.

Историк обернулся.

— О! Этот? Гвардеец? Одно из двух: либо он умен и уже давно сомневается, либо глуп и вряд ли поймет то, о чем я веду речь.

Оба удалились, продолжая беседу.

«Я, должно быть, был глуп, — подумал Тинкар, — поскольку в то время верил в официальную историю. А официальная история гласила, что за пределами Империи царят лишь варварство и хаос, там живут негуманоиды, только и ждущие, когда люди ослабеют настолько, чтобы их уничтожить... А теперь... Я увидел гигантские странствующие города, о которых не скажешь, что они населены варварами. Есть и иные миры, населенные людьми, но не принадлежащие Империи».

Он вернул листок бумаги на место и вышел на улицу. Дверь с магнитным замком захлопнулась сама собой. Тинкар сверился с планом, зашел в ближайший справочный пункт и выяснил, что его квартира находится совсем рядом, вопреки тому, что утверждала Орена — впрочем, он подозревал, что она лукавит, — а потому отправился в общий магазин 17 для покупки необходимой мебели.

Но сначала зашел к себе. Расположение пустых комнат оказалось таким же, как и у Орены. В магазине Тинкар выбрал узкую кровать, стол, два стула, несколько полок, самую необходимую утварь для кухни. Все это стоило сто стелларов, но с него взяли лишь половину, остальное он должен был выплатить в течение четырех месяцев. Ему бесплатно выдали устройство внутренней связи, обязательное для каждой квартиры. Все утро Тинкар занимался приведением в порядок нового жилища, а потом отправился в ресторан, где накануне встретил Орону.

Официант за стойкой узнал его.

— Что, планетянин, снова к нам? Тебе повезло, что Орена не потребовала своего права! Она метко стреляет!

— Я тоже. Это моя профессия.

— А ты знаешь, что она уже убила троих?

Он хотел было сказать, что на его счету несколько десятков, но сдержался. Зачем? Он выбрал два блюда.

— Ну ладно, болотная вошь, не дуйся! На борту «Тильзина» собрались не такие уж плохие парни. Полагаю, в тебе тоже есть что-то особенное, раз уж текнор выдал тебе карточку «А».

Человек наклонился вперед, и его курносое лицо расплылось в улыбке.

— Если возникнут затруднения, приходи ко мне. Быть может, я сумею тебе помочь.

Тинкар весь сжался, услышав такое предложение от низшего по рангу, но тут же заставил себя сбросить напряжение. В конце концов, он не знал истинного статуса этого человека. В столь странной цивилизации тот вполне мог быть выдающимся гражданином после того, как заканчивал свои обязательные два часа общественного труда.

— Куда приходиться? — уточнил он. — Сюда?

— Конечно нет! Днем — в лабораторию: палуба 7, улица 12, зал 122. После девятнадцати часов — ко мне домой: палуба 22, улица 6, квартира 157. И то и другое расположено в секторе 3.

— В лабораторию?

— Я химик. Спросишь Пола Петерсена.

Тинкар завтракал, пребывая в задумчивости. Помимо текнора и девушки, проводившей его до банка, с ним заговорили всего лишь двое тильзинцев, и оба были настроены в общем-то дружески. А с Ороной у него сложились даже более чем дружеские отношения.

Закончив завтрак, Тинкар решил обследовать город. Судя по плану, это можно было сделать намного скорее, чем ему показалось вначале из-за размеров звездолета: сектора выглядели почти симметричными. Его внимание сразу привлекла одна особенность: в каждом секторе и на трех палубах располагались огромные помещения, обозначенные как машинные залы. Он направился к ближайшему из них и, лишь

раз сбившись с пути, оказался перед нужными дверьми. Его ожидал неприятный сюрприз: на дверях красовался огромный перечеркнутый красный круг.

«Мне сюда нельзя. Следовало этого ожидать. В конце концов и на наших крейсерах доступ к двигателям разрешен лишь механикам и офицерам».

Он философски пожал плечами, вернулся назад и долго бродил по городу, пока не убедился в том, что все, интересующее его, находится за дверями с перечеркнутым красным кругом.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как отправиться в библиотеку.

Библиотека университета располагалась в центре города между двумя парками. Тинкар пересек первый парк, кишевший детьми, которые с криками носились друг за другом, совсем как на Земле. Он вошел в холл библиотеки и увидел две двери. На первой на межзвездном и нескольких других языках было написано: «Абонемент», на второй: «Читальный зал». Он нажал на ручку второй.

За дверью располагалась небольшая комната со столом, за которым сидела девушка. Тинкар остановился как вкопанный. Рядом с ней не только Орена показалась бы вульгарной, но даже графиня Ирия, которую молодые офицеры нарекли «недостигаемой королевой», выглядела бы блеклой и лишенной всякого очарования. Девушка была рыжей, или скорее ее длинные волосы отливали чистой медью... Огромные темно-зеленые глаза, тонкий прямой нос, быть может, излишне крупный рот...

Библиотекарша с улыбкой поднялась ему навстречу.

— Что желаешь почитать, брат?

Он смутился и тоже улыбнулся.

— Мне хотелось бы почитать книги по истории.

— Проще простого. Какие?

— Даже я знаю...

— С какой хочешь начать? Телкар, Якобсон, Рибо, Ханихара? Быть может, Салминен?

— Мне советовали прочесть Мокора.

— Мокора? — удивилась девушка. — Обычно с него не начинают. Он труден для понимания. Не желаешь «Историю

Звездного народа»?.. «Великую миграцию»?.. «Эссе о смысле галактической истории»?

— А что вы посоветуете?

— Первую... Ты обратился ко мне на «вы»? К какому клану ты относишься?

«Ну, началось!» — подумал он.

— Ни к какому!

— Планетянин? Тогда твое место не здесь. — Приветливость девушки мгновенно испарилась.

— Меня послал текнор.

— А! Ты и есть тот самый планетянин! И что только в последнее время происходит в голове у моего дядюшки!.. О, космос! Впервые у меня сразу же просят труд моего деда, и надо же такому случиться, что просителем оказывается земная вошь!

Она с отвращением на лице протянула ему каталожную карточку.

— Заполни это! И тай мне пропуск. Так я и думала! Карточка «А» землянину! Держи, — сказала она. — Пройдешь через эту дверь, найдешь зал D и нишу 14. Умеешь пользоваться считывателем? Ты же не думаешь, что тебе на руки выдадут оригинал? В следующий раз постарайся приходиться в те часы, когда на службе не я!

Считыватель оказался проектором микрофильмов, хотя и более усовершенствованным по сравнению с теми, которыми он пользовался ранее. Он углубился в «Историю Звездного народа».

Книга была написана сжатыми фразами и не давала никаких послаблений читателю; собственно, она подтверждала сказанное Ореной, но содержала массу ценных подробностей. Его сразу же поразило разнообразие имен на «Тильзине». Одни были явно земного происхождения, такие, как Петерсен, Валох, Рибо, Ханихара. Привычный к космополитизму Гвардии, он с легкостью привязал их к месту происхождения: бывшая Скандинавия, бывшая Центральная Европа, бывшая Франция, бывшая Япония. Но другие имена, вроде Тана Эктора, Мокора или тех, которые он видел на обложках книг в библиотеке Орены — Орипсибор, Тельмукинка, — показались ему странными. Во время великой миграции пассажиры

звездолета № 3 решили разрушить за собой все мосты, связывавшие их с родной планетой, и произвели космическое крещение, выбрав себе искусственные имена. Даже сегодня, добавлял Мокор, этими именами продолжали пользоваться. Среди членов экипажа корабля существовала определенная тенденция к эндогамии, не настолько серьезная, чтобы угрожать генетическому наследию, но достаточная для ощутимого воздействия на потомков. К этому следовало добавить резко антипланетарный образ мышления. Тинкар усмехнулся: «Полагаю, моя милая библиотечка должна зваться Ериоретура Калькакубитатум, или как-нибудь в этом роде!»

Он быстро проскочил ту часть книги, которая относилась к началу эры галактиан, решив, что вернется к ней позже и разберется во всем уже спокойно. Времени у него хватит. А вот то, что относилось к современной истории, напротив, вызвало у него живой интерес.

Долгое время Звездный народ жил без каких-либо контактов с остальной частью человечества, развивался, осваивал ту или иную необитаемую планету, трижды встречался с мирными негуманоидными расами, постепенно расширяя территорию своего скитания в космосе. В эту эпоху города уже отказались от гиперпространственного устройства Кюрсена («единственного, известного нам и поныне», с горечью подумал Тинкар) и перешли на тот тип двигателей, который разработали неведомые обитатели покинутого города. Затем, в один прекрасный день, «Рим» вступил в контакт с первыми доимперскими колониями людей. Как раз перед началом катаклизмов («у нас, вероятно, это называется объединительной войной», сказал себе Тинкар) несколько групп смельчаков на инфрасветовых кораблях отправились завоевывать галактику, используя анабиоз. Почти все они успешно завершили свое безумное предприятие (что лишний раз подтверждало старую поговорку Гвардии: чем отчаяннее авантюра, тем больше шансов на успех). Отважные космопроходцы рассеялись по мирам и основали различные цивилизации, отличавшиеся от цивилизации галактиан и землян, но ограниченные рамками одной солнечной системы. Галактиане установили с этими полубратьями торговые отношения и как правило выступали в роли посредника между разными

ми цивилизациями, хотя и не испытывали особой симпатии к другим обществам. Из-за разного отношения бродячих галактиан к своим оседлым соотечественникам образовались две партии: партия консерваторов, полагавших сложившуюся ситуацию вполне удовлетворительной, и партия авантистов, предвидевших день, когда эти цивилизации вновь выйдут в космос и станут конкурентами галактиан. Именно поэтому авантисты хотели установить для данных планет карантин и сделать все, чтобы помешать им вновь выйти в межзвездное пространство.

«Орена, если я правильно понял, как раз таки авантистка, а значит, точно уж не пылает особой любовью к планетянам, — подумал Тинкар. — Наверно, она нашла во мне нечто невероятно забавное ... Текнор называет себя консерватором, но относится к «чистым», к тем, которые расстались со старыми земными именами... Все это выглядит не менее сложным и запутанным, чем придворные интриги!»

Он открыл заключительную главу. Книга завершилась на оптимистической ноте: каково бы ни было отношение галактиан к этому вопросу, ни одна из партий не собиралась брать власть силой и никакой серьезной опасности в ближайшем будущем не представляла.

«Нужно будет прочесть «Эссе о смысле галактической истории», — решил Тинкар и бросил взгляд на часы. День пролетел очень быстро. Он вышел из библиотеки. Рыжеволосой девушки нигде не было, на ее месте сидела молоденькая блондинка, уже собиравшаяся уходить.

— В какие часы работает библиотека?

— Библиотека открыта всегда, брат, — улыбнулась блондинка. — Кроме абонеента, он уже закрылся. А! Так ты и есть тот самый планетянин?

— Вижу, вам уже доложили! До завтра! Может, и заскочу.

Он поужинал в просторном зале ресторана почти в полном одиночестве. Петерсена не было, вместо него появился какой-то брюнет, который обслужил его, не произнеся ни слова. Удалившись к себе, в почти монашескую обитель, и постарался привести в порядок свои мысли и впечатления.

«Подведем итоги. Мой звездолет взорвался вследствие саботажа. Меня подобрал город-бродяга, населенный потом-

ками ученых-предателей, убежавших из Империи в правление Килоса III. Этот народ испытывает глубокое презрение к планетянам, особенно к тем, кто попадает сюда из Империи. Мне это постоянно дают почувствовать. Одна молодая девушка оскорбляет меня, я теряю хладнокровие и сбиваю ее с ног ударом кулака. И тут она превращается в моего ментора, приглашает на ужин и даже более того!.. Она гидропонист и писатель. Каждый представитель этого странного народа имеет две профессии, одну общественную, которой уделяет два часа в сутки, другую — свободную. Официант, оскорбивший меня в первый раз, когда я появился в ресторане, теперь предлагает мне свою помощь. Он — химик. Некто Пеи, инженер связи, вероятно, один из величайших художников галактики, насколько можно об этом судить. Вне всяких сомнений, галактиане — очень цивилизованный народ, кое в чем нас даже превосходящий, но в то же время они крайние индивидуалисты, и мне непонятно, как может функционировать их общество. Разве что от меня скрыли какие-то факты. Добавим к этому, что их начальник вручает мне карточку «А», то есть карточку обычного гражданина, хотя накануне меня забросил к ним лишь счастливый случай. И это несмотря на то, что я являюсь гражданином той самой Империи, которую они так презирают и ненавидят! И каждый, похоже, видит в этом некий скрытый смысл. Ничего не понимаю!.. Ну и черт с ними! Я не социолог и не философ. Плевать мне на основы их цивилизации. Главное для меня — узнать, как можно добраться до базы, и там уже попытаться оправдаться».

База... Как она была далека! Его вдруг охватила щемящая тоска, тоска по хорошо выверенной жизни. В той жизни ему приходилось нечасто принимать решения, там все было предусмотрено его начальниками, и время текло в рутине дней, в рутине утренних и вечерних сборов. Трудно прожить двадцать один год в одном и том же ритме и не привыкнуть к нему. Ему не хватало друзей, молодых, таких же, как и он сам, лейтенантов его восемнадцатиметрового торпедоносца и десяти парней экипажа, из которых он суровой муштрой создал боевую единицу, столь же опасную и быструю, как кобра. Кто теперь командует «Скорпионом»? Хью Брейн? Хаякава? Или малыш Жан Лапрад, который, придя в ярость

оттого, что над его невысоким ростом постоянно издевались, наплевав на устав, вызвал на дуэль майора Торсена, двухметрового гиганта, и убил его в сабельном бою, рискуя своей жизнью и перейдя из мичманов сразу же в лейтенанты? Тинкар надеялся, что командиром стал именно Жан. В его руках «Скорпион» еще выпустит свое жало, и не один раз. По правде сказать, он, вероятно, жалил в эту самую минуту, если только сам уже не стал металлической пылью, разносимой по всему гиперпространству космическими ветрами.

В эту ночь он спал мало. В его мозгу рождались самые несуразные проекты — от захвата шлюпки с целью бегства (палуба 1, коридор 6) до убийства текнора и уничтожения города.

Разбудил его звонок внутренней связи. Экран не зажегся, но безликий голос приказал ему после завтрака явиться к текнору.

Он позавтракал теми продуктами, которые купил накануне, не без труда включив слишком уж совершенную плиту. Потом он отправился в библиотеку. На этот раз дежурила довольно-таки пожилая темноволосая женщина. Поморщившись от отвращения, она направила его в нишу 17. Он быстро закончил просмотр книги Мокора, задержавшись лишь на той главе, которая была посвящена мпфифи.

Мпфифи были негуманоидной расой; первая встреча с ними произошла лет тридцать назад. Шлюпка с «Суоми» приземлилась на одной из безымянных планет у звезды G1, где, на берегу некоего озера, галактиане обнаружили следы недавнего пребывания в этом месте разумных существ: несколько металлических коробок, сломанное оружие, выжженный круг земли и могилу. Оружие явно было сделано не человеческими руками, могила оказалась открытой. Почти разложившееся тело представителя неизвестной расы чем-то напоминало тела землян. Через два дня произошла неожиданная встреча в космосе — вынырнувший из ниоткуда пирамидальный звездолет выпустил несколько залпов по городу и исчез. «Суоми», с пробитым в семнадцати местах корпусом, потерял сто двадцать семь человек.

Это случилось незадолго до традиционной большой встречи, в дни которой в небе Авенира загоралось с сотню новых

звезд городов-участников ассамблеи... Ожидалось, что на сей раз их будет сто один, но «Кантон» так и не прибыл.

Прошло еще десять лет. Новая встреча с мпфифи завершилась для галактиан трагедией. «Юта», вынырнувшая из гиперпространства в районе Денеба, была атакована другим городом, более крупным и незнакомым; враг ворвался в коридоры, сражение выдалось жестоким и непродолжительным: оно длилось всего десять часов! Но, как это ни парадоксально, эти десять часов боя принесли известную пользу: некий героический инженер сумел записать все происходящее на пленку — он заснял нападавших, их оружие, их методы борьбы, потом загрузил запись в торпеду связи, тут же улетевшую на Авенир, где ее и нашли галактиане во время следующей традиционной встречи. Все это и все то, о чем люди узнали в дальнейшем, было изложено в книге Трига Соренсена, так и называвшейся: «Мпфифи». С тех пор Звездный народ потерял еще пять городов: три были уничтожены полностью, два — частично, их случайно обнаружили в последний момент подоспевшие спасатели. Мокор не приводил технических подробностей: очевидно, факты, касающиеся мпфифи, и так всем были хорошо известны. Того же, кто желал уточнений, автор отсылал к труду Соренсена.

Тинкар вернулся в регистрационной стойке. Пожилая женщина уже ушла, ее заменила молодая девушка. На ее вопросительный взгляд гвардеец сразу же ответил:

— Да, я тот самый планетянин с карточкой «А»! Вы можете выдать мне книгу Соренсена о мпфифи?

От изумления у девушки округлились глаза.

— Но у нас здесь ее нет!

— А где я могу с ней ознакомиться?

— У себя дома! У вас она обязательно должна быть! Любой мужчина или женщина в возрасте от четырнадцати лет обязан иметь эту книгу!

— Мне ее не дали.

— Потребуйте в первом же попавшемся книжном магазине.

— Сколько она стоит?

— Да нисколько не стоит! Прочсть ее — священный долг каждого.

— Спасибо. Ах, да... Еще один вопрос: вы действительно сменяетесь через каждые два часа?

Девушка удивленно вскинула брови.

— Ну конечно!

— Все? И даже механики? Даже пилоты? Даже текнор?

— Не глупите. Механики и пилоты работают по пять часов, а текнора никто не меняет. По крайней мере, в период между выборами! Даже планетянину должно быть это понятно.

— Вы не любите планетян?

— А кто их любит? Они вынудили наших предков бежать с родной планеты. По правде говоря, это обернулось благом, но благом невольным.

— Для народа индивидуалистов вы слишком сильно верите в коллективную ответственность! Что общего я имею с людьми, жившими четыреста лет назад?

— Вы действительно изменились там, на Земле? Я слышала, Империя все еще держится.

— Это верно. А как зовут ту рыженькую, которая работает здесь с четырнадцати часов?

Его собеседница расхохоталась.

— Анаэна? Племянница текнора? Вижу, вы тоже на нее запали, прекрасный планетянин! Но она не про вас! Даже я не люблю земных вшей, но она...

Девушка с многозначительным видом позволила фразе повиснуть в воздухе.

У него оставался еще час до завтрака. Он провел его на скамейке в парке, глядя по сторонам, размышляя, пытаясь проникнуться духом этой цивилизации, в которой сам он был инородным телом. Детишки играли в какую-то быструю, не известную ему игру, смысл которой заключался в том, что ногой послать мяч между двух столбов. Разок мяч подкатился прямо к нему. Он подобрал его и вернул детям. Один из парнишек поймал мяч, улыбнулся и уже было открыл рот, чтобы поблагодарить незнакомца, но другой остановил его:

— Не надо, Игорь, не сто́ит якшаться с червями!

И он тщательно обтер мяч, словно тот побывал в грязи.

В ресторане Петерсен кивком головы призвал землянина к молчанию. Тинкар поел в одиночестве, заметив, что галак-

тиане не садятся даже за соседние с ним столы. Он философски выждал, пока наступит четырнадцать часов, а затем направился к посту управления текнора.

Тан Эктор встретил его насмешливой улыбкой.

— Ну, Тинкар, что вы думаете о «Тильзине»?

— О корабле или о людях?

— И о том и о другом.

— Что касается техники, то я не увидел ничего такого, что могло бы меня заинтересовать. Если говорить о людях, то я не могу сказать, что они — за редким исключением — очень дружелюбны.

— Одно из таких исключений, полагаю, женщина?

— Откуда вам это известно? Вы приказали шпионить за мной?

— Думаете, у меня есть на это время? Нет, но текнор знает все. Мы — народ индивидуумов, а это означает, что никто не имеет права совать свой нос в дела других, иначе любопытство дорого ему обойдется, но в то же время каждый имеет право думать о других все, что захочет, и языки никто не держит на привязи. У нас тут маленький городок, планетянин! Всего двадцать пять тысяч жителей.

— Значит, я и шагу не могу ступить так, чтобы вам об этом тотчас же не стало известно?

— А какое это имеет значение? И потом, не сто́ит преувеличивать. За исключением вашего приключения с Ореной, я ничего не знаю о том, что вы делали в эти последние дни. Но если вы сделаете что-то значительное, буду в курсе. Остерегайтесь Орены, Тинкар!

— Почему? Она опасна?

— Не в том смысле, какой вы в это вкладываете. Просто... она в большей степени галактианка, чем все остальные. Если вы вдруг, на свою беду, привяжетесь к ней, в один прекрасный день вы и сами поймете, что я имел в виду.

— С тех пор я ее больше не видел.

— Хо! Да никто вам не запрещает с нею встречаться. У нее полно положительных качеств, хотя она и из этих безумцев-авантистов. Но я вас позвал не за этим... — Тан Эктор на мгновение задумался. — Ответьте мне откровенно: вашей Гвардии удалось создать устройство, которое позволяет проследивать путь корабля в гиперпространстве?

— Неужели вы и вправду полагаете, что я вам это открою? Я не могу предать Империю!

Текнор устало махнул рукой.

— Я и не требую от вас никакого предательства, лейтенант! Просто я более широко, нежели вы, смотрю на вещи. Я изучал историю, это наша семейная болезнь. Моего отца звали Мокор.

— Звали? Мокор умер? Я думал...

— Он погиб десять месяцев назад на «Норге II», став жертвой мпфифи. Эти существа — наши с вами общие враги. Вы прочли «Эссе о смысле галактической истории»?

— Еще нет.

— Прочтите. В вашей Империи и в нас, Звездном народе, Мокор видел, как вижу и я, все еще крайне несовершенные зародыши будущего галактического государства, объединяющего в одной мирной конфедерации все расы...

— Империи не свойственно миролюбие! — хмыкнул землянин. — Миролюбивы лишь слабаки!

— Ну вот, снова этот попугайский жаргон! Поистине миролюбивыми бывают лишь сильные, а слабые миролюбивы только потому, что не могут поступить иначе. Ваша Империя представляет собой нечто среднее: она достаточно сильна и поэтому поддерживает мир на Земле в течение двух тысячелетий, но и достаточно слаба, вследствие чего поддерживает его только силой. Ее конец можно было предвидеть, и начала она разваливаться примерно в то время, когда вы покинули планету. Но подождите всего несколько лет, и вы сможете вернуться на Землю. Там ничего не изменится, кроме имен вождей, или все будет ввергнуто в хаос. Какая разница — выбирают вождя или он властвует по «божественному праву», если властитель — хороший человек. Но если властитель — человек плохой, как ваши императоры в последние несколько веков, он подрывает свою собственную силу неумеренной жестокостью или глупостью. Или вы полагаете, что бегство сорока тысяч инженеров и ученых укрепило вашу планету?

— Бегство предателей...

— Да подумайте сами, а не повторяйте глупости, которые вам вбили в голову! Кого они предали? Землю, человеческую расу или безумного Императора? Предатели — такие же

люди, как вы, это они из-за лени мышления продолжают оказывать помощь тиранам. Мне не нужен ваш ответ сейчас, ибо ваши истинные враги — мпфифи, а они владеют секретом слежения за нами в гиперпространстве и нападают внезапно. Думаете, они пощадят вашу планету? Спросите у выживших с Терое III!

— Терое III?

— Ах, да... Это же случилось совсем недавно, с месяц назад, и еще не всем об этом известно. Не пройди мимо нас, на расстоянии двух световых лет, «Неаполь», мы бы так и не узнали о случившемся. Терое III была колонией Рапы, а та в свою очередь — доимперской полинезийской колонией. На планете жило около пяти миллионов человек. Когда «Неаполь» пришел им на помощь, их оставалось всего шестьсот тысяч. Остальных убили мпфифи!

— И вы полагаете, что наша слабая земная цивилизация может обладать секретом, которого не знаете *вы*?

— Мы разгадаем эту тайну. Через месяц, через год, через десять лет! Прежде нам это не было нужно, и мы не занимались исследованиями...

— Но вот уже тридцать лет, как мпфифи атакуют ваши города...

— Вначале мы думали, что им сопутствует удача, нападения, в конце концов, были редкими, мы потеряли всего два города, не больше. Возможно, мпфифи действительно везло. Но все прочие наши потери произошли за последние полтора года! Ваша Империя, по-прежнему ведущая войну с колониями, могла разработать такой прибор, который...

— И зачем мне открывать вам секрет, если мы им владеем? Вы же уверяете, что все равно вскоре найдете ответ.

— Потому что, быть может, в этот самый момент звездолет мпфифи следует за нами в гиперпространстве, готовясь обрушиться на нас, и несколько лишних часов могут решить исход сражения.

— Мы не обладаем этим секретом, текнор...

— Тем хуже! Я надеялся... полагаю, вы сказали мне правду!

— Зачем мне лгать?

— Кто может проникнуть в разум планетянина? Подумайте, Тинкар, и если измените свое мнение, если вы обладаете

этой тайной, передайте ее нам, ибо мы, в конце концов, лучший редут для вашей Земли! А теперь отправляйтесь в помещение 806 по этой же улице и попросите полное издание Соренсена. Я хочу, чтобы вы знали все о мпфифи. Скажите, что вас послал я.

Тинкар вышел. Походка его была упругой, он ликовал. Хоть в одном он превосходил галактиан. Конечно, имперские крейсера были оборудованы локаторами и могли следить за вражескими судами в гиперпространстве! И теории локаторов обучались все кадеты, ведь аппарат обладал очень капризной конструкцией и требовал постоянной регулировки. На мгновение гвардейца охватило искушение вернуться и предложить текнору построить локатор. Но Тинкар решил, что сделает это позже, когда галактиане изменят свое к нему отношение.

На двери 806 висела большая табличка: «Центр исторических исследований». Он вошел. Его встретил молодой человек.

— Мне хотелось бы получить полное издание книги Соренсена о мпфифи, — улыбнулся незнакомцу Тинкар.

— Она еще не поступила в продажу, брат.

— Меня прислал текнор.

— Ах вот как! Анаэна!

В дверях появилась рыженькая из библиотеки. Ее аж передернуло при виде Тинкара.

— Опять вы? Что вам нужно?

— Он хочет полного Соренсена. Его послал Тан!

— Меня послал ваш дядя, — подтвердил Тинкар.

Она щелкнула тумблером:

— Алло! Тан? Это правда, что мы должны выдать полного Соренсена этой болотной крысе?.. Хорошо, поняла. Следуйте за мной!

Она провела его в небольшое помещение, стены которого были уставлены полками с книгами, закрыла дверь и обернулась к нему — само воплощение ярости.

— Кто вам позволил наводить обо мне справки? Кто вам сказал, что текнор — мой дядя? Вас это не касается, планетянин!

— Что оскорбительного в том, что я знаю, что Тан Эктор — ваш дядя? Вы мне сами мне об этом сказали, когда взяли мою карточку, там, в библиотеке!

— Это неправда! Вы... вы интересуетесь мною! Какая наглость! Вы для меня не существуете и никогда не будете существовать!

— Мне кажется, вы заблуждаетесь! Мои интересы лежат в иной плоскости: мне незачем интересоваться рыжей дикой кошкой!

— Вы! Вы и ваша Орена! Чертова авантюстка!

— А вам-то какое дело? Я же для вас не существую.

Она едва совладала с собой, сняла с полки книгу и бросила ему.

— Держите, вот ваш Соренсен! А теперь уходите! Улитка!

Он с издевательским видом скрестил руки на груди и окинул ее долгим взглядом.

— Я не попадусь в ваши сети, маленькая фурия. И не ударю вас, чтобы вы потом не потребовали права охотиться на меня с десятью пулями, в то время как у меня будет всего лишь одна!

— Вы еще более отвратительны, чем я думала! Уходите!

Он направился прямо к себе домой, с удобством расположился на мягкой кушетке и принялся за чтение.

Мпфифи по облику смутно напоминали гуманоидов, имели две ноги, две шестипалые руки; каждый их палец состоял из пяти суставов и был очень длинным. Голова с двумя глазами сидела на средней длины шее, но уши и нос полностью отсутствовали. Мозг был защищен очень крепким, кремнистым черепом. Взрослый самец был почти двухметрового роста и весил сто двадцать килограммов, его зеленоватая кожа была усеяна крохотными кремниевыми шипами. Самки, как и следовало ожидать, были пониже, постройнее, с гладкой коричневато-красной кожей. Дышали они обычным воздухом, но несколько часов могли обходиться без атмосферы, пригодной для дыхания, разумеется, при условии полной неподвижности. Хранилищем кислорода у мпфифи служил особый орган, расположенный в области сердца. Их сила превышала силу среднего человека, умственное развитие находилось примерно на том же уровне, а вот двигались инопланетяне гораздо медленнее, чем люди.

Об организации их социальной жизни известно было крайне мало. Их города, беспрестанно кочующие в про-

сторах космоса, превышали размером человеческие, но были, похоже, более населенными. Никто не знал, с какой планеты они явились. То были ужасные воины, равнодушные к смерти и боли. Мпфифи пользовались эффективным оружием: неким подобием фульгуратора для ближнего боя, кривыми саблями, с которыми они обращались с поразительной ловкостью, гранатами и пистолетами. В дальнем бою мпфифи использовали ружья с разрывными пулями, мортиры, пушки, ракеты.

Их цели были неизвестны. Дважды или трижды захваченные города пытались вступить в переговоры, но все эти попытки заканчивались полным провалом. Наихудшая вероятность, по мнению Соренсена, заключалась в том, что мпфифи могли являться разведчиками огромной и постоянно расширяющейся империи. По одной из теорий, они были экстрагалактическими захватчиками, пришедшими из туманности Андромеды.

Книга изобиловала подробностями, в ней приводилось множество технических характеристик оружия и тактика боя. Эти главы захватили Тинкара больше всего. Мпфифи определенно были опасными противниками, они прекрасно знали стратегию и отличались ловкостью в рукопашной схватке. Данные обо всех их сражениях с гуманоидами были собраны и проанализированы. В какой-то момент Тинкар пододвинул к себе стопку бумаги, карандаш, развернул план города и приступил к собственному военному анализу. Бой всегда начинался с внезапного появления вражеского города и обстрела противника разрывными, не атомными, снарядами, затем мпфифи шли на абордаж. Просмотрев список атакованных городов, Тинкар заметил, что Орена знала не все: городов этих было около тридцати, причем большинство из них вполне могли отбросить врага, в одних случаях — до, в других — после абордажа. Увлеченный любимым делом, Тинкар работал долго, внимательно изучая атаку и оборону: в трех случаях из пяти последних вторжений галактиане вполне могли продержаться до прихода помощи, а в одном — даже выиграть сражение.

Он быстро определил недостатки обороны: галактианам, как бы смелы они ни были, недоставало боевой подготовки.

И все же битвы они проигрывали не из-за недисциплинированности, а из-за медлительности в исполнении приказов и из-за слабых стратегических концепций, значительно уступавших боевым концепциям мпфифи. Люди не умели извлечь преимущества из знания собственных городов и их более коротких линий связи.

«Если я об этом скажу текнору, он не станет меня слушать! Зачем?»

Тинкар отложил книгу и задумался: пообедать дома или сходить в ресторан? Он обвел взглядом неуютную полупустую комнату, и его передернуло. Одиночество, это одиночество, которого он никогда не знал в Гвардии, уже начинало его угнетать. Несмотря на враждебность, которую по отношению к нему, вне всякого сомнения, проявили бы прочие обедающие, он решил пойти в ресторан.

глава 5 Дуэль

Петерсен был в ресторане, но на сей раз обедая за столом, а не стоя за стойкой. Он улыбнулся землянину, но, когда Тинкар подошел к нему ближе, встал и сказал:

— Прошу прощения, планетянин, но было бы лучше, если бы нас не видели вместе. Пока.

— О! Ничего страшного. Я уже начинаю привыкать.

Он сел за отдельный столик и приступил к еде, но тут же обернулся, услышав: «Привет, Тинкар!» В ресторан, в сопровождении Пеи и еще одного мужчины, высокого крепьша — с ним землянин пока еще не встречался, — вошла Орена. Тинкар радостно помахал ей рукой. Орена уселась напротив него и жестом подозвала других.

— Ну нет, Орена, — протянул незнакомец. — Только не с этой планетной вошью!

— Я свободна, брат!

— Может, ты не будешь, Орена, — вступил в разговор китаец, — выставлять себя на посмешище? Ты уже позволила себе фантазию...

— У нас с тобой, Пеи, никогда не было постоянной связи. У тебя на меня прав не больше, чем у меня на тебя! Что же касается моей фантазии, как ты изволил выразиться, то это мое личное дело. Или ты боишься, что я начну... сравнивать?

Китаец побледнел от оскорбления.

— Если ты полагаешь...

— Я полагаю так, как мне нравится!

— Довольно! — вмешался в их перепалку второй мужчина. — Не станете же вы ссориться из-за этой земной крысы!

— Вопрос не в этом, Хэнк! Я не могу допустить, чтобы Пеи считал меня своей собственностью. Подобные чувства относятся к доистории, они были свойственны лишь планетянам! Даже не знаю, существует ли и сейчас на Земле ревность. Что скажешь, Тинкар?

Она с улыбкой наклонилась к нему.

— У меня мало опыта в этой области, но думаю, существует, по крайней мере, в народе. Не ссорьтесь со своими друзьями из-за меня, Орена. Это того не стоит. Я всегда буду здесь лишь планетной вошью.

— Что ж, вошь ты или не вошь, но сегодня я ужинаю с тобой. А эти тупицы пусть отправляются подальше!

— Ладно, прощай, Орена. Пошли, Хэнк. Оставь ее с этим жиголом. Такая компания как раз для нее.

Тинкар не понял смысла этого слова, но догадался о тяжести оскорбления по внезапно побледневшему лицу девушки. Он вскочил и схватил китайца за горло.

— Не знаю, что ты сказал, но ты немедленно заберешь свои слова обратно!

Желтолицый ловко вывернулся, вскинул голову и, глядя Тинкару в глаза, процедил:

— Жиголо!

И тогда Тинкар ударил. В следующую секунду спутник Пеи набросился на него сзади. Тинкар поднапрягся, резко развернулся — и он отлетел на стол.

Бледные от ярости, двое мужчин уже в следующую секунду были опять на ногах.

— Мы требуем своего права! — вместе выкрикнули они. — Вы это видели, братья?

— Видели, — прозвучал спокойный голос Петерсена. — Но мы слышали и оскорбление!

— Не станешь же и ты его защищать? На «Тильзине» будет легче дышать, когда его труп отправится в космос!

— Нет, я не стану его защищать. Не думаю, что это необходимо. В крайнем случае, ему поможет Орена, которой вы нанесли непоправимое оскорбление. Мотайте отсюда, пока не оскорбили еще и меня, потому что тогда уже я потребую своего права!

Он повернулся к Тинкару:

— Вижу, планетянин, ты не останавливаешься на полпути! Сразу двое! Ты будешь на его стороне, Орена?

— Я? Нет. Но если они его убьют, то воспользуюсь своим правом. Впрочем, я спокойна, думаю, мне это не потребуется.

— Что все это значит? — перебил их Тинкар.

— Ты их ударил, а потому тебе придется с ними сразиться.

— А что мне оставалось делать? Позволить им и дальше меня оскорблять?

— Нет, тебе следовало опередить их и потребовать дуэли самому. Тогда бы у тебя в противниках был один Пеи, в то время как сейчас у тебя их сразу двое.

— Ну и ладно. Когда, где и как?

— Завтра, после полуденного завтрака, в парке 12. Поскольку твои удары были ответом на оскорбление, ты имеешь право на выбор оружия. Можешь взять все что угодно, кроме фульгуратора, от него бывает слишком много разрушений.

— Я владею любым оружием, от копья до пушки. Это — моя профессия. Но я не знаю местности, а это обстоятельство здорово осложняет дело.

— Тогда осмотрим ее завтра утром. Буду ждать тебя в девять часов у ворот номер три.

— Орена, вам не стоило со мной заговаривать, — сказал Тинкар, когда Петерсен удалился.

— Почему? Ты испугался?

От удивления он невольно обратился к ней на «ты»:

— Неужели ты думаешь, что моя жизнь на вашем корабле настолько приятна, что я боюсь потерять ее? Что означает это слово — «жиголо»?

— В межзвездном оно не имеет эквивалента.
— И все же?
— Я бы предпочла не переводить его. Спроси у Петерсена, он тебе разъяснит, если захочет.

— Странный народ! Скажи, а эти дуэли, они у вас часто случаются?

— Довольно-таки часто. У нас горячая кровь. У меня было три.

— Ах да, мне же говорили, что ты убила троих мужчин.

— Почему бы и нет?

— Но ты же ведь женщина.

— У тебя дома женщины не сражаются?

— Крайне редко!

— Странный народ! Что же они делают, когда их оскорбляют?

— Их защищает муж или отец.

— А, понятно. У вас женщины либо одиноки и беззащитны, либо находятся в постоянной связи?

— Да.

— Мне бы Земля не понравилась! Ты идешь?

— Куда?

— Ко мне, конечно!

— Нет, сегодня ночью мне нужно выспаться.

— Что ж, иди спи. Завтра утром встретишься с превó по дуэлям и выберешь оружие. Советую взять карабин марки III. Поскольку их будет двое, ты получишь десять пуль.

Он прекрасно выспался, с аппетитом позавтракал и направился в парк номер двенадцать. Петерсен уже ждал его.

— Не волнуешься?

— Не особенно. Рисковать жизнью — моя профессия. Просто считаю глупым драться из-за таких пустяков.

— У тебя нет гордости! Жиголо! — хохотнул химик.

— А что означает это слово? Орена не пожелала мне его перевести.

— Понимаю, оно не льстит и ей. Даже удивлен, что ты его не знаешь, это старое земное слово. Это оскорбление, которого галактианин не прощает никогда.

Он объяснил ему смысл слова и принялся рассказывать о предстоящей дуэли.

— Вот та точка, на которую тебя поставит превó. Твои противники будут находиться на противоположной стороне: один справа, другой слева. По сигналу вы пойдете навстречу друг другу. С этого момента разрешено все, кроме использования постороннего оружия. Из этой кабины сверху, в которой находится арбитр, будут считать ваши выстрелы. Любое жульничество на дуэли карается смертью; попытавшегося словчить выбрасывают в космос.

— Ты здесь уже сражался?

— Один раз. Пошли, у тебя всего три часа на изучение местности. Твои противники хорошо ее знают, особенно Хэнк.

В полдень Тинкар явился к превó и выбрал себе оружие. Он предпочел взять короткоствольный крупнокалиберный карабин с очень высокой начальной скоростью полета пули. Он испытал карабин, и тот напомнил ему привычное оружие имперских стрелков.

Когда, вместе с Петерсеном, он вошел в ресторан, там его уже ждала Орена. К его живейшему удивлению, добрая половина клиентов приветствовала его дружескими жестами.

— Вскоре все они соберутся в парке, чтобы посмотреть на тебя, — объяснил Петерсен. — Я тоже приду.

— А! Так это еще и увлекательное зрелище?

— Развлечений здесь у нас мало, Тинкар!

«Похоже, все народы одинаковы, — подумал землянин. — Император, подобно доисторическим правителям, организует цирковые игры, разговоры о которых он слышал краем уха. Даже галактиане, в этом уголке галактики представляющие собой самую развитую цивилизацию, падки до кровавых забав... Но впервые, помимо Орены и текнора, один из них сейчас назвал меня по имени, отбросив в сторону презрительную кличку «планетянин».

Они позавтракали втроем. Тинкар ел мало, пил только воду, а не пиво, как обычно.

— Думаешь, выкрутишься? — спросил один из проходивших мимо мужчин.

Тинкар улыбнулся в ответ.

— Почему бы и нет? — Он перевел взгляд на свою спутницу. — Почему так изменилось их отношение ко мне, Орена?

— Ты сражаешься сразу против двоих! Это редкий случай, и они надеются, что ты будешь хорошо защищаться.

— Захватывающее зрелище, не так ли?

— Да, но не только это. Мы любим мужественные поступки, даже если они и отдают сумасшествием. Да и Хэнк особой популярностью здесь не пользуется.

— Я вовсе не сумасшедший, Орена! Я бы никогда не спровоцировал сразу двоих, если бы мог поступить иначе, но мне приходилось сражаться и в куда худших условиях!

— Следи за Хэнком, из них он наиболее опасен, — посоветовал Петерсен. — Пеи стреляет неважно.

— Не беспокойтесь. Думаю, время пришло.

Когда он появился в дверях парка 12, его уже ждала наряженная публика, как мужчины, так и женщины. Он невольно приосанился, проходя мимо них с карабином в правой руке. Превó, вместе с двумя его противниками и арбитром, уже ждал Тинкара.

— По законам Звездного народа вы будете сражаться, чтобы смыть оскорбление кровью, — торжественно объявил превó. — Ваши имена?

— Пеи Кван, инженер.

— Хэнк Харрисон, пилот.

— Тинкар Холрой...

— Планетянин! — прокричал кто-то.

— Лейтенант Звездной Гвардии Его Величества Императора Ктиуса Седьмого, — закончил он спокойным голосом.

— Хотя дуэль одного против двоих случается редко, ничто в законе ее не запрещает, — объяснил превó. — У каждого по пять патронов на противника, а это значит, что у вас, Холрой, их десять. Занимайте свои места. По сигналу дымовой ракеты начнете сражаться. Дуэль закончится лишь после смерти одного или двух дуэлянтов. Можете использовать свое оружие так, как вам это нравится. Вот ваши патроны. Ступайте!

Тинкар не двинулся с места. Он стоял почти на своей начальной точке. Превó направился к подъемнику, который доставил его в небольшую подвесную кабину, откуда просматривались все аллеи и кустарники. Публика толпилась за прозрачными стенами, установленными в парке с утра. Пеи и Хэнк неспешно удалились. Многие им аплодировали.

— Убейте его, галактиане!

Завесу шума прорезал чей-то крик. Тинкар быстро обернулся. В первом ряду зрителей, над барьером, мелькнула рыжая головка племянницы текнора. Хэнк отвесил ей приветственный поклон.

Постепенно в парке установилась тишина. Тинкар проверил готовность оружия: девять патронов сидели в магазине, один в патроннике. Затем он медленно направился к кусту, который был местом его старта, и замер в ожидании, подняв глаза к своду.

Он был абсолютно спокоен, как всегда перед битвой. Эта глупая ссора в общем-то была пустяком по сравнению с теми опасностями, которые ему уже приходилось преодолевать, ему не хватало лишь компаньона по оружию. Он был один среди враждебно настроенных людей. Быть может, лишь пара человека из всей толпы переживали за его участь, но и в этом он был не слишком уверен. Орена? Не был ли он для нее просто игрушкой? И что скрывалось за внезапной дружбой химика?

Дымящаяся ракета взлетела к своду, поднялась почти до металлической крыши и стала медленно спускаться вниз — ее сносило в его сторону.

«У меня две возможности, — подумал Тинкар. — Либо, спрятавшись, ждать противников, либо двинуться им навстречу. Второе, на мой вкус, предпочтительнее. Что ж, пойдём...»

Он осторожно скользнул влево, стараясь не задевать веток, которые могли бы его выдать, и рванул прямо вперед, к ручью, катившему свои воды по замкнутому кругу. Тинкар передвигался перебежками, прижимаясь к земле между кустами, прислушиваясь и всматриваясь в заросли. Вскоре он оказался перед широкой поперечной аллеей.

«Они наверняка еще не добрались до нее, а поскольку она тянется от стены до стены, им обязательно придется ее пересечь, — подумал землянин. — Подождем».

Он долго оставался в неподвижности с оружием наизготове, наблюдая за обоими флангами. Его скрывали густые заросли высокой травы. Метрах в ста от него колыхнулись ветки кустарника, и он сосредоточил на них все свое вни-

мание. Через несколько мгновений в кустах шевельнулось что-то белое. Бросая косые взгляды в другую сторону, он взял кустарник под прицел. На мгновение из листьев высунулась голова и тут же исчезла, словно спрятавшаяся под панцирь голова черепахи. Землянину этого было достаточно: Пеи! Тинкар оценил расстояние (15 метров), искусственное притяжение (0,9 g), физические возможности Пеи. Без разгона аллею можно было пересечь за две секунды. Средняя скорость его пули составляла 800 м/с. Маловато, но осуществимо. Он прицелился в противоположный край куста.

Именно оттуда и выскочил Пеи. В последний момент, уже нажимая на курок, Тинкар чуть опустил дуло, не желая убивать художника. Китаец упал на землю, перекатился через голову и исчез в кустарнике.

«Промазал?» — спросил себя Тинкар. Едва ли. Все-таки он был чемпионом имперского флота по стрельбе из всех видов оружия и попадал в более сложные цели. Он быстро отполз в сторону, удаляясь от места, где его присутствие выдавало легкое облачко дыма.

Взуинь!

Пуля просвистела слишком высоко и чуть справа. Он быстро огляделся, заметил крохотное голубое облачко, расплывающееся в воздухе, трижды выстрелил и отполз еще дальше.

Шесть пуль против четырех, если только Пеи не ранен серьезно, а второй не воспользуется его патронами. Нет, это запрещено регламентом.

Он переместился, обходя то место, где упал Пеи, и не спуская глаз с аллеи. Атака едва не застала его врасплох. Перед Тинкаром, метрах в двадцати, возникла фигура человека с нацеленным ружьем. Он откатился в сторону, услышал, как пуля вошла в землю в нескольких сантиметрах от его руки, обдав его мелкой галькой, выстрелил навскидку и снова откатился под защиту ствола. Между стволами деревьев он заметил перебегающего аллею Хэнка, но ветки помешали ему выстрелить. Он рванулся в другую сторону, увидел, как камешки взметнулись прямо перед ним в тот момент, когда он уже нырял в высокую траву.

Пять пуль против трех! К счастью, Пеи был всего-навсего любителем!

Тинкар пополз, стараясь не касаться скрывавших его веток, и вновь затаился.

«Он не очень точно стреляет, но умеет подкрадываться, — подумал гвардеец. — Как ему удалось подобраться ко мне так, что я ничего не заметил?»

Справа он обнаружил небольшую, глубиной в полметра, канавку.

«Вот что значит хорошо знать местность! Но раз это сделал один, то же самое может сделать и другой. Но достаточно ли хорошо я знаю парк, чтобы издали засечь эту канаву? Ба! Попробуем!»

Он вернулся к аллее, где кончалась траншея, продолжавшаяся узкой трубой, через которую невозможно было пролезть. Тинкар достал из кармана носовой платок, стараясь не шуметь, разорвал его на полосы, привязал получившуюся веревку к ветке, вернулся в канаву и слегка дернул за конец. Куст качнулся, словно его кто-то ненароком задел. Ничего. Он ждал, время от времени дергая за конец веревки. Потянулись длинные минуты...

Близкий выстрел заставил его вздрогнуть. Он поднял голову, не целясь, выстрелил в сторону дымка. Тишину разорвал вопль боли. Он привстал на локтях и тут же ощутил толчок в плечо, услышав звук выстрела уже позднее.

«Идиот! Полный идиот! Попасться так глупо!»

Теплая, липкая кровь текла по левой руке. Он слегка повел плечом и скривился от боли.

«Кость не сломана, пуля прошла сквозь плоть», — подумал Тинкар и быстро отполз в сторону, в любое мгновение ожидая увидеть лицо Хэнка и направленное на себя ружье. Через несколько метров он остановился, обернулся, прислушался. Все было тихо, только что-то легко шуршало далеко позади. Он снова пополз вперед, не желая, чтобы раненая рука затекла, добрался до края парка, оказавшись рядом с прозрачной стеной. Два галактианина невозмутимо смотрели на него. Один из них указал на кровавое пятно, расплывавшееся на куртке. Тинкар улыбнулся и двинулся дальше.

У поперечной аллеи он остановился и на секунду задумался. У Хэнка осталась всего одна пуля, у него же было еще четыре. Если он вынудит Хэнка выстрелить, тот окажется

в его милости. Он осторожно снял куртку, ощупал рану — глубокую борозду в дельтовидной мышце. Кровь все еще шла, но в том положении, в каком он находился, Тинкар не мог перевязать рану, не обездвигив руку.

Он посмотрел направо, вдоль аллеи. Никакого движения. Тогда он осторожно выкопал мыском ботинка ямочки для упора, крепко уперся в них, затем ринулся в пустое пространство, нырнул, покатился и исчез в траве. Ни один выстрел не прозвучал ему вслед, и он пожалел об этом. То, как он пересек аллею, не давало его противнику особых шансов на точный выстрел: он просто разбазарил бы последний патрон.

Тинкар двинулся вдоль стены и почти добрался до места своего старта. Позади прозрачного барьера, презрительно глядя на него, стояла Анаэна. Он пожал плечами, скривился от боли, улегся позади густого кустарника, в котором было отверстие наподобие бойницы, и принялся ждать.

Инстинкт солдата вовремя заставил его обернуться. Девушка позади него жестикулировала, показывая пальцем на его укрытие. Она застыла, увидев, что он смотрит на нее, и с беспечным видом удалилась.

«Вот же гадина! Сдала мою позицию!»

Его охватил гнев, холодный, отрезвляющий. Вот она какая, лояльность галактиан! Вдруг ему все стало понятно! Орена спровоцировала ссору, а эта завершала работу! Но раз она подавала сигналы Хэнку, тот должен был находиться где-то неподалеку. Тинкар решил покинуть свой наблюдательный пост и с трудом отполз в сторону. Мышцы затекли, плечо болело. Метрах в тридцати колыхнулся кустарник. И тогда, поставив все на кон, он вскочил, прыгнул, перевернулся в воздухе и, уже падая, выстрелил по фигуре, мелькнувшей среди ветвей. Потом тяжело встал и направился к кусту, держа карабин наготове. Хэнк лежал на земле. Тинкар перевернул его ногой. Пилот был мертв, пуля угодила ему прямо в лоб.

— Повезло, — громко произнес Тинкар. — Впрочем, у меня все равно еще оставалось три пули.

Ничего уже не опасаясь, он направился к тому месту, где, как ему казалось, давным-давно, с пару недель назад, упал Пеи, хотя часы показывали, что с начала боя прошло не более двух часов. Китайца он обнаружил довольно быстро:

свернувшись калачиком, тот лежал на земле и стонал. Его оружие валялось в нескольких шагах. Тинкар опустил дуло карабина, немного поколебался, а затем яростным жестом выбросил патроны из патронника. Наклонившись, он осмотрел раненого: пуля пробил живот.

«Если его сейчас же не подберут, ему конец, — подумал он. — Жаль будет, хороший художник!»

Тинкар вернулся к двери. Вокруг трупа Хэнка толпилась группа галактиан. Он не увидел среди них ни Орены, ни Петерсена, только рыжая девушка из библиотеки застыла в нескольких метрах от него, бледная как смерть. Он схватил убитого за воротник и поволок тело за собой. Один из зрителей хотел вмешаться, но Тинкар бросил на него взгляд столь свирепый, что человек опустил голову и промолчал. Из последних сил он бросил труп к ногам девушки.

— Держи своего самца, — намеренно грубо процедил он.

Она побледнела еще больше, если это было возможно.

— Теперь я знаю лояльность твоего народа!

Она уставилась на него сверкающими глазами, и, сам того не желая, он залюбовался на нее, думая:

«Она прекрасна, как пантера!»

— Вы донесете на меня? — спросила она.

— А что случится?

Она покачнулась и чуть дрогнувшим голосом ответила:

— Меня выбросят в космос.

— Племянницу текнора?

— Вы не знаете Тана!

Внезапно ему стало ее жаль.

— Я ничего не скажу. Своими жестами вы больше помогли мне, чем ему!

— Полагаю, вы ждете от меня признательности? Если раньше я вас презирала, то теперь ненавижу!

— Ха! Да нахвать я хотел...

Он развернулся на пятках и направился к выходу. У выхода его ждали Орена, Петерсен, несколько галактиан и превó.

— Тинкар, это было великолепно! Вы прикончили их обоих. — Лицо химика сияло.

— Нет, только одного. Пеи ранен, но, если вы сейчас же не отправитесь за ним, он не выживет!

— Почему вы его не доби́ли? — спросил прево́. — Обычай требует...

И тут Тинкар взорвался:

— Пусть вас унесут все дьяволы космоса, вас и ваши обычаи! Плевать мне на них, для меня они ничего не значат! Одна из ваших девок устраивает ссору, чтобы заставить меня сражаться сразу с двумя галактианами! Что ж, одного из них я убил, но не собираюсь убивать и второго! Кончайте его сами, если желаете, а меня оставьте в покое!

— Поосторожнее со словами, Тинкар, — прошипела Орена, глаза ее сверкали от ярости. — Я ничего не устраивала, и я не девка!

— Вот как! Почему же тогда ты вела себя как девка со мной и с другими? Ты пыталась убить меня руками Хэнка и Пеи!

— Я? Да я сама была готова вызвать их на дуэль, если бы они тебя убили!

— Это правда, Тинкар, — вмешался в разговор Петерсен. — И я не думаю, что Орена как-то причастна к этой дуэли. Хэнк повсюду заявлял о том, что бросит тебе вызов и прикончит тебя или выбросит в космос как труса. Орена едва его знала. Вероятно, именно он и завел Пеи, который славный парень, но буквально пышет доисторической ревностью!

Тинкар вдруг ощутил невероятную усталость.

— Как же мне все это опостылело. Я уже ни черта не понимаю ни в ваших чувствах, ни в ваших рассуждениях. Оставьте меня одного!

Он вернулся домой и тяжело опустился в кресло, истощенный нервным напряжением и потерей крови. Дверь, которую он забыл запереть, открылась, и вошла Орена. Он поднял на нее глаза и мрачным голосом спросил:

— Чего еще тебе нужно? Я же просил оставить меня в покое!

— Тебе нужен уход. Дай-ка осмотреть рану.

— Почему бы тебе не поухаживать за Пеи? Он нуждается в этом больше, чем я.

— Он в больнице. Есть надежда, что его спасут.

— Тем лучше!

— Почему ты его пощадил, Тинкар? Сам он, если бы мог, прикончил бы тебя без малейших раздумий, а ведь он инженер, тогда как ты — солдат.

Тинкар печально усмехнулся:

— Быть может, именно из-за этого... Я столько убивал, что уже устал от этого. Убийство никогда не доставляло мне удовольствия, Орена. Я не сам выбирал себе профессию. За что мне было убивать Пеи? За оскорбление? Оно куда менее грязное, чем все те выражения, которые у нас, на Земле, шептали мне вслед люди из народа, и, быть может, даже более заслуженное. И потом, мне нравится то, что он делает, эти пейзажи. Ему повезло, он сумел развить свой талант. Я же такой возможности был лишен.

— А чем бы ты хотел заниматься?

— Я? Чистой математикой и... Впрочем, какая разница!

Она осторожно промыла ему рану.

— Да ты, я вижу, везунчик! Несколькими сантиметрами правее, и кость была бы раздроблена. Но ничего. Несколько дней отдохнешь, попринимаешь антибиотики, которые я тебе оставлю, с такой раной даже не сто́ит идти в больницу. Ну, вот и все.

— Орена, ты действительно не настраивала этих двух бедняг против меня? Или все же хотела избавиться от одного из нас?

— Зачем мне это? То, что ты провел со мной ночь, не давало Пеи никакого права задирать тебя! Я не его собственность, и он это знает, хотя иногда его чувства выплескиваются наружу. Я свободна, как и он сам. Что до Хэнка, так он никогда и не входил в число моих друзей! Но ты для них — планетянин, почти животное! Их ненависть, судя по всему, идет от того, что они решили, что, общаясь с тобой, я покрыла себя величайшим позором. Вместо того чтобы спросить меня, чувствую ли я себя опозоренной, они решили действовать и уничтожить причину этого, как они посчитали, унижения.

— Если эта милая игра продолжится, мне останется только покончить с собой! По крайней мере, так смерть придет быстрее!

— Теперь все будет иначе. То, что они вызвали тебя на дуэль, ускорило твою ассимиляцию. Отныне ты уже немного галактианин.

— Ну и ладно! Я этого, наверное, никогда не пойму. А что я для тебя, Орена? Новая игрушка?

Она ненадолго задумалась.

— Вначале, быть может, так оно и было. Но вспомни, мой отец был планетянином. Для меня ты обычный человек, как и другие, просто пока еще чужак! Ох! Но довольно с нас этих сложностей! Давай я лучше приготовлю тебе поесть.

Она исчезла на кухне и тут же с возмущенным видом вернулась:

— Это все, что у тебя есть? Похоже, мне пора заняться обустройством твоей квартиры! Как же ты будешь меня принимать, когда я буду приходить в гости?

Она занялась готовкой, и Тинкар почувствовал, как его подозрения потихоньку рассеиваются. В конце концов, он пробыл на «Тильзине» всего несколько суток. Многие из того, что казалось ему необъяснимым, несомненно, имело право на существование. Он улегся на кушетку и задремал.

— Готово!

Орена извлекла максимум из его скромных запасов: обед оказался великолепным.

— Ты, должно быть, валишься с ног от усталости. Ложись. Ночью у тебя может начаться лихорадка, так что я побуду с тобой. Только схожу за раскладушкой.

Жалкие остатки пуританства заставили его выразить протест, впрочем, не слишком бурный. Он быстро уступил, довольный тем, что кто-то проявил к нему дружеские чувства, пусть он и не знал ни их глубины, ни их смысла, и безмятежно уснул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

глава 1

Паломники

По пробуждении он удивился, обнаружив, что не ощущает боли. Кожа покраснела и припухла, но нагноения не было. Орена еще спала. Он приготовил завтрак, потом осторожно разбудил ее.

— Ты уже встал? Как себя чувствуешь?

— Просто великолепно. Что ты наложила на рану? У нас нет ничего столь же эффективного.

— Биогенол. Антибиотик и ускоритель рубцевания одновременно. Через три-четыре дня можешь снова сражаться на дуэли.

— Ну уж нет! Пойдем завтракать.

Она возмущилась беспорядку в кухоньке, но похвалила за «кабор», напиток, заменявший галактианам земной кофе.

— Мне пора на работу, — сказала Орена. — Я выбрала для себя утренние часы, чтобы быть свободной остаток дня.

— А чем именно ты занимаешься?

— Я помощник биолога на гидропонной ферме 35.

— Ничего не понимаю в вашей системе. Два часа — это так мало.

— Все, или почти все, автоматизировано. Прими мы иную систему, большинство наших сограждан было бы обречено на гибель от лени.

— А чем они занимаются остальное время?

— Чем угодно, Тинкар. Два часа, отданных сообществу, позволяют нам ощущать свою пользу.

— Я считал вас индивидуалистами, слишком жадными до свободы.

— Одно другому не противоречит.

— Вижу. А как быть мне, парии, бесполезному человеку?

— Быть может, однажды...

— Сомневаюсь. Твоя... профессия тебе интересна?

— Конечно!

— Так почему же ты не продолжаешь своих занятий по истечении двух часов?

— Иногда я так и делаю. Но я вовсе не биологический гений. До скорого, Тинкар!

— До вечера?

— Быть может.

После ее ухода он долго сидел, задумавшись. Он уже начинал привязываться к этой странной девушке, столь отличной от землянок. Тинкар машинально перемыл посуду, включил пылесосы и чистящие устройства. Потом вдруг рассмеялся:

— Тинкар Холрой, лейтенант Гвардии, превосходная домработница!

Чем заняться днем? У него не было личных книг, и он не знал, где, кроме библиотеки, можно их раздобыть. Потом он вспомнил об Анаэне.

— Маленькая стерва, — пробормотал он. — Помогла бы меня прикончить, не заметь я ее вовремя.

Но он не жалел о том, что не выдал ее. Высокомерной гордости гвардейцев претило предательство. Однажды, когда его звездолет стоял в столице, в кают-компании корабля с презрительного согласия пилотов скрывался знаменитый вор. Политического преступника они, быть может, и сдали бы властям. Хотя... вряд ли... братской любви между Гвардией и «Пополом», политической полицией, не было. Он улыбнулся, вспомнив об одном чиновнике, которого срочно

перевозил на Vega V и над которым они всласть поиздевались во время путешествия.

Соккрытие ее предательства было своеобразной победой в той подспудной борьбе, которую Анаэна повела против него. Теперь она стала его должницей, а это, несомненно, отравляло ей существование. Тем лучше...

Он посмотрел на часы и решил отправиться в библиотеку не раньше начала дежурства рыжей красавицы. Подумал он и о том, что пора бы нанести визит Петерсену в его лабораторию, и, посмотрев на план города, вдруг заметил, что на палубе 8 располагается обширная зона, которую он вначале принял за парк. Внутри этой зоны существовали такие же улицы, площади, сады, но не было никаких указаний, за исключением номеров дверей, ведущих внутрь. Надпись гласила: «Территория паломников». Он вспомнил все, что прочел о них.

«Вероятно, вход туда мне воспрещен. Впрочем, разберемся на месте».

Минут за десять, пользуясь скоростными тротуарами, Тинкар добрался до антигравитационного колодца 127, который должен был привести его к цели. Землянин был горд тем, что на этот раз не заблудился. Колодец заканчивался просторным холлом, заполненным растениями, которые обеспечивали регенерацию воздуха. В противоположном конце помещения находилась большая дверь, украшенная известным ему символом — крестом в кольце, который до сих пор возвышался перед воротами последних уцелевших на Земле монастырей менеонитов. Дверь была заперта, и открыть ее Тинкару не удалось. Он развернулся, вознамерившись уйти, но потом решил подождать. Через пару секунд краем глаза он заметил движение. В двери медленно открылось окошечко, в котором возникло бородатое лицо:

— Чего желаешь, брат?

— Вы — паломник?

— Конечно!

— Я чужак, планетянин, землянин.

— Все люди — братья.

— Я попал в этот город совсем недавно. Оказался на борту из-за аварии своего звездолета.

— Входи, брат. Патриарху будет приятно услышать новости с планеты-матери.

Часть огромной двери повернулась, и Тинкар вошел на территорию паломников.

— Тебе повезло, что я услышал, как ты стучал, брат, — объяснил паломник. — Я проходил мимо. Когда братья извне собираются навестить нас, они обычно предупреждают по внутренней связи.

— Я этого не знал.

— Ничего страшного. Но если решишь вернуться в другой раз, звони!

Если улицы города были безлики, как казарма, то территория паломников напоминала монастырь абсолютно полным отсутствием какого-либо убранства. Они миновали парк, в котором под присмотром нескольких чопорно одетых женщин играли детишки. Галактиане предпочитали дорогие или яркие ткани, здесь же одежды были строгих темных оттенков и доходили почти до самого пола.

— Вижу, здесь только детей, — удивился Тинкар. — Сколько вас всего?

— Тысяча шестьсот тридцать, брат. Но за исключением нескольких воспитательниц и тех, кто, как и я, находится на службе, все остальные собрались в храме. Сегодня мы отмечаем годовщину рождения нашего основателя, благословенного Менеона. Там-то ты и встретишь нашего святого патриарха, Холонаса Мудрого.

— Но я не исповедую вашей религии!

— Мы не требуем ничего, что противоречит твоей вере, брат. Ты просто расскажешь, что произошло на Земле после нашего отлета. А мы помолимся за то, чтобы Господь просветил тебя.

Тинкару хотелось пожать плечами, но он сдержался, не желая ранить чувств сопровождающего.

Они подошли к воротам, на которых сиял громадный, выложенный из рубинов крест в кольце. До Тинкара донесся глухой рокот, который мало-помалу трансформировался в гимн, исполняемый множеством голосов. Паломник открыл маленькую боковую дверцу храма, и звуки могучего, величественного псалма заполнили все вокруг.

— Входи, брат, — шепнул ему на ухо паломник.

Тинкар сделал шаг вперед. Длинный высокий свод походил на опрокинутое днище корабля. В глубине, позади алтаря, в полутьме сияла громадная спиральная туманность, а в ее центре краснел вездесущий крест в кольце. Ряды людей в полумраке склонились в молитве. Хор замолчал.

Выросший перед алтарем мужчина поднял руку в жесте благословения. Паломник склонил голову, и Тинкар инстинктивно повторил его движение. Мужчина заговорил, и Тинкар понял, что это и есть патриарх.

Вначале он его не слушал. Проповедь шла на межзвездном, но землянин был слишком поглощен осмотром храма. Священнослужитель смотрелся неясной высокой тенью на фоне звезд. Стены храма были пусты; если не считать туманности позади алтаря, на них не было никаких украшений. Тинкар вспомнил о земных церквях, куда он иногда заходил из любопытства и которые тут же покидал, ощущая себя чужаком и святотатцем в своей офицерской форме. Только один раз он почувствовал столь же глубокую благоговейность — в крохотной бедной церквушке полуразрушенной деревни на Фомальгауте IV.

Но постепенно слова проповеди проникли в его сознание. Священник излагал историю паломников, вернее, жизнь их основателя, Менеона, в тот благословенный период, когда монастыри дали приют лучшим представителям цивилизации. За этим последовали преследования.

— Нельзя ни на минуту забывать, братья мои, что мы обязаны своей жизнью и, более того, открывшейся возможностью искать нашего Господа тем ученым, которые были предками галактиан, окружающих нас ныне. Конечно, жизнь их проходит в заблуждении, но мы должны признать, что не особо преуспели в наших попытках просветить их. У нас нет права презирать их. Они живут жизнью обычных людей, хороших или плохих, но лишенных божественного просветления. Быть может, это наша вина, ведь мы не смогли привлечь их к себе. Но их грехи не столь тяжки в глазах Бога, поскольку их не ведет вера.

Мы же, на которых возложена обязанность быть вашими поводырями, можем лишь предостеречь вас от мечты пре-

вратить Вселенную в собственность человека. Вселенная слишком велика для одного лишь человека, братья мои. Человек идет от звезды к звезде и в гордыне своей говорит: «Вселенная принадлежит мне!» Но это не так. Наверное, поэтому однажды Вселенная мстит своему немощному хозяину и уничтожает его. В тишине лабораторий он работает над продлением своей жизни и добивается успехов, невысказанных для наших предков, но в тот или иной день смерть все равно является за ним. Мы знаем, что это всего лишь трансформация, новое рождение к высшей жизни, поскольку все мы вместе, в наших телах, сотворенных из плоти, проживаем всего лишь один из этапов существования, который закончится по воле Бога в тот день, когда мы встретимся с ним лицом к лицу.

Этот день наступит, братья, но мы не знаем когда. О Боже, как долго мы искали тебя среди звезд, надеясь получить знание, говорящее о том, что наши испытания завершились и земной рай вернулся! Мы тебя оскорбили, Господи! Мы отведали плод древа науки, не будучи готовыми к этому, но мы искупили свои грехи! Тысячи веков войн, чумы, голода, миллиарды смертей, крушение надежд на спасение, а ведь многие из обреченных были невиновны! О Господи, простишь ли ты нас когда-нибудь? Отбросишь ли с лица покрывало галактик? Построишь ли в своем космическом небе новый ковчег завета?

Голос умолк, но паломники еще долго продолжали свою медитацию. Тинкар стоял за колонной, ощущая странное глухое волнение, его гид преклонил колени рядом. Затем огромная спираль за алтарем медленно потускнела, зажглись огни, и паломники поднялись с колен.

— Пойдем, брат.

Они прошли по центральному проходу, рассекая поток удаляющихся паломников, и оказались в маленькой пустой келье слева от алтаря. Высокий человек преклонного возраста с седой бородой укладывал церемониальные одежды в деревянный сундук. Он обернулся к вошедшим. Глубоко сидящие светлые глаза под густыми бровями в упор посмотрели на Тинкара.

— Человек с Земли, отец.

Лицо оживилось.

— С Земли? Как давно вы ее покинули?

— Несколько дней назад...

Тинкар замялся, не зная, как обратиться к священнику.

— Называйте меня Холонас, сын мой, поскольку вы не из наших. А как ваше имя?

— Тинкар Холрой, господин Холонас.

— Я не господин. Значит, еще несколько дней назад вы были на планете-матери? Скажите, вы не знаете, наши братья выжили?

— Да. У них осталось еще пять монастырей.

— Прощают?

— Не так, как раньше. Император затаил на них злобу за помощь ученым-предателям...

— Стало быть, наших бедных братьев преследуют?

— Не совсем... Но им запрещено набирать учеников, и мало-помалу количество их сокращается. Правда, их до сих пор поддерживает часть знати и офицеров Гвардии. Народ их не очень любит, а христианские священники борются с ними как с еретиками.

— Христиане все еще могущественны?

— Да, они пользуются поддержкой народа. Скорее всего, именно они устроили тот бунт, который сотрясал Империю в момент моего отбытия.

— Бунт! Новая кровь, новые смерти! Вы должны рассказать мне обо всем. Но не здесь. Не согласитесь разделить со мной скромный обед? Ну конечно же, конечно, идите за мной!

Улицы теперь были более оживленными. Тинкар увидел множество мужчин и женщин, одетых очень строго, но лица у всех были просветленными.

— Здесь все иначе, чем в городе, — заметил он.

— Да, у нас очень мало контактов с галактианами. Они почти к нам не заходят, а мы не выходим отсюда. Их нравы чужды нам, но в случае опасности мы объединяемся. Мы помогаем поддерживать нормальную жизнь на «Тильзине», у нас есть свои лаборатории, свои заводы, свои наблюдательные посты и одно машинное отделение. У меня установился тесный контакт с текнором, некоторые из наших

ученых работают совместно со своими коллегами из города, но и только.

— И вы не страдаете клаустрофобией?

Старик улыбнулся.

— Иногда. Но каждый раз, когда город делает остановку, мы отправляемся на планету размять ноги. Конечно, в собственных шлюпах. Входите, мы уже дома.

Жилище была скромным, но уютным. Тинкар удивился, обнаружив в нем пожилую женщину и девушку.

— Моя сестра Эллена, моя племянница Иолия, — представил патриарх. — Ее родители погибли в прошлом году в результате несчастного случая.

Девушка, как и остальные женщины анклава, была одета в простое платье-балахон коричневого цвета. Невысокая, с красивыми, собранными в шиньон каштановыми волосами, чистым лбом, тонким носом и чувственным ртом, она не поднимала глаз.

— Эллена, я привел гостя с Земли!

Тинкар поклонился. На морщинистом лице старой женщины еще можно было различить следы былой красоты.

Обед оказался незамысловатым, но вкусным. Они ели в тишине, и Тинкар тоже молчал, полагая, что у паломников так заведено. Оторвавшись от тарелки, он перехватил устремленный на него взгляд Иолии. Глаза у девушки были огромными, светло-карими, с золотистыми блестками. Робко улыбнувшись, она вновь опустила голову. Обед закончился благодарственной молитвой, и Тинкар ощутил неловкость: он не знал, что делать.

— Что ж, а теперь, когда мы подкрепились, расскажите нам последние новости с Земли.

— Их довольно-таки много, некоторые весьма зловещие, и я не знаю, стóит ли...

— Иолия молода, но уже знает, что жизнь состоит не из одних лишь удовольствий. Можете свободно говорить при ней.

Тинкар рассказывал долго; вначале он еще подбирал слова, потом, убедившись, что слушатели симпатизируют ему, забылся. Он поведал хозяевам об изменениях, происшедших в земной цивилизации после великого исхода,

о концентрации власти в руках императоров и знати, о расширении прав политической полиции, об отмене основных свобод человека. Для того, кому повезло родиться в одном из высших классов, жизнь в Империи была довольно беспечной, если только человек не проявлял излишних амбиций. Для остальных — рабочих, крестьян, мелких торговцев — она оставалась тяжелой. И тех же, кто любил свободу, она была практически невозможной. Народ, если принимать во внимание лишь материальную сторону жизни, жил неплохо: люди не голодали и имели крышу над головой, но при этом исполняли роль простых производственных машин, и жизнь их не принималась в расчет — они зависели от прихоти знати или чиновников и гнева солдат.

— А ученые? Священники?

— За инженерами установлено наблюдение. Они только и мечтают о том, как бы свалить Империю, которая, однако же, их кормит и защищает. Что же касается священников, то христианские пастыри живут жизнью народа, а представители вашей религии не покидают стен монастырей. Остальные, естественно, являются частью правящего класса.

— И какова же эта «религия для господ»?

— О! Она очень сложна! Скажем, среди гвардейцев распространена своя вера.

— И на каких же принципах она строится?

— Существует высшее Божество, создавшее мир для своих почитателей. Император — его живое воплощение. В его обязанности входят управление Империей и расширение ее пределов в космосе. Священники — его помощники, армия — его руки. Хорошо все, что совпадает с волей Императора, а все, что не совпадает, — плохо и подлежит искоренению. Тот, кто верно служит Императору, обретет вечную жизнь, остальные будут выброшены в небытие.

— И вы в это верите?

— Почему бы и нет? По крайней мере, я думал, что верю. Правда, с тех пор как случай забросил меня в ваш город, я уже ничего не знаю. Но, быть может, это и есть испытание моей веры?

Он на какое-то время задумался.

— Однако в тот момент, когда я улетал... Возможно, думать так — сродни предательству, но Империя, похоже, была на грани краха. Бунтари побеждали практически повсюду. Но как может быть побежден представитель Бога на Земле? Действительно ли он истинный представитель Божества? Не может ли все это быть некой более сложной формой испытания?

— Вы наивны, Тинкар Холрой, наивны больше, чем позволено в вашем возрасте. Вы говорите так, словно эти проблемы встали перед вами впервые.

— А почему бы им не встать передо мной впервые? Мне платили не за то, что я думал, а за то, что я выполнял работу, к которой был подготовлен, работу солдата, и я думаю, что делал ее хорошо. Что мне до всего остального?

— Это остальное достаточно тревожило вас для того, чтобы вы задумались о том, что находитесь среди привилегированных людей, что народ страдает...

— Я, конечно, видел это, но полагал нормальным. Лишь теперь только начинаю сомневаться. А что касается моих привилегий, так за них я заплатил сполна. Вы представить себе не можете, что такое подготовка звездного гвардейца! Я не стыжусь этих привилегий и считаю, что имею на них право!

— И что это за привилегии?

— Освобождение от налогов на зарплату, пенсия в срок лет, если, разумеется, я сумею дожить до этого возраста; преимущества перед людьми из народа, перед некоторыми представителями знати, когда я не на службе, и над всеми — когда я на службе. Об остальных привилегиях я предпочел бы здесь не упоминать. Отрицательная же сторона жизни гвардейца — бесчеловечные тренировки и отсутствие семьи. Я не видел родителей с трехлетнего возраста! Я не знаю их имен, не знаю, живы они или умерли.

Он глухо добавил:

— Быть может, я сам их и убил во время одного из бунтов? Он замолчал, скривив губы в горькой ухмылке.

— Как вы, должно быть, страдали!

Он поднял удивленный взгляд на девушку.

— Страдал? Да нет, не думаю. Кем бы я стал, если б остался в семье? Рабочим? Крестьянином? Гвардия меня выучи-

ла, сформировала. Мой мир куда обширнее того, в котором я жил бы, оставшись в семье. Разве что я был выходцем из семьи инженеров? Но это едва ли.

— И чем вы займетесь теперь?

— Кто знает? Пока что я — пария, планетянин, земная вошь.

— А почему бы вам не перебраться жить к нам? — неожиданно спросил старец.

— А чем это будет лучше? Кое в чем вы кажетесь мне ближе, чем жители города, но это внешний аспект дела. А как все обстоит с тем, что внутри? Примете ли вы меня по-настоящему? Даже если моя старая вера поколеблется, я вовсе не уверен, что когда-нибудь приму вашу.

— Мы ничего от вас не потребуем. Вам лишь придется уважать наши нравы и обычаи.

— Смогу ли я? Я даже не знаю, что они собой представляют.

— Ну что ж, заходите к нам время от времени, знакомьтесь с ними. Вы всегда будете желанным гостем в доме Холонаса. До свидания, Тинкар Холрой.

Патриарх протянул ему руку. Удивленный, Тинкар пожал ее не сразу.

— Это первый из наших обычаев, — объяснил священник. — Мы всегда жмем друг другу руки перед расставанием. До свидания.

Тинкар, желая подчиниться обычаям хозяев, протянул руку девушке. Та покраснела, отвела взгляд, но руку взяла.

— Это не совсем верно, чужестранец, — беззлобно сказал старик. — Вам следовало подождать, пока Иолия сама сделает этот жест. Но это пустяки.

Рука девушки была твердой и теплой, пальцы Тинкара разжались с неохотой. Он поклонился и вышел.

«А теперь пора подразнить дикую кошку, если она еще в библиотеке», — решил гвардеец.

Визит к старому патриарху приободрил его. В крайнем случае, он сможет найти приют у паломников. Он понимал, что в общине действует жесткое социальное давление, но считал, что сумеет приспособиться к нему. Здесь он найдет убежище в часы горьких раздумий, к тому же паломники, пусть они и чужды ему по духу, все же отличаются доброжелательностью.

Когда он вошел в библиотеку, рыжая Анаэна уже собиралась уходить. Увидев его, она недовольно нахмурилась, но быстро взяла себя в руки.

— Снова вы! Я же просила вас не приходить в библиотеку в мою смену.

Он небрежно присел на стол и принялся болтать ногой.

— Я — человек свободный. Моя карточка «А» дает мне все преимущества настоящего галактианина, а среди них — и возможность порыться в книгах, когда я того захочу. И в течение ваших двух рабочих часов, которые, кстати, еще не закончились, вы должны меня обслужить.

— А какие услуги можете оказать нашей цивилизации *вы*? — Она вложила в это «вы» все свое презрение.

— Никаких! В этом-то и прелесть ситуации! Меня ни о чем не попросили, вероятно, сочли низшим существом. И однако же, есть кое-что, что мне по силам, и это важно. Но пока я остаюсь парией...

Он разрубил ладонью воздух.

— Ну да ладно, библиотечарша, мы теряем время! Не могли бы *вы*, — он тоже, в свою очередь, сделал упор на «вы», — дать мне...

Он поколебался, а затем с улыбкой закончил фразу:

— ... дать мне один из романов, написанных очаровательной Ореной Валох. И не говорите, что их у вас нет, я заранее сверился с каталогом.

Она фыркнула, словно разъяренная кошка.

— А почему бы ей самой не дать их вам! Если желаете читать эти глупости, можете меня не беспокоить.

— Дело в том, что для верной оценки литературы мне нужна атмосфера большой библиотеки, — медоточиво протянул он. — Я намерен приходить сюда ежедневно. Я слышал, Орена написала более двадцати романов, а читаю я медленно.

— Ниша 44, — прошипела Анаэна. — А теперь мне пора, моя работа закончилась!

— До завтра, рыжий ангел!

Вернувшись к себе в квартиру, Тинкар обнаружил там Орону.

— Как ты сюда вошла?

— Любая квартира имеет два ключа. Я взяла тот, который ты оставил вчера на полке.

— Могла бы предупредить!

В квартире у него не было ничего тайного, но бесцеремонное вторжение ему не понравилось.

«Нельзя, чтобы она вообразила, что имеет на меня какие-то права только потому, что мы переспали! — подумал он, чувствуя, как в сердце закипает глухое раздражение. Будучи человеком Империи, Тинкар давно свыкся с мыслью о низшем положении и покорности женщин и потому считал Орону наглой куртизанкой. — Впрочем, следует отдать ей должное. Еще вчера я был счастлив рад возможности поговорить хоть с кем-то. И даже если ее нрав задевает меня, я все же пользуюсь ее слабостями. Хватит лицемерить и судить о ней по критериям моей культуры».

— У меня был довольно-таки интересный день, — проговорил он с улыбкой. — Я обедал у патриарха паломников...

— Вот как! — равнодушно протянула она.

— Похоже, вы не часто их посещаете.

— Так и есть — не часто. Нам нечего им сказать, как, впрочем, и им — нам, если, конечно, не считать проповедей.

— Холонас — замечательный человек.

— Возможно.

— И у него очаровательная племянница, — добавил он, чтобы посмотреть на ее реакцию.

Она добродушно расхохоталась.

— Да вы, мужчины, все одинаковы! Тебе уже мало рыжей дьяволицы? Теперь взялся обхаживать закутанных в серенькие балахоны девиц паломников? Но я сильно сомневаюсь, Тинкар, что тебе удастся чем-нибудь среди них поживиться! У них доисторическое понятие о том, что они полагают добродетелью. А что касается Анаэны, то, напротив, не вижу, что могло бы тебя остановить. После той услуги, которую ты ей оказал!

— Какой еще услуги?

— Не прикидывайся дураком! Ты мог потребовать, будь она тысячу раз племянницей текнора, чтобы ее выкинули в космос за предательство. Даже не понимаю, почему ты этого не сделал. Разве что собираешься извлечь из этого какую-то для себя пользу?

Он в один прыжок оказался с нею рядом и поднял ее в воздух, словно младенца.

— Не оскорбляй меня, Орена!

— Лапы прочь, варвар! Если считаешь себя оскорбленным, парк поблизости!

Он грубо опустил ее на пол.

— Вы что, все время проводите в дуэлях?

Опустившись на диван, она улыбнулась.

— Конечно нет. И доказательством этому служит то, что я не бросаю тебе вызов за грубость. Ты мне нравишься, Тинкар. Нравишься своей странностью, своими варварскими приступами ярости, своей силой и своим умом. Если будешь терпелив, мои соотечественники в конечном счете тебя примут. Кто знает, если тебе удастся найти хорошего поводыря, быть может, ты поднимешься очень высоко? Даже интересно будет посмотреть на это.

— Как меропиец Дхулу и бранимарец Талила?

— Ты читал мою книгу?

— Сегодня, в библиотеке, я заставил рыжую дьяволицу, как ты ее называешь, дать мне один из твоих романов, было забавно. Но объясни, почему она тебя так ненавидит?

— Пфу! — фыркнула Орена. — Я — авантистка, а она консерватор! И вообще, часто ли ты видел, чтобы одна красивая женщина любила другую?

— Вряд ли мне это понять, я знал слишком мало женщин. У мужчин все, вероятно, обстоит иначе. Мы уважаем силу друг друга. По крайней мере, так было в Гвардии. Я многое узнал о тебе, читая эту книгу.

— Вот как? Вы только взгляните на этого психолога! Не очень-то верь всему этому, Тинкар. Мне нужно продавать книги, поэтому я вкладываю в них то, что нравится другим.

Она рывком вскочила на ноги.

— Но ты мне наскучил — столь же болтлив, как какой-нибудь текнор или паломник. Пойду лучше приготовлю обед.

Теперь уже он присел на диван и задумался. Орону он не любил, но испытывал к ней некоторую признательность, она была забавна, и у нее было чудесное тело. Достоинства намного перевешивали недостатки. Что будет дальше, он не знал, да это его и не заботило. Какого-то определенного

плана он еще не выработал. О возвращении в Империю пока не могло идти и речи, Тинкар даже не знал, в каком уголке Вселенной находится «Тильзин». Следовало выждать более удобного момента.

Дни шли за днями, превращались в недели, потом в месяцы. Он много читал — романы, исторические книги, научные труды. По странному совпадению все, что относилось к двигателям «Тильзина», всегда оказывалось «на руках», сколько бы Тинкар ни спрашивал эти книги, и в конце концов он оставил эту затею. Он стал завсегдатаем кинозалов, смотрел все подряд — и игровые фильмы, и документальные о планетах, где побывали «Тильзин» и другие города. Одна романтическая киноистория, происходившая на Земле, привела его ко второй дуэли. На этот раз все закончилось быстро: юный молокосос, бросивший ему вызов, уже через несколько минут после начала боя лежал на земле с двумя пулями в теле. Как и в случае с Пеи, Тинкар отказался прикончить его. Зачастую, когда «Тильзин» выходил в обычный космос, он устраивался на наблюдательном посту и наблюдал за мельканием солнечных систем. Город нигде не оставался надолго, и некоторые из галактиан уже начали роптать на текнора, угрожая созывом Большого Совета, который вынудил бы его сделать остановку.

Почти каждый вечер по возвращении в квартиру он ходил там Орену. Однажды к ним зашел Пеи. Тинкар не видел китайца с тех пор, как его увезла «скорая помощь». Тогда художник был на грани смерти. Тинкар знал, что Пеи выкарабкался. Увидев китайца, Орена от неожиданности вздрогнула, а Тинкар встал, готовясь к худшему. Убийства хотя и презирались, но все же иногда случались среди Звездного народа. Но китаец улыбнулся, показав пустые руки.

— Я пришел поблагодарить вас, Тинкар, за жизнь, которую вы мне оставили.

Он говорил медленно и с достоинством.

— Долгое время я считал, что вами двигало презрение ко мне. Но когда я узнал, что вы пощадили Карстона, то понял, что такова особенность вашей культуры или же ваше личное милосердие. В любом случае я обязан поблагодарить

вас и принести извинения. Должен признать, что среди планетян встречаются люди, ни в чем не уступающие Звездному народу.

— У меня не было ни малейшей причины уничтожить человека, которым я восхищаюсь, — ответил землянин. — Уверен, в галактике мало художников, равных вам по классу. На Земле ваши картины стоили бы бешеных денег.

Китаец поклонился.

— Вы слишком любезны. Эрон с «Франка» и Родригес с «Каталонии», мои учителя, намного меня превосходят. Вы были в нашем музее?

— Нет. Я даже не подозревал о его существовании. Где именно он находится? На плане я его не видел.

— Парк 19. Если хотите, завтра утром, часов в девять, я свожу вас туда.

— Буду очень рад.

Китаец повернулся к Орене:

— Ты счастлива?

И тут же спросил Тинкара:

— Она все так же хорошо готовит сарнакского ламира?

Он вышел, все с той же улыбкой на устах.

— Бедняга Пеи, — вслух протянула Орена. — Он так меня любит! Но он анахронизм, как и ты. Не может принять того, что я свободный человек.

— Ну почему же?.. Я это принимаю.

— Ты меня пока что еще не любишь. Я — твой спасательный буй, островок, на котором ты отдыхаешь в бурном море... Впрочем, мне все равно!

— Да нет, Орена, ты мне очень нравишься!..

— А кто утверждает обратное? Кстати, так даже лучше. Если ты вдруг, как Пеи, перестанешь считаться с моим мнением, я тебя брошу.

В музее было собрано множество картин, скульптур, рисунков галактиан с «Тильзина» и из прочих городов, образчиков туземного искусства из других миров. Имелся здесь и исторический отдел, а этнографические экспонаты просто потрясли Тинкара. Но вот зал современной технологии оказался «закрытым на ремонт».

В тот же день Тинкара вызвал к себе текнор. Тан принял его не просто по-дружески, а как-то особенно тепло.

— Прежде всего должен вас поблагодарить, пусть и с запозданием, за Анаэну. Кое-кто из галактиан не преминул бы воспользоваться случаем, чтобы нанести удар по моим привязанностям. Я знаю свою племянницу и понимаю, что сама она вряд ли решится выразить вам признательность. Но я вызвал вас не за этим. Мпфифи нанесли три очередных удара: «Юта II» и «Прованс II» исчезли, едва успев отправить с торпедой прощальное послание, а «Бремену» случайно удалось спастись. Заклинаю вас, если у вас, в земной Гвардии, есть средство обнаруживать звездолеты в гиперпространстве, скажите нам об этом!

— Сколько раз можно повторять, что у нас его нет?

— И как же вы тогда ведете свои войны? Как вам удается защищать ваши планеты? Для чего нужна Гвардия, которая всегда запаздывает?

— Мы не защищаем *наши* планеты, мы уничтожаем *вражеские*.

— И ваши враги не нападают на Землю? Странно. Как хотите, Тинкар. Я не упрекаю вас в неблагодарности, но подумайте, быть может, в этот самый момент нас преследует корабль мпфифи, и тогда вы погибнете вместе с нами.

Тинкар пожал плечами.

— Вы могли бы организовать оборону даже без этого гипотетического локатора. Я изучил книгу Соренсена. Вы не умеете извлекать выгоду из своего положения.

— Возможно. В стратегии мы всего лишь любители. Мы учимся каждый день, но будет ли у нас время? Объясните мне вашу точку зрения.

— У вас есть под рукой книга? Отлично. Возьмем сражение «Донца». Вот как была проведена оборона. А вот что следовало бы сделать.

Он набросал на листке бумаги план сражения. Текнор внимательно слушал.

— Да, вижу. Мы действительно могли организовать сопротивление. Бедняга Маленков! У нас нет профессиональных солдат, Тинкар. Как я уже говорил, мы лишь учимся воевать, и обязательно научимся, но ценой огромного ко-

личества человеческих жизней! Я хотел бы сделать вас инструктором. Вы согласитесь?

— Нет.

— Почему?

— Я всего лишь планетная вошь!

— Но, клянусь Рктелем, как бы вы отнеслись к одному из нас, попади он в вашу драгоценную Империю? Разумеется, вам приходится сталкиваться с предрассудками! Разумеется, в этом нет ничего приятного! Но вас здесь никогда и не примут, если вы и дальше будете рядиться в тогу гордыни! Или уединяться с Ороной Валох! Я знаю, один из химиков сделал вам кое-какие авансы, но вы так к нему и не сходили! Но если вы примете тот пост, который я вам предлагаю, нашим людям придется смириться с тем, что даже планетная вошь может быть человеком! Вы согласны?

— Нет.

— Что ж, тем хуже, Тинкар. Надеюсь, вам не придется об этом жалеть!

глава 2

Анаэна

Монотонная жизнь землянина не изменилась, и все же мало-помалу некоторые галактиане стали заговаривать с ним в ресторане и в коридорах. В библиотеке Анаэна смирилась с его присутствием и без лишних слов выдавала затребованные им книги. Но Тинкар немало удивился, когда в один из дней она вдруг сама заговорила с ним:

— Вы ведь уже покончили с полным собранием сочинений Валох? Что теперь желаете почитать из романов?

— Да что угодно! Мне все равно.

— Дать вам совет?

— Давайте.

— Прочтите «Ветер Кормора» Пауля Валенштайна. Мы считаем эту книгу шедевром нашей литературы. Валенштайн жил в прошлом веке.

— Откуда столь внезапная любезность?

Она нахмурилась и, опустив голову, ответила:

— Допустим, я наконец поняла, что в долгу у вас.

— Вы мне ничего не должны, если имеете в виду мою первую дуэль. Вы помогли мне больше, чем моему незадачливому противнику.

— О, не сто́ит испытывать угрызений совести. Он все равно бы долго бы не прожил, слишком задиристый был у него характер! В любом случае, я все же нарушила правила игры, и мое поведение было непростительным.

— Тогда почему же вы это сделали?

— Я вас ненавидела.

— Моей вины в том, что я оказался на «Гильзине», нету.

— Как и моей в том, что ваши предки изгнали с Земли моих предков!

— Разве я ответствен за поведение моих предков? По правде говоря, я вообще сильно сомневаюсь, что они имели хоть какое-то отношение ко всей этой истории.

— Мы всего лишь продукт нашей среды. Мы, галактиане, ненавидим и презираем всех планетян, и особенно тех, что попадают к нам из Империи. Вам известно, что вы первый из тех, кто был спасен одним из наших городов? И то лишь потому, что текнором у нас является Тан! А можете ли вы честно признаться, что наши обычаи не кажутся вам смешными или достойными презрения? Можете ли поклясться, что вашей единственной целью не является бегство и возможность вернуться к вашим братьям?

— Нет, клясться в этом я бы не стал, — признал он.

— Вы жалуетесь на наше к вам презрение? Но разве сами вы нас не презираете? Думаете, мы этого не замечаем?

Он прервал ее резким взмахом руки.

— Да нет у меня презрения к вашей цивилизации! Я восхищаюсь тем, что она построила эти чудовищные звездные корабли, но я ее толком не понимаю. Я и впрямь не питаю особого уважения к некоторым из ваших обычаев, например, к этим глупым дуэлям, недостойным настоящих людей. Какова их цель? Доказать свою храбрость? Есть способы и лучше!

— Вы действительно не понимаете. Мы несем личную ответственность за свои поступки, и на этом покоится наша

свобода. Я могу оскорбить любого, если мне так хочется, но должна быть готова заплатить за это сполна! А как решаются дела чести у вас?

— Порой тоже дуэлью. Во всяком случае — среди солдат. Но только после приговора, вынесенного такими же солдатами. Для народа существуют суды. Со знатью разбирается сам Император.

— И все же мне больше нравится наш способ. Ваша книга ждет вас в нише 23. Приятного чтения!

Тинкар долго спрашивал себя, не станет ли этот разговор последним: дни шли за днями, а девушка обращалась с ним, как и прежде. И все же кое-что в их отношениях изменилось. Из колкостей Анаэны исчезла злоба, а однажды он подметил тень улыбки на ее лице. В тот день он покинул библиотеку вместе с ней.

— Поскольку враждебные действия открыла я, то, похоже, мне и надо предложить перемирие. Я хотела бы попросить вас рассказать мне о Земле. Не согласитесь ли отобедать со мной? Но, во избежание экивоков, сразу же предупреждаю: я не Орена!

Он с пару секунд не мог решиться. Предложение выглядело соблазнительным, но что за ним крылось? Заметив его колебания, она добавила:

— Не заблуждайтесь! Мы еще далеко не друзья. Я прошу вас об услуге, которую могу оплатить с лихвой, например, дав вам возможность посетить машинное отделение...

— Оно для меня закрыто!

— Только не в том случае, если с вами буду я — с приказом текнора на руках!

— Будь по-вашему. Где встретимся?

— У меня дома: улица 144, квартира 530, палуба 4, сектор 2. В девятнадцать часов. Увидите, я тоже умею вкусно готовить!

Он оставил Орене записку, предупредив, что, вероятно, вернется поздно. Тинкар не хотел себе в этом признаваться, но его настроение заметно улучшилось.

«Если Анаэна проявит ко мне простую человеческую сердечность, быть может, в конечном счете меня примут и остальные жители города. Я обрету место в этом обще-

стве, перестану быть паразитом-бездельником. Стану обучать галактиан воинскому искусству, соберу локатор или изложу им его теорию... Нет, мне не следует тотчас же выкладывать свой единственный козырь. И все же я вновь почувствую себя человеком...»

Внезапно Тинкар очнулся от мечтаний. Он стоял посреди незнакомой улицы, почти пустынной в этот час дня. Во все стороны от него тянулись ряды похожих друг на друга дверей и металлических переборок.

— Где я, черт подери?

На ближайшем перекрестке ему удалось выяснить, что он находится на палубе 4, в секторе 2, на улице 144.

Тинкар посмотрел на часы, до встречи оставалось еще час двадцать.

Что-то я рано!

Он миновал дверь 530, дошел до конца улицы, вернулся, долго бродил по соседним переулкам, изредка посматривая на часы. Когда он наконец нажал на звонок входной двери, то опаздывал на пять минут. Дверь тут же распахнулась.

Квартира Анаэны сильно отличалась от жилища Орены: она была просторнее, стены прихожей закрывали полки со старинными книгами и кассетами с микрофильмами. Девушка не появлялась, и Тинкар заинтересовался названиями книг. В основном здесь находились труды по физике и другим точным наукам. Две полные полки занимали работы о мпфифи. Занавес, отделявший прихожую от собственно квартиры, приподнялся, и появилась Анаэна. Тинкар застыл с раскрытым ртом.

Девушка распустила свою рыжую шевелюру, и теперь волосы огненным каскадом ниспадали на ее плечи, обрамляя золотистое лицо, на котором сияли малахитовые глаза. Светло-зеленое платье струилось почти до пола, едва приоткрывая золотистые кожаные сандалии с ремешками. Анаэна улыбнулась.

— Осторожно, Тинкар! Это не приглашение к действию! Он ошетинился.

— Разве я не имею права полюбоваться красотой без того, чтобы меня тут же заподозрили в каких-то постыдных намерениях?

Она снова улыбнулась.

— Входите, и довольно враждебности. Сегодня, как достойные противники после тяжелого сражения, мы проведем вечер друзьями.

Комната Анаэны оказалась уютной и скромно обставленной; несмотря на сильный свет, исходящий от трех архаических торшеров, в ней ощущалась какая-то интимность. Тинкару это понравилось. Одним из камней преткновения в их отношениях с Ореной являлось то, что она любила приглушенный свет, тусклый полумрак всех без исключения помещений.

— Устраивайтесь поудобнее, возьмите книгу, я ненадолго отлучусь.

Тинкар осмотрелся.

И здесь целая стена была занята научными трудами. Землянин взял совсем новую книгу: «Угроза мпфифи». Вначале он пролистал ее рассеянно, потом, заинтересовавшись, принялся читать одну из глав. Перед ним был сжатый анализ всего, что было известно о врагах, правда, в более четком и ярком, чем классический труд Соренсена изложении. Особенно интересным ему показался отрывок о защите городов. И почему только они не использовали эти принципы?

В комнату вернулась Анаэна.

— Ну как книга? Понравилась?

— Очень интересная. Особенно анализ недостатков вашей обороны.

— Очень рада.

— Почему вы не следуете этим советам? Здесь весьма здраво все изложено!

— Потому что эта книга вышла позавчера.

Он взглянул на дату издания, потом на имя автора: Анаэна Экатор!

— Так это вы...

— Да, за исключением той главы, которая так вас восхищает, и автором которой являетесь вы сами!

— Как это — я?

— Помните вашу последнюю беседу с моим дядей? Все, что вы ему сказали, было записано и очень мне помогло. Честно говоря, ваше имя должно было бы стоять на обложке рядом с моим!

— Стало быть, вы занимаетесь проблемой мпфифи?

Она выпрямилась, приняв позу натянутого достоинства.

— Представляю вам Анаэну Экатор, руководителя отдела борьбы с мпфифи!

— Но я думал...

— Что я просто рыжая дьяволица, как выражается наша общая подруга Орена? Дело в том, что я ксенолог, специалист по негуманоидным расам. Вне зависимости от той смертельной опасности, которую они представляют, мпфифи стали моей страстью, хотя они и внушают мне определенный страх. Ну да ладно, пора за стол, а то мой обед остынет!

Обед, несмотря на незамысловатость и отсутствие хитроумных кулинарных изысков Орены, оказался очень вкусным. Тинкар рассыпался в комплиментах.

— Я знаю свои границы и, вместо того чтобы соперничать с Ореной в той области, в которой я заранее обречена на поражение, предпочитаю довольствоваться малым.

— Занятный вы человек, Анаэна. Сколько вам лет?

— Я еще достаточно молода, чтобы не смущаться своего возраста. У вас в году триста шестьдесят пять суток по двадцать четыре часа, как у нас?

— Да.

— Тогда мне двадцать два с половиной года. Вы удовлетворены? А сколько лет вам?

— Двадцать четыре.

— Разница не так уж и велика, — весело воскликнула она. — А теперь я готова получить плату за свое гостеприимство, как я вас и предупреждала. Расскажите мне о вашей планете, о вашей Империи.

Он начал рассказ. Вначале с множеством технических подробностей, словно выступал на конференции, потом, малопомалу, умело направляемый вопросами девушки, перешел к своим личным проблемам, рассказал о собственной жизни, о теперь уже растаявшей надежде когда-нибудь повести флот к завоеванию неведомых миров.

— Ну, неведомых миров вы и с нами насмотритесь вдоволь — больше, чем смогли бы увидеть в вашей прежней жизни, — заверила его она.

— Как пассажир? — усмехнулся Тинкар. — Я надеялся не на это!

— Как один из нас, если вы сумеете адаптироваться!
— Возможно ли это? Вы ни разу не дали мне забыть о том, что я здесь — чужак.

— Кто знает?

— А теперь расскажите о себе, — попросил он. — Быть может, мне удастся понять ваш народ, если я вникну в мысли, желания и страхи одного из самых ярких его представителей.

— О! Рассказывать-то особо и нечего! В отличие от большинства галактиан, я никогда не покидала родного города, если не считать высадок на планеты. Лет до пятнадцати, пока мой дядя не стал текнором, я вела самую обычную жизнь. Он сделал меня своим личным секретарем, но я продолжала учебу; выбрала своей профессией ксенологию, а пару часов общественного труда решила посвящать работе архивариуса. Вот и все. В нашей жизни нет романтики, как у вас, славных воинов Имперской Гвардии!

Тинкар посмотрел на нее из-под нахмуренных бровей. Она говорила спокойным, нейтральным голосом. Насмехается, или он действительно уловил нотку зависти?

— Вы говорите, что, в отличие от большинства, никогда не покидали этого города. Это нормально?

— Конечно! Мы любим изменения, и в других обстоятельствах я тоже сменила бы город. Но на «Тильзине» сосредоточено все, что мы знаем о наших врагах, и потому мое место здесь. Иначе... За несколько лет узнаешь всех, устаешь от того, что ежедневно в одних и тех же коридорах видишь одни и те же лица. И не ищите другой причины в отношении к вам Орены. Вы человек новый, и ее страсть к новому оказалась сильнее обычных предрассудков, хотя эти предрассудки есть и у нее, пусть и в меньшей степени, так как ее отец был планетянином. Более того, для расы обмен мужчинами и женщинами между городами крайне полезен; он помогает избежать опасности генетических нарушений. Мы видели, что случилось с колонистами Тирциса: их было очень мало, и жили они в изоляции от других, — случилось так, что остров, на который рухнул их звездолет, был маленьким и малопродуктивным. Теперь они уже не вполне люди. Не хотите взглянуть на кое-какие фотографии?

Она сдвинула в сторону дверцу шкафа и достала небольшой проектор. На голой стене, ставшей экраном, появилось лицо. Оно казалось нормальным, пока он не пригляделся к деталям: слишком крупные глаза с застывшим взглядом, слишком бледный цвет кожи, крохотные уши, даже не уши — следы бывшей ушной раковины, до странности удлиненный лысый череп, увенчанный пучком мягких желтых волос. На другой фотографии человек был показан во весь рост. У него были худые ноги голенастой птицы, слишком длинные руки, столь узкие и покатые плечи, что руки, казалось, росли прямо из грудной клетки.

— И физический облик — это еще пустяки, Тинкар! Они так изменились ментально, что мы понимали их едва ли не с бóльшим трудом, чем мпфифи!

— А фотографии мпфифи у вас есть?

— У меня есть документы получше, и я покажу вам их, хотя это будет довольно-таки мрачное завершение столь хорошо начавшегося вечера. Когда мы попали на «Рим», то обнаружили несколько уцелевших кинокамер, а также один фильм, снятый самими мпфифи. У меня здесь есть копии.

Порывшись в шкафу, она вытащила чуть бóльших размеров кинопроектор и бобины с пленкой.

— Сначала посмотрим наши.

На экране появилась часть коридора, похожего на коридоры «Тильзина». Он был загроможден телами и исковерканным оружием. Затем на стене возникла тень, напоминающая человеческую, и из-за угла вышел мпфифи. Тинкар инстинктивно наклонился к экрану, чтобы рассмотреть его получше. Существо не показалось ему ужасным. Просто, глядя на него, он ощущал смутное раздражение, словно видел порочную карикатуру на человека. Зеленоватая кожа, усыпанная белыми шипами, казалась прочной и в то же время эластичной. Лицо без носа и ушей походило на застывшую невыразительную маску, два мутных глаза внимательно разглядывали коридор. В руках у гуманоида было длинное сложное оружие из синего металла. Мпфифи двинулся вперед, и вскоре его неподвижное лицо заполнило весь экран. Он повернул голову, и Тинкар заметил, что в уголке челюсти инопланетянина находится подрагивающее дыхательное отверстие. Потом существо исчезло.

Другие фрагменты запечатлели сцены сражения, заинтересовавшие землянина, заключительные мгновения совета, который держали последние защитники в комнате с пробитыми стенами. Грохот близкого боя почти полностью перекрывал их голоса.

— А теперь их фильм. Поскольку их глаза не обладают той же чувствительностью, что и наши, пленка покажется вам плохо проявленной. Мы нашли камеру под трупом одного из мпфифи, убитого в тот момент, когда подоспела помощь. В живых после этого сражения осталось всего восемь женщин и с полсотни детей, спрятавшихся в трюме. Когда мпфифи заметили, что пришла подмога — «Суоми» и наш «Тильзин», — они скрылись без боя, и, не имея локаторов, мы не смогли их преследовать.

Фильм был снят как бы при ярком оранжевом свете, который менял цвет растений и лиц и придавал реальности неприятное ощущение вторжения в чужой мир. Он показывал захват «Ромы» глазами чужаков, медленное продвижение от коридора к коридору, от парка к парку. Бой был жестоким, и мпфифи дорого заплатили за победу. Дважды изображение опрокидывалось, словно камера выпадала из рук оператора, и ее подхватывала другая рука, не позволяя упасть на пол.

— Теперь понятно, откуда идут ваши знания об их тактике!

Бой подходил к концу, мпфифи, в своем продвижении, были уже не столь осторожны, как раньше.

— А теперь, Тинкар, смотри внимательно — и ты поймешь, почему мы их так ненавидим и в то же время так боимся.

На экране возникла вереница пленных. В основном это были женщины и дети; человек пятьдесят прижимались к стене. Один из немногих мужчин вышел вперед с поднятыми руками и заговорил. Его голос, искаженный чужой записывающей аппаратурой, был едва слышен, но жесты красноречиво объясняли суть сказанного. Он просил у победителя милости к жалкой группе уцелевших людей. Один из мпфифи появился в поле зрения, поднял оружие и энергетическим лучом спалил стопы мужчины — тот рухнул на пол. Затем медленно, словно получая от этого удовольствие,

хотя его плоское лицо осталось столь же невыразительным, мпфифи сжег человека по частям — вначале кисти, потом предплечья, ноги, а затем и тело — залпом полной мощности. В кадре появились новые мпфифи — они шли вдоль цепочки, одного за другим сжигая мужчин, женщин, детей, позволяя некоторым отбежать на несколько метров, но лишь для того, чтобы прикончить их ударом луча в спину. В живых оставались всего три женщины, когда Анаэна остановила проектор. По ее щекам катились крупные слезы.

— Нет, я не могу смотреть конец! Последней в этой цепочке была моя мать, Тинкар, моя мать, понимаешь! Она отправилась на «Рим» с визитом! Мы прибыли всего на пару часов позже и не успели ее спасти! Если бы мы умели отслеживать врага в гиперпространстве, мы бы отыскали их планету или империю! У нас есть бомбы, способные уничтожить целый мир, сбить планету с орбиты! С какой радостью мы бы их применили!.. Увы! Наши физики продолжают работу по созданию гиперпространственного локатора, но пока безуспешно!

«И без особых шансов на успех, — подумал Тинкар, — ведь вы отказались от гиперпространственного устройства Кюрсена». На Земле локатор изобрели во многом случайно, и вряд ли это открытие могло повториться в ближайшее время. Должен ли он был раскрыть им эту тайну? Указать правильный путь? Он не знал, как быть.

— Мой дядя уверен, что у вас есть локаторы, Тинкар! Он полагает, и я с ним согласна, что без этого ваша Империя просто не устояла бы в своих нынешних границах, и вы бы не смогли следить, как прежде, за всеми планетами. Если они у вас есть, поделитесь секретом! Вы сами видели, что представляют собой мпфифи! Пока что они еще не нападают на сильные миры, но, быть может, однажды сделают это, и тогда ваша Земля окажется беззащитной! Именно по этой причине дядя спас вам жизнь, когда вы оказались в космосе в одном скафандре...

Тинкар помрачнел — слова девушки задели его за живое.

— И, вероятно, по этой же причине он снабдил меня карточкой «А»? Нет, Анаэна, как я уже неоднократно говорил, этот секрет нам неизвестен.

— Я вам не верю! Да, мы были не правы по отношению к вам, Тинкар, и я готова это признать. Раз уж мы вас подобрали, нам следовало принять вас полностью, но это оказалось невозможным. Между нами и Империей — реки крови, пусть эта кровь и пролилась много веков назад. Поймите это! Мой дядя смеется над этими старыми историями, но остальные еще не созрели! Тан — всего лишь текнор, Тинкар, а не император! Он обладает чисто технической властью, которой его наделил Большой Совет. Что же касается меня...

— ... то вы были настроены ко мне откровенно недружелюбно! Я не в обиде на вас даже за попытку прикончить меня чужими руками. Этот вечер — первый, когда галактианин, не считая Орены, подарил мне нечто вроде дружбы. Ваше гостеприимство полностью оплатило ваши долги, если таковые и имелись. Я ничего не могу вам обещать. У нас нет локаторов, но за несколько дней до начала бунта я присутствовал на одной конференции военных инженеров, где говорилось о возможности их создания. Я пороюсь в памяти; к несчастью, в тот день я был рассеян, но если что-нибудь вспомню, то отправлюсь к вашим физикам и расскажу все, что знаю. До свидания... и спасибо.

Анаэна проводила гостя до двери, и перед самым расставанием ему вдруг захотелось поклониться и поцеловать девушку, но он сдержался и даже разозлился на себя за это намерение. По пути домой он раздумывал над этим разговором и просмотренными фильмами. Почему он сделал такое полубещание? К чему эта полужель? Неужели он уступит и продаст тайну за кроху дружбы? Да и действительно ли Анаэна испытывает к нему дружеские чувства? Разве она не подчеркнула, что ее приглашение равнозначно перемирию? Полноте! Завтра будет видно.

Орена ждала его, читая книгу. Когда он вошел, она подняла голову:

— Вечер удался, Тинкар? Был в гостях у рыжей кошки?

Он смущенно кивнул головой.

— Что ж, ты свободен!

— Это не то, что ты думаешь. Она хотела разузнать о Земле, об Империи...

— Ну еще бы, нравы дикарей ее всегда интересовали. Главным образом их любовные нравы.

Он возмущенно воскликнул:

— Она для меня ничто! Все, что она пытается у меня выведать, так это есть ли у нас гиперпространственные локаторы!

— А они у вас есть?

— Нет! — рявкнул он.

— Ну и ладно! Мне, как ты знаешь, на это наплевать. До свидания, Тинкар.

— Ты не останешься?

— Нет, не сегодня. Я не подъезжаю за другими.

Он побледнел, сдержался и глухо ответил:

— Да уж, таких нравов, как у тебя, еще поискать!

— Но ты к ним, однако же, вполне приноровился!

— О! Да помолчи ты, Орена! Повторяю, эта девица для меня просто враг! Быть может, я действительно был не прав, играя в пуританина. Но я устал от вас всех. Вам не хватает человечности даже на то, чтобы подобрать в космосе терпящего бедствие человека без каких-либо задних мыслей! Вы не более гуманны, чем мпфифи!

— Да что ты об этом знаешь?

— Анаэна рассказала мне все! Текнор спас меня лишь потому, что я гвардеец Империи, а он думает, что у нас есть локаторы!

— Мерзавец, — искренне проговорила Орена. — Сам видишь, чего стоит семейство Экаторов!

— Наверное, на его месте и я бы поступил так же. До свидания.

— Нет, я остаюсь!

— Мне не нужно жалости!

— А ты считаешь, я на нее способна? — спросила она, потягиваясь.

В следующие дни он часто видел Анаэну. Она была с ним вежлива, но вновь держала его на расстоянии, что окончательно убедило Тинкара: ее приглашение было лишь частью провалившегося плана. Потом события приняли новый оборот, и однажды, встретив его на улице, девушка улыбнулась и остановилась:

— Заходите ко мне, Тинкар. Мне нужны новые подробности об Империи.

— Сомневаюсь, что они вас действительно интересуют.

— Да ладно, не заводитесь! Я больше и слова не скажу об этих локаторах. Не хотите делиться секретом — ну и не нужно!

— Тогда о чем мы будем говорить?

— Обо всем и ни о чем, если хотите.

— Откуда этот новый интерес к моей персоне?

— Вы меня боитесь?

— Нет! Когда мне прийти?

— Завтра вечером. Я приглашу несколько толковых друзей.

— Чтобы показать им прирученного вами планетянина?

— Нет, идиот! Чтобы попытаться разорвать тот круг изоляции, в котором вы бьетесь!

Тинкару вынужден был признать, что он провел прекрасный вечер. Их было шестеро — четверо мужчин и две женщины. Подруга Анаэны оказалась очень красивой брюнеткой, а три галактианина — веселыми и умными парнями. Они вдоволь выпили и попели, Тинкара даже похвалили за голос, когда он затянул «Песню героев-гвардейцев». Затем другие гости ушли, и он остался с Анаэной наедине.

— Я любопытна и романтична, как все женщины. Расскажите мне о вашем первом сражении.

— Поверьте, это неинтересно. Все войны одинаковы.

— Мы на «Тильзине» по-настоящему никогда не сражались. И сражения наших тяжелых городов, больше похожих на крепости, вероятно, совсем не похожи на бои быстрых крейсеров...

— Ладно, раз уж настаиваете. Я был еще кадетом, только что вышедшим из школы, когда...

— Нет, не это. Расскажите о вашем первом бое, в котором вы командовали крейсером.

Тинкар улыбнулся, польщенный ее словами.

— Не крейсером, Анаэна! Простым разведчиком! Шесть человек команды, включая меня!

— Тем лучше, это будет еще интереснее. Но вам бы вскоре поручили командовать и крейсером, не так ли?

— Я добрался лишь до торпедоносца, когда разразился мятеж. Ну, раз вас интересует эта история, то скажу, когда начались мятежи на Марсе, я только-только стал командиром «Сапфира». Марс — сосед Земли в нашей солнечной системе. Этот поход скорее напоминал полицейскую операцию. Единственной трудностью было то, что три крейсера, стоявших на Марсе, восстали и примкнули к мятежникам. На подавление мятежа было отправлено семнадцать судов — десять крейсеров и семь разведчиков. Я должен был охранять левый фланг эскадры. Мы бомбили Марс, пока мятежники не сдались. Говоря «мы», я имею в виду основную часть флота. Наш торпедоносец преследовал корабли врага, которые уходили в сторону Плутона. Он был более быстрым, нежели они, и мы настигли мятежников, когда они нырнули в гиперпространство. Вначале меня охватила нерешительность, потому что я впервые командовал кораблем. Что делать? Преследовать их или дожидаться подкрепления? Но, бросив взгляд на экран лока...

Он прикусил язык, потом выругался.

— Вы выиграла, Анаэна!

— Выиграла? И что же?

— Не стройте из себя саму невинность! Теперь вы знаете, что у нас есть локаторы! Вся эта мизансцена была специально подготовлена для того, чтобы заставить меня проговориться! Эта внезапная дружба должна была меня насторожить, но ступил в западню, как наивный кадет!

Он передразнил ее:

— «Нет, не это! Расскажите о вашем первом бое, в котором вы командовали крейсером!»! Глупец! Да этому обучают новичков в казармах! Назови аджюдана «лейтенантом»! Чем ты рискуешь? Но секрета у вас не будет, даже если мпфифи сожгут меня живьем!

— Послушайте, Тинкар, будьте благоразумным! В тот день, когда нам понадобится ваш секрет, мы отправим вас на психоскоп! Вы знаете, такая идея уже обсуждалась. Хотите верить, хотите нет, но я воспротивилась этому, как и мой дядя!

— Что касается вашего дяди, охотно верю. Похоже, это единственный достойный человек на этом корабле! Но вы? Почему *вы* вступились за меня?

— Потому что я против насилия над сознанием, — с достоинством ответила девушка. — И потому что мало-помалу я начала вами восхищаться.

— Пфу! Очередной маневр!

— Я галактианка, Тинкар! Не стану от вас скрывать, что мы находимся под угрозой и что понемногу, но безвозвратно проигрываем битву с мпфифи. И я на все готова, лишь бы убедить вас выдать нам этот секрет, буквально на все!

Он окинул ее насмешливым взглядом.

— Так уж и на все?

Она покраснела, потом побледнела — от гнева и стыда.

— Да, на все! Но потом я убью вас!

Он пожал плечами.

— Мне от вас ничего не нужно. В тот день, когда я решу отдать локаторы, я сделаю это абсолютно безвозмездно! Но мне хотелось бы заручиться вашей дружбой.

— А разве вы *уже* ее не имеете? Неужели вы думаете, что я дважды пригласила бы вас к себе, если бы...

— Вы только что сказали, что готовы на все, лишь бы вырвать у меня чертежи.

— Да, сказала и не отказываюсь от своих слов!.. О! Понимаю! Мы поставили себя в такое положение, когда ваше доверие ко мне ограничено! Тем хуже. Мне хотелось бы помочь вам освоиться среди нас. «Тильзину» нужны такие люди, как вы.

— Что ж вы раньше-то этого не замечали?

— Вы ведете себя как ребенок, который ломает игрушки, потому что ему сразу не дают того, чего он желает. Вот как вас с распростертыми объятиями может принять общество, у которого имеется много причин ненавидеть и бояться Империи? Вначале нам нужно было вас узнать, а на это требуется время.

— Быть может, я действительно был нетерпелив. Могу я предложить вам сделку, Анаэна?

— И какую же?

— Я сделаю чертежи локатора. И тем временем поразмыслию. Быть может, я отдам чертежи Тану, быть может, нет. Но взамен я прошу вашей дружбы. Только вашей дружбы.

Она протянула ему руку.

— Спасибо, Тинкар. Даю вам слово, что, пока вы сами не примете решения, я больше и не зайнусь даже об этом деле.

Он вернулся к себе с легким сердцем. Квартира была пуста, Орена не пришла. Он улегся, но заснуть не смог, встал, взял лист бумаги и принялся что-то торопливо писать.

Утром Тинкар купил небольшой сейф и набор чертежных инструментов. Теперь он покидал квартиру только для того, чтобы перекусить, отказался от двух приглашений Орены и откликнулся на третье лишь после сцены ревности, которой предшествовало традиционное: «Ты свободен».

Несколько дней Тинкар чувствовал себя совершенно счастливым; его поглотила работа, которая ему нравилась, более того, он вновь ощущал себя человеком. Перед ним стояла довольно-таки трудная задача. Конечно же, он знал теорию гиперпространственного слежения, но между теорией и самым простым чертежом пролегла огромная пропасть! Ему не хватало справочной литературы, потом он понял, что обслуживание и ремонт сложной нейтринной аппаратуры — это одно, а повторное изобретение — совсем другое. Иногда его охватывало сомнение, однажды даже он собрал все бумаги в папку, решив отправиться к физикам «Тильзина», но потом с новым рвением возобновил работу.

— Это — мой единственный козырь, и я не имею права его профукать, — сказал он самому себе.

Конечно, если бы он проанализировал свое поведение (что вовсе не соответствовало его темпераменту), то понял бы, что не хочет признавать себя побежденным после того, как пообещал Анаэне, что сам подготовит все эти чертежи.

Наконец работа была завершена, ему оставалось только собрать аппарат и настроить его. Но для этого у него не было инструментов. Тинкар решил, что передаст чертежи текнору — частично из бравады, но главным образом из-за Анаэны. Нет, он отнюдь не считал, что влюблен в нее. Он привык жить в обществе мужчин (конечно, если не считать редких часов безликого отдыха в центрах расового совершенствования) и был вполне доволен тем, как Орена удовлетворяла его эмоциональные и физические нужды. Но ему нравилась эта игра в ментальные шахматы с племянницей текнора. Однажды он получил в ней преимущество, когда не выдал девуш-

ку после дуэли. Затем она восстановила статус-кво, дважды пригласив его к себе. Теперь, прикидываясь, что уступает ей, он снова делал из нее должницу. Она будет обязана ему и за себя, и за свой народ. Он не знал, каким будет продолжение этой странной игры, да это его и не заботило. Благодаря этой девушке жизнь снова стала интересной.

«Если я когда-нибудь и приму этот пост инструктора, — мечтал он, — будет забавным заставить гордых галактиан маршировать и подчиняться строгой дисциплине во время военной подготовки, как в Гвардии...»

Он направился в библиотеку, где рассчитывал встретить Анаэну, лукаво и радостно улыбаясь при мысли о том, как сейчас сообщит ей, что чертежи готовы, но тут вдруг трижды прозвучали сирены тревоги.

глава 3

Встреча в космосе

Тинкар застыл на месте. Что это? На какое-то мгновение он подумал, что на них напали мпфифи, и пожалел, что так долго медлил с решением. Но на лицах прохожих не было никакой паники, и если они ускоряли шаг, то скорее с радостной поспешностью людей, направляющихся на праздник. Он остановил какого-то юношу.

— Что происходит?

— Мы встречаемся с «Франком». Ты разве не знал?

Землянин нерешительно остановился, а потом все же решил дойти до библиотеки. Дверь была закрыта. Немного растерявшись, он влился в поток людей, заполнивших коридоры. Его окликнул звонкий голос:

— Тинкар!

Стоявшая в нескольких шагах Анаэна улыбалась ему.

— Я искала вас!

— И я вас тоже!

— Меня послал Тан, он приглашает вас присутствовать при маневре стыковки в командном отсеке.

— Стало быть, мне позволяют переступить границы?

— Отныне их нет, — серьезно ответила она. — Я сообщила дяде о вашем обещании.

— Но я не обещал отдать...

— Он знает. Пойдемте, скорее!

Они миновали дверь с перечеркнутым красным кругом, прошли узким коридором, воспользовались антигравитационным колодцем и попали в самое сердце корабля. Сюда сходились все линии управления полетом, здесь стояли самые большие вычислительные машины. Хотя существовало три запасных центра управления, в обычных условиях они не работали. Позади многочисленных закрытых дверей гудели машины. Наконец они вошли в командную рубку.

Центр управления оказался большим круглым залом со стенами, сплошь покрытыми экранами и различными приборами, за показаниями которых следили инженеры. Человек двадцать сидело вокруг низкого стола в форме короны, располагавшегося вокруг некоего циркулярного углубления в полу. Занимавший место перед особо сложным комплексом навигационных инструментов и клавиатуры Тан Экатор ждал их.

— Добро пожаловать, Тинкар. Два часа назад мы получили сообщение. «Франк» просит о стыковке. Я подумал, что этот маневр заинтересует вас, и послал Ану за вами. Садитесь рядом со мной.

Он указал рукой на пустое кресло слева.

— Поскольку я буду очень занят, Ана даст вам все необходимые разъяснения.

Тинкар сел на указанное место. Перед ним не было никаких приборов. Стол был узким и легко позволял видеть дно углубления, разделенное на шесть шестиугольников, на каждом из которых отражалась соответствующая часть небосвода: правая, левая, передняя, задняя, верхняя и нижняя. В шестиугольнике зенита среди звезд медленно двигалась слабо поблескивающая точка. Девушка показала на нее пальцем:

— «Франк». Он произведет стыковку с верхней частью «Тильзина», и в течение тридцати часов наши корабли будут связаны друг с другом пятью антигравитационными колодцами. У нас хорошие отношения со всеми городами, но «Франк» — город-побратим, и мы встречаемся каждые два

года. На этот раз встреча носит внеплановый характер, поскольку последняя стыковка состоялась незадолго до твоего появления!

Теперь «Франк» спускался очень быстро, заслоня все больше звезд. Экраны показывали, что он поднимается, но Тинкар инстинктивно взглянул на потолок, испытывая смутное беспокойство. Текнор это заметил.

— Прекрасно, Тинкар. Сразу видно, что у вас рефлексy хорошего командира звездолета, и что вы руководствуетесь рассудком, а не вашими ощущениями, которые говорят, что «Франк» приближается снизу! Но не беспокойтесь! Наш корпус он не пробьет!

Землянин покраснел.

— Не стыдитесь, у всех нас в первый раз была одна и та же реакция, — тихо сказала Анаэна. — Даже теперь, когда я приобрела опыт нескольких стыковок, я втягиваю голову в плечи при мысли, что на наш город опускаются несколько миллионов тонн.

Текнор поднял руку, призывая их к молчанию. Его глаза оторвались от экрана и следили за показаниями радара-телеметра. Когда «Франк» оказался достаточно близко для того, чтобы уже можно было доверять показаниям прибора, Тан перевел взгляд на циферблат гравитометра. Все это время пальцы его бегали по клавиатуре, и Тинкар понял, что он регулирует скорость «Тильзина», уравнивая ее со скоростью «Франка». Вспыхнула красная лампочка. Текнор откинулся на спинку кресла и с легким присвистом выдохнул воздух.

— Ну вот и все! Через несколько минут здесь будет мой старый приятель Гадо. Это текнор «Франка», — объяснил он Тинкару.

И действительно, минут через двадцать в командную рубку вошел темноволосый приземистый мужчина лет пятидесяти. Его сопровождали три юных галактианина. Гадо с чувством пожал руку Тану Экатору.

— Тан! Старый пират! Рад снова видеть тебя и твою прелестную Анаэну! К несчастью, на этот раз у меня есть и не самые хорошие новости! Где мы можем поговорить спокойно?

— В моей квартире. А! С тобой, вижу, Клан Дийар, Жюль Моро и Владимир Ковальски. Как всегда на посту.

- А у тебя — кто этот молодой человек?
- Тинкар Холрой из земной Империи. Офицер Звездной Гвардии.
- Похоже, тебя посетила та же идея, что и меня?
- Он потерпел аварию, и мы его подобрали.
- Вот так! Что ж, пусть идет с нами! То, что я скажу, касается и его. Твое присутствие, Анаэна, нам тоже будет необходимо.

Тинкар впервые оказался в личных апартаментах текнора. Квартира Тана Экатора была намного просторнее тех, которые он уже видел; кроме того, здесь имелся большой прямоугольный зал, на стенах которого отображался космос. У Тинкара сложилось впечатление, что он попал в многооконную башню над городом, хотя он и знал, что находится в самом сердце корабля. Вокруг круглого стола, загроможденного аппаратурой, стояли низкие кресла. Тан Экатор жестом предложил всем садиться.

— Прошу вас. Как насчет телефорского винца, Гадо? Помните, оно тебе нравилось.

— Да не особо! Но если уж нет новогаллийского, сойдет и это.

Тан нажал на кнопку, и через несколько секунд появился мужчина с тележкой, нагруженной бокалами и бутылками с золотистым вином. Анаэна улыбнулась и, наклонившись к землянину, прошептала:

— Вот уже шестой раз присутствую при встрече Тана и его приятеля, и каждый раз они обмениваются этими фразами, не меняя в них ни слова!

Человек наполнил бокалы и исчез. Тан встал, поднял бокал:

— За Звездный народ! Пусть он всегда будет сильным и свободным!

Галактиане чокнулись. Тинкар на секунду заколебался: что ему было до счастья Звездного народа? Но Анаэна подошла к нему с бокалом в руке, и он тоже встал и принял участие в ритуале.

— Ну, а теперь скажи, — обратился текнор к гостю, — что случилось такого серьезного, раз уж ты пустился в погоню за нами? Тебе, кстати, повезло, что мы оказались в пределах до-

сягаемости для передатчиков, поскольку я немного изменил оговоренный путь, хотя и не затронул расписания выхода в обычный космос.

— Тебе не следовало этого делать! Если бы мпфифи... Я здесь именно из-за них, Тан. Теперь они нападают и на сильные планеты!

— Черт возьми! Где? Когда? Как?

— Фальхоэ IV. Месяц назад.

— Отбились?

— Да, но какой ценой! Триста миллионов погибших!

— А у них?

— Уничтожено три города.

— Маловато! Я думал, Фальхоэ окажет более мощное сопротивление!

— Их застали врасплох, Тан. Враг вышел из гиперпространства всего в ста тысячах километров от планеты.

— Новое оружие?

— Насколько я знаю, нет. Но они использовали термоядерные бомбы. Битва продолжалась двое суток, не больше, но весь континент теперь в руинах. Затем мпфифи ушли.

— Сколько уничтожено городов?

— Двадцать два, по нашим подсчетам. Мы, как обычно, должны были сделать на Фальхоэ остановку. Прибыли через трое суток после сражения и едва не погибли. Теперь фальхоэйцы сначала стреляют, а потом задают вопросы.

— Плохи дела. Это означает, что мпфифи накопили достаточно сил и приступили ко второй фазе расширения своей империи.

— А у них есть империя? Или они, как и мы, странники?

— Одно не исключает другого. Думаешь, мы не смогли бы создать империю, если бы захотели?

— Быть может, Тан. В любом случае, пора менять политику в отношении планетян. В конце концов они такие же люди, как и мы, и в наших интересах искать с ними союза. Когда я увидел этого молодого человека, то решил, что ты опередил меня в этой идее. Что вы обо всем этом думаете, офицер? Считаете ли, что земная Империя...

Тинкар встал.

— Насколько мне известно, Империя в настоящее время, вероятно, уже перестала существовать. Когда я ее покинул,

мятежники одерживали верх. Что было потом, я не знаю, но сомневаюсь, что в ближайшие несколько десятилетий вы сможете рассчитывать на помощь в этом деле сил Императора или его преемника.

— Тем хуже! Признаюсь, я ожидал, что Империя поможет нам. Ну и дьявол с ней, буду опираться на своих! Империя была единственной могущественной и организованной силой. Наверное, вы разработали новые виды оружия в ваших постоянных войнах. Быть может, вы сможете оказать нам техническую помощь?

Тинкар глубоко вздохнул. Пришло время принимать решение. Он обратился к Тану Экатору:

— С тех самых пор, как Анаэна выудила у меня сведения — о! я не в обиде на нее, она отлично сыграла, — вы знаете, что мы обладаем гиперпространственными локаторами. Так вот, я воссоздал чертежи одного из таких приборов.

Галактиане разом вскочили с мест.

— Сколько уйдет времени на то, чтобы его построить? — спросил текнор.

— Все зависит от средств, которые имеются на борту. Думаю, месяц-другой.

— Так мало?

— Может, и больше. Я буду знать, лишь когда переговорю с вашими инженерами.

— Чертежи закончены?

— Почти. Не стану скрывать, что я намеревался поторговаться относительно их *передачи* вам, вернее даже сказать — *продажи*.

— Взамен чего?

— Моего возвращения на Землю или в одну из колоний Империи. Но я изменил решение. Если мпфифи нападают на планеты, то вы, Гадо, правы: пора объединять все силы человечества, иначе будет слишком поздно. Я передам вам законченные чертежи не позднее, чем через двое суток. Если позволите, я сию же минуту отправлюсь работать, так я буду более полезен.

Тинкар встал, откланялся и удалился, но едва успел выйти в коридор, как его догнала Анаэна.

— Спасибо, Тинкар!

Он посмотрел на нее — вытянувшуюся во весь рост, сияющую от радости — и улыбнулся, ощущая в душе некоторую горечь.

— Вот вы и счастливы. Вы выиграли.

В ее зеленых глазах на мгновение вспыхнуло старое пламя вражды.

— Перестаньте уже мыслить в терминах войны, солдат! Да, я выиграла! Я заставила упрянца-военного мыслить разумно. О! Ну почему вам всегда нужно все испортить? Впрочем, все равно спасибо.

Она развернулась и исчезла в вихре рыжих волос.

Тинкар вернулся к себе самой короткой дорогой. Улицы кишели вырядившимися в яркие одежды людьми, многие лица были ему незнакомы. Из открытых дверей квартир доносились смех, песни, музыка. Парк 6, который ему пришлось пересечь, гудел от криков и возни ребятни. Он снисходительно улыбнулся.

«Похоже, каждая стыковка — праздник для галактиан. А эта, неподвиженная, дорога им вдвойне».

Он уложил в холодильник купленную по дороге провизию и решил не выходить из дома до тех пор, пока не подготовит безупречно выполненные чертежи. К шести часам вечера он закончил все, за исключением мелкой детали, которая требовала еще двух часов работы. Он встал из-за стола, достал несколько банок с консервами, разогрел электропечь. И тут раздался звонок.

«Орена! Могла бы оставить меня в покое в этот вечер!»

Но это была не Орена. Перед ним стояла Анаэна с двумя незнакомыми девушками.

— Тинкар, позволь представить тебе Элен Пирон и Клотильду Мартен с «Франка». Они у меня в гостях.

Она впервые употребила дружеское «ты», чисто галактианское, а не церемонное межзвездное.

Он поклонился:

— Входите.

— Нет, мы пришли за тобой. Сегодня вечером никому на «Тильзине» нельзя оставаться в одиночестве. Мы принимаем «Франк», и, кроме охраны...

— А если появятся мпфифи?

— Они не нападут на два города сразу! И потом, мы находимся довольно-таки далеко от их зоны.

Он окинул взглядом свою кухню, скудные припасы, рабочий стол.

— Но чертежи?

— Подождут до завтра!

— Хорошо, я пойду с вами.

Тинкар выключил плиту, собрал бумаги, запер их в сейф.

— Послушай... — Он поколебался, но потом все-таки спросил: — Послушай, а ты не будешь против, если я надену униформу Гвардии?

— Нет.

— Это было бы чудесно! — воскликнула Клотильда, столь же темноволосая, сколь светловолосой была ее подруга Элен.

— Тогда подождите минутку.

Пройдя в спальню, Тинкар извлек из ящика свой черный мундир и надел его. На мгновение он ощутил неловкость, но потом подтянулся, посмотрел в зеркало.

Оно отразило высокого человека с суровыми чертами лица и холодными серыми глазами. Он отсалютовал по-военному.

— Что ж, лейтенант Холрой, приятно вновь с вами увидеться! Где же вы прятались все это время?

Он вышел в гостиную.

— А вот и я. Куда идем?

— Сначала обедать!

Они вышли. На улицах все еще царило оживление. Тинкар шел в каком-то оцепенении. Его строгая форма выглядела неуместной среди толпы галактиан, облаченных в разноцветные свободные одежды. Но постепенно он справился с напряжением. По взглядам мужчин чувствовалось, что к нему относятся без зависти, хотя он и был один в компании трех хорошеньких девушек.

Зал ресторана он не узнал: зеленые растения скрывали стены, с потолка свешивались яркие, в виде арабесок, гирлянды, разноцветные лучи прожекторов, исходящие из центра зала, бегали по всему помещению. Негромко играл невидимый оркестр. Сидевшие за столами галактиане ели, пили и смеялись. Официантов в этот день не было, но у одной из стен стоял огромный буфет, буквально прогибавшийся под

тяжестью блюд и бутылок. Двое молодых людей поднялись из-за одного из столов и позвали их.

Анаэна быстро представила мужчин друг другу.

— Жан Помран с «Франка». Луиджи Тардини с «Тильзина». Лейтенант Холрой из земной Звездной Гвардии.

Похоже, с девушками молодые люди уже были знакомы.

— Луиджи, принесите чего-нибудь поесть и выпить! Насколько я знаю, Тинкар особенно нравится сарнакский ламир. А мне захватите филе тилирского бычка, если еще осталось. Мы чуть запоздали!

Обед оказался восхитительным, как и многочисленные вина, бóльшая часть которых Тинкару была незнакома. Вся сдержанность галактиан по отношению к нему исчезла, и ему показалось, что он понял причину этого изменения, когда какой-то проходивший мимо человек наклонился к нему и шепнул:

— Спасибо за локаторы!

Анаэна буквально преобразилась. Она вся светилась от счастья, в ней не осталось ничего ни от сдержанной и знающей свое дело библиотечарши, ни от ксенолога, руководителя отдела по борьбе с мпфифи. Тинкар, привыкший к птичьим мозгам придворных дам и к невежеству девушек из народа, Тинкар, ни разу в жизни не видевший женщины-ученого, с восхищением обнаруживал в ней грацию знатной землянки и одновременно ум, глубину которого он уже успел оценить. Отбросив привычную сдержанность, он отдался неведомой ему эйфории, совсем не похожей на жестокую радость кадетских гулянок в располагающихся близ астропортов притонах или на товарищеские посиделки в кают-компани.

Издали какой-то мужчина подал знак и Анаэна, извинившись, встала и подошла к нему. Она быстро переговорила с ним о чем-то, дважды или трижды утвердительно кивнула. Тинкар вдруг почувствовал приступ ревности: неужели договаривается о свидании? Но девушка уже возвращалась.

— Как плохо быть начальником! Даже в праздники нет покоя.

Обед закончился. Зал пустел на глазах. Помран бросил беспокойный взгляд на часы.

— Нам не останется мест, Анаэна!

— Да нет, я уже зарезервировала шесть. Но ты прав, пора идти.

— Куда? — поинтересовался землянин.

— В парк 18. Думаю, спектакль тебе понравится.

В парке среди кустарников возвышались только что возведенные трибуны, на которых теснились галактиане обоих родов, пестрая подвижная толпа, тонущая в свете прожекторов. Анаэна провела их к центральным местам на одной из трибун.

— Сейчас будут танцы, — объяснила она Тинкару. — «Приключение людей». Символический танец в исполнении Сильи Салминен с «Франка».

Свет внезапно погас, и по центральному кругу, выхватывая из тени силуэты деревьев, заметался один-единственный луч прожектора. Что-то шевельнулось позади одного из стволов, потом вышло на свет — сгорбленная женская фигура, продвигавшаяся медленными шагами.

— Первый акт: пробуждение Человеческого Сознания в начале Четвертичной Эры, — шепнула Анаэна.

Сгорбленный силуэт продолжал продвигаться; от него, словно от некоего неуклюжего животного, исходила какая-то неловкая грация. Потом фигура выросла, и Тинкар ясно рассмотрел посреди лужайки молодую полуобнаженную женщину с длинными распущенными волосами — она словно увеличилась в четыре или пять раз.

— Отличный трюк. Как вы достигаете такого эффекта?

— Потом объясню. Смотри!

Молодая женщина танцевала теперь, подражая не то питекантропу, не то австралопитеку (воспоминания Тинкара были смутными), выходящему из лесного укрытия, ощупывающему ногой почву саванны. Балерина выглядела напуганной открытым космосом, взгляд ее терялся в бесконечности. Она изобразила Храбрость, Бегство и Страх, вновь укрывшись под сенью дружелюбного леса, а затем — всепобеждающее Мужество. Из-под ветвей деревьев появился мужчина, и они рука об руку двинулись в сторону восходящего солнца.

Потом луг вновь опустел.

Одна сцена сменяла другую — первые *Homo sapiens* перед своими пещерами, в которых уже горел огонь; античность, сотканная из славы и рабства; медленное восхождение к бла-

гополучию и свободе. Затем, в красном зареве, — пожар атомной войны, безмерный ужас, породивший Империю.

— Не обижайся на следующую сцену, Тинкар!

Резкий свет прожектора буквально пригвоздил молодую женщину к столбу, ее руки и ноги были закованы в железные цепи. Над ней возвышалось отвратительное чудовище с плетью в руке. Анаэна фыркнула.

— Тысяча извинений, Тинкар, но, понимаешь ли, это бесформенное существо вроде как представляет твою Империю.

Он улыбнулся, слишком счастливый для того, чтобы оскорбиться.

На сцене появились два новых персонажа: старый согбенный человек с компасом в руках и книгой под мышкой и монах в сутане с камильницей, из которой валил густой дым. Монах помахал камильницей перед носом чудовища, и лицо монстра расплылось в бессмысленной улыбке. Чудовище явно забыло о бдительности и не заметило, что монах образовал перед пленницей дымовую завесу.

— Наука и Религия приходят на помощь Человечеству, — прокомментировала Анаэна.

Теперь уже настал черед Тинкара фыркать от смеха. Наука рвала тяжелые цепи с помощью острия компасной иглы!

— Ну да, знаю, — прошептала девушка. — Все это довольно смешно. Но разве символика так уж важна? Любуйся самим танцем!

Цепи спали, и молодая женщина начала расти, она рвалась к усыпанному звездами небу. Ноги ее оторвались от земли, она легко взмыла вверх, плывя в воздухе с невероятной грацией. Внизу, далеко под ней, бессильное чудовище исходило злобной пеной. Длинные волосы девушки развевались по ветру. Наконец Человечество сорвало с неба одну из звезд.

— Ну, и как тебе этот спектакль, если забыть об аргументах, которые, должна признать, иногда слабы — это как минимум?

— Очень красивый. На Земле у этой женщины в ногах валялась бы вся знать!

— Приходи на «Франк», Тинкар, и будешь видеть ее ежедневно, — прервала их Клотильда.

— Нет уж, спасибо, я и к «Тильзину»-то привык с трудом. Но я сейчас здесь — здесь и останусь!

В другом парке многочисленные пары танцевали неизвестные землянину танцы. Гравитация была намеренно снижена, что позволяло танцорам двигаться с необычайной легкостью. Уверив спутниц в том, что он видит такие развлечения впервые, Тинкар оказался вовлеченным в танцы сначала Клотильдой, потом Элен и наконец Анаэной, которую он уже не выпустил из своих объятий. И пока он вращался с ней в головокружительном танце, держа руки на ее хрупких плечах, ему казалось, что он никогда и не знал иного мира, кроме «Тильзина, да и не желает знать никакого другого.

Вся ночь прошла в развлечениях, среди веселых и дружелюбных людей. Они смотрели различные спектакли, пили в многочисленных барах, но часов в пять утра Анаэна объявила:

— Пора возвращаться. У нас сегодня много работы. Спасибо за то, что пошел с нами.

Тинкар хотел ответить ей, высказать бесконечную признательность за удивительные мгновения, но его затуманенный выпитым вином мозг и заплетающийся язык позволили произнести лишь банальности.

— А теперь отпусти мою руку, — с улыбкой попросила девушка, — и до скорого, Тинкар, лейтенант Империи!

Очувтившись в одиночестве среди толпы незнакомых людей, он отказался от нескольких приглашений и вернулся к себе. На столе в его комнате лежали большой свиток и письмо. Сперва он раскрыл послание:

«Тинкар!

Предпочитаю уйти прежде, чем ты сам оставишь меня ради этой рыжей кошки. Сегодня вечером я встретила Пеи, и мы решили вступить в постоянную связь. Я не обижаюсь на тебя и желаю удачи. Надеюсь, ты иногда будешь вспоминать Орену, которая пыталась облегчить твои первые дни на «Тильзине». Мы переходим на «Франк». При новой стыковке встретимся как хорошие друзья. Я очень любила тебя, варвар-землянин, и, думаю, могла бы привязаться к тебе по-настоящему. До свидания где-нибудь в космосе.

Орена».

Развязав свиток, он обнаружил несколько великолепных полотен и записочку от Пеи:

«То, что я делаю, не совсем правильно, но я не могу устоять перед Ореной. Прими этот скромный подарок на память от того, кто однажды хотел тебя убить, но кого ты пощадил. С дружеским приветом,

Пеи».

— Успеха и вам, — вслух произнес Тинкар.

Он устало вошел в спальню. Взгляд его привлекло нечто необычное. Он наклонился и испустил хриплый крик, больше похожий на сдавленное рычание. Дверца сейфа была вскрыта, замок взрезан молекулярной пилой. Он резко распахнул ее: сейф был пуст, чертежи локатора исчезли!

глава 4

Иолия

Он словно окаменел... И так, Анаэна в который уже раз обвела его вокруг пальца! Сомнений у него не было, ему все стало ясно. Зная, что чертежи практически закончены, девушка увлекла его за собой, выманила из квартиры и во время обеда дала инструкции мужчине, который пришел поговорить с нею. А он, Тинкар, наивно радовался тому, что она рядом. Это предательство оказалось для землянина двойным испытанием, ведь он по своей природе презирал и ненавидел предателей. Кроме того, он поверил, что Анаэна действительно испытывает к нему симпатию, и надеялся... Он с отвращением сплюнул на пол.

— Сучка! Псиное отродье! Черт подери, я для нее всего лишь планетная вошь, пустое место! Да, она здорово разыграла комедию!

На секунду в его душе мелькнула надежда: а что, если это была не она? Зачем Анаэне красть чертежи, которые он в любом случае передал бы ей в полном комплекте? Он тотчас же отправится к ней и все прояснит! Но нет, все и так понятно. Смысл? Догадаться нетрудно: если он передаст чертежи, то

сразу же станет героем в глазах многих галактиан, и она уже не сможет держать его в карантине как парию, каким он для нее и является, планетянина!

Он заметался по комнате, опьянев от ярости и стыда. Он, Тинкар, позволил себе разыграть... он попытался подобрать самые грубые из известных ему оскорблений... комку женской протоплазмы! Да, мудры были уставы Гвардии, видевшие в женщинах лишь инструменты для развлечения и инкубаторы для будущих гвардейцев! Сучка, мерзавка!

Теперь им владело лишь одно желание — отомстить. Разбить в кровь ее тонкие губы! Вырвать лживый язык! Нет, этого мало. Убить? Вызвать на дуэль? Он не знал, дозволено ли это мужчине. В любом случае, при одной пуле против десяти его шансы слишком малы... Смерти он не боялся, но оставить ее победительницей не мог... Теперь он желал большего: уничтожить «Тильзин»!

Но для этого ему нужно было время. А было ли оно у него? Теперь галактиане в нем не нуждались. Они заполучили чертежи. Да, слегка не оконченные, но любой физик завершит их за несколько дней работы. Теперь они вполне могут его уничтожить.

Он инстинктивно ощупал пояс. Пуст. Оружия ему не вернули, хотя одежду отдали на следующий день после того, как он попал на борт корабля. Быть может, убийцы уже его ищут. Тинкар горько усмехнулся. По крайней мере, он умрет в своей униформе, как и положено. Но в таком мире, как «Тильзин», должны быть места, где можно укрыться, найти убежище...

Убежище! В памяти сверкнула недавно прочитанная фраза. Одна из основополагающих статей договора между менеонитами и галактианами гласила, что менеониты имеют право предоставлять убежище! Он должен был как можно быстрее добраться до сектора паломников. Он отчаянно искал хоть что-то такое, что могло бы послужить оружием. Кроме компаса, у него ничего не было. Он криво ухмыльнулся: компаса-для-освобождения-пленного-Человечества!

Тинкар быстро упаковал кое-какую провизию, не зная, сколько ему придется скрываться — несколько часов или несколько дней. Потом осторожно открыл дверь: улица была

безлюдна. Он окинул последним взглядом свою квартиру и пожалел, что не может взять с собой картины Пеи. Полноте! Искусство не интересуется приговоренных к смерти!

По пути к паломникам он почти не встречал галактиан. Все двери были заперты. Ему следовало позвонить и предупредить паломников о своем визите, но он не решился, не зная, прослушивается ли его линия. Он спрятался позади металлической колонны и принялся ждать наступления дня.

Человек, открывший дверь, был ему не знаком.

— Здравствуй, брат. Чего желаешь?

— Я хотел бы поговорить с Холонасом Мудрым.

— Это трудно, брат. У тебя назначена встреча?

— Он разрешил мне вернуться, когда я пожелаю.

— Хорошо, брат, я провожу тебя.

Старый патриарх принял Тинкара с нескрываемой радостью.

— Вот вы и вернулись, брат Холрой! Я этому очень рад. Чего вы хотите от нас?

— Убежища!

Слово щелкнуло, словно удар хлыста. Тинкар колебался, спрашивая себя, не лучше ли ему схитрить, но хитрость была чужда его натуре. Так или иначе, вскоре паломники все равно бы узнали правду.

Старец некоторое время молчал.

— Сын мой, ты кого-то убил не на дуэли?

— Нет!

— Тогда чего же ты боишься?

— Что убьют меня, вернее, прикончат, как злобное животное!

— Присядь. Не в обычаях галактиан убивать без веской причины.

— С их точки зрения такая причина имеется. Они должны избавить город от моего присутствия.

— Ты выглядишь изнуренным, сын мой. Отоспись, а когда отдохнешь, расскажешь мне все. Ничего не бойся. Если ты искал убежище, ты его нашел.

Тинкар вдруг почувствовал, как на него обрушилась накопившаяся за много дней усталость. Он позволил отвести себя в спальню и провалился в сон. Проспал он долго, встал

отдохнувшим и попытался отогнать воспоминания о событиях, случившихся накануне. Где-то в квартире звучал юный голос, исполнявший серьезный и в то же время радостный гимн. Он встал и вышел из комнаты. Сидящая спиной к нему темноволосая девушка шила. Ни на Земле, ни на «Тильзине» он никогда не видел, чтобы кто-нибудь шил, и быстрые и точные движения швеи заинтересовали его. Он приблизился. Девушка удивленно обернулась, и ее лицо просветлело.

— Брат Холрой! Я так рада видеть вас снова! Дядя сказал, что у нас гость, но не назвал имени. На этот раз вы пробудете у нас дольше?

— А вашего дяди нет?

— Нет, но он скоро появится. Вы голодны или, быть может, мучимы жаждой?

— Я бы чего-нибудь выпил, спасибо.

Она принесла ему стакан холодной воды.

— Вы ведь пробудете у нас дольше на этот раз, правда? Мне хотелось бы послушать ваш рассказ о Земле. За исключением Авенира, я других планет и не видела. Мой дядя вечно повторяет, что другие планеты слишком опасны для молодой девушки.

Она смотрела ему прямо в лицо, веселая и возбужденная; ее огромные карие глаза разглядывали его в упор, но в них не было ни стыда, ни наглости. На мгновение на них наложились другие глаза — зеленые, сверкающие.

«Куча женской протоплазмы, еще не научившейся хитрить», — с горечью подумал Тинкар.

— Мое пребывание здесь, быть может, действительно будет долгим. Если ваш дядя позволит.

— А почему бы ему этого не сделать?

— Этого я вам сказать не могу. Возможно, я представляю опасность для него, Иолия.

Едва он произнес эти слова, как пожалел о сказанном. Какой смысл возбуждать подозрения? Но что-то ему подсказывало, что от этой наивной девушки не следует ожидать опасности. Сколько ей было лет? Шестнадцать? Семнадцать?

Дверь открылась, и вошел патриарх.

— Вы уже проснулись, Холрой? Надеюсь, ты не утомила нашего гостя своими вопросами, Иолия.

— Я только что встал. И она вовсе не утомляет меня!
— Ну что ж, пройдемте в кабинет, сын мой. Обычно я выслушиваю исповедь в храме, но вы не принадлежите к нашей вере.

«Кабинет» оказался маленькой комнатой, стены которой были уставлены полками с книгами. Старик сел, указал землянину на табурет.

— Говори, сын мой.

И Тинкар заговорил. Обо всех унижениях, которые испытал после того, как попал на «Тильзин». До сих пор он старался о них не думать, но теперь его прорвало. Он рассказал о своем спасении, о дуэлях, о жизни в изоляции от других, когда его единственным компаньоном была Орена, вспомнил о двуличии Анаэны, ее уловках, с помощью которых она выудила у него признание в том, что Звездная Гвардия располагает локаторами, наконец, о ее предательстве и страхах, которые это предательство породило в нем. Холонас слушал его, не перебивая.

— Такое поведение Анаэны, — сказал патриарх, выслушав рассказ, — крайне меня удивляет. Она импульсивна, но совершенно бесхитростна.

— Вы ее знаете?

— Не думаешь же ты, что я руковожу этим анклавом, не общаясь с текнором? Да, я ее знаю и очень ценю. Она была бы достойным украшением нашего малочисленного народа, будь у нее настоящая вера. Она действительно фанатически предана «Тильзину», и это могло подвигнуть ее к попытке завладеть твоими чертежами любыми средствами.

— Но я и так должен был передать их ей сегодня!

— Тебе следовало передать их ей как можно скорее, Тинкар! Она могла подумать, что ты хитришь, хочешь торговаться за то, что из человеческой солидарности тебе следовало отдать сразу же.

— Человеческой солидарности! А какую ее часть получил я, планетная вошь?

— Знаю-знаю! Галактиане не любят прощать оскорбления, даже если этим оскорблениям несколько веков. Ты мог бы показать себя более щедрым, чем они! Не думаю, что тебя подстерегает опасность, но поскольку никогда не знаешь, как

поведут себя наши внешние друзья, мы предоставим тебе приют. Твоя карточка имеет силу и у нас, пока ее у тебя не изъяли. Если это случится, мы решим, что делать. Какой работой ты хотел бы заняться? Здесь все работают.

— У вас есть физические лаборатории?

— Разумеется!

— Я хотел бы заняться усовершенствованием локаторов. Это могло бы снова сделать меня полезным для галактиан и застраховало бы мою жизнь на тот случай, если мне придется вернуться к ним.

— Повторюсь: я не думаю, что твоя жизнь в опасности. Я навещу Тана Экатора и постараюсь прояснить это дело. Пока тебе не подыщут жилье, будешь жить у нас. Теперь же мне пора готовиться к проповеди, а я знаю, что моя племянница горит желанием расспросить тебя кое о чем. До скорого, Тинкар Холрой.

Гостиная была пуста. Тинкар уселся на диван и принялся размышлять над ситуацией. Дела обстояли не так уж плохо. Он получил убежище, вскоре начнет работать в лаборатории, где ему будет легко подготовить месть под видом работы над локатором. Его угнетало лишь одно — одновременно с галактианами и самим собой, ему придется уничтожить еще и паломников, которые проявили по отношению к нему открытую дружбу. Их следовало спасти. Он не думал о мгновенном атомном взрыве, слишком быстром и требующем сложного оборудования. Нет, он думал о разрушении двигателей где-нибудь в космосе, подальше от обитаемых систем, и одновременном выводе из строя всех шлюпок, кроме шлюпок паломников... Нет, паломники попытаются спасти остальных. Нужно найти лучшее решение. Ба! Времени на поиск у него предостаточно.

Через несколько часов патриарх вернулся к себе после беседы с текнором.

— Тан заверил меня, что они никоим образом не причастны к краже. Они так рассчитывали на локаторы! «Франк» улетел до того, как я смог увидеться с Таном, и должен сказать, текнор «Франка» считает тебя паразитом и обманщиком. Тебе действительно лучше остаться с нами, поскольку люди «Гильзина» снова настроены против тебя. Ты прав,

твоя жизнь в опасности. Изготовь локатор и отнеси им его как доказательство своей честности.

Тинкар усмехнулся.

— Это мне-то нужно доказывать свою честность? Горькая шутка!

— У меня для тебя письмо от Анаэны.

— Оно мне не нужно!

— Не суди, не выслушав, горячая ты голова!

— Не хочу его видеть!

— Твое право. Когда захочешь, оно будет здесь.

Теперь Тинкар жил в крохотной квартирке рядом с квартирой патриарха. Он ежедневно работал в лаборатории под предлогом создания усовершенствованного локатора, но сам тайно конструировал орудие мести. Однако же это «орудие» почему-то никак не желало создаваться. И чем дольше он жил с паломниками, тем тягостнее становилась для него мысль о том, что он должен причинить им зло. Их религия по-прежнему была ему чужда, и Тинкар не думал, что его отношение к ней когда-то изменится. Впрочем, вне своей веры эти люди были веселыми и благожелательными. Он быстро сдружился со многими коллегами по лаборатории и понял, что, несмотря на религию и строгие одежды, они любят жизнь.

Письмо Анаэны долго лежало на столе патриарха. В конце концов оно стало так мозолить Тинкару глаза, что он сунул его в карман и по возвращении к себе сжег, даже не вскрыв. Однажды его позвали к воротам анклава, но, когда дежурный сказал, что его ждет рыжая девушка, землянин развернулся и удалился без единого слова.

Понемногу шрамы уязвленного самолюбия затягивались. Он старался изгнать из памяти последние дни, проведенные с галактианами, и, несмотря на внезапные приступы гнева, заставлявшие его скрипеть зубами, все чаще забывал о случившемся. Мало-помалу в его памяти стерлись даже черты Анаэны. Она превратилась в пустую белую рамку, окруженную рыжей шевелюрой. Любил ли он ее когда-нибудь? Тинкар этого уже и сам не знал. Он просто ощущал болезненное отсутствие там, где что-то должно было существовать; отсут-

ствие, которое иногда заставляло его часами всматриваться во мрак ночи. Потом прошло и это. Как-то раз, проведя среди паломников уже с полгода, он в приступе бессильной ярости попытался вспомнить ее лицо, чтобы сильнее его возненавидеть, но перед его взором возникло другое лицо, спокойное и нежное, с огромными наивными карими глазами и припухлым, почти детским ртом.

Иолия! Вначале Тинкар держал девушку на расстоянии, смущенный ее вопросами, неприкрытым восхищением к «человеку с Земли» и, как он полагал, «воину». Сердце его еще сочилось кровью, и он систематически избегал контактов с женщинами, что было довольно просто, ибо паломницы обладали врожденной сдержанностью, весьма далекой от навязчивого товарищества галактианок. К тому же в этой секте строгих моральных устоев легкие интрижки едва ли были возможны.

Иолия. Он думал о ней с нежностью, как о чем-то хрупком и недостижимом. По вечерам он часто усаживался на скамейку в саду неподалеку от своего жилища, и она приходила к нему в неизменном сопровождении множества детишек. Тинкар рассказывал им о своих приключениях, тщательно подбирая выражения, чтобы не поранить их наивные души. Он редко говорил о сражениях, но вспоминал о гонках Земля — Ригель, о празднествах при императорском дворе и о том зле, которое скрывалось за роскошью, не уточняя, правда, что именно это за зло. Он отправлялся с ними в путешествия по планетам Империи, описывал города и народы. Однажды он рассмешил их, рассказывая о своей специальной миссии, когда ему поручили перевезти на своем разведчике некоего чина из политической полиции.

— Вы должны понимать, дети мои, что наши корабли куда менее комфортабельны, чем ваши города, а в момент входа в гиперпространство и выхода из него мы испытываем ощущения, которые никак не назовешь приятными. Мы, солдаты Гвардии, люди ко всему этому привычные, но этот господин таковым не был. Это был очень нехороший человек, и, когда я увидел его лицо в момент перехода, у меня возникла одна идея. Вместе с главным механиком и экипажем я разработал «машинку для взбивания яиц», слегка разрегулировав гипер-

пространственное устройство. И мы принялись прыгать туда и сюда по пять раз в минуту в течение четверти часа. Дольше эту игру продолжать не стоило. Мы и сами не выглядели свеженькими после этой свистопляски, но его можно было соскребать со стен чайной ложечкой! Самое смешное, что, когда мы остановили качели после множества «героических» попыток, он горячо поблагодарил нас, как только отдышался, а по возвращении даже представил к награде.

Иногда Иолия приходила одна. Тогда Тинкар говорил о море, горах, озерах, деревьях... Она никогда не уставала слушать. У него был дар описывать увиденное, привычка видеть и запоминать детали, столь важная для солдата.

Постепенно, одновременно с болью, уходило и желание отомстить. Он почти перестал искать способ навредить галактианам так, чтобы не пострадали паломники. В анклав царил атмосфера мира, и она исподволь воздействовала на него, меняла его загрубевшую душу. Он никогда не подозревал, что в человеке может царить подобный мир, и не был готов бороться с ним. После бесчеловечных испытаний детства, боев отрочества и напряженной жизни среди презрительных и враждебных галактиан, он с удовольствием окунулся в обычную жизнь.

Тинкар знал, что этому спокойствию однажды придет конец, знал, что не создан для него и однажды оно ему наскучит. Он почти не задумывался о завтрашнем дне. Конечно, не всю свою жизнь он проведет в анклав, работая в физической лаборатории. Иногда он желал перемен, особенно в те дни, когда чувствовал близость Иолии. Он не тешил свое самолюбие мыслями о том, что девушка любит его всем сердцем. Это была почти детская, едва зародившаяся любовь, адресованная тому Тинкару, которого она выдумала, герою, который борется со злом, рыцарю без страха и упрека, тогда как настоящий Тинкар был иным. Да и он ее не любил. Он испытывал по отношению к ней нежность, дружбу, иногда у него возникало мимолетное физическое желание, чаще всего в те минуты, когда серое платье вдруг подчеркивало округлую девичью грудь. Но он знал, что, когда она уйдет из его жизни, вместо нее останется пустота, пустота, которую будет нелегко заполнить.

Она была не столь блестяща, как Анаэна или даже Орена, и, несомненно, не так умна. С ней будущее представлялось землянину в виде чудесного пейзажа, сотканного из зеленых лугов, источников, прохладных теней. Иногда он испытывал искушение. Но чаще ему виделась иная судьба — пейзаж из острых скал, нависающих над безднами, где воют дикие ветры его жизни. И он меланхолично и уже без боли размышлял о том, какой могла бы быть его жизнь с Анаэной, повернись все по-другому.

Однажды он ушел из лаборатории довольно рано. В тот день ему совсем не работалось. Локатор был давно готов, хотя никто не подозревал, что бесформенное нагромождение проводов, транзисторов, кристаллов и циферблатов на верстаке является законченным прибором, а не бесплодной попыткой создать опытный образец. Он хранил тайну даже от коллег, уверенный в том, что уже давно другой, хотя и не столь совершенный аппарат, упрятанный в красивый корпус, работает в рубке управления «Тильзина». Теперь Тинкар разрабатывал новую идею, он хотел создать гиперпространственное передаточное устройство, работающее без всяких ограничений по дальности действия, но ему не хватало теоретической подготовки, и он пытался пополнить свои знания, работая больше с бумагой и карандашом, нежели посредством опытов.

Однажды Тинкар целый день провел в раздумьях и обнаружил, что больше не желает мести. Если «Тильзин» когда-нибудь окажется вблизи планеты, принадлежащей Империи, он попросит, чтобы его высадили. Впрочем, для него сойдет любой мир, населенный людьми. Он перестал быть лояльным по отношению к Империи, поскольку оценил ее в свете своего нового опыта жизни среди галактиан и паломников и нашел ее пустой. Его воинственный дух умер, будучи подорванным давними беседами с Ореной и окончательно сметенным разговорами с Холонасом. Осталось одно, за что он цеплялся из последних сил, — кодекс чести. И этот кодекс подталкивал его к признанию.

Он нашел патриарха в его квартире и попросил беседы наедине. Они снова оказались в узком кабинете. Не став терять времени на оправдания, Тинкар сразу же рассказал, какую цель преследовал, явившись искать убежища. Старец выслушал его молча.

— Я в этом и не сомневался, — сказал он наконец.
— И ничего не сделали?
— Ничего. В этом анклавe, где на тебя устремлен взор Бога, нет места ненависти. Я знал, что она испарится сама собой.

— Вы ужасно рисковали!

Холонас улыбнулся.

— Не с тобой, Тинкар! Ты плохо себя знаешь. Если бы я считал, что ты опасен, ты бы не получил убежища.

— Но договор...

— Он позволяет нам предоставлять убежище, Тинкар, но не обязывает это делать! Бог сказал: «Будьте добрыми». Он не сказал: «Будьте глупыми!» Да, мы попытались бы спасти тебя от самого себя, но другими средствами. Ступай с миром, сын мой. Несмотря на все твои заблуждения, я желаю, чтобы все люди ходили на тебя.

После разговора с патриархом Тинкар вышел в сад и уселся на привычную скамью. Мысли его кипели. Подобная мораль была выше его понимания. Он набирался храбрости для этой беседы, предвидя момент, когда, как он думал, его изгонят. А глава анклава спокойно поговорил с ним, как с ребенком, признавшимся в какой-то несущественной проделке. К облегчению примешивалось немного стыда и злости. Тот факт, что его, Тинкара, которого друзья прозвали Тинкаром-Дьяволом, приняли за безобидного человека, бередил душу. Он не понимал, что патриарх ставил под сомнение не его мужество и энергию, но его способность ненавидеть.

Однако почти впервые в жизни, анализируя самого себя, он понял, что не создан для ненависти. Даже в самом жестокom бою он сохранял уважение к противнику, а к уважению зачастую примешивалось и сожаление. Ярость иногда заставляла Тинкара совершать жестокие поступки, но он не испытывал угрызений совести, ибо именно этого требовали от него начальники. И все же он никогда не смог бы стать членом Попола, политической полиции. Тинкар вспомнил о подземной камере пыток, возле которой ему пришлось стоять на часах, о том, как, сменившись, он долго стоял под душем, пытаясь очистить себя от скверны, вызванной близостью к гнусным чудовищам.

К нему подошла Иолия — воплощенная грация, несмотря на серое монашеское платье — и села рядом.

— Тебе следует кое-что узнать, Иолия, — сказал он. — Одному Богу известно, как бы мне хотелось сохранить это от тебя в тайне, но я все же должен открыть тебе это.

В ее больших глазах стояло удивление, немой вопрос. И тогда, во второй раз за день, Тинкар исповедовался. Наконец он умолк, не осмеливаясь взглянуть на нее, ожидая, что она вскочит на ноги и бросится прочь.

— Это неправда, Тинкар, — произнесла она ровным голосом.

— Правда!

— Нет. В тебе нет зла. Все зло, которое ты совершил, исходит от твоей проклятой Империи, а не от тебя. Ты бы никогда не смог уничтожить невинных вместе с теми, кто унижил тебя.

Он хрипло рассмеялся.

— Невинных! Увы! Их кровь часто проливалась на мои руки!

— На твои руки — возможно, но не твою совесть. Все, что ты нам рассказал об Империи, доказывает, что ты был лишь инструментом в руках других, тех, кто командует. Ты мог лишь подчиняться, скованный тисками дисциплины, не оставлявшей времени на раздумья.

— Стало быть, ты не считаешь меня гнусным?

— Немногие могут с тобой сравниться, Тинкар, даже здесь. Тот, у кого не бывает мыслей о возмездии, вовсе не человек. Главное в том, что ты отказался от этих мыслей. Это и есть настоящее мужество.

Он не стал говорить ей, что, возможно, им двигала всего-навсего усталость.

Спустя какое-то время его вызвал к себе патриарх.

— Почему бы тебе не остаться с нами навсегда? — спросил он напрямую. — Ты талантлив, как сказали мне физики. Ты уже многое знаешь и быстро учишься. Ты сведущ в искусстве войны, а это может оказаться нам полезным в случае, храни нас от этого Господь, нападения мпфифи. Хочешь работать с нами, основать семью?..

— Я не исповедую вашей религии.
— Это не так важно, если ты не против нашей жизни.
Настанет день, когда глаза твои откроются.

Тинкар на мгновение задумался.

— Не думаю, — произнес он наконец. — Я не создан для вашей спокойной жизни.

— Она не всегда спокойна, Тинкар. Время от времени мы вываживаемся на какую-нибудь планету. Ты же не принимаешь нас за моллюсков? Мы тоже нуждаемся в приключениях, в новых ощущениях. Мы исследователи и картографы всех планет Господа, у которых останавливается город. У галактикан тоже есть свои команды, но мы выполняем как минимум половину работы!

— Я подумаю.

— И еще одно, сын мой. Иолия любит тебя.

— Нет. Она восхищается героем, которым меня считает, вот и все. Это быстро пройдет, стóит ей только подрасти.

— Как думаешь, сколько ей лет?

— Шестнадцать, семнадцать?

— Ей только что исполнилось двадцать два. Она выглядит моложе своих лет. Поверь, она любит тебя. Она не столь красива, как Анаэна, я это знаю, но у нее чистое сердце, и ты можешь на нее рассчитывать. Нолюбишь ли ее ты?

— Не знаю. Быть может. Иногда я верю в это. Но я не знаю, что такое истинная любовь. Чувство, сотканное из желания, необходимости быть кому-то преданным, иногда дополненное стремлением причинить боль, которое я испытывал к... другой, любовь ли это? Если да, то я не люблю Иолию.

— К истинной любви можно идти разными путями, Тинкар. Ступай, спешить некуда. Разберись в самом себе.

глава 5

Высадка

«Тильзин» вращался вокруг какой-то планеты. Четвертая по счету от своего солнца, она выглядела необитаемой. С расстояния в десять тысяч километров,

ближе город не подходил, она удивительно походила на Землю. Тинкар рассматривал ее из обсерватории паломников. Июлия сидела рядом. Он еще не принял окончательного решения, но вся коммуна считала, что их негласная помолвка состоялась, и ждала скорой свадьбы. Иногда эта мысль смущала его, словно он обманывал их доверие, но порой, как сейчас, она наполняла его спокойным счастьем.

— «Гильзин» пробудет на орбите долго, — сказал патриарх. — Нам необходимо сырье, вода, металлы, водород. Как только вернутся разведкоманды, большая часть населения высадится, разобьет лагерь и примется за добычу необходимого. Хочешь стать нашим разведчиком, Тинкар?

— Сумею ли я? Что нужно будет делать?

— Облететь планету на малой высоте, сделать фотографии, взять пробы почвы, атмосферы. Таковы задачи первого вылета. Потом, если анализ покажет, что микроорганизмы не представляют для нас опасности или наша панвакцина способна успешно с ними бороться, ты высадишься на планету, удостоверишься в том, что большая часть крупной фауны не слишком опасна. И все это без особого риска.

— Я согласен.

— Почему бы мне не отправиться с тобой? — спросила Июлия. — У тебя трехместный катер.

— Это слишком опасно. Позже.

— Всегда один и тот же ответ. Ты считаешь меня трусихой?

Он нежно улыбнулся.

— Вообще нет, Июлия.

— Я умею пилотировать катер!

— Не сомневаюсь. Но таковы правила твоего народа. Вот галактиане, они всегда отправляют многочисленную команду. Взгляни-ка лучше! Она прекрасна, не так ли?

Планета величественно вращалась перед их глазами — огромный туманный шар, закрытый белыми облаками, в пролетах между которыми проглядывали зеленые и синие пятна.

— Скоро я буду там, внизу! И быстро вернусь, малышка, чтобы тебе не пришлось ждать слишком долго. Ну ладно, пора лететь.

Она проводила его до выходного тамбура. Катер уже был готов. Техник передал ему последние сведения:

— Атмосфера пригодная для дыхания, с некоторым избытком кислорода. Большая вероятность животной жизни. Растительная жизнь существует. Но не приземляйся. Не в этот раз!

— До завтра, Июлия!

— Я буду на связи.

— Нет. Скорее всего, долгое время я буду поддерживать режим молчания. И ты станешь беспокоиться по пустякам.

— Тогда я буду за тебя молиться, Тинкар!

Он наклонился, поцеловал ее в лоб, пригнулся и шагнул в катер. Ему уже приходилось пилотировать катера галактиан в то время, когда он вынашивал планы мести или бегства. Катер был маленький и не имел гиперпространственного оборуования. Он предназначался для связи города и планеты, но отличался мощностью и маневренностью.

Тинкар тщательно закрыл люки, проверил их герметичность, потом без спешки осмотрел все бортовые инструменты. С этим в Гвардии не шутили, и эти меры предосторожности не раз спасали ему жизнь.

«Будь я столь же внимателен в момент последнего старта с Земли, я бы здесь не оказался», — подумал он вслух, даже не зная, сожалеет ли о случившемся.

Все было в порядке. Он стартовал и нырнул прямо вниз, к вращающемуся под ним миру. Радар показывал, что далеко впереди него летит еще один катер: разведкоманда галактиан.

«Я их дублирую, — подумал он. — Но паломникам требуется подтверждение их независимости, хотя нет сомнений в том, что и те и другие результаты будут рассмотрены совместно текнором и патриархом».

Он притормозил перед входом в плотные слои атмосферы, не желая превратиться в метеор. Катер галактиан исчез из виду.

Он долго летел, делая зигзаги на высоте одного километра, чтобы камера могла запечатлеть как можно большую площадь. Планета была прекрасна и разнообразна — громадные океаны, цепи высоких гор, обширные континенты и множество островов. Обширные площади покрывал темно-зеленый густой лес, его прерывали саванны, заросли кустарников, озера и болота. Длинная река лениво змеилась по

равнине. Тинкар по спирали спустился ниже и заметил стада быстрых и грациозных животных, несущихся среди высоких трав, но ни малейших следов присутствия вертикально ходящего зверя нигде не было видно. Ни деревень, ни дорог, ни обработанных полей. Радио молчало на всех частотах, только потрескивали разряды от далекой грозы.

«Если здесь и есть разумные существа, то они еще не вышли из каменного века», — решил Тинкар.

Температура за бортом была довольно высокой — тридцать два градуса по Цельсию. Он взял несколько проб атмосферы, потом почвы и растений — с помощью специального захвата. Вдали, в горах, к небу поднимался вертикальный столб дыма: это было извержение вулкана. Он не стал приближаться к нему: при каждом взрыве из жерла вылетали громадные вулканические бомбы. Но в дыму, на небольшой высоте, прямо над кратером что-то двигалось. Присмотревшись, Тинкар увидел продолговатый сверкающий предмет, в котором он опознал катер галактиан.

«С ума сошли! Их же собьет!»

Он автоматически перешел на военный жаргон.

И тут же от мощного взрыва в небо взметнулась туча осколков. Когда облако пепла рассеялось, катера в небе не было. Он выругался.

«Идиоты! Теперь придется и мне туда лезть!»

У него даже не возникло желания позлорадствовать из-за того, что галактиане поплатились за собственную глупость. В опасности был другой пилот, товарищ. Он должен был ему помочь.

Тинкар приблизился, держа ту скорость, которую ему диктовала осторожность; глаза его всматривались в склоны вулкана. По ним замысловатыми ручьями стекали потоки лавы, срывавшиеся затем в пропасти и образующие запутанный лабиринт, в котором могли затеряться десятки катеров. Наконец он заметил кучу исковерканного металла, лежавшую на пути лениво стекавшего вниз лавового потока.

«Черт подери! Допрыгались, надо действовать побыстрее!»

Вулкан, похоже, взял передышку, но на западе собирались черные зловещие тучи, предвестники грозы. Тинкар отыскивал площадку для приземления, узкую, почти плоскую

платформу, которая тянулась между двумя эрозионными оврагами. Приземление на такую площадку требовало особого мастерства, но Тинкар, один из лучших пилотов Гвардии, сумел сесть со второй попытки.

Он быстро натянул легкий планетарный скафандр, который должен был предохранить его от бактерий и контактов с ядовитыми растениями, инстинктивно схватил пару пистолетов-фульгураторов, четыре гранаты, аптечку первой помощи и кое-какую провизию. Затем он сошел на неведомую землю.

Его ступни ощутили жар и дрожь земли под лавиной пепла и мелких камушков. Он быстро спустился в овраг, вжимая голову в плечи и предчувствуя неминуемую катастрофу. Подниматься по противоположному склону оказалось крайне трудно, и он не сумел бы взобраться, если бы не захватил в последний момент альпеншток. Тинкар оказался перед нагромождением каменных блоков, обогнул их, добрался до упавшего катера. Тот лежал на боку, вспоротый острым гребнем, словно консервная банка.

Доискиваться до причин несчастного случая Тинкар не стал. Если внутри еще оставались живые люди, им требовалась немедленная помощь, поскольку вулкан мог с минуты на минуту возобновить свою деятельность. Он пролез между двух разошедшихся плит, поскользнулся в луже вязкой жидкости и с ругательством растянулся на полу. Затем увидел мужчину — его раздавило, и в помощи он уже не нуждался. Землянин перешагнул через тело; передняя часть катера сохранилась лучше. Сорванная с петель дверь командного отсека перегораживала вход, но ее можно было убрать. Из-за двери доносились учащенное дыхание и стоны.

Тинкар ухватился за край двери, рванул. Створка прогнулась и немного сдвинулась с места. Он извлек из рюкзака молекулярную пилу и за несколько секунд проделал проход. Прямо на его руки упал окровавленный человек. Он осторожно уложил его на пол, просунул голову в отверстие. Одного взгляда оказалось достаточно для того, чтобы убедиться: больше никого в живых не осталось. Он достал аптечку, включил фонарик.

— Анаэна!

Крик вырвался из его груди невольно. Да, это была она — вся в крови, с длинным порезом на лбу, без сознания. Тинкар быстро удостоверился в том, что конечности у нее целы, а рука неглубокая. Он ввел ей стимулятор, дезинфицировал рану и принялся ждать. Глухой рев заставил его вздрогнуть. Вулкан? Но вокруг потерпевшего аварию судна ничего не падало, и он вспомнил о грозе.

— Анаэна, — тихо произнес он.

— Кто это?

— Это я, Тинкар. Ну же, встряхнитесь, надо уходить. Это проклятое извержение в любой момент может возобновиться!

Она попыталась привстать, но со стоном повалилась на пол.

— Не могу!

— Неправда! У вас ничего не сломано. Ну же, соберитесь! Мой катер совсем близко...

— А остальные?

— Погибли, все до единого. Вставайте!

Он помог ей подняться и пробраться через брешь в корпусе. Солнце исчезло, небо почернело, первые капли дождя обрушились на раскаленную землю. Они двинулись вперед; Тинкар поддерживал ее за талию, почти тащил на себе. Каждое движение вызывало у Анаэны боль, но она отчаянно сжимала зубы и продолжала идти. Так они добрались до оврага. Из-за темноты противоположный склон не был виден. Теперь уже шел проливной ливень, и девушка мгновенно вымокла до нитки. Тинкара защищал скафандр. Под ногами набухали ручьи, превращая пепел в жидкую топкую грязь. Сквозь рев воды он услышал грохот обвала.

Он уселся на краю оврага, положил девушку себе на колени и заскользил вниз, одной рукой придерживая Анаэну, а другой притормаживая с помощью альпенштока. Спуск завершился более-менее благополучно. Теперь им оставалось вскарабкаться по откосу. Он порылся в рюкзаке, извлек из него фонарик, осветил склон. Потоки лавы залили пепел, образовав плотный слой, на который можно было опереться. Он усадил Анаэну под нависающей скалой и, барахтаясь в грязи, пересек овраг.

— Я за веревкой и сразу же обратно. Сидите здесь! — крикнул он.

Он направил луч фонарика вверх. В конусе света засверкали дождевые капли, но катера он не увидел. Подъем оказался тяжелым, несколько раз Тинкар соскальзывал вниз. Наконец он выбрался на платформу, вернее, на то, что от нее осталось: большая часть небольшой земляной площадки обвалилась под тяжестью катера, и теперь тот, вероятно, покоился на дне рва под обломками скал.

— Дождь!

Не тратя времени на бесполезные сожаления, Тинкара быстро вернулся назад. Девушка, свернувшись калачиком, лежала под выступом.

— Катер исчез. Боюсь, Анаэна, нам конец!

Она едва шевельнулась. Он наклонился к ней, прислушался к свистящему дыханию, положил фонарик на выступ камня, достал аптечку и сделал второй укол. Через несколько минут девушка села, устало провела рукой по лбу, посмотрела на темную кровь, оставшуюся на ладони. В черном небе еще вспыхивали редкие молнии, но дождь почти прекратился. Она в упор разглядывала свои растопыренные пальцы.

— Тинкар... Тинкар... я... неужели я... обезображена?

Несмотря на трагичность момента и ее вопроса, Тинкар расхохотался.

— Нет, хирурги «Тильзина» смогут убрать шрам, если мы отсюда выберемся, что, впрочем, маловероятно.

— А твой катер?

— Платформа, на которой я его оставил, обрушилась из-за дождя. Одному дьяволу известно, где он! Но в любом случае для полета катер уже непригоден. Пойдем. Пора уходить отсюда, мы находимся слишком близко к вулкану.

— Дождемся дня!

— Нет. В сторону обломков твоего катера движется поток раскаленной лавы. Он накроет нас еще до зари.

— Я так слаба! Думаешь, мы выберемся?

— Надеюсь, выберемся, если ты мне поможешь... Давай-ка, попробуй поесть. У меня тут кое-какая еда.

— А ты?

— Пока что мой скафандр еще герметичен, и местные бактерии, если они представляют для нас опасность, до меня еще не добрались. Постараюсь сохранять эту изоляцию как можно дольше. Подожду несколько часов, пока не иссякнут запасы воздуха. Потом придется отстегнуть шлем и прибегнуть к помощи панвакцины. Давай, поешь, попей, я скоро вернусь.

Отправившись на разведку, он прошел несколько сотен метров вниз по оврагу. Овраг расширялся и поворачивал вправо. Тинкар поднялся вверх, надеясь отыскать обломки своего катера и достать из него оружие и пищевые припасы. Вскоре путь ему преградила глубокая река грязи. Он понял, что аппарат лежит на дне грязевого потока и для них практически недоступен.

Когда он вернулся, Анаэна уже была на ногах. Одежда на ней насквозь промокла. Они без лишних разговоров двинулись вперед. Свет фонарика выхватывал из мрака небольшой островок земли перед ними и склон оврага. Над головой то и дело вспыхивали огненно-синие молнии, от горячей мокрой земли поднимался легкий туман. Дорога была скверной, усыпанной обрушившимися валуны, но идти, к счастью, приходилось под уклон. Они довольно-таки быстро спустились примерно на километр.

Извержение вулкана возобновилось, и хотя они уже находились вне зоны падения крупных вулканических бомб, мелкие камушки с противным свистом то и дело врезались в пепел вокруг них. Анаэна инстинктивно схватила за руку Тинкара и втянула голову в плечи. Землянин даже не дрогнул: эта природная бомбардировка была пустяком по сравнению с теми переделками, в какие ему доводилось бывать! Склоны оврага разошлись в стороны, уклон стал пологим. Они натолкнулись на старый растрескавшийся поток лавы, след давнего извержения. Анаэна буквально валилась с ног от усталости, и Тинкар решил остановиться на привал; здесь опасность была не столь велика. Он заметил в камне углубление, оставленное громадным газовым пузырем, — в нем можно было устроиться вдвоем.

— Забирайся туда. Я, кажется, видел кусты. Попробую развести костер.

В трещинах лавы виднелась скудная сухая растительность, чуть поодаль торчало несколько мертвых деревьев — их

белые ветви мрачно потрескивали под порывами сильного ветра. Тинкар вернулся к гроту с охапкой сушняка. От фульгуратора огонь вспыхнул сразу, весело затрещал, разогнал мрак и наполнил пещеру красноватым светом.

— Сними и высуши мокрую одежду, — сказал он Анаэне. — Я отвернусь!

Устроившись у входа, он принялся всматриваться в ночь. Вблизи вулкана зверей не было, он и не думал, что какие-нибудь приблизятся, пока продолжается извержение. И все же их мог привлечь огонь. Тинкар сидел с фульгуратором наготове, вслушивался в шорохи — за его спиной раздевалась Анаэна.

— Как вас сбило? Что за кретин пилотировал катер?

— Я! — откликнулась девушка.

Он тихо хмыкнул, и Анаэна восприняла его смешок как презрительную насмешку.

— Я умею пилотировать не хуже тебя!

— Сколько вас было?

— Пятеро. Но все согласились на облет вулкана. Я их не убивала, если ты это имеешь в виду!

— И что вы делали над самым кратером? Понравилось зрелище?

— Мы свободные люди! Мне хотелось взять пробы газа и каменных пород, выбрасываемых вулканом. Это иногда помогает получить ценные данные о строении глубинных слоев земной коры.

— А!..

Он замолчал. В его глазах бессмысленный маневр уже превращался в опасную миссию. Она отыграла одно очко.

— Почему ты ушел, Тинкар? — спросила она вдруг.

— Это тебя удивляет?

— Передай мне дрова, но не оборачивайся. Спасибо. Да, удивляет. Никто ничего не понял.

— Чертежи! — отрывисто бросил он.

— Я никого не просила их красть!

— Я тебе не верю.

— Но зачем мне было их красть? Ты и так обещал их отдать!

— Чтобы не позволить мне сделать этот красивый жест. Чтобы остальные и дальше считали меня земной вошью!

— У нас крайне мало шансов вернуться на борт, Тинкар. Зачем мне лгать? Я не крала твоих чертежей. Я узнала об их пропаже только тогда, когда патриарх пришел к моему дяде обсудить случившееся.

— Тогда где же они?

— Не знаю! Скорее всего, у кого-то на борту. Вероятно, у какого-нибудь авантиста. Если все будет нормально, следующие выборы на пост текнора пройдут через два года, но есть способы их ускорить. Например, обвинив текнора в некомпетентности, если удастся собрать достаточное количество подписей. Или предложив нечто действительно полезное и новое — вроде локатора. Ты не сможешь доказать, что речь идет об аппарате, сделанном по твоим чертежам...

— Еще как смогу!

— Вот как? Но, может быть, воры тайно построили один или несколько локаторов, которые уже работают, тогда как текнор о них даже и не подозревает. Представляешь, что будет, когда X или Z однажды объявит о приближении города галактиан или мпфифи! Большинству моих соотечественников будет совершенно все равно, украден аппарат или нет!

— Возможно. В любом случае, для меня все это уже пройденный этап.

Быть может, на борту было несколько работающих локаторов... Уж один-то, его собственный, точно существовал... Вероятно, были и другие. Быть может, несмотря на уверения Анаэны, они стояли даже в рубке управления!

— Всегда можно вернуться назад, Тинкар.

Он некоторое время молчал, потом медленно процедил:

— Не всегда. Вероятно, я женюсь на Йолии.

— Да? А мне-то до этого какое дело? Я думала вовсе не об этом.

Несмотря на вызывающий тон, ее голос звучал фальшиво.

— Можешь обернуться, я уже высохла.

— Тогда поспи, тебе это необходимо.

Он сгреб для нее в кучу тонкий песок, выровнял его, положил в изголовье рюкзак и вернулся к выходу.

— Тинкар?

— Что? Спи!

— Я слишком устала. Думаешь, мы выберемся?

— Все зависит от методов работы ваших спасательных команд. Если бы «Тильзин» принадлежал Гвардии, экипаж прочесал бы планету вдоль и поперек, но товарища в беде не оставил бы.

— У нас поступают так же!

— Тогда кое-какие шансы у нас еще есть. Если звери здесь не очень опасные, если помощь не запоздает, если бактерии не окажутся слишком сильными для нашей панвакцины, если есть съедобные растения и животные... Слишком много если!

— Тан сделает все возможное.

— Верю. Но если не хочешь спать, просто помолчи. Мне нужно подумать.

Когда наступил день, он расхаживал взад и вперед перед пещерой, у входа в которую догорал костер. Погода была ясной и прохладной. Он вскарабкался на скалу из лавы. Позади него дымился вулкан, ветер лениво разгонял столб густого дыма... Время от времени слышался взрыв, и в воздух взлетали очередные вулканические бомбы — черные точки в бледном небе, на котором занималась заря.

Ниже его наблюдательного пункта тянулись потоки застывшей лавы, исчезавшие под пологом леса, перед которым лежала узкая полоса кустарников. Вдали летали несколько птиц, скорее даже, крылатых животных — ввиду расстояния он не мог разглядеть их как следует, но ветер доносил до него отрывистые крики. Масса гигантских деревьев походила на черный непроницаемый занавес. Вдали, в самом сердце леса, торчал лысый конус давно потухшего древнего вулкана.

«Вот откуда нужно подавать сигналы», — решил Тинкар.

глава 6

На безымянной планете

Вернувшись в пещеру, Тинкар легонько потряс Анаэну за плечо. Она застонала, сжалась в комок и снова провалилась в сон. Он посмотрел на нее, лежащую на жестком ложе из песка, на ее разодранные одежды, спутавшиеся рыжие волосы, лицо в подтеках засохшей крови. В ней не

осталось ничего от той гордячки, с которой он познакомился на «Тильзине».

«Женщины не созданы для войны и испытаний», — подумал он и снова встряхнул ее, на этот раз посильнее. Девушка с трудом открыла глаза, приподнялась.

— Ах, да... Мы же потерпели кораблекрушение, — сонно протянула она. — Я уже и забыла...

— Дай-ка взглянуть на рану.

Он наклонился над ней, осторожно раздвинул склеившиеся волосы.

— Уже получше. Нагноения нет. Ваш биогенол — действительно отличное средство.

— Ты уже снял шлем? — Она с интересом посмотрела на землянина.

— Воздух кончился. Ночью, как только ты уснула. Нам надо добраться вон до той горы и любой ценой подать сигнал, если мы хотим, чтобы нас обнаружили, а с вулкана мы этого сделать не сможем! Когда твоя группа должна была вернуться на борт?

— Сегодня в полдень.

— А я — только вечером. Отсутствие сообщений их, конечно же, встревожит, но не следует надеяться на то, что спасатели вылетят до наступления ночи.

— Тан вышет все катера.

— Любая планета, Анаэна, очень велика, даже если она, как эта, чуть поменьше Земли. Я возьму рюкзак и пойду впереди. Надеюсь, ты умеешь пользоваться фульгуратором? Вот, возьми. Я предпочитаю винтовку — на случай, если вдруг попадется съедобная дичь.

Они спустились по совершенно отлогому склону и быстро добрались до леса, преодолев пояс густого кустарника. Деревья были очень высокими, их гладкие стволы тянули вверх ядовито-зеленые кроны. Между деревьев клубились буйные заросли, по стволам вились лианы. Тинкар в задумчивости остановился.

— Не нравится мне это. Здесь может прятаться кто угодно, а мы не имеем ни малейшего представления о фауне этой планеты. Не думаю, что тебе стоит напоминать — наша жизнь зависит от нашей ежесекундной бдительности.

С фульгуратором на поясе и молекулярной пилой в руке, он медленно зашагал вперед. Где-то вдалеке, в темноте леса, поднялся пронзительный крик, за ним послышалось отвратительное хихиканье. Тинкар остановился в нерешительности, не зная, как быть — входить под полог леса здесь или дальше, потом пожал плечами: на близком расстоянии его фульгуратор мог остановить даже тиранозавра мелового периода. Он поднял пилу и срезал низкие ветви. Они продвигались довольно-таки быстро. Если вначале лес был густым, то потом поредел, поскольку кустарник не мог выжить в густой тени гигантов деревьев. Воздух нагрелся. Чем выше поднималось солнце, тем труднее становилось дышать. Сверху падали капли воды, мягкая мшистая почва чавкала под ногами. Слева от них, в полутени, тускло поблескивало болото.

Не имея подходящих ориентиров, Тинкар проверял направление по компасу. Иногда плотно стоящие стволы напоминали колонны храма, посвященного неведомому божеству, влажному и свирепому. Путники проскальзывали меж стволами, покрытыми отвратительными ослизлыми лишайниками и мхами. Тинкар шел первым, все еще защищаемый скафандром, в котором уже появились прорехи от острых шипов кустарников предлесья, и размашистыми ударами ножа очищал стволы, чтобы его спутнице приходилось реже касаться мхов. На руках Анаэны уже появились крупные красные пятна аллергии.

Внезапно их глазам открылось жуткое зрелище. Посреди лужайки торчал обожженный молнией скелет дерева. На земле, покрытой вышедшими из-под тени крон буйными травами, лежало изувеченное длинное тело, под которым растекалась громадная лужа крови. Четырехпалое животное в длину было не менее десяти метров, змееобразное тело заканчивалось шипастым хвостом. Округлая голова была маленькой, пасть — с двумя заостренными клыками, череп — раскроен. Часть брюха, а также передние конечности отсутствовали — кто-то уже всласть попиrowал.

— Не млекопитающее, не рептилия, — спокойно сказала Анаэна.

— Похоже, довольно опасное животное. Но тот, кто его прикончил, вероятно, еще более ужасен!

— Следы, Тинкар!

Он присел на корточки, чтобы рассмотреть их получше. Следы имели форму четырехлучевой звезды — один палец неизвестного животного торчал вперед, два других — в стороны, четвертый, самый короткий, смотрел назад. Гигантские когти на каждом пальце глубоко впечатались в мягкую землю.

Тинкар распрямился, немного постоял, сделал шаг в сторону и сравнил свой след со следами чудовища.

— Оно должно весить несколько тонн. Судя по длине шага, высота его равна нескольким метрам. Кстати, посмотри, как высоко обломаны ветви. Вероятно, животное двуногое, как хищные динозавры Земли. Удачливый хищник на суше может иметь лишь две формы — форму льва или форму тиранозавра. В любом другом случае животное должно охотиться в стае, как волки.

— Не знала, что ты зоолог!

— Это не первая моя дикая планета. Правда, есть и третий тип хищника, о котором я забыл. Человек! Пойдем. Если зверь еще поблизости, лучше с ним не встречаться. Как он живет в таком густом лесу?

Ответ на этот вопрос нашелся быстро: новый пояс кустарников и свет, пробивающийся между стволами, возвестили о том, что лес кончился. Путники вышли на открытое место, по которому там и тут были разбросаны островки зарослей. Саванна тянулась почти до горы, к которой они направлялись.

— Вследствие перспективы я решил, что лес тянется вплоть до потухшего вулкана, но это не так. Лучше ли это, хуже ли — даже не знаю.

— Мне больше нравится равнина. По крайней мере, врага видно издалека.

— Но и он нас заметит издали и сможет подготовить засаду. Поверь, Анаэна, нам надо удвоить бдительность.

Конус вулкана был далеко, слишком далеко, чтобы надеяться на то, что они смогут добраться до него засветло. Они продвигались осторожно и потратили немало времени на переправу по бревну через речку. Речка кишела «рыбами», свирепыми и плотоядными, о чем свидетельствовало множество лежавших на дне скелетов.

Остановиться решили в полдень, на небольшом холме. До сих пор им встречались лишь мелкие животные, хотя слева от себя, правда, довольно-таки далеко, они заметили стадо громадных зверей. Стараясь сберечь остатки концентратов, они быстро и скромно перекусили, после чего утолили жажду водой из ручья, предварительно простерилизованной. Анаэна чувствовала себя усталой, ее знобило. Тинкара беспокоило состояние девушки. Рана постепенно затягивалась, но он опасался, что причина озноба в ином.

Наступил вечер, но до заветной цели было еще далеко. Тинкар остановился неподалеку от оврага и попытался найти надежное убежище. Не обнаружив ничего подходящего, он соорудил некое подобие хижины, сплетя между собой ветви пяти близко стоящих деревьев, но разжечь огонь долго не решался. В конце концов он собрал перед входом в их импровизированное убежище большую кучу сушняка и сухой травы, которую в случае необходимости можно было воспламенить выстрелом из фульгуратора, затем приготовил ложе для Анаэны, но растянулся на нем первым, велел разбудить его с наступлением темноты, и сразу же провалился в сон.

Когда девушка разбудила его, стояла темная ночь. Ни одна из двух лун еще не взошла.

— Ты не должна была позволять мне столько спать!

— Тебе это было необходимо. Я была на страже.

Он едва удержался от ироничного комментария. В конце концов ничего не случилось, и ему пришлось признать, что мужества, если и не опыта, у Анаэны хватает.

— Как ты себя чувствуешь?

— Раскалывается голова. Думаю, у меня небольшая лихорадка.

Он взял ее за руку, нащупал пульс и присвистнул:

— Небольшая, говоришь? Тридцать девять, не меньше!

Порывшись в рюкзаке, Тинкар вытащил коробку с само-впрыскиваемыми ампулами.

— Судя по этикетке, это то, что тебе нужно. Протяни руку.

— Дай, я сама сделаю укол.

— Не доверяешь?

Он протянул ей ампулу.

— Я хотела посмотреть, что это. С-126, общий антитоксин. Я боялась, что это Z-3.

— Лекарство последнего шанса? До этого мы еще не дошли. А теперь — спать. Завтра будешь чувствовать себя уже лучше.

Он уселся перед входом, держа фонарик и фульгуратор наготове. На востоке появились отблески перламутрового света, и из-за холмов поднялась серебристая луна. Тинкар долго смотрел на нее, не теряя бдительности. Вид луны был чужим, никак не напоминая игру теней древней спутницы Земли. Затем из-за горизонта появился второй спутник планеты, далекий, маленький, красноватый. Местность в свете двух лун стала хорошо просматриваться; проявились высоты, зоны теней, склоны, на которых, словно волны, блестели мокрые кусты. Легкий звук заставил его обернуться: Анаэна вышла из хижины и уселась рядом.

— Температура упала, — вполголоса сообщила она.

Он не ответил, одновременно смущенный и счастливый от того, что она сидит с ним бок о бок. Девушка долго молчала.

— Красиво, — наконец сказала она.

— Да, но мне было бы спокойней, если бы в нескольких шагах стоял мой катер, или же где-нибудь рядом сидела хотя бы пара гвардейцев.

— Могу я задать тебе один вопрос?

— Да... Нет! Ступай в хижину!

Тинкар уже стоял на ногах, сжимая в руке фульгуратор.

— В чем дело? Ты что-то увидел?

— Вон там, позади деревьев.

Она всмотрелась в ночь. В неярком свете лун тени казались двойными и колышущимися. Метрах в трехстах от них что-то двигалось. Одно из деревьев покачнулось, словно его задело огромное животное.

— Тинкар?

— Да?

— Что там?

— Откуда мне знать? Твой фульгуратор готов? Если эта тварь на нас нападет, дай мне выстрелить первым. У тебя хватит смелости?

— Надеюсь.

— Тогда останешься здесь, одна. А я спрячусь метрах в двадцати, вон за той скалой. Если животное направится в мою сторону, стреляй. Если пойдет в твою сторону, не стреляй, пока я не крикну: «Огонь!» Попробую всадить ему заряд в бок.

Он исчез в траве. Девушка устроилась поудобнее и принялась ждать. Больше никто не двигался. Она попыталась разглядеть Тинкара, но его не было видно; землянин прижался к скале, слился с нею. Анаэна вновь перевела взгляд на рожицу. Зверь вышел на свет. Он был высотой в несколько метров и напоминал кенгуру. В памяти всплыли слова Тинкара: хищник на суше может иметь лишь две формы — форму льва или форму тиранозавра... Зверь приближался широкими прыжками, без спешки, но быстро, буквально пожирая пространство. Она увидела тупую морду на короткой толстой шее, длинный хвост, ритмично бивший по траве. Оцепенев от ужаса, девушка отмечала ненужные подробности — отблески луны на коже, игру света и тени на внутренней поверхности лап. Порой чудовище наклонялось вперед, словно обнюхивая землю. Наконец оно застыло на месте, качая головой то влево, то вправо на высоте шести метров; в свете лун блестели белые острые клыки. Через какое-то время раскачивания головы прекратились, глаза уставились на хижину. Зверь прыгнул вперед. Он рос в размерах с каждым шагом. Девушка замерла и сжала оружие в ожидании подходящего момента для выстрела и падения на нее нескольких тонн живой плоти.

— Ана! Ко мне! Быстрее!

Она застыла на мгновение, которое показалось ей вечностью, и лишь когда сообщение мозга дошло до ног, рванула к скале, ощущая, как сотрясается земля под весом чудовища. Оно увидело ее, яростно взревело — вопль его походил на скрежет рвущегося металла. Тонкий синий луч прорезал воздух и застыл на шкуре зверя в тот самый момент, когда тот уже изготовился к новому прыжку. Монстр рухнул прямо на деревья, под которыми Тинкар соорудил подобие хижины. Стволы сломались с громким треском и рухнули. Хвост чудовища еще долго колотил по земле, разбрасывая комья травы и сломанные ветки. Наконец всякое движение прекратилось.

Тинкар был уже рядом с девушкой.

— Не очень испугалась?

— Нет, — солгала она.

— А я вот за тебя испугался. В какой-то момент я понял, что оно сожрет тебя, если я не выстрелю, и раздавит, если выстрелю. Надеюсь, завтра вечером на вершине мы будем в большей безопасности.

Прислонившись к скале, они дождались рассвета, и как только взошло солнце, осмотрели чудовище.

— Тиранозавроид. Но теплокровный, потому и отличается такой высокой подвижностью. Весьма объемный мозг. И вся эта гигантская машина смерти уничтожена пучком ионов!

— Ему не повезло напороться на третий и самый жуткий тип хищника — на человека. К несчастью, наш рюкзак с провизией находится теперь под ним. Где именно он лежал в хижине, не помнишь?

— Рядом с деревом.

Тинкар наклонился. Ствол был сломан на высоте полуметра от земли. Между телом, упершимся в обломок ствола, и землей оставался узкий проход, в глубине которого виднелся рюкзак. Он подтянул его к себе при помощи ветки.

— Повезло!

Вооружившись молекулярной пилой, Тинкар приблизился к голове чудовища. Жуткую пасть украшали громадные клыки, желтоватые и блестящие. Он отпилит два самых крупных.

— Держи, Анаэна, на память.

Она печально покачала головой.

— Оставь их себе, Тинкар. Я не имею на них права. Они принадлежат Иолии.

Он протянул их ей.

— Я отдаю их не женщине, а товарищу по сражению.

«Еще хуже», — подумала она.

Она удивилась собственной печали. В конце концов, что значил для нее этот горделивый планетянин? Он не принадлежал к ее народу. Когда его подобрал «Тильзин», она чувствовала по отношению к нему то же, что и большинство галактиан: зачем вешать себе на шею паразита? Тогда она с отвращением подчинилась приказу текнора: завоевать его доверие, разговаривать, выяснить, располагает ли Звезд-

ная Гвардия земной Империи локаторами. Пообщавшись с бравым гвардейцем, она поняла, что планетяне — такие же люди. Тинкар в ее глазах выглядел опасным, жестким, чужим, но трогательно одиноким. Однажды вечером она из сострадания пригласила его в гости. Оказалось, что землянин резко отличается от галактиан — он не попытался извлечь выгоды из своего положения. Он пощадил ее тогда, когда и текнор не смог бы отменить казнь за преступление, которое у галактиан считалось непростительным, — вмешательство в ход дуэли.

Она вспомнила вечер стыковки, его любезность, предупредительность, силу. В тот вечер девушка вернулась домой с затуманенной головой и впервые спросила себя: не слишком ли далеко она зашла в игре, не влюбилась ли сама?

Полюбить планетянина! Конечно, прецеденты были, все знали историю матери Орены, но то был плохой пример. Ее отец не приспособился к жизни на корабле и в конце концов ушел, тайно, во время высадки на планете, где жили люди. Из-за своего происхождения Орена многое ощутила на себе; почти все галактиане принимали ее лишь наполовину. Анаэна возмутилась от мысли, что ее дети... потом покраснела: неужели она дошла до такого? Но здесь все обстояло по-другому. Тинкар был истинным мужчиной и не бросил бы ее в беде, будь он хоть сто раз планетянином!

Затем произошла эта дурацкая кража. Она без устали искала того идиота, который мог бы сотворить такое, но все ее поиски так ничего и не дали. Орена? Зачем ей идти на это? Ради ее партии авантистов? Тогда их вожди должны были быть в курсе случившегося, а если бы они завладели аппаратом, то не преминули бы воспользоваться преимуществом. Вероятно, на корабле действовала небольшая группа недозвольных, занятых какой-то безобидной интригой. Текнор тоже продолжал поиски, но чертежи исчезли в буквальном смысле бесследно. Быть может, они были на «Франке», вместе с похитителями?

Тинкар нашел убежище у паломников. Вначале Анаэна надеялась, что он вернется. Он не вернулся. Она написала ему, но ответа так и не получила. Потом она узнала, что его часто видят в обществе Иолии, этой невзрачной девчонки, этой

мышки в сером платье. Вот тогда-то Анаэна забеспокоилась. Связь Тинкара с Ороной или любой другой галактианкой ее особо не трогала; она знала своих соотечественников и понимала, насколько отличается от них: их любопытство по отношению к этому сильному и странному человеку быстро бы угасло. С Иолией все обстояло иначе. Анаэна считала ее блеклой и бесталанной, но не могла отрицать того, что эта девушка обладает терпением, нежностью, материнским инстинктом, качествами, которые могли легко покорить человека, заблудившегося в ином мире. Она попыталась встретиться с Тинкаром, но тот отказался ее принять. Зато сейчас он находился в ее полном распоряжении, но было уже слишком поздно. Если он дал слово Иолии, к ней, Анаэне, он уже не вернется. В этом она была почти уверена.

«Если мы выберемся отсюда, — подумала она, — и Тинкар женится на Иолии, я уйду в другой город. Мне будет слишком тяжело знать, что он рядом, через несколько переборок, но совершенно недостижим».

Она посмотрела на него, осунувшегося, в рваном комбинезоне, с пробивающейся бородой и спутанными волосами. Он вырисовывался на фоне розового неба, высокий и стройный. Ей вдруг захотелось броситься к нему, спрятаться на его груди, признаться в том, что она его любит, и что все остальное ничего для нее не значит.

— Когда снимаемся с места? — спросила она твердым и безразличным тоном.

— Немедленно.

Они быстро пересекли оставшуюся часть равнины и подошли к хаотическому лабиринту оврагов и каменных блоков у самого подножия потухшего вулкана. Тинкар удвоил бдительность: за любой скалой могла скрываться опасность. Но им встречались лишь мелкие безобидные животные, в основном травоядные. И однако же они едва не погибли.

Тинкар шел чуть сзади, вцепившись в одну из лямок рюкзака. Анаэна прибавила шагу и вдруг в изумлении застыла на месте. Перед ней лежало несколько квадратных метров голой земли, усеянной правильными конусами с полметра высотой. Конусы были того же светло-коричневого цвета, что и глина, на которой они стояли. Заканчивались эти со-

оружия совершенно правильными круглыми отверстиями. Анаэна постучала по одному из конусов ногой. Он был тверд как металл и издавал гулкий звук — под ним была пустота.

— Подожди, не трогай!

Предупреждение запоздало. Девушка уже ударила сильнее и пробила тонкую оболочку. Из-под нее с яростным гудением вырвалось насекомое и быстро поднялось вверх. Из других конусов выплеснулись потоки живых существ, слишком быстрых для того, чтобы их можно было разглядеть. Девушка бросилась к Тинкару и вдруг почувствовала в левом плече ужасное жжение; ударив по плечу рукой, она раздавила ужалившее ее насекомое. Тинкар подскочил к ней, вскинул фульгуратор, включил его на самый широкий угол поражения и принялся поливать потоком лучей окружающее пространство. В едва видимом при ярком свете дня излучении заплясали красные звездочки.

— Быстро покажи плечо!

Он бесцеремонно разорвал тонкую ткань, и Анаэна инстинктивно прижала лоскуты к груди. На нежной коже расплывалось воспаленное пятно, в центре которого прямо на глазах набухла красная точка. Он выхватил из рюкзака нейтрализующую яд ампулу и впрыснул лекарство.

— Надеюсь, это подействует. Ты была неосторожна!

— Тинкар!

Он обернулся. Небо казалось черным от насекомых, которые все вылетали и вылетали из огромного многометрового конуса рядом с одной из скал. Он сунул ей в руку второй фульгуратор.

— Твой фронт справа, я прикрываю слева!

В течение нескольких минут, показавшихся им вечностью, они сражались с бесчисленным множеством опасных крылатых противников. Тинкара ужалили один раз, Анаэну — еще дважды. Атака прекратилась только тогда, когда погибло последнее из насекомых.

Тинкар снова достал аптечку: у них осталось всего две ампулы с противоядием. Он вколол обе девушке, потом вернулся и притворился, что делает укол себе.

— Какой дьявол тебя толкнул? Вас там что, на «Тильзине», ничему не учат? На Земле есть схожие существа, осы, их

укусы убивают человека так же верно, как и пуля! Ты разве не знала, что нельзя трогать то, что тебе неизвестно?

Тело девушки пронизывали приступы глухой боли, и она подумала: «Нашел время читать нравоучения!»

— Вперед! Пошли, пока можем двигаться! — скомандовал землянин. — Кто знает, может, нас хватит всего на несколько минут!

И все же он остановился, подобрал с земли одно не очень обгоревшее насекомое и рассмотрел его: сантиметра четыре длиной, четыре прозрачных крыла, восемь лапок, на конце острого брюшка — колючее жало.

— До этого мы не видели ничего, что походило бы на насекомого, — попыталась оправдаться Анаэна.

— Как и ничего похожего на змей! Но на неизвестной планете может произойти что угодно.

Он тут же прикусил губу: его тело внезапно пронзила ужасная боль.

— Пошли!

Они двинулись к приближающемуся склону. Анаэна удивилась тому, что она стала слишком часто обгонять Тинкара — тот шел, согнувшись вдвое. «Но ведь его ужалили всего раз», — подумала она и присмотрелась к нему повнимательнее — лицо побагровело, по лбу струится пот.

— Что с тобой?

— Ничего! Вперед!

Тело превратилось в сплошной комок боли, и силуэт девушки двигался перед Тинкаром в красном тумане. Ноги его ослабели, и он переставлял их лишь за счет чудовищных усилий воли. Земли под подошвами он почти не чувствовал. Голова гудела и кружилась, и он подумал, что жить ему осталось не долго.

Он остановился и рухнул на землю. Анаэна вскрикнула и попыталась его приподнять.

— Тинкар!

— Думаю, мне конец, — с трудом вымолвил он. — Возьми рюкзак, поднимись на вулкан и разожги сигнальный костер. Быть может, они тебя отыщут...

— Я тебя не брошу!

— Может, мне еще полегчает. Я тебя догоню. Оставь мне красный фульгуратор.

Зарядов в фульгураторе почти не оставалось.

— Тинкар, это я виновата!

— Пустяки, — тихо сказал он. — Опасности профессии...

Голова его упала на грудь, и он перестал шевелиться.

Несколько мгновений Анаэна пребывала в нерешительности, раздираемая тревогой и угрызениями совести. Она убила его по собственной неосторожности! Девушка ринулась к рюкзаку, выхватила аптечку, открыла ее и побледнела. Отсек с сыворотками-противоядиями был пуст, а до этого он содержал всего три ампулы.

— Он отдал мне все три!

Она в слезах склонилась над Тинкаром. Он дышал тяжело, с трудом хватая воздух открытым ртом. Что делать? Что делать? Она вновь порылась в аптечке... Ага! Стимулол!

Анаэна ввела ему две дозы и в отчаянии села рядом. Как действует яд этих насекомых? Она прислушалась к себе, пытается определить, как сыворотка борется с ядом. Она ощущала несильную боль во всех конечностях и суставах, собственные движения казались ей неуверенными, нескоординированными. Уж не воздействует ли этот яд на нервную систему?

Вдали, на самом горизонте, пронеслось черное пятно, сверкнувшее в лучах солнца. Помощь! Она сорвала с себя платье, замахала им над головой. Пятно продолжило путь по прямой и исчезло за горами.

— Они меня не заметили!

Девушка принялась ждать. Тинкар не шевелился. Она соорудила из одежды и веток навес, для того чтобы прикрыть лицо спутника от солнца. День медленно подходил к концу. Хуже Тинкару не становилось, но и в сознание он не приходил. Пульс у него был сильный и медленный, губы время от времени шевелились, бормоча непонятные слова. Она подкатила к нему несколько камней, для начала убедившись, что под ними никто не прячется, и устроила невысокий барьер вокруг распростертого на земле тела. Ей хотелось накрыть его плоскими камнями, но из суеверия она отказалась от этого намерения: это слишком походило бы на могилу.

Солнце опустилось за горизонт, с вечером пришла прохлада. Анаэна собрала сушняк, разожгла несколько костров по кругу и устало присела на камень. Тинкар бормотал какие-то

непонятные слова. Девушка вдруг обрадовалась — ему стало лучше. И тут же ее охватило отчаяние — он бредил.

— Нет, не убивай его! Никогда... Я не смогу, сержант, не смогу прыгнуть так далеко! Где ты, мама?.. Я не знал, что это так трудно — убить человека, который смотрит тебе в лицо... Это же кошка, только она и выжила! Иди сюда, мурлыка!.. Мы готовы погибнуть ради славы Империи!.. Иолия, Иолия, я недостойн тебя, у меня руки по локоть в крови, Иолия! В красной крови, такой же красной, как волосы Анаэны... Иолия, она украла мои чертежи! Я ее люблю... но у нее голова в крови! Где ты, Анаэна, я отдал тебе ампулы...

Она положила руку на его пылающий лоб.

— Я здесь, Тинкар. Здесь, с тобой.

Он медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Не оставайся здесь... Поднимись на гору, подай сигнал! Нет! Не подавай, они все тут разбомбят! Империя... Знали бы вы, сколько их я убил! Они все здесь, но у них нет лиц!

Он забился в конвульсиях, попытался привстать, но снова повалился на землю. Она ломала себе руки от бессилия.

Тинкар опять впал в забытие. Ночь вступала в свои права, и девушка подумала о прошлой ночи, как об утерянном рае. В ту ночь он был здоров и силен, крепко стоял на ногах, был ее надеждой и опорой. Она продрогла и снова натянула на себя платье. Она была измождена и сходила с ума от тревоги, но заставила себя поесть.

Начало ночи прошло спокойно. Они расположились на пригорке, покрытом травой и мелким кустарником; травоядным здесь было нечего делать, а потому сюда не влекло и хищников — те, судя по всему, охотились внизу, в богатой саванне. Но после восхода обеих лун по равнине разнеслось завывание невидимых во тьме тварей. Оно долго прокатывалось вдаль, во мраке, потом стало приближаться. Девушка настороженно вскочила на ноги: один фульгуратор — в руке, второй — за поясом.

Послышался треск сломанных веток, сквозь кустарники пронеслось какое-то животное. Анаэна едва успела разглядеть грациозное тело удаляющегося мягкими прыжками зверя.

«Дичь! Теперь должны прийти и охотники».

Они не замедлили появиться — низкие тени, прижавшиеся к земле, быстро продвигались вперед в движении, которое напоминало и бег, и ползание. Девушка насчитала их с два десятка, но, к счастью, они не обратили на нее ни малейшего внимания. Со вздохом облегчения Анаэна снова села на камень, борясь со сном и спрашивая себя, не пора ли принять стимулол. Она решила приберечь его для Тинкара и принялась расхаживать взад и вперед, дыша влажным ночным воздухом.

Завывания возобновились; теперь они слышались совсем рядом. Охота оказалась неудачной, дичь ускользнула, и хищники возвращались туда, где заметили другого зверя. Девушка вздрогнула и несколькими выстрелами из фульгуратора разожгла новые костры.

Звери застыли на почтительном расстоянии, и она смогла их рассмотреть: длиной они были около двух метров, с короткими лапами, змееобразным, покрытыми черной шерстью телом. Круглая голова заканчивалась продолговатой, как у земных гавиалов, мордой, из огромной пасти выглядывали длинные зубы.

Самый крупный зверь, вожак, медленно приблизился к огню. Анаэна приготовилась стрелять. Животное остановилось в нескольких метрах от пламени, подняло голову, открыв белую глотку, и пронзительно завывало. Издали ему ответили таким же воем. Зверь опять завыл, и Анаэна выстрелила. Животное рухнуло на землю, остальные хищники бросились на него, раздирая теплую плоть когтями и зубами. В надежде выиграть время она выстрелила еще дважды и убила пару хищников. Но подкрепление прибывало, в кустах шуршали тела, вскоре их окружило около сотни зверей, скопившихся за огненным кольцом. Их зубы поблескивали, хвосты яростно колотили по земле. Вскоре хищники осмелели; они делали рывки вперед, отпрыгивали назад, ползали по земле. «Пока пламя горит, — подумала она, — большой опасности нет. Потом...» У нее мелькнула ироничная мысль: победа не пойдет зверью на пользу, так как ее протеины могут оказаться смертельным ядом для хищников.

Она оценила скудные запасы дерева, упрекнула себя в том, что не собрала больше, и подбросила в затухающий костер

тяжелую ветвь. Та вспыхнула, разбросав сноп искр, затрещала, занялась огнем. Готовый к прыжку зверь затаился. Она могла стрелять, пока у нее не иссякнут заряды, но предпочла этого не делать. Что будет, если она не перебьет их всех? И что будет завтра, если завтра, конечно, настанет? Пока не догорят все костры, время еще есть. Только бы она смогла продержаться до зари! Эти хищники явно ночные животные, днем они с Тинкаром встречали лишь травоядных.

Вдруг ей пришла в голову спасительная мысль: кустарник вокруг был сухим. Если его поджечь, то, быть может, зверье разбежится. Она вынула из костра головешку и бросила ее в темноту. Недолет, ветка задымилась и погасла. Анаэна бросила вторую, радостно вскрикнула, увидев, что огонь охватил траву, пополз к кустам. Один из кустов запылал, словно факел.

Это ее едва не погубило. Оказавшись меж двух огней, звери выбрали наименьшее зло и бросились вперед. Девушка пристрелила почти всех тварей, но паре хищников удалось перескочить через огненный барьер. Анаэна отступила, споткнулась о камень, опрокинулась на спину. Один из хищников промахнулся, перелетел через нее и рухнул прямо в огонь с другой стороны, потом выскочил и с ревом бросился прочь. Вскочив на ноги, девушка пристрелила второго зверя.

Мало-помалу запасы сушняка подходили к концу, а до зари было еще далеко. Анаэна с отчаянием подумала, что спасти их может лишь чудо. И более горькой, чем мысль о собственной смерти, показалась ей мысль о том, что она не сумела защитить Тинкара.

Два костра превратились в кучу углей. Вскоре в ее оборонительном кольце откроются приличные бреши. Угли подернутся белым налетом пепла, их накал потускнеет, нетерпеливое зверье приблизится — вон один из хищников уже улегся рядом с затухающим костром, словно оценивая его жар. Зевнул, открыв черную пасть.

— Гранаты, Анаэна!

Вздрогнув от неожиданности, девушка обернулась. Тинкар полулежал, опершись на камни. Гранаты! Как она могла забыть о них! А ведь видела их на дне рюкзака!

— Иди сюда. Брось одну вон в ту группу, я слишком слаб, чтобы сделать это, и сразу падай на землю под защиту стены.

Девушка схватила гранату, прикинула ее вес, вырвала чеку, бросила снаряд и упала рядом с Тинкаром. Взрыв поразил ее своей силой, над ними со свистом пролетели комья земли и камни. Что-то с хлюпающим ударом упало к ее ногам — кусок плоти с обрывком шкуры. Она рывком вскочила на ноги.

Звери в беспорядке отступили. На месте падения гранаты валялись разорванные тела, некоторые из них слабо подрагивали. Анаэна взяла вторую гранату, бросила ее как можно дальше, но на этот раз только присела. Увидев вспышку багрового пламени, девушка почувствовала на своем запястье руку, которая бессильно тянула ее назад. Она все же упала на землю.

— Идиотка! Хочешь, чтоб тебя убило осколком?

Словно в подтверждение его слов, кусочек металла с жужжанием от ricochetировал от камней и исчез в темноте.

— Они уходят!

Анаэна в иступлении принялась плясать, радуясь победе и воскрешению Тинкара. Потом рухнула на камни и разрыдалась. Реакция была сильной и короткой. Вскоре она успокоилась и смогла заняться своим спутником.

— Как ты себя чувствуешь?

— Еще ощущаю некоторую слабость. В остальном все хорошо. Порой сводит ноги, но это пустяки. А ты?

— Я? Лучше некуда! Но если бы ты умер, Тинкар... Ты отдал мне всю сыворотку! Зачем ты это сделал?

— В Гвардии, если ранен товарищ, то помощь оказывается ему. Женщина в подобных походах — тот же раненый.

— Благородно с твоей стороны. — Анаэна почему-то почувствовала себя оскорбленной. — Но, знаешь ли, мне уже доводилось бывать с исследовательской миссией на различных планетах, пусть вчера вечером я и совершила непростительную глупость. Поверь мне, твоя Иолия...

— Иолия — не моя, и я не сомневаюсь в твоей храбрости. Я крайне признателен тебе за то, что ты осталась охранять меня, даже если это больше смахивало на безумие. Думаю,

Июлия поступила бы так же, хотя, вероятно, и с меньшим успехом. Помоги мне встать, я голоден.

— Держи, вот рюкзак с провизией. У нас осталось всего ничего. Обо мне не думай, я уже поела. Что будем делать, когда пища закончится?

— Попробуем местное мясо или фрукты, если найдем. Каков будет результат, сказать не могу.

— Как только подумаю обо всех инструментах для анализа, которые остались на катерах!.. Кстати, вчера вечером я видела катер, летевший вниз, далеко-далеко... Я подавала сигналы, но меня не заметили.

— Они, несомненно, вернуться. Чем быстрее мы поставим флаг или что-то вроде этого на вершине горы, тем будет лучше. Помоги-ка, я попробую идти.

Он сделал несколько неуверенных шагов, опираясь на ее плечо, потом бессильно опустился на землю.

— Иди вперед.

— Я не могу оставить тебя одного!

— Днем нам мало угрожает. Я пойду короткими переходами. Не знаю, что за яд у этих насекомых, но я чувствую себя таким слабым, словно из меня высосали половину крови! Где наши боеприпасы?

Анаэна протянула ему оружие, он проверил его при слабом свете умирающего огня, скривился.

— В одном два заряда, в другом — шесть. Скорей бы нас подобрала, не то мне придется изготовить лук и стрелы!

Они двинулись в путь с первыми лучами зари. Тинкар шел с трудом, но, к его радости и удивлению, по мере продвижения усталость скорее уходила, нежели усиливалась. Тем не менее он отправил Анаэну вперед и догнал ее только после полудня. Склоны старого вулкана были не очень крутыми, но их загромаждали каменные блоки, между которыми росли густые кустарники; нередко встречались и овраги.

На ночь они устроились под навесом старой, изъеденной эрозией скалы — крышей им служил древний застывший поток лавы. Вокруг поблескивали сколы обсидиана.

— Ну вот, будет из чего изготавливать наконечники стрел, если нас вовремя не отыщут, — пошутил он. — Наступает вечер, пора разжигать костер.

Они собрали на крохотной площадке большую кучу сушняка и стволов мелких деревьев, и вскоре в ночи весело вспыхнуло пламя.

— Теперь я настроен оптимистично, Анаэна. Помню, перед стартом я сказал патриарху, что собираюсь начать разведку прямо под точкой расположения «Тильзина». Это несколько сужает площадь поисков, а то, что ты видела катер, доказывает одно — этот район обследуют.

Она вдруг спросила:

— Ты любишь Иолию?

Он посмотрел на нее с любопытством.

— Не знаю. Думаю, да.

— Ты уже дал ей слово?

— Нет, а что?

— Ничего. Просто хотела знать. А Орена?

— Думаю, я ее никогда не любил. Но мне в тот момент был нужен хоть кто-то. Я ее забавлял, она поддерживала меня морально. Мы квиты.

После этих слов они надолго замолчали. Затем Тинкар встал.

— Я подежурю первым. Иди спать.

— Нет, дежурить должна я, — возразила Анаэна. — Я меньше устала.

— Я разбужу тебя, как только почувствую утомление. Иди!

Он уселся, прислонился к скале, и именно в этом положении его застигла вспышка света. Луч ударил с неба, пробежал по склону и застыл на нем. Тинкар вскочил и замахал руками, крича:

— Анаэна! Они здесь! Они здесь!

Девушка подбежала к нему уже через пару секунд.

— Спасены! Мы спасены!

Она вдруг бросилась ему на шею, пылко обняла. Он осторожно высвободился. На платформу приземлился маленький черный катер.

— Твои друзья-паломники, — заметила Анаэна.

Дверь распахнулась, на землю прыгнула легкая фигурка и со всех ног рванула к ним. Иолия! Девушка подбежала к Тинкару.

— О, Тинкар! Я так молилась, чтобы тебя нашли! Уже собиралась возвращаться в лагерь, когда заметила ваш костер!

По ее лицу текли слезы, она едва держалась на ногах — Тинкару даже пришлось приобнять ее, чтобы не упала.

— Я повсюду искала тебя с того самого дня, когда ты не вернулся! Ничего! Даже обломков нигде не нашли!

— Вероятно, остались под лавой вулкана.

— Но как так вышло, что обе группы потерпели аварию в одном и том же месте?

Он коротко рассказал, что случилось. Иолия повернулась к Анаэне, в глазах ее пылал гнев.

— Так это из-за вас он едва не погиб!

— Иолия, она тоже спасла мне жизнь!

— А сколько раз спас ее ты?

Тинкар вынужден был повысить голос. По возможности, он собирался сохранить дружбу как одной девушки, так и другой.

— Хватит уже сводить счеты! Это не приводит к чему хорошему — разве что к ссорам. Возьми Анаэну на борт, доставь в лагерь и возвращайся за мной.

— Нет, вначале я доставлю тебя. Она может и подождать.

— Этот мир слишком опасен для девушки!

— Ты сам не совсем еще оправился от тяжелой болезни!

— Что ж... Мне знаком этот тип катеров. Он может забрать всех троих, если лагерь не слишком далеко, но придется немного потесниться.

— В трехстах километрах отсюда.

— Летим!

— Не раньше, чем я кое-что проясню.

Иолия повернулась к Анаэне:

— Благодарю вас за то, что помогли Тинкару, но все же напомним вам, что он вскоре должен на мне жениться.

— Ты же говорил, что еще не дал ей слова, Тинкар, — в голосе галактианки звучал упрек, — а эта женщина...

— Я ничего ей не обещал, Ана, но...

Он умолк, окончательно запутавшись.

— Тинкар полагал, что это я выкрала чертежи локатора, и ушел к вам из чувства досады! Теперь он знает, что я здесь

ни при чем, и это все меняет! Вам понятно? Он вас не любит, он сам мне сказал!

Иолия испустила стон раненого животного.

— Это правда, Тинкар, ты меня не любишь?

— Довольно! — рявкнул он. — Нет, ничего подобного я Анаэне не говорил. Я даже сказал ей, что мы должны пожениться...

— С сожалением. Ты сказал, что слишком поздно, чтобы...

— Да чтоб вас обеих забрали дьяволы космоса! Хватит уже драться за мою персону! Быть может, мое мнение тоже что-то еще значит? Я люблю вас обеих или ни одну из вас, сам еще не знаю! Я вымотан, и, если так будет продолжаться, вам не о ком будет спорить, — добавил он, опускаясь на землю.

— Прости меня, — взмолилась Иолия. — Пойдем, я помогу тебе забраться в катер.

Поддерживаемый обеими девушками, он поднялся в летательный аппарат, рухнул в кресло и заснул.

Проснувшись, Тинкар обнаружил, что лежит на кровати. Вместо металлического свода над ним нависал светло-зеленый пластиковый потолок. Он с любопытством осмотрелся: его поместили в огромную палатку. Сквозь треугольное отверстие входа виднелись несколько деревьев, склон и очищенная от кустарника площадка, по которой двигались машины. Мимо двери, не останавливаясь, прошли несколько мужчин. Тинкар оделся, благо его комбинезон лежал рядом, на металлическом стуле, и вышел из палатки. Было еще очень рано, солнце едва показалось из-за холмов, на востоке.

«Неужели я так мало спал? А чувствую себя совершенно отдохнувшим», — сказал он про себя.

К нему подошел один из мужчин, врач с «Тильзина».

— Ну и как вы, после трех суток сна?

— Я проспал трое суток?

— Вы были так измотаны, что мы вкатили вам изрядную долю снотворного. Вы нуждались именно во сне.

— А как Анаэна?

— Еще не проснулась.

Тинкар уселся на поваленное дерево — слабость все еще ощущалась. Кроме врача, все в лагере носили строгую одежду

паломников. Стало быть, добровольная сегрегация поддерживалась даже при высадке на планету. Но что здесь делал врач галактиан? Среди менеонитов хватало компетентных докторов.

Мужчина словно прочел его мысли.

— Я нахожусь здесь по просьбе текнора и патриарха, но не для того, чтобы лечить вас — мои коллеги прекрасно справляются с этим и без меня. Мне поручено узнать у вас, что случилось. Тан Экатор хотел бы вас видеть, и как можно скорее.

— Где он?

— В нашем лагере, в двухстах километрах отсюда. Рядом с вулканом.

Врач удалился, и Тинкар вновь погрузился в свои мысли. Он был смущен, более того, потерял уверенность. Будущее выглядело слишком сложным. Любил ли он Анаэну? Иолию? Или обеих вместе, как он заявил при их встрече? Он и сам не знал этого. За время долгого пребывания среди паломников молодая галактианка постепенно выветрилась из его памяти, по крайней мере, он так считал. Но несколько суток, проведенных на опасной планете, показали ему, что это не так. И однако же у него была Иолия...

В Гвардии не поощряли самоанализа, и хотя за последние месяцы он не единожды задавался вопросом, как будет жить дальше, пока что он в себе так и не разобрался. Одна часть его существа желала спокойной жизни рядом с Иолией, жизни спокойной, но, разумеется, не без приключений. Он знал, что обретет в ее лице спутницу верную, невинную и нежную. Но другая его часть, та самая, которую его товарищи прозвали «Тинкаром-Дьяволом», тянула его к Анаэне. С ней его существование превратилось бы в ежедневное сражение, возможно, это была бы битва характеров, но зато какая жизнь!.. Он колебался и, будучи привычным к принятию решений быстрых и безапелляционных, страдал от того, злился на обеих девушек.

«Идеалом было бы, — размышлял он, — иметь под рукой Анаэну на время тяжелых испытаний, а Иолию — на периоды спокойствия».

Но он знал, что ни та, ни другая не согласятся с таким разделом. Он отбросил ненужные мысли и задумался над

тем, что будет делать после возвращения на борт. Разумеется, он мог бы и дальше жить у паломников. Но в этом случае ему пришлось бы жениться на Иолии, дело зашло слишком далеко. Или же вернуться в свою квартирку, которая, как ему сказала галактианка, все еще ждала его? Злость, вызванная кражей чертежей, давно улетучилась. После недавней одиссеи его примут вновь. При необходимости он даже сможет восстановить чертежи, отдать их текнору...

Но примут ли его? Да и считали ли его вообще там когда-либо своим? Быть может, в момент стыковки? С другой стороны, если он женится на Анаэне...

К тому времени, когда из палатки вышла галактианка, он еще ничего не решил. Перенесенные испытания, казалось, прошли для Анаэны бесследно, только на лбу ее виднелся небольшой шрам. Она вновь стала сама собой, племянницей текнора, руководителем отдела по борьбе с мпфифи. Девушка с улыбкой подошла к нему, и он встал.

— Ну что, Тинкар, как ты себя чувствуешь?

В ее голосе прозвучала нотка тревоги, и от этого ему почему-то стало радостно на душе.

— Прекрасно, а ты?

— Замечательно! Готова начать все сначала.

Ее бахвальство ему не понравилось.

— И снова бить ногами по гнезду... — съязвил он.

Лицо ее посуровело.

— Сколько раз ты будешь напоминать мне об этой глупости?

— Я не хотел тебя оскорбить, Ана. Любой может допустить ошибку, главное — не повторять ее.

Она снова расплылась в улыбке.

— Прости. Это была моя первая оплошность на планете.

— Надеюсь, и последняя... Но оставим эту тему. Полагаю, ты отправляешься в свой лагерь?

— Да, и ты тоже.

— Я еще ничего не решил.

— Послушай, это твое добровольное изгнание абсурдно! Уверяю, в городе у тебя больше не возникнет ни малейших неприятностей. Я сама позабочусь об этом. И потом... я хочу, чтобы ты всегда был рядом со мной.

— Что касается первой части твоих планов, то защититься я способен и сам. Относительно второй, повторяюсь, я еще ничего не решил.

— Ты нужен нам. Тан намерен поручить тебе оборону города.

— И мне обязательно для этого покидать анклав?

— Люди едва ли станут подчиняться паломнику.

— Я не паломник. К тому же планетянину они станут подчиняться с еще меньшей охотой.

— Ты перестанешь быть планетянином, как только передашь нам локаторы.

— Разве их у вас еще нет?

— Я уже говорила тебе, что это не мы украли твои чертежи! Я сказала тебе это в тот момент, когда думала, что нам не выжить, и у меня не было ни малейших причин лгать тебе! Повторяю тебе это еще раз, Тинкар, — последний!

Она побагровела от гнева.

— Хорошо. Но и это не обязывает меня уходить из анклава. Мне там уютнее, чем у вас, Ана. Ваша цивилизация мне чужда.

— А цивилизация полумонахов ближе? Тинкар-гвардеец среди монахов! Скажи лучше, что ты меня не любишь!

— Не знаю. Полагаю, в вечер стыковки я тебя любил, но с тех пор немало воды утекло.

— А главное, появилась эта серая мышка! Святая недоtroга Июлия! Маленькая грязная паломница! Тинкар-герой, соблазненный девицей, не знающей ничего, кроме своих молитв!

— Замолчи! Не тебе ее судить! И потом... не забывай, что это она нас спасла.

— Это было проще простого! На удобном сиденье катера!

— И после тридцати часов непрерывных поисков! Тридцати часов без сна — со слезящимися от усталости глазами, без усталости вглядывающимися в джунгли, в горы, в саванну!

— Я бы сделала то же самое! И я охраняла твой сон, когда нас окружили хищники!

— Я знаю это!

— Ты спас меня дважды, — вдруг сказала она с нежностью. — Я тоже это знаю и никогда не забуду. Но разве

ты не видишь, что испытания связали нас неразрывными узами? Подумай обо всем том, что мы могли бы совершить вдвоем! Когда разгорится война с мпфифи, твоя помощь будет неоценимой. Через несколько лет ты сможешь стать текнором! Городам придется тесно сотрудничать, а во главе их должен стоять человек решительный, умелый, привыкший командовать. Таким человеком можешь стать ты, Тинкар! Ты можешь встать во главе всего Звездного народа!

— А ты спрашивала себя когда-нибудь, желаю ли я этого? Поверь, я вас вовсе не презираю. Но все же я планетянин. Да, я люблю космос! Но я родился на одной из планет, а не где-то между ними. Мне иногда нужно ощущать твердую землю под ногами, небо над головой, чувствовать ветер, видеть облака, траву, которая стелется под моими ступнями...

— Я и не знала, что ты поэт, — насмешливо произнесла она. — И что, кстати, у тебя под ногами *сейчас*? Конечно же, не трава. Наши друзья паломники тщательно очистили место лагеря, очистили до самой земли! Что тебе мешает высаживаться на планету каждый раз, когда у тебя возникнет подобное желание? Планет хватает!

— Что ты видишь во мне, Ана? Того человека, каким я и являюсь? Или же образ, сотворенный тобой и не соответствующий действительности? Я прошел военную подготовку, но я не гений-стратег! А может быть, ты видишь во мне инструмент для достижения своей мечты о могуществе? Что я для тебя? Возможный спутник или инструмент? Мне надоело, что меня подталкивают то к одному, то к другому! Отдай локаторы, Тинкар! Обучи полицию, Тинкар! Будь мне пьедесталом, Тинкар! С меня довольно!..

— Мы выбрали тебя...

— Когда я плавал в космосе? Это неправда. Вы помогли не человеку, вы выбрали рабочий инструмент. Одни лишь паломники ничего от меня не требовали, даже перехода в их религию!

— О нет! Они более хитрые! Женим его на одной из наших девушек, а уж потом...

— Замолчи! Я не хочу ссориться с тобой. Дай мне подумать. Но если я приду к вам, то — заруби себе это на носу —

вовсе не в качестве инструмента для каких-то целей. Ни для тебя, ни для других!

— Хорошо, я поняла. Ступай к своей дурочке! В конце концов, ты прав. Мне будет любопытно взглянуть, что выйдет из скрещения планетянина с самкой паломников!

Он яростно тряхнул ее за руку.

— Ты не соображаешь, что говоришь. Будь ты мужчиной, я...

— Отпусти меня!

Ее глаза сверкали яростью и злобой.

— Вот, кстати, и она! Ступай к ней!

Анаэна вырвалась и пошла навстречу Иолии, преградила ей путь. Тинкар замер на месте, не зная, как быть. Девушки быстро обменялись парой-тройкой, потом в утреннем воздухе сухо щелкнула пощечина. Анаэна быстрыми шагами направилась к вертолету. Тинкар бросился к Иолии. Та в недоумении держалась за покрасневшую щеку.

— О, Тинкар, почему она это сделала? — прошептала она.

— Пустяки, Иолия, пустяки.

Он обнял ее, почувствовал молодое тело под грубой тканью платья, и его вдруг переполнила внезапная нежность. В один миг он принял решение.

— Ты выйдешь за меня, Иолия?

Он почувствовал ее дрожь.

— Да, Тинкар, — тихо сказала она.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

глава 1 Мпфифи

Тинкар отодвинул от себя листок, испещренный уравнениями. Теоретическая часть была закончена, вскоре он сможет приступить к сборке гиперпространственного приемопередатчика. В лаборатории было тихо. Все сотрудники давно разошлись, оставив его одного. Он устал, но все же был счастлив.

«Я был создан не для солдатской жизни, — подумал он в который уже раз. — Мой удел — математические исследования, борьба с неизвестным...»

Многое произошло с момента высадки на дикую планету. Он больше не виделся с Анаэной. На следующий день он встретился с текнором. Их беседа была короткой и бурной.

— Я не одобряю поведение моей племянницы, — сказал Тан, — но не одобряю и твое. Чего ты добиваешься?

— Ничего. Хочу спокойно дожить до того дня, когда вы сможете высадить меня на Землю или любую другую планету, населенную людьми.

— Иолия уйдет с тобой?

— Да.

— Я ждал от тебя большего, Тинкар. Думал, ты поможешь нам в борьбе с врагом, который в ближайшем будущем не пощадит и планет, будь они населены людьми или негуманоидами.

— Я был готов сделать это в тот момент, когда у меня украли чертежи. Они сейчас у кого-то из ваших. Найдите его. И тогда я сведу с ним счеты в одном из парков, а потом мы сможем продолжить разговор с пользой для обеих сторон.

— Своим упрямством ты ставишь под удар всех, в том числе и Иолию.

— Не думаю. Но если это и так, я готов рискнуть.

— А если мы оставим тебя здесь?

— Вы не можете так поступить. Паломники приняли меня в свою общину, и вы несете по отношению ко мне ту же ответственность, что и по отношению к ним. Они не позволят вам бросить меня здесь!

Тан махнул рукой в жесте бессильного гнева и удалился.

Еще до окончания работ в шахтах Тинкар женился на Иолии. Церемония бракосочетания прошла в соответствии с ритуалом паломников, простым и коротким. С этого дня Тинкар стал считаться паломником, пусть он и не разделял их веры.

Тинкар встал, убрал записи, машинально взглянул на локатор. Ничего. Он пополнил чернилами резервуар самописца, вставил новый рулон бумаги и собрался уходить. Игла слегка покачнулась — туда-сюда.

Он сориентировал внешние антенны, провел поиск вслепую. В гиперпространстве что-то двигалось, но объект находился очень далеко.

— Что это — город? Или же мпфифи?

Следовало ли предупредить патриарха? Текнора? Впрочем, текнора предупредят те люди, которые украли чертежи. Холонас... Тинкар пока еще никому не сообщил о существовании локатора. Коллеги по лаборатории полагали, что собранный аппарат является результатом его исследований в области гиперпространственного радио...

Игла нарисовала кривую и вернулась к нулю. Контакт был утерян. Они находились вдали от опасных зон, к тому же летели в гиперпространстве. Пока что они ничем не ри-

сковали. На всякий случай он просидел у локатора целый час, а затем вернулся домой.

Иолия уже уснула. Он осторожно улегся рядом. Она прижалась к нему, не просыпаясь, обняла одной рукой.

Тинкар долго лежал с открытыми глазами, глядя в темноту, хотел встать, разбудить патриарха. Но мало-помалу сон все же сморил его. Он устал от долгих ночей, проведенных за рабочим столом, а в постели было так тепло и уютно.

«Вот уже три месяца, как я женат, — думал он. — Три месяца счастья...»

Удар разбудил его не сразу. Он открыл глаза, прислушался, к нему постепенно возвращался инстинкт воина. Еще один удар, не столь сильный, а потом вдруг — взрыв, от которого затряслись корпус и металлические переборки, зловещий вой сирены. Иолия рывком села, включила лампу.

— Четыре удара, — пробормотала она, дрожа всем телом. — Катастрофа или...

— Или мпфифи, — закончил Тинкар, упрекая себя за глупость.

Он поспешно натянул одежду.

— Внимание! Внимание! — ожил громкоговоритель. — На город напали мпфифи! Всем мужчинам немедленно занять свои боевые посты!

Тинкар в ярости сорвал печати со шкафа с оружием, схватил два фульгуратора, карабин, пояс с боеприпасами. Побледневшая Иолия тоже взяла фульгуратор.

— Я бегу в госпиталь, Тинкар, там мое место.

— А я — к четвертому взводу.

Он наклонился к ней, крепко поцеловал.

— Будь осторожна, Ио! И, что бы ни случилось, спасибо за счастье, которое ты мне подарила. Помни: я люблю тебя!

— До скорого свидания, любимый! Не рискуй понапрасну!

— Не беспокойся! Видел и не такое!

Он бросил последний взгляд на хрупкую фигурку в белой форме медсестры и вышел. По улице бежали паломники, Тинкар поспешил в штаб, где его ждал подчиненный ему взвод. В огромном помещении толпились вооруженные мужчины, люди сновали туда и сюда, повсюду царил беспорядочная суэта. Ему удалось отыскать капитана.

— Тинкар Холрой, взвод четыре. Где нас атаквали?

— В пяти местах, они обозначены на карте. Вам надлежит немедленно присоединиться к взводам шесть, семь и восемь в точке три.

По привычке он отсалютовал и щелкнул каблуками. Несмотря на всю серьезность положения, паломник улыбнулся.

Взвод был в полном сборе — сто человек с двумя тяжелыми фульгураторами и десятью пулеметами. Не теряя времени, они направились по уже опустевшим улицам к точке 3 плана (палуба 4, сектор 2), но так до нее и не добрались. На перекрестке их остановил галактианин с офицерской повязкой.

— Пункт назначения?

— Точка три!

— Слишком поздно. Наши линии прорваны. Бой идет в парке 15. Идите туда, да поспешите!

Они свернули, нырнули в гравитационный колодец, пробежали по широким улицам, догнали еще один взвод. Руководя людьми, Тинкар думал: «К счастью, ни одна из точек боя не находится рядом с анклавом».

Вдруг он спросил себя, что делает Анаэна, решил, что она с Таном на командном пункте пытается организовать сопротивление. Он почувствовал сожаление: вероятно, и ему следовало бы находиться там.

До них уже доносились звуки боя, глухие взрывы гранат, свист тяжелых фульгураторов, сухой треск пулеметов и еще один незнакомый звук, похожий на прерывистое дыхание — так, наверное, звучало оружие мпфифи. Они добрались до парка 15. Их остановили на сторожевом посту. Тинкар и командир второго взвода, тощий темноволосый галактианин, подошли к поджидающему их офицеру.

— Вы, Скотт, идете налево и помогаете взводам 122, 123 и 127, они ужасно нуждаются в подкреплении. Вы...

— Холрой.

— А! Планетянин? Что ж, посмотрим, как сражаются в земной Гвардии. Идите со своими паломниками вправо и помогите взводам 80 и 87. Им тоже нелегко. Вам нужно продержаться не менее двух часов.

— Позиции противника?

Офицер вытащил из кармана план.

— По последним данным, десять минут назад мпфифи были вот здесь.

Карандаш бегал по плану, вычерчивая кривую линию, оба конца которой упирались в стены парка.

— Классика, — пробормотал Тинкар. — Их нельзя обстрелять с потолка?

— Нет... Хотя это мысль! Можно проделать отверстия и... ладно, идите, я сообщу о вашем предложении текнору.

Пожав плечами, Тинкар повернулся к своим людям:

— Ну что — двинулись! Будьте осторожны, делайте так, как я вас учил, и все пройдет хорошо.

Они пробрались в парк через небольшую запасную дверь и тут же оказались в гуще боя. Воздух загустел от дыма, повсюду горели кусты, пули свистели над их головами, врезаясь в металлические стены.

— Вперед! Укрывайтесь за деревьями. Пулеметчикам развернуться в линию. Один фульгуратор — направо, второй — налево!

Они начали продвигаться. Шедший первым Тинкар изредка оборачивался, проверяя, следуют ли за ним его люди. Свист пуль становился все пронзительнее.

— Ложись! Ползком! Заряжающие, не отставать!

Он столкнулся нос к носу с мужчиной, двигавшимся в обратную сторону.

— Куда?

— Меня послали посмотреть, подошло ли подкрепление.

— Быстрее не могли! Веди нас к линии обороны.

— К тому, что от нее осталось!

В русле пересохшего ручейка остатки взводов 80 и 87 пытались сдержать натиск противника.

— Кто здесь командует?

К Тинкару подполз человек.

— Я. Замкомвзвода Балларт.

— Беру командование на себя. Командир взвода Холрой. Сколько вас?

— Около пятидесяти.

— Из двухсот?

— Нет, из четырехсот. С нами были также взводы 76 и 40. Осторожно!

С прерывистым свистом, похожим на шипение разъяренной кошки, что-то пролетело над их головами и упало в нескольких десятках метров позади. К далекому потолку взметнулось короткое пламя и облачко земли и дыма.

— К счастью, у них оружие ограниченной мощности, — пробормотал замкомвзвода.

Тинкар его уже не слушал. Наклонившись к микрофону, он отдавал приказы.

— Фульгуратор 1, пройдитеесь-ка по кустарникам прямо перед нами. И тотчас же смените позицию. Пулеметы к бою!

Живые изгороди яростно пылали, обрушиваясь и разбрасывая головешки. Тинкар высунул голову из укрытия, пытаясь оценить ситуацию. Метрах в ста, на другой стороне небольшого парка, проходя через ворота и тут же падая на землю, перемещались неясные силуэты.

— Пулеметы 2 и 4, сосредоточьте огонь на этих воротах. Помешайте подходу подкреплений. Черт возьми! Это нужно было сделать уже давно! Где были ваши пулеметы?

— У нас их не было, командир!

— Вас послали в бой с пустыми руками?

— С карабинами, гранатами, легкими фульгураторами. Нужно было продержаться до прибытия подкрепления.

— Но обычно в ваших взводах есть пулеметы?

— Есть, но у нас не было времени зайти на склад.

Тинкар едва не задохнулся от ярости. Стало быть, за пределами анклава оружие хранится на складах!

— Вот же ослы! Неудивительно, что мпфифи практически каждый раз одерживают победу. Внимание, они переходят в атаку!

Под прикрытием мортир, чьи снаряды падали теперь частым дождем, мпфифи рывками продвигались вперед.

— Пока не стрелять никому, кроме пулеметов 3 и 4 и нескольких карабинов. Ждите, пока не увидите их глаза!

Дисциплинированные и стойкие, паломники ждали под ливнем огня. Один снаряд упал прямо в ручей метрах в пятидесяти слева от Тинкара, и он в который уже раз услышал ужасные крики покалеченных людей. Цепь врагов приближалась, он впервые разглядел мпфифи. Более высокие, чем люди, они бежали с грацией и ловкостью, их оружие сыпало

пулями и воспламеняющими лучами. Они оказались уже в сорока метрах, в тридцати, в двадцати...

— Огонь!

Восемь скрытых пулеметов, два фульгуратора и карабины разом открыли стрельбу. Тинкар стрелял прицельно, стоя во весь рост, и казался неуязвимым. Цепь атакующих откатилась назад, оставив на земле множество раненых и убитых.

— Прекратить огонь! Сменить позиции! Быстро!

Мимо него шесть потных, грязных бойцов протащили пулемет, один из них был не паломником, а галактианином. Тинкар попытался вспомнить, кто был в этом взводе и кого теперь не хватало.

Он опросил своих четырех заместителей.

— Говорит Мальпас. Двое убитых, трое легко раненных.

— Говорит Туран. Трое убитых, двое тяжело раненных, эвакуированы.

— Говорит Рау. Все целы.

— Говорит Смит. Один убитый, раненых нет.

Обстрел возобновился, более мощный и прицельный.

— Теперь можно не выжидать. Они знают, что будет. Открывайте огонь, как только поднимутся во весь рост, но попусту пули не тратьте!

Атаку удалось отбить и на сей раз, но потери среди людей тоже оказались значительными. К Тинкару уже вернулось привычное вневременное ощущение сражения. А ведь прошел всего час с того мгновения, как взвыли сирены. По крайней мере, так утверждали его часы.

Бой продолжался еще два часа. Слева фронт был прорван, и снаряды теперь сыпались с фланга. Тинкар уже подумывал об отступлении, когда как раз таки и пришел такой приказ. Их просили продержаться два часа, они продержались больше трех.

Они быстрыми перебежками проскочили улицу, по которой велся прицельный огонь, и потеряли еще несколько человек. Перехватив какого-то капитана, Тинкар поинтересовался:

— Как идут дела на других фронтах?

Офицер отвел его в сторону.

— Плохо. Нас потеснили в точках 1, 2 и 5. Продержались лишь точка 4 и вы. Враг просачивается практически повсюду.

— Что делает текнор?
— Не знаю. Я уже целый час не получал от него приказов.
Боюсь, как бы нас от него не отрезали.
— Что находится в этом секторе?
— Квартиры. Пустые. Те, кто не участвует в боях, были эвакуированы в центральные парки.
— Тогда какого хрена мы здесь делаем?
— Защищаем город, планетянин!
— *Так* нам не победить! Нужно контратаковать! Перенести бой на их территорию!
— Легче сказать, чем сделать!
— Попробовать можно. Отойдем и..
— Нет! Нужно стоять здесь! Приказ текнора!
— Глупость! Как только мпфифи прорвут нашу оборону, они рассеются по городу и начнется резня! Здесь мы ничего больше сделать не сможем!

Капитан устало махнул рукой.

— Что я могу?
— Следуйте за мной со своими людьми!

Мощный взрыв бросил их на землю. В нескольких десятках метров от искромсанный перегородка извергла целый поток мпфифи.

— Слишком поздно, планетянин!

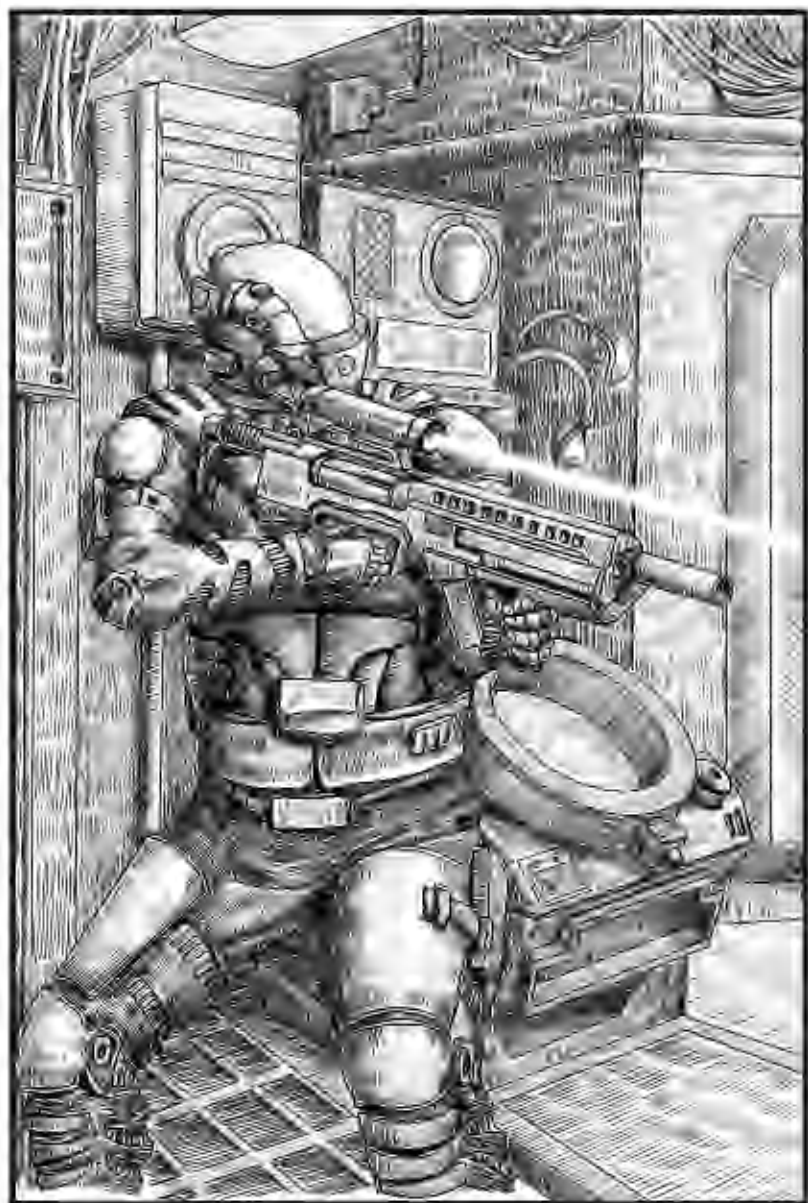
Тинкара рядом уже не было. Пригнувшись, не обращая внимания на свистящие пули, он вместе с несколькими паломниками разворачивал тяжелый пулемет. Через секунду он открыл огонь по кишасей толпе, заполонившей всю улицу.

— А теперь — вперед!

Тинкара ринулся на мпфифи, на ходу метнул две гранаты, расчищая проход, устремился в образовавшуюся брешь, бросил третью гранату себе за спину, и через пару минут оказался на пустынной улице с двумя легкими пулеметами и тремя десятками бойцов своего взвода. Ворвавшись в одну из квартир, он попытался связаться с центральным постом. Никто ему не ответил.

— Нет никакого смысла погибать здесь! Где-то рядом должна располагаться вторая линия обороны!

Вторую линию они обнаружили на ближайшем перекрестке. Оттуда он смог дозвониться до текнора.

— Говорит Холрой. Нам конец, если все так и будет продолжаться. Дайте мне карт-бланш и двести человек, и я попытаюсь контратаковать.

— Что вы собираетесь делать?

— Увидите сами!

— Тогда ответ «нет»!

— Послушайте, Тан. Мне наплевать на ваш город, но моя жена лечит раненых в одном из ваших госпиталей. Мне не хочется, чтобы ее живьем сожгли эти животные. У меня нет времени излагать вам свой план.

Ответил ему уже другой голос, голос Анаэны.

— Чего ты хочешь, Тинкар?

— Спасти вас, при необходимости — даже против вашей воли. Но мне нужно двести человек и полная свобода действий.

Несколько мгновений царил тишина.

— Хорошо. Бери их. Но не там, где ты находишься сейчас. Возьми людей из резерва командного пункта. Передай свой взвод старшему офицеру.

Тинкар поспешно направился к командному пункту — на улицах ему встречались подходившие подкрепления, он прыгал с одного бегущего тротуара на другой, взлетал по лестницам, гравитационные лифты казались ему слишком медленными. Анаэна ждала его.

— Люди здесь, лучшие из тех, каких мы смогли найти. Не стану скрывать: ты наша последняя надежда, Тинкар. Ах! И почему ты не принял предложения Тана?

Он горько усмехнулся.

— С тех пор я совершал и более серьезные ошибки! Но сейчас не время для сожалений. Что мы имеем?

— Вот, смотри.

На стене командного пункта красной линией было отмечено положение противника на всех палубах. Тинкар облегченно вздохнул. Анклав паломников был все еще в безопасности.

— Где город этих свиней?

— Приклеился к нам, сверху. Что ты хочешь сделать?

— Взять его приступом!

— С парой сотен бойцов?

— Ровно столько и нужно для того, чтобы отвлечь внимание врага от тех, кто поползет по корпусу с взрывчаткой. Я хочу перерезать гравитационные туннели, которые соединяют корабли. Затем мы уйдем в гиперпространство, а на их корпусе взорвется установленная мною атомная бомба.

— Едва ли столь безумный план удастся претворить в жизнь... Но выбора у нас нет. Я согласна. Но с тысячью человек.

— Это слишком много... или слишком мало. Хватит и двух сотен. Мы выйдем через тамбур паломников и пройдем под «Тильзином». Мне нужен надежный человек, которому я мог бы доверить командование диверсионной группой.

— Пойду я! — тотчас же откликнулась Анаэна.

— А сможешь?

— Как и любой другой галактианин. Но придется ввести в курс нашей операции текнора. Только он может выдать нам легкую атомную бомбу.

Когда они проходили через анклав паломников, Тинкар отлучился на пару минут, чтобы найти Иолию, но отыскать ее за это время не успел. Он оставил ей записку. Они миновали тамбур и, благодаря ботинкам с магнитными подошвами, без особых трудностей прошли по внешней части корпуса. Они чувствовали себя нормально ровно до того момента, пока не добрались до края выгнутой линзой поверхности корабля; тут им на мгновение показалось, что они заглянули в бездонную пропасть, усеянную блестящими звездами.

Город мпфифи всей своей массой лежал на верхней палубе. Из его чрева выходили пять абордажных туннелей, опоясывающих корпус «Тильзина».

— Взорви сначала два туннеля, Анаэна. Вполне вероятно, что с каждого из концов имеется тамбур, но это привлечет внимание врага к месту взрыва. Попытайся проникнуть внутрь их города, но далеко не уходи, как бы тебе ни любопытно было увидеть их город изнутри. Сделай так, чтобы остальные три туннеля взорвались десятью минутами позже. Теперь до скорого или прощай, даже и не знаю!

Он запустил двигатели скафандра и поднялся к вражескому городу в сопровождении шести человек, несших контейнер с атомной бомбой.

Все было спокойно. Тинкар успел заметить подрывников за работой, потом изгиб корпуса скрыл их от его глаз.

— Стоп, — просигнализировал он.

Идти дальше не стоило, их могли засечь в любую секунду.

Короткая вспышка осветила «Тильзин», за нею последовала вторая. Два первых туннеля были взорваны. Он представил себе, как Анаэна и ее люди врываются в бреши, образовавшиеся во вражеском корабле, и улыбнулся. Разве можно куда-то *врываться* в скафандрах! Отбросив посторонние мысли, Тинкар принялся искать подходящее место для установки бомбы, потом решил, что для этого подойдет любая точка, — он все равно не знал плана вражеского города. Пять минут пролетели мгновенно. Они закрепили бомбу, и Тинкар активировал механизм замедленного действия, который должен был через десять минут включить термоядерную реакцию.

— Быстро назад! — приказал он своим людям. — По пути предупредите товарищей. Я вас догоню.

Он тщательно отрегулировал стрелки механизма, затем вдруг почувствовал, что рядом кто-то стоит, и выругался.

— Ну что за люди! Я же велел уходить!

Мощный удар по шлему заставил его обернуться. Над ним гигантом высился мпфифи в скафандре.

Тинкар выпрямился так резко, что магнитные подошвы едва не оторвались от корпуса. Противник превосходил его ростом на добрых тридцать сантиметров, но, похоже, не был вооружен. Какой-нибудь техник, осматривающий корпус. Мпфифи уже поднимал руку для очередного удара. Тинкар пригнулся, увернулся от кулака, схватил врага за ноги и отбросил подальше от корпуса. Мпфифи, вращаясь, улетел в космос. Тинкар вдруг пожалел незадачливого противника, вспомнив свое собственное падение. Легкая дрожь пробежала под его ногами.

«Остальные туннели! — догадался гвардеец. — Они взорваны! «Тильзин» вот-вот нырнет в гиперпространство!»

Он побежал — неуклюже, то и дело спотыкаясь и скользя на гладком металле. Город все еще был здесь, и в его корпусе он мог видеть два зияющих отверстия, таких близких и таких далеких, — в них исчезали последние силуэты лю-

дей. На обычный спуск времени уже не оставалось: включив двигатели на полную мощность, он спикировал вниз, словно снаряд. Успел заметить, как продолговатый предмет ударил «Тильзин» и где-то далеко впереди вспыхнул свет, а затем влетел головой вперед в одну из дыр, отчаянно пытаясь затормозить с помощью обратной тяги. Шлем его ударился о пол, и он потерял сознание.

Очнулся он в незнакомой комнате, рядом с ним стояли два врача и Анаэна.

— Ну как?

— Ты выиграл, Тинкар. Сейчас мы гасим последние очаги сопротивления в нашем городе.

Со вздохом облегчения он откинулся на подушки.

— Ну что ж, пора возвращаться к своим. Поздравляю, Ана. Смелости тебе не занимать. Впрочем, я всегда знал это. Мы ведь можем остаться друзьями? Хотя, когда ты узнаешь, что я натворил... Я собираюсь вернуться домой и как следует отоспаться! Июлия, наверное, меня уже заждалась.

Что-то во взгляде Анаэны заставило его побледнеть.

— Она... Она не...

— Последняя торпеда мпфифи, Тинкар, попала прямо в госпиталь, где она работала. Июлия вряд ли страдала, она, вероятно, даже не успела сообразить, что случилось...

* * *

Тинкар проснулся с сильнейшей головной болью. Во рту пересохло. Какое-то время он тупо смотрел в потолок, не соображая, где находится. Потом память вернулась, и ему захотелось умереть.

Он лежал в своей старой квартире. На столе, на прежнем месте, валялся рулон с картинами Пеи, которые он оставил, отправившись искать убежища у паломников. Они лежали здесь и в тот день, когда...

Комната провоняла спиртным. Привстав, Тинкар увидел, что у его ног разбилась бутылка, весь пол был усеян осколками стекла. Мигрень усилилась, мозг словно болтался в черепе, ударяясь о кости.

— Неделя! Прошла уже целая неделя!

Он поднялся, осторожно ступая туда, где не было осколков, прошел в кухоньку и жадно напился воды. Потом сел за стол и долго сидел неподвижно, охватив голову руками. Он не мог даже плакать.

Целая неделя!

Тинкар вспомнил, как, словно во сне, несся по улицам города в сопровождении Анаэны и других галактиан. Его приветствовали мужчины и женщины, но он ничего не замечал. Он ворвался в анклав, как слепой добрел до квартиры. В спальне, на неубранной постели еще лежала его пижама и ночная рубашка Иолии. Только тогда-то он все и понял.

Несколько часов он провел в одиночестве, ходя из комнаты в комнату, пытаясь забыть, поверить в то, что все это неправда. Все вокруг еще носило на себе отпечаток Иолии, и он цеплялся за эти последние мгновения, мгновения, в которые еще мог надеяться на то, что она просто отсутствует, что вот-вот вернется и улыбнется ему. Потом вдруг он осознал горькую правду и рухнул на кровать, сжимая в руках рубашку жены, все еще хранившую запах ее тела.

Затем он хладнокровно, словно речь шла о товарище, павшем в бою, разобрал все вещи, которые хотел сохранить на память или отдать семье, и навсегда покинул квартиру. Он не мог в одиночестве жить там, где все напоминало о ней.

Тинкар пожелал увидеть место, где она погибла. От госпиталя практически ничего не осталось. По невероятной случайности торпеда, пробив корпус, не взорвалась сразу, а пролетела по коридору и попала в помещение, где находились тридцать раненых, два врача и пять медсестер, в том числе и Иолия. От людей ничего не осталось. Даже опознать было нечего. Он отправился к убитому горем Холонасу, а потом ушел, не желая присутствовать на траурной церемонии, вернулся в свою старую квартиру и с тех пор пил до потери сознания, пытаясь забыть, что и сам частично повинен в гибели жены.

Заверещал входной звонок. Он не сдвинулся с места, желая, чтобы его просто-напросто оставили в покое. Звонок зазвенел с еще большей настойчивостью. Он открыл, вошла Анаэна. Она с жалостью посмотрела на него, медленно приблизилась и положила руку ему на плечо.

— Не нужно, Тинкар.

— Не нужно чего?

— Так опускаться. Это недостойно для такого человека, как ты.

Он уставился на нее в упор, почти с ненавистью.

— Тинкара-гвардейца, да? Героя и спасителя? Не просящего уже целую неделю? Когда же вы наконец оставите меня в покое, позволите побыть обычным человеком? Пovyть в своей конуре от ярости, тоски и сожаления? Да плевать я хотел на то, что там для меня достойно или недостойно... Уходи!

— Даже не знаю, что тебе и сказать, Тинкар. Я понимаю твою боль...

— Нет, не понимаешь! И не можешь понять! Это я ее убил, слышишь? Это я ее убил...

— Не говори глупостей...

— Ты не знаешь! У меня в лаборатории был работающий локатор. И я за несколько часов до нападения знал, что нас кто-то преследует... Мы могли бы подготовиться и встретить их во всеоружии! Но я ничего не сказал, потому что ненавидел вас, галактиан, и был уверен, что, украв мои чертежи, вы и сами построить как минимум один локатор и вести наблюдение! Я переложил свою ответственность на других, не удостоверившись, действительно ли вы обладаете этой аппаратурой! И тем самым я убил ее, убил столь же верно, как если бы, вернувшись в тот вечер домой, задушил собственными руками!

— У тебя... у тебя был локатор?

— А у вас его нету, не так ли? Вы повторяли мне это тысячу раз, но я не поверил! Не поверил потому, что, оказавшись на борту, увидел, что со мной обращаются не как с человеком, а как с парией, неприкасаемым! А потом было слишком поздно! Я не верил ни единому вашему слову! Вы тоже, тоже виновны в ее смерти!..

Анаэна побледнела.

— Пять тысяч убитых! Пять тысяч, не считая Июлии. Мы слишком дорого заплатили за свои предрассудки, Тинкар, а ты — за свою горделивость!

— Вот как? Хорошенькую мы с вами устроили мясорубку!.. Но ты еще забыла о погибших мпфифи! В один миг не стало целого города. Сколько их там было? Тысяч сорок?

— Ну, этих-то мне не жалко!

— А я, видишь ли, не могу их ненавидеть! Я ненавижу себя самого — и вас! Когда нас убивает враг, это нормально. Но когда, по глупости, мы с вами... Вот чего я не могу себе простить!

— Ты забудешь, Тинкар. Человек забывает, чтобы жить дальше.

— Забыть *ее*? Ты знаешь, в моей жизни, кроме матери, только она была нежна со мной. Я был счастлив, Анаэна, счастлив целых три месяца! Ты даже представить себе не можешь, чем были для меня эти три месяца счастья!

— Ну почему же? Я знаю, что такое три месяца страданий. Он, казалось, *ее* не слышал.

— Я никогда не знал ничего подобного, такого спокойствия духа, такой живой дружбы, такого тепла! Когда я по вечерам возвращался из лаборатории, она встречала меня у двери. Все вечера, за исключением этого последнего, когда я вернулся слишком поздно, чтобы в последний раз насладиться *ее* улыбкой! Я любил *ее*, понимаешь, а за исключением нескольких товарищей — это совсем другое! — я никогда никого не любил! Когда я сражался в парке, пытаюсь остановить врага, которого вам не удалось сдержать, я сражался не за город, не за Империю, не за человечество, а за *нее*, только за *нее*, за то единственное существо, для которого я что-то значил, за женщину, которая нуждалась во мне так же сильно, как я нуждался в ней! Но я предал *ее*, не смог уберечь, я убил *ее*! И теперь мне наплевать на все остальное, наплевать! Иди отсюда, дай мне напиться! Когда я пьян, я сплю и забываю обо всем!

— Думаешь, она бы это одобрила?

Он застыл с бутылкой в руке, словно пораженный молнией.

— Она сумела за оболочкой солдата разглядеть в тебе человека. Признаю, лучше, чем я. Лучше, чем мы все!

— Да, и я *ее* убил!

— Ты не убивал *ее*, Тинкар. Мы все несем ответственность за *ее* смерть. Я первая. Если бы я смогла преодолеть свои глупые предрассудки, если бы отнеслась к тебе по-дружески с самого начала, эта стена недоверия никогда бы не выросла! Но...

После некоторых колебаний она продолжила:

— Но я страдала, когда видела тебя с той женщиной. Вот и весь секрет!

— С Ороной? Но она никогда ничего для меня не значила! То была соломинка, за которую хватается утопающий, — удивленно произнес он.

— Думаю, я полюбила тебя в тот самый момент, когда впервые увидела, Тинкар! Не бойся, я не стану докучать тебе своей любовью. Ты предпочел Иолию и оказался прав. Она была лучше меня, и я всегда буду терзаться угрызениями совести за то, что оскорбила и ударила ее там, на этой проклятой планете. Если это хоть немного тебя утешит, знай: ты страдаешь не один, пусть наши страдания и не поддаются сравнению.

Он долго не мог ответить, потом обнял девушку за плечи:

— Не знаю, смогу ли я когда-нибудь тебя полюбить, Анаэна.

— Я от тебя ничего не требую. Разве что разрешения оплакать вместе с тобой Иолию и все то, что могло бы быть между нами.

глава 2

Возвращение на Землю

— **Н**у вот. Теперь, с помощью этих чертежей, вашим инженерам не составит труда построить столько локаторов, сколько потребуется.

Тинкар бросил связку бумаг на стол перед текнором. Тан встал, подошел к нему.

— Мы были не правы по отношению к тебе и дорого за это заплатили. Мне следовало... Впрочем, есть ли смысл ворошить прошлое? Да и мог ли я поступить иначе? Трагедия «Гильзина» была предначертана, когда Килос II жестокими репрессиями вынудил наших предков-инженеров покинуть Империю! Зерно ненависти было посеяно, дало всходы, и жертвой его оказался ты... а затем и мы тоже.

Тинкар равнодушно махнул рукой.

— Так ли это важно? С чего бы все ни началось, факты остаются фактами. Иолия погибла — и по моей вине, и по вашей. На будущее Звездного народа мне наплевать, я передаю вам эти чертежи единственно в память об Иолии и паломниках.

— Можем ли мы что-нибудь для тебя сделать?

— Да, вернуть меня на Землю.

— Это может быть опасно для «Тильзина».

— Не теперь, когда у вас есть локаторы. Вы оставите меня в космосе, в пределах досягаемости для земного катера.

— Я надеялся, Тинкар, что тебе удастся интегрировать в нашу среду, — с сожалением произнес Тан. — Нам нужны такие люди, как ты, чтобы сдерживать мпфифи. А Анаэна...

— Вам ничем меня не купить — ни женщиной, ни почестями, ни властью.

— А Анаэна будет тосковать, — спокойно продолжил текнор. — Неужели ты думаешь, что я так низко пал, чтобы торговать собственной племянницей?

— Сам видишь, мы никак не можем понять друг друга. Лучше я вернусь к своим.

— Будь по-твоему. Встретимся перед твоим отлетом.

Под ним, открывая сквозь разрывы облаков знакомые очертания, вращалась Земля, настоящая Земля людей. Несколько минут назад Тинкар связался по радио с посадочными службами и получил разрешение на приземление. Через три часа он должен был ступить на родную землю, но мысль об этом не вызывала у него особых эмоций.

— Ты еще вернешься, Тинкар, — сказал ему Холонас, когда он зашел попрощаться перед отлетом. — Ты пропитался духом галактиан в большей степени, чем думаешь, и оставляешь здесь слишком много своей души, чтобы расстаться с нами навсегда. Ты возмужал. Если я верно усвоил уроки истории, тебе вовсе не понравится то, что ты найдешь и что некогда оставил, и уже не сможешь с презрением отнестись к тому, что узнал среди нас.

— Ты вернешься, Тинкар, — сказал ему текнор. — Империя развалилась, и на этой планете нет ничего такого, что могло бы удовлетворить твои новые запросы. А «Тильзин»

ты найдешь преображенным. Ни один человек на борту никогда не забудет, что обязан тебе жизнью!

— Ты вернешься, Тинкар, — произнесла на прощание Анаэна. — Ты вернешься, потому что я люблю тебя!

Сам он в этом сомневался. Как бы ни изменилась Земля, это, однако же, был его мир, его цивилизация. Мало-помалу он забудет о случившемся. Прошло два месяца со дня смерти Иолии, и он уже мог думать о ней, не сходя с ума. О! Боль никогда не утихнет, пустоту ничто не заполнит, но у него будет столько дел на Земле...

Тинкар припомнил все, о чем узнал, прослушивая земное радио. Империя окончательно рухнула. Он еще не знал обстоятельств ее падения, но управлявший ныне планетой Совет продолжал обращаться к последним сторонникам Императора, призывая прекратить борьбу и присоединиться к победителю, чтобы начать отстраивать все заново.

Наконец астропорт дал разрешение на посадку. Он медленно заскользил над европейским континентом, потрясенный увиденными разрушениями. Бр'лин, Лион, Марсел превратились в руины. Наконец появилась Империя, словно оседлавшая пролив, разделяющий Европу и Африку. Громадные межконтинентальные мосты обвалились, на море почти не было видно судов. На южном берегу, там, где некогда гордо возносился к небу императорский дворец, зиял огромный кратер. Наконец возник астропорт, бесконечная пустыня бетона, некогда усеянная крейсерами и разведчиками. Сейчас он был почти пуст, а слева, на месте диспетчерской башни, торчала груда ржавого металла. Теперь антенны вращались на крохотной временной башенке, едва ли достигавшей в высоту и ста метров.

Сердце Тинкара вдруг сжалось: рядом с башней стоял «Скорпион», его торпедоносец, весь помятый, но целый! Он узнал бы его из тысячи других. Ни у одного корабля не было такой заостренной кормы, двух убирающихся внутрь башенок позади командной рубки.

— Старина «Скорпион»! Он все еще жив!

Кто им сейчас командует? Один из старых друзей? Или кто-то, ему не знакомый? Тинкар направил катер вниз, не обращая внимания на сигналы, сел рядом со своим бывшим

кораблем, спрыгнул на землю. Стрелой промчался по рас- трескавшемуся бетону, прижался к нагретой солнцем броне.

— Эй, вы! Какая муха вас укусила! Мы могли бы и вы- стрелить!

Рядом с ним остановился автомобиль с четырьмя муж- чинами.

— Тинкар! Мне говорили, но я не поверил! Где ты про- падал все это время? Тебя считали пропавшим без вести!

Из-за лобового стекла машины ему улыбался Пер Эриксон.

— Я тебе все расскажу.

— Явился сдаваться?

— Возможно. Пока еще не знаю всю ситуацию.

— Залезай, я тебе ее объясню.

— Кто командует «Скорпионом»? — не удержавшись, спросил Тинкар.

— Я. Но мы почти не летаем. Есть другие дела. Ты знаешь, что с Империей покончено? Власть захватил народ, а управ- ляет нами Совет. Знати больше не существует.

— А ты в армии?

— Я никогда не был фанатичным сторонником старого режима. А перед самым его концом даже попал в число подо- зреваемых. Я сдался почти сразу же, одним из первых. А ты?

— Я сделал даже худшее, — солгал Тинкар. — Не передал приказ Седьмому флоту. Гляди-ка, да он еще тут!

Он извлек из кармана куртки нетронутый пакет, на кото- ром сияла императорская печать.

— Отлично! Тебя примут с распростертыми объятиями! Если бы Седьмой флот прибыл, все могло бы закончиться по-иному. Но я не знал, что ты был среди мятежников.

— Помнишь Гекора?

— Твоего друга? Понимаю, к чему ты клонишь.

— Кто сейчас правит?

— Джон Саймак, Луи Лантье, Герман Швабе. Остальных ты не знаешь.

Тинкар содрогнулся. Три бывших генерала, известных во всей Империи своей подлостью и жадной властью.

— Я думал, народ...

— Совет правит от имени народа, — прервал его Эриксон, толкнув локтем в бок. — Сейчас тебя допросят о твоих по-

хождениях. Кстати, ты завтракал? Нет? Что ж, позавтракаем вместе.

Офицерская столовая располагалась в деревянном бараке, крытом железным листом. Завтрак оказался обильным, но не слишком вкусным.

— Ну, рассказывай, что делал. Мне бы не следовало с тобой говорить, но...

Эриксон наклонился к нему и доверительно прошептал:

— Мы, ветераны Звездной Гвардии, должны держаться вместе. Быть может, ты знаешь вещи, которые будут опасными для тебя. Если что, я укажу какие.

— О! Не думаю, что мне сто́ит чего-либо бояться. Получив приказ, я стартовал, взял курс на Фомальгаут, потом, выйдя из поля обзора детекторов, сменил курс, добрался до границ Империи и сел на некой населенной людьми планете.

— На одной из первых колоний? И как там идут дела?

— Неплохо! Приняли меня хорошо, хотя я и подорвал свой корабль. Один из их звездолетов вчера вернул меня сюда и оставил в паре миллионов километров от Земли в небольшом катере.

— Они сильны?

— Империя в расцвете своего могущества могла бы их раздавить. Теперь их лучше оставить в покое. Там образовалась конфедерация из ста с лишним планет. Есть у них кое-какие союзники и среди других рас.

История сама собой текла с его губ — история, которую он тщательно подготовил в последнюю неделю пребывания на «Тильзине».

— Но детали я сообщу разведслужбе. Скажи лучше, как обстоят дела *здесь*.

— В принципе, неплохо. Вечером мы с тобой еще успеем наговориться. Пока тебе подыщут жилье, будешь обретаться у меня. И — никаких возражений! Мы же ветераны Гвардии!

— Как так вышло, что за мной не приехали офицеры разведки? Во времена Империи...

— Слишком заняты, вероятно. Пока что ответственность за тебя несу я. И должен доставить тебя в Службу.

Они поболтали о том о сем: о бунте, о погибших — таковых было большинство — товарищах, о тех, кто выжил.

Допрос был долгим и тщательным. Люди, буквально засыпавшие его вопросами, были Тинкару неизвестны. Он рассказал свою историю, детально описал мир, в котором якобы жил, показал несколько фотографий различных миров, в которых когда-то побывал «Тильзин» — снимками его предусмотрительно снабдил текнор.

— И они доверили вам один из своих кораблей?

Тинкар улыбнулся.

— Небольшой межпланетный катер, способный преодолеть всего несколько миллиардов километров, но не оборудованный никакими гиперпространственными устройствами.

— А какие именно они используют?

— Не знаю. Отличные от наших, полагаю, но меня даже близко не подпускали к машинному залу и постам управления. Но зато они несколько раз демонстрировали мне свое оружие. Почти такое же, каким располагаем, или располагали, мы. Я подам письменный рапорт.

— Какова их политика по отношению к нам?

— Выжидательная. Они знали о существовании Империи и ненавидели ее. Известно им и о ее падении. Именно от них я узнал об этом и попросил вернуть меня на родину.

— Хорошо. Пока мы придумаем, куда вас назначить, оставайтесь в нашем распоряжении. Будете получать свое содержание лейтенанта. Если вы нам солгали, пеняйте на себя!

— Я же не передал императорский приказ! Что еще вам нужно?

— Это правда! Саморазрушающаяся печать была нетронутой. Можете идти.

Квартира Эриксона оказалась маленькой, но уютной. Сидя в кожаном кресле со стаканом в руке, Тинкар расслабился, поэтому вопрос хозяина застал его врасплох.

— Ну ладно, старина, теперь, когда мы вдали от нескромных ушей, скажи-ка мне правду. Где ты был?

— Но... Я же тебе говорил!

— Лапшу вешай другим! Да, ты ненавидел генерала, отправившего Гекора на верную смерть, что верно, то верно. Но Империя? Ты же жил только ради нее! Чтобы ты не передал приказа? Отличная шутка! Тебя взяли в плен? В этом нет ничего постыдного. Кто прислал тебя? Марсиане?

— Марсиане? Так вот до чего дошло?..

— Угу! Марс независим, и Венера тоже. Империя, точнее сказать — народное содружество, состоит теперь лишь из Земли и Луны! От зависимых планет других систем — никаких известий. Может, у *тебя* есть какая-то информация?

— Уверяю, я сказал тебе чистую правду!

— Допустим. Да и неважно, теперь правду скажу тебе я. О заговоре, естественно, ты ничего не знал? Постараюсь просветить тебя, хотя и сам всего не знаю! Главой заговора против Ктиуса VII был Бель Карон!

— Историк? Двоюродный брат Императора?

— Да. Теперь ты понимаешь, почему так трудно было схватить заговорщиков. Бель Карон состоял членом Приватного Совета.

— Но... он же был тихим мечтателем!

— Ни мечтателем, ни тихоней он не был, хотя... В общем, как тебе известно, мятеж с самого начала принял такой размах, какого никто и представить себе даже не мог. Через три недели после твоего отлета мятежники победили, поскольку Седьмой флот так и не прибыл. Большинство городов лежало в развалинах, основные заводы оказались разрушенными, голод и эпидемии начали косить народ. Знаешь, каково сейчас население Земли по примерным оценкам? Полтора миллиарда!

— Полтора миллиарда, тогда как было...

— Семь миллиардов, да. Но это еще пустяки. В первые месяцы все жили надеждой. Карон собрал вокруг себя энергичных неподкупных людей и приступил к реорганизации Империи, вернее того, что осталось от нее в солнечной системе. Народ впервые за сотни лет получил пусть и ограниченные, но реальные свободы. Была вера, и она могла изменить многое, если бы... заговор генералов провалился. Но заговор удался. Карона и его министров убили, теперь правят другие. Ты не хуже меня знаешь, чего они стоят. Свободы у народа вновь отняли, повсюду идет партизанская война, войны за независимость Марса и Венеры, Титан вспорот атомной бомбой, последней из оставшихся в арсенале, полагаю. Вот в какой мир ты вернулся, бедняга Тинкар!

— А ты?

— Я? Как я уже тебе говорил, я сдался еще до конца мятежа. На время изучения моего дела правительство Карона отравило меня в запас, и потому правительство генералов тут же вернуло меня на службу. Сейчас я адмирал флота, Тинкар! Но какой это флот! Два торпедоносца, один из которых — твой «Скорпион», он же мой адмиральский флагман, пять разведчиков, один старый кривобокий крейсер. А экипажи! Грязные, недисциплинированные, полные невежды в технике, за исключением нескольких уцелевших специалистов. Те редкие квалифицированные инженеры, которых Империя не успела расстрелять, были казнены нашими диктаторами! Здесь, в этом мире, теорию гитронов, помимо меня, помнят лишь человека три-четыре, не больше! На нашу старушку-Землю, Тинкар, опускаются сумерки. Оправится ли она когда-нибудь от этого, уж и не знаю. Лучше бы ты остался там, где был, поверь мне. Но с этим еще можно было бы жить, не будь этой атмосферы постоянного предательства, глупых казней, этой ограниченной диктатуры. Будь я один, когда ты приземлился, я бы сказал тебе: «Возьми меня с собой, летим туда, откуда ты вернулся!» Но со мной был Бетус, чья единственная роль заключается в том, чтобы шпионить за мной. В столовой я сумел немного тебя предостеречь, воспользовавшись мертвой зоной, где микрофоны нейтрализованы.

Если я верно усвоил уроки истории, говорил старый Холонас...

— Как думаешь, что со мной будет? — тихо спросил Тинкар.

— О! Если не прикнешь к оппозиции, все будет хорошо. Им отчаянно не хватает специалистов. Ты предал старую Империю, поскольку — какова бы ни была на то причина — не доставил приказ по назначению. Ты можешь получить отличное место, как у меня, с ограниченной свободой действий при условии, что сумеешь скрыть свои чувства и будешь подчиняться без колебаний. Нас будет трое — ты, я и Жан Мальвер. Может, однажды нам удастся сбежать?

Ты вернешься, Тинкар. Возможно, они были правы. Но прежде, чем принять решение, он должен был убедиться во всем сам. Если заговор удался генералам, то почему бы не попробовать и самому организовать мятеж? В любом случае, «Тильзин» вернется только через полгода.

— Боже, не так! Я вам уже десять раз показывал!

Тинкар раздраженно вырвал ключ из рук рекрута, отвинтил две гайки. Затвор тяжелого фульгуратора упал на заранее подставленную левую ладонь.

— Не так уж это и трудно!

— Простите, капитан.

Тинкар поглядел на тощего, нескладного, полуголодного юношу.

«И из *этого* нужно сделать астронавтов!»

Солнце нещадно поливало растрескавшийся бетон, под крышей учебного ангара до тошноты воняло машинным маслом. Прошло уже пять с лишним месяцев! Пребывание на «Тильзине» казалось сном. Тинкар старался как можно реже вспоминать о прежней жизни, боясь пробудить боль, приглушенную, но все еще живую. Где теперь галактиане? Вероятно, на пути к Земле, если только мпифифи... Но нет, враг еще не проник в этот сектор галактики, да и «Тильзин» теперь вполне способен дать ему достойный отпор.

Тинкар взглянул на часы: полдень.

— Вольно! Вернемся к занятиям в четырнадцать ноль ноль.

Отсалютовав, солдаты удалились в сопровождении двух унтер-офицеров. Тинкар проводил их взглядом, ощущая как отвращение, так и симпатию. Это не их вина, что они оказались такими плохими рекрутами. Невозможно сделать астронавта из двадцатилетнего юноши, взятого буквально с улицы. Эти парни были готовы учиться, в некоторых даже чувствовался энтузиазм, но им не хватало элементарных основ знаний по механике, да и физическая подготовка оставляла желать лучшего.

Он пожал плечами. При Империи люди хотя бы ели досыта. Да и свобод было не меньше. Возможно, в короткий период правления Карона у землян и случались дни счастья, дни надежды, но стоили ли эти надежды миллиардов жизней? Ошибка заговорщиков крылась в том, что они непреложно верили — свободы желают все, кроме тех, кто преуспевал при Империи. Многие не желали потрясений в обществе, подъема наверх тех, кто обретались в самом низу, тем более что и эти последние были столь же неумелы в делах управления, как и изгнанные паразиты.

Впрочем, какая разница! Он пожелал вернуться на Землю, так как надеялся, что сможет восстановить связи с тем прошлым, которое окончательно исчезло. В этом новом обществе он был ископаемым, монстром, выжившим в более героическое время. Если бы Бель Карон преуспел... Тинкар был готов отдать жизнь за любое бескорыстное предприятие, но теперь он знал: он уже не смог бы жить в Империи. Пребывание среди галактиан слишком сильно его изменило, опрокинуло все его представления о порядке ценностей. Он стал лишним, своеобразным гибридом, который еще держался за обрывки устаревших кодексов, мешавших ему слиться с галактическим обществом, которое, в свою очередь, уже не могло замыкаться в своих собственных нормах поведения, не задаваясь вопросом: имеет ли власть, отдающая приказы, вообще на это право?

Нужно было определяться, и поскорее. Через десять дней «Тильзин» должен был спрятаться позади Луны и ждать его двое суток. Потом... потом все, вероятно, было бы навсегда уже кончено. Город улетит и больше никогда не вернется, улетит, унося на борту свой странный народ, Тана, Холонаса, Петерсена, Анаэну, всех тех, кого он знал, его врагов и друзей, память об Иолии.

— Не говоря уж о тех картинах, — с полуулыбкой произнес Тинкар вслух, — которые мне подарил Пеи.

Сбежать будет трудно. Эриксон ему поможет, быть может, еще и Мальвер, но все они, будучи подозреваемыми, находились под неусыпным наблюдением. После возвращения на Землю Тинкару удалось совершить всего один непродолжительный полет на «Скорпионе», так и то рядом с ним находились два «гостя», чья униформа звездных гвардейцев плохо скрывала жесткие манеры офицеров политической полиции. Катер, на котором Тинкар прилетел, находился в нерабочем состоянии, его двигатели сняли «для изучения». К тому же катер был слишком легок и не оснащен оружием — он не продержался бы и десяти секунд против любого разведчика, пусть те и пребывали сейчас в крайне жалком состоянии. Единственной надеждой оставался «Скорпион», но для управления им нужны были как минимум четыре человека.

Тинкар вышел из лагеря на своих двоих — только Эриксону, адмиралу флота, был положен глассер. Ему нужно было пересечь бедняцкий квартал, наполовину разрушенный бомбардировками, чтобы добраться до ресторанчика, где он обедал, предпочитая его мрачной столовой и «шикарным» заведениям, которые посещали любимчики нового режима. Со всех сторон вокруг него бежала толпа: мужчины в драных одеждах, женщины, слишком усталые, чтобы быть кокетливыми, молчаливые дети с голодными глазами. Его форма иногда вызывала взгляды ненависти, но на большинстве лиц читалось апатичное равнодушие. Ужас гражданской войны еще глубоко сидел в каждом, отчаяние, оставшееся в душах после неудавшейся революции, было слишком велико, чтобы в ком-то сохранился мятежный дух. Тинкару вспомнились печальные слова Эриксона: «На нашу старушку-Землю, Тинкар, опускаются сумерки. Оправится ли она когда-нибудь от этого, уж и не знаю».

Что он делал здесь, в этом умирающем мире? И что вообще сделал с того момента, как взорвался его звездолет, отправив его умирать в космос? Попытался ли он заставить галактиан принять его, уважать? Нет, он надулся от обиды, встал в упрямую позу по отношению к людям с глупыми предрассудками. Слово сам не был напичкан столь же нелепыми предрассудками! И тем самым, пусть и не напрямую, вызвал смерть Иолии! Даже с точки зрения его прежней этики, этики Звездной Гвардии, его нельзя было простить. Единственным, что он мог вспоминать без боли, были моменты, проведенные с Анаэной на безымянной планете. С Анаэной, которая любила его.

Он тоже любил ее, недолго, но страстно, пока не был покорен нежностью Иолии. Кто знает, не случись той стычки в лагере паломников и оскорблений Анаэны, которые задели его гордость, он, быть может, и не взял бы Иолию в жены. Он не сожалел об этом, поскольку впервые в жизни испытал настоящее счастье. Но могло ли это продлиться? В глубине души он в этом сомневался. Возможно, оно и лучше, что все произошло именно так, возможно, торпеда мпфифи была ударом милосердия.

Пронзительные крики вырвали его из раздумий. Двое солдат в дверях небольшой таверны пытались вытащить на улицу отбивающуюся женщину. Двое других подталкивали ее изнутри. Бледный хозяин молча смотрел на это бесчинство, не решаясь вступить за жертву. Тинкар подошел ближе.

— Что здесь происходит?

Один из солдат распрямылся и с наглым выражением на лице встал по стойке смирно.

— Да ничего, мой капитан! Эта потаскушка отказывается переспать с нами четверыми.

— Отпустите ее! Вам известен приказ: никаких беспорядков в городе.

— Но, мой капитан...

— Отпустите ее! И приведите форму в порядок!

— Слушаюсь, мой капитан!

Женщина поднялась, движением головы отбросила назад длинные черные волосы. Тинкар рассеянно взглянул на нее. Молодая, довольно красивая, хотя эту ее красоту и портила нездоровая красноватая кожа. Где он ее видел? Наверное, в каком-нибудь баре.

— Какое подразделение?

— Третий линейный полк, мой капитан.

— Ладно. Передайте привет вашему полковнику и попросите его от моего имени вlepить каждому из вас по неделе тюрьмы. Вот моя визитная карточка.

Он быстро нацарапал несколько слов и протянул карточку солдату. Тот отдал честь. Тинкар развернулся и пошел дальше.

— Холрой! Берегись!

Он инстинктивно нагнулся, отпрыгнул в сторону. Услышал свист пули, молниеносно повернулся и выстрелил в солдата, чье оружие еще дымилось. Мужчина рухнул на тротуар, остальные бросились врассыпную.

— Кто меня предупредил? — бросил в толпу Тинкар.

— Я, — ответила женщина.

— Вам известно мое имя?

— Кто не знает победителя звездных гонок?

— Пойдемте.

— Куда?

- Сначала ко мне, потом — в ресторан.
- Я — певица, капитан, а не что-то другое.

Он слегка покраснел.

— Я вовсе не прошу вас оплачивать мои услуги, мадемуазель. Но если у вас есть зеркальце, посмотрите на свое лицо, и вы увидите, что вам не мешало бы привести себя в порядок.

— Простите, капитан, я неправильно вас поняла. Но в этом случае я предпочла бы заняться туалетом в своей собственной уборной. Вы подождете меня здесь или пойдете со мной? Если, конечно, все еще настаиваете на ужине?

Тинкар вошел вслед за ней в таверну, пересек большой темный зал с низким потолком, пустой в этот час дня. Хозяин, толстый пожилой человек, подскочил к нему:

- Спасибо, капитан, что отбили Эльду у этих животных.
- Это ваша дочь?

— Нет, подруга моей дочери. Она работает у меня певицей. О! Поет она очень хорошо. Да и вообще девушка серьезная. Могла бы зарабатывать куда больше денег, если бы захотела, со всеми этими толстосумами, что приходят сюда поразвлечься!

Понизив голос, трактирщик доверительно сообщил:

— Если вам кто-то мешает, мой капитан, могу найти человека, который за умеренную плату...

- Нет, спасибо!
- Всегда к вашим услугам!

Девушка усадила его в кресло в небольшой комнатке и удалилась в уборную, сказав:

- Буду через десять минут.

Он ждал ее, рассматривая висевшую на стене картину, на которой была изображена битва при Антаресе III.

- А вот и я!

Тинкар обернулся и застыл от удивления. Женщина преобразилась. Кожа ее была светло-золотистой, лицо обрамляли белокурые, с рыжинкой, волосы.

- Графиня Ирия!

— Вы ведь не выдадите меня, Холрой? Только вы и этот славный хозяин таверны знаете мое подлинное имя.

- За меня не волнуйтесь, графиня, но он...

— В свое время я оказала его дочери точно такую же услугу, какую вы только что оказали мне. Он этого не забыл и скорее умрет, нежели проболтается.

— Графиня Ирия! — все еще не веря собственным глазам, повторил Тинкар.

— Да, «недосягаемая мечта», как называли меня молодые офицеры вашей Гвардии, как, вероятно, называли меня и вы сами. В эти проклятые дни я стала уже досягаемой — не по своей, разумеется, воле!

— Вы не боитесь, что вас узнают, если вы выйдете отсюда в таком виде?

— Я вернула себе прежний облик всего на несколько мгновений, ради вас. Немного быстродействующей краски на волосы, косметика — и я вновь стану такой, какой вы меня видели. Достаточно красивой для певицы злачного бара, но недостаточно красивой для того, чтобы меня похитили.

— И тем не менее те солдаты...

— Случаются и неприятные моменты. Но до сих пор такое было лишь раз. Пойду приготовлюсь. Просто хотела знать, помните ли вы меня!

— Вы совсем не изменились!

— Тогда мне было лет двадцать, теперь уже двести! Все еще хотите отвести меня в ресторан? Дядюшка Давид может нам приготовить великолепный ужин прямо здесь.

— Как пожелаете.

Ужин, поданный в маленькой комнате без окон, оказался лучшим за последнее время. Блюда напомнили Тинкару кухню «Тильзина»: сочное, хорошо приготовленное мясо, свежие овощи, отличные фрукты. Он был приятно поражен.

— О! В этом нет ничего удивительного, — объяснила графиня Ирия. — Таверну дядюшки Давида посещают одновременно и отбросы общества, и те, кто считает себя элитой, хотя они и ничем не лучше первых. У нашей новой знати есть деньги. Дядюшка Давид берет из них свою долю.

— Дядюшка Давид?

— Ему нравится, когда я зову его именно так. Я не знаю его прошлого, не знаю настоящего, но по отношению ко мне он ведет себя безупречно. Я «спасла его малышку Тэзу от позора», как он повторяет. Он принял меня после того...

— Для вас, должно быть, это был ужасный удар.

— Да. За несколько месяцев скатиться с вершины до самых низов, увидеть, как уничтожают твою семью, смириться с гибелью и исчезновением друзей...

— Но как мог Карон допустить такое?

— Я говорю не о первой революции! В ней, конечно же, моя семья тоже потеряла всего перышки, как и все остальные, но с этим можно было смириться. Будучи моим кузеном, Карон сумел нас защитить. Кроме того, мы была одним из тех редких знатных семейств, которые народ не слишком-то и ненавидел. Нет, все произошло потом. После захвата власти этой бандой негодяев, которая управляет нами теперь и которой вы служите!

— А что мне остается делать? Восстановить Империю, полагаясь только на собственные силы? Когда, почти полгода назад, я вернулся с задания, то ситуация уже была такой, какая она сейчас. Я вообще ничего не знал! Мне предложили этот пост офицера-инструктора. И что я должен был сделать? Выхватить фульгуратор, которого, кстати, у меня уже не было, и подставиться под пулю? Я не собираюсь служить этому режиму до самой смерти, графиня!

— Забудьте об этом титуле, Тинкар. Теперь я лишь Эльда-певичка. Кончу тем, что от усталости выйду замуж за какого-нибудь не слишком грязного простолюдина и начну воспитывать маленьких рабов. Да и что еще мне остается?

По ее щеке медленно поползла слеза.

— Ах, если бы я могла уехать, эмигрировать! Должны же быть где-то планеты, на которых жизнь не столь отвратительна. Но торговых звездолетов более не существует, а моя яхта, мой «Диамант», покоится в каком-то порту с развороченным днищем. Мне никогда больше не испытать радости пилотирования, все кончено! Вам хоть иногда...

— Ну да, с парой полицейских надзирателей! Но я совсем забыл, что вы умеете пилотировать.

— Я даже выигрывала гонки Земля — Плутон и обратно в женском классе. Конечно, для вас, гвардейцев, такое испытание равносильно детским шалостям! Как же вы иногда раздражаете этим своим превосходством самцов!

— Значит, вы умеете пилотировать, — вслух размышлял Тинкар. — А за гитронами следить смогли бы?

— Я никогда этого не делала, но... А почему вы спрашиваете? Говорите скорее!

— Не питайте излишних надежд... Так... одна безумная идея.

Ирия вскочила, вцепилась в его руку.

— Вы хотите улететь! Угнать звездолет! Не улетайте без меня, Холрой! Я сделаю все что угодно, я буду мыть палубу, я...

— Ничего такого и не понадобится! Единственное, что мне нужно знать, это сможете ли вы следить за гитронами. «Скорпион» по-прежнему готов к старту, но есть одна загвоздка: с корабля сняли автоматический регулятор, и теперь он находится в руках особой полиции. Поэтому на борту должно быть четыре человека: пилот, штурман, артиллерист и то, кто будет следить за гитронами, чтобы вручную компенсировать отклонения. Справитесь с этим?

— Как мне помнится, в прежние времена на этом посту всегда находился механик. Это не слишком трудно, нужно лишь поворачивать штурвал до тех, пока не погаснут красные лампочки тревоги.

— Да, это не трудно, но требует хладнокровия. Стоит только допустить отклонение до пересечения осей, как произойдет сами знаете что.

— Я готова рискнуть!

— Да, но готовы ли рискнуть мы? Мне следовало бы проверить ваши рефлексy, замерить скорость реакции. Но вас невозможно провести в лагерь, так что сделать этого я не смогу. Я переговорю с остальными и сообщу вам их ответ. До скорого, Ирия. Могу я передать вам сообщение через «дядюшку Давида»? Ему можно доверять?

— Но мы ведь еще встретимся, не так ли?

— Нет, бессмысленно привлекать внимание к этой таверне.

— А труп солдата его не привлечет?

— Нет, нам чуть ли не ежедневно приходится убивать одного или двух за убийство, мятеж и прочие проступки.

— Тогда просто скажите дядюшке Давиду, что подтверждаете нашу встречу.

— Если все пойдет хорошо, когда увидите меня в зале во время вашего номера, сразу же после исполнения песни выходите через боковую дверь. Я буду ждать вас там.

Тинкар склонился над человеком, которого только что — без малейшего шума — прикончил. Обычное лицо неизвестного солдата, которого судьба в неподходящее время поставила в неподходящее место. Дождь заливал аэропорт, размывая редкие огни.

— Ну все, пошли! Уходим отсюда!

Они оставили труп в комнате охраны и ринулись под ливень, то и дело попадая в лужи воды, скопившейся в провалах бетона. На фоне окружающего мрака проступила еще более темная тень. Иногда эту тень освещал луч вращающегося маяка, находящегося в противоположном конце аэропорта.

— Кто идет? — прошептал из темноты чей-то голос.

— Тинкар!

— Скорее! Они изменили время смены постов. Мальвер только что сказал мне об этом. У нас есть, возможно, всего четверть часа.

— Черт! Пошли!

Быстрая вспышка фонаря выхватила люк в корпусе корабля, к которому вела металлическая лестница.

— Все на борт!

Люк захлопнулся со стуком, который, как им показалось, способен был разбудить весь город.

— Сюда, Ирия, следуйте за мной.

— На военном корабле я впервые.

— Вот ваш пост. Видите этот ряд красных лампочек? Они пока не горят. Их восемь: шесть для пространственного выравнивания, две для временного. Они расположены по четыре группы, каждая имеет свой штурвал. Если в группе загорается правая лампочка, крутите штурвал вправо, если загорается левая, вращаете его влево до тех пор, пока лампочка не погаснет. Как только лампочка загорается, подается сигнал, который звучит пять секунд. Если за пять секунд вам не удастся погасить ее, тяните красный рычаг на себя до предела: он отключает гитроны, если выравнивание не слишком нарушено. В противном случае...

— А если одновременно загорятся сразу несколько лампочек?

— Максимум две. Будьте внимательны и не бойтесь: пять секунд — это довольно долго. К тому же рассогласование по двум осям случается крайне редко. Когда начнут работать гитроны, загорится зеленая лампочка. С этого мгновения ни под каким предлогом не отрывайте глаз от красных! И не забудьте пристегнуться; если вам придется все отключить, удар будет мощным. Понятно? Повторите то, что я сказал... Хорошо. До скорого, и удачи!

— Удачи всем нам, Холрой!

Он вошел в командную рубку, откуда так часто управлял «Скорпионом». Эриксон уже был на месте, устроившись в кресле штурмана. Мальвер закрылся в башне управления огнем.

— Думаешь, он выдержит?

— Мой «Скорпион»? Конечно. Все готово? Стартовый контроль! Цепь пилотирования?

— Готова!

— Цепь наблюдения?

— Готова!

— Цепь артиллерии?

— Готова!

— Гравитоны?

— Заряжаются!

— Гитроны?

— Заряжаются. Нейтральное состояние. Выровнены.

— Инертронны?

До них донеслось гудение двигателя... Тинкар включил экран ночного видения. В сторону их корабля на полной скорости неслись четыре грузовика, какие-то люди бежали к крейсера; они были уже метрах в ста от судна, по левому борту.

— К черту остальную проверку. Поднимайся, Тинкар, поднимайся!

— Не сходи с ума, время еще есть. Внимание, взлетаем!

«Скорпион» медленно оторвался от земли; нос его устремился в затянутое облаками небо, и торпедоносец начал набирать высоту. В том месте, где он только что стоял, взорвались гранаты. Тинкар до предела выжал ручку мощности. Ускорение, едва компенсированное полуисправными инер-

тронами, вжало их в кресла. Через внутреннее устройство связи до них донесся стон.

— Держитесь, Ирия! Как только покинем пределы атмосферы, я активирую гитроны, и перегрузка исчезнет!

— Выдержу! — откликнулась женщина.

— Рассчитал прыжок, Эрикссон?

— Два АВ.

— Достаточно. Высота? Мой альтиметр, похоже, регулирован.

— Сорок километров. С Земли взлетает крейсер!

— Мальвер, пальни по нему химической торпедой! Покажи, что у «Скорпиона» еще осталось жало! Высота?

— Пятьдесят!

— Я перейду в гиперпространство на ста!

— Слишком опасно!

— Отступить уже поздно! Как там торпеда?

— Еще не дошла... Ха! Точно в цель!

На заднем экране во тьме распустился огненный цветок.

— Этого мало, чтобы покончить с крейсером! Но это их задержит. Высота?

— Восемьдесят два!

— Я думал — больше. «Скорпион» уже не тот, что был раньше. Тем не менее корпус раскалился до красноты, если верить термометрам! Скажи, когда будет сто!

— Есть!

— Внимание, Ирия, активирую! Вот же мерзавец! Ты заблокировал мой альтиметр, чтобы я не заметил, что мы уже на двухстах десяти!

— Времени еще хватало! Не очень-то рекомендуется переходить в гиперпространство менее чем в двухстах километрах от планеты!

— Ну ладно! Семь минут прыжка. Внимание: три, два, один, ноль!

Они ощутили знакомую тошноту.

— Надеюсь, с их экипажами рекрутов они не сумеют догнать нас.

— Я сегодня провел проверку крейсера. У них будут проблемы даже с включением локатора. Какой маршрут считать, Тинкар?

— Два АВ. Сто восемьдесят градусов!
— Ты хочешь повернуть к Земле? Зачем? Не лучше ли сразу отправиться в тот мир, где ты был?

— У меня встреча позади Луны, нет никакой планеты! Прошу прощения за то, что рассказывал вам байки, но, скажи я вам правду, вы бы мне не поверили. Мы должны встретиться с городом Звездного народа. А там уже посмотрим. Если не захотите с ними оставаться, вас высадят в любом мире по вашему выбору.

— Звездного народа?

— Да, с потомками ученых, сбежавших при Килосе II.

— Так ты вернулся шпионить для них?

— Нет. Им плевать на нашу Землю. Все обстоит куда сложнее. Потом как-нибудь я вам все расскажу. Поверьте, я вас не предавал!

— Тинкар! Ты вернулся! Кто эти люди?

— Друзья, которые помогли мне, даже не подозревая о вашем существовании.

— А эта — она тоже друг?

— Успокойся, Ана! Чуть позже я все объясню. А пока у нас есть неотложные дела. Тан, можешь взять на борт мой «Скорпион» вместо катера? Он если и больше, то не намного.

— Можно попробовать. Думаю, что да.

— Мне хотелось бы его сохранить! Отличный корабль и может оказаться полезным, так как снабжен оружием... Ну ладно, парни, до скорого!

— Ну вот, — закончил свой рассказ Тинкар. — Жить на Земле я уже не могу, не думаю, что смогу жить и с вами. Что мне остается? Какая-нибудь бывшая планета Империи или внешний мир? Там я тоже буду чужаком. Когда я жил с вами, то надеялся вернуться домой. О, я знал, что столкнусь с переменами, но не думал, что они окажутся радикальными!

— Теперь, когда в тебе умерли ложные надежды, ты быстрее свыкнешься с жизнью на «Тильзине», — сказал текнор.

— Возможно. Но, боюсь, вы даже представить не можете, как мне будет трудно. Вы мыслите совершенно иначе! Лишь

один пример: для вас совершенно нормально менять город. О, я знаю, что вы повсюду сталкиваетесь с одной и той же культурой! Для вас это важно. Для меня же каждый из ваших городов был бы новым миром, причем с отличными от тех, к которым я уже привык, обычаями. Кроме того, у меня нет той общей языковой базы, которая позволяет вам легко приспособливаться друг к другу, несмотря на тонкую разницу в диалектах, которую я не в силах правильно оценить, хоть и понимаю смысл сказанного. Что вы имеете в виду, когда намекаете на скафандр Джоны Великого? Что означает выражение «удар текнора», да и многие другие?

— Ты нетерпелив, Тинкар, — сказала Анаэна. — Ты прожил с нами всего несколько месяцев. Теперь все переменялось. Мы поняли, что планетные цивилизации имеют множество черт, которые нам необходимо перенять. Урок был усвоен с большим трудом, но... О! Прости! Для тебя он оказался еще более тяжелым!

— Я еще не готов забыть! Ладно, я честно постараюсь адаптироваться. Как поступят с моими товарищами?

— Пусть решают сами. Они могут остаться здесь, или же мы высадим их на любой планете по их выбору. Но для тебя будет лучше, если они останутся.

— Возможно. Что-то я утомился. Можно, я пойду?

— Я тебя провожу. — Анаэна поднялась с кресла.

Он не узнал своей небольшой квартиры. Картины Пеи были вставлены в рамы и висели на стенах, в комнатах стояла новая мебель. На мгновение ему показалось, что он на самом деле вернулся домой.

— Я знала, что ты вернешься, Тинкар! Я была готова отправиться за тобой на военном катере, если бы ты не сумел вырваться. Такая обстановка тебя устраивает?

— Да, спасибо, Ана. Ты очень предупредительна, я этого не заслуживаю. Я всего лишь упрямый осел, который приносит несчастья не только себе, но и другим!

— Мы и сами в этом не сильно от тебя отстаем. Сделай над собой усилие, Тинкар! Увидишь, я тебе помогу. На этот раз у тебя все получится!

— Вокруг меня все обрушилось, Ана! Империя, Гвардия, самоуважение! Я утратил даже уверенность в себе. Не це-

плайся за живой труп. Самый жалкий из мужчин «Гильзина» в разы лучше меня.

— Я так не думаю. Поговорим о другом. Мы поместили твоих друзей в соседние квартиры. Кто они?

— Мужчины? Товарищи по Гвардии. Женщина? Одна аристократка, которая оказалась не таким нулем, как остальные.

— Она красива.

— Да. Молодые офицеры называли ее «недосыгаемой мечтой», и она этим очень гордилась. Она из очень богатой семьи, и потому жениться на ней никому из нас не светило. Но она добрый человек, разве что порой бывала тщеславной... Впрочем, ей доставало мужества самой пилотировать в космосе свою яхту. Однажды я танцевал с ней...

— Ты ее не любишь?

Он тихо рассмеялся.

— Я? Я больше никого не люблю, даже себя!

— Да, я знаю, — печально проговорила она.

— О, когда-нибудь это, вероятно, пройдет. Спокойной ночи, Ана. И спасибо!

глава 3

Лицо в бездне

На всех экранах личного командного пункта текнора развертывалась ледяная красота космоса. Тан сидел в большом низком кресле со стаканом в руке и слушал рассказ расхаживавшего взад и вперед по каюте Тинкара. Слушала Тинкара и сидевшая за столом Анаэна.

— Стоит ли продолжать жить, когда все вокруг тебя обрушилось? Возможно, жизнь, которую я вел в Гвардии, была пустой, основанной на лжи. Храбро сражайся, будь лоялен по отношению к своим начальникам, почитай Императора, и все для тебя будет хорошо, как в этом мире, так и в любом другом. А главное — не задавай вопросов! Принимай жизнь такой, какая она есть, убивай, грабь, насилуй, если нужно. Тысяча простолюдинов не стоит одного солдата, а тысяча солдат не стоит одного звездного гвардейца. У тебя прекрас-

ные игрушки — быстрые, мощные звездолеты, каждый из которых способен уничтожить целую планету. Развлекайся по приказу Императора. Оставь заботы другим, пусть твои командиры разрабатывают планы кампании, пока ты не станешь командиром сам, если только не падешь смертью храбрых в каком-нибудь бою. О предназначении души пусть думают священники. Разве нет Императора, воплощения Божества, который всегда прав? Таким вот было мое существование. Я видел, что не все идет к лучшему в лучшем из миров, но не мне было желать перемен.

Потом начался мятеж. Меня выбросило в космос: мой звездолет взорвался вследствие саботажа. Я не боялся смерти, и, наверное, мне было бы лучше умереть. Храбро, как подобает гвардейцу! Но вы меня подобрали. Накормили, дали мне свободу в пределах вашего бродячего мирка. А потом вы меня унизили. Для вас я был всего лишь планетным псом, которого можно держать про запас, потому что — так уж вышло — он владеет важной тайной. Я вас не осуждаю, вы не могли поступить иначе. По правде говоря, когда я оглядываюсь назад, когда вижу, на каких жалких основах покоилась моя жизнь и мое поведение, то не могу не признать вашу правоту! Я заслуживал только презрения, которое человек цивилизованный питает по отношению к варвару. Но этим вы показали, что и ваша цивилизация несправедлива и столь же жестока, как и мое варварство, вам даже не пришло в голову, что если я и варвар, то не по своей вине! Вам не пришло в голову, что опасно унижать варвара, если не убить его сразу же после оскорбления. Вам не пришло в голову, что варвар может страдать!

Он поднял руку, пресекая всякие возражения.

— Знаю! Через некоторое время вы частично изменили свое мнение. Некоторые из вас даже начали считать меня человеком. Первой была Орена. Вначале я ее развлекал, потом... Иногда при мысли о ней я испытываю угрызения совести. Я пользовался ею, как обычной девицей из народа в Империи.

— Лучшего она и не заслуживала, — оборвала его Анаэна. — Тебе известно, что именно она выкрала твои чертежи?

— Как так?

— С помощью твоих локаторов и записей, оставленных в лаборатории, мы разработали гиперпространственные приемопередатчики. Каково же было наше удивление, когда, проводя испытания, мы вошли в контакт с «Франком», который тоже обладал гиперпространственным радио!

— Но зачем она это сделала?

— Из панического страха перед мпфифи. Она решила, что ты никогда не отдашь нам этих чертежей. Она взяла их, чтобы ими мог воспользоваться весь Звездный народ, а также — чтобы усилить партию авантистов. Похоже, еще и в надежде восстановить тебя против меня. И ей это удалось!

— Значит, именно из-за нее... Впрочем, прошлое умерло. Как вы знаете, именно эта кража окончательно убедила меня в том, что между нами нет ничего общего. Но это был сущий пустяк. Вы сделали кое-что похуже — вы разрушили мою веру, мой образ жизни, но ничего не дали взамен. О, никто не вел пропаганды против Империи! Вы просто говорили, что ненавидите ее, и в этом я могу вас понять. Но ваши книги, ваши разговоры, даже само ваше существование были для меня опустошающими. Если на свете существовала цивилизация столь могущественная, что могла развиваться на принципиально иных, нежели наши, основах, значит, Император вовсе не был инкарнацией Бога! Потом я встретил Иолию.

Ее народ отнесся ко мне добрее, чем вы, и к тому же оказался куда более искренним. Поняв, что в моей душе царит пустота, они предложили мне свою религию. Но это было сделано слишком рано или же слишком поздно. Слишком рано, поскольку я еще не порвал внутренних связей с Империей. Слишком поздно, поскольку ваша разрушающая работа уже оказала свое воздействие.

Я ненавидел вас! О, как же я вас ненавидел! Даже тебя, Анаэна. И все же, когда случай сделал нас товарищами по оружию на той безымянной планете, я мог бы полюбить тебя и обрести спасение. Но в душе моей, словно змея, жила уверенность, что это ты спланировала кражу моих чертежей. Несправедливость твоего поведения по отношению к Иолии также меня возмутила. И я женился на Иолии, на нежной Иолии, надеясь найти рядом с ней покой и забвение. Что произошло дальше, по моей и вашей вине, вы и сами знаете.

Теперь я вернулся, изгнанный с Земли, где наивно искал пристанище. Похоже, вы рады меня видеть, уговариваете присоединиться к вам. Я тоже этого хочу. Да и что мне еще остается делать? Но не кажется ли вам, что у меня будет больше шансов, если мне удастся наконец понять вас? Во что вы верите? Что заставляет вас жить?

— Мы верим в человека, Тинкар, — тихо сказал текнор. — Или, скорее, в разум, поскольку есть и негуманоидные расы, совсем непохожие на нас по облику, но тем не менее тоже являющиеся людьми — в том смысле, который вкладываю в это я. В человека. Но в тот тип человека, каким ты никогда не был, несмотря на свой недюжинный ум, силу и мужество. Ты пока лишь ребенок. Я не сомневаюсь в твоём мужестве, но этого мало. Недостаточно уметь смотреть в лицо смерти, нужно уметь смотреть в лицо самому себе!

Большинство из нас не верит ни во что другое. О, мы не отрицаем того, что многого не знаем! Возможно, Бог существует, но если и так, то он отличен от твоего Бога, который делегировал на Землю — жалкую планету небольшой звезды в среднего размера галактике — императора! Он отличен от Бога паломников, хотя и дал им обещание. Если хочешь, называй Богом неведомое. При мысли о том, что Вселенная не пуста, что есть нечто, наделяющее ее душой и создавшее ее, чувствуешь себя как-то спокойнее. Лично я не заблуждаюсь. Бог равнодушен к судьбе людей, словно его и не существует вовсе.

На миллионах планет, как мы знаем, возникла жизнь. В болотной грязи, в соленой жаре первобытных вод. Но нигде не найдено доказательств того, что она появилась в соответствии с хорошо продуманным планом, а не зародилась случайно, как неизбежный результат физико-химических процессов. Ее изобилие в космосе, несметное количество миров, в которых процессы эволюции закончились ничем, кажется мне доказательством отсутствия целенаправленности вне самой этой жизни.

У жизни есть одна странная особенность — продолжаться, отчаянно защищаться от распространяющейся энтропии, развиваться даже в самых невозможных условиях, когда надежды уже не осталось.

Затем, пройдя некий этап усложнения, жизнь обогащается сознанием и, наконец, разумом. Тем самым космос обзаводится свидетелем и судьей. Тщетным свидетелем, беспомощным судьей, чьи решения никогда не будут выполнены никаким даже самым могущественным внешним существом. Но жизнь уже начала видоизменять космос.

Наш след в нем еще едва заметен: несколько планет, опустошенных войнами, несколько мирков, добавленных нашими усилиями к огромным небесным глобусам. Но ведь жизнь едва только началась! Она существует всего лишь какой-то миллиард лет в маленьком уголке космоса, по которому на ощупь бредут наши исследователи. На нашей планете-матери разум проснулся только миллион лет назад. И всего лишь сорок тысяч земных лет назад появился современный человек. Старше нас лишь две расы из тех, которые мы знаем. Это х'ртулу, которые имеют за собой почти пятьдесят тысяч лет, и килити — им шестьдесят тысяч лет. Но обе эти расы жили в условиях столь жестоких, что практически не имеют над нами преимущества.

Какие-то расы исчезли, раздавленные скачками чудовища по имени Вселенная, исчезли в результате взрывов звезд или каких-нибудь других катастроф. Что касается нас самих, то мы, Тинкар, уже преодолели порог, за которым могли погибнуть. Трудно представить себе катаклизм, который мог бы поразить все в радиусе сотни тысяч световых лет. Еще немного, и мы достигнем других галактик: два наших города уже исследуют туманность Андромеды.

Мы вовсе не считаем себя покорителями космоса. Мы все еще хрупкие насекомые, которые до сих пор могут исчезнуть из-за расового вырождения. Но если у нас хватит времени, мы справимся и с этим врагом. Мы рассеемся по всей Вселенной, и не только мы, но и все расы, которые станут нашими союзниками.

С какой целью? Да ни с какой! Таково наше желание. Когда *неживое* произвело разум, был сделан решающий шаг. Разумная жизнь, у которой нет никакой цели в метафизическом смысле этого слова, обладает свойством сама назначать себе цели. Мы покоряем Вселенную потому, что хотим этого, или это нам нравится.

Но все это, Тинкар, только один аспект истории. Главное не в этом! Самое главное — это победа над собственным разумом. Чем выше разум существа, тем яснее оно видит всю абсурдность зла, тем целеустремленнее оно с ним борется. Да, я знаю, что есть люди или существа — к примеру, мпфи-фи, хотя и здесь есть определенные сомнения, — которые кажутся одновременно и разумными, и злобными. Я говорю «кажутся», потому что они либо больны, либо глупы, не смотря на свое материальное процветание. Ибо надо быть сумасшедшим или глупцом для того, чтобы использовать свои способности ради разрушения, а не созидания, или же понимать крайне смутно, на *что* ты способен.

Первая цель, которую ставит перед собой человек, — это как можно шире раздвинуть границы сознания. Вторая цель заключается в том, что усовершенствовать это осознание, сделать его как можно более творческим. Первая цель достигается уже сейчас. Если ее не реализует земной человек, это сделают другие. Со второй целью мы отстаем, ибо она гораздо сложнее. Мы, галактиане, намного обогнали то, что было вашей Империей. Но ты и сам мог увидеть здесь, на «Тильзине», что нам предстоит еще долгий путь!

Что заставляет человека двигаться в этом направлении? Не знаю. Мне известно лишь одно: созидание доставляет нормальному здравому рассудку больше удовольствия, чем разрушение. Лишь в созидании человек может полностью выразить себя и как личность, и как вид.

Конечно, тяжело думать, что это великое приключение есть приключение коллективное, что возможное бессмертие вида не распространяется на отдельного индивида. Будучи живым существом, я понимаю это стремление жизни к продолжению. Я мог бы выстроить из этого желания веру в личное бессмертие, но не делаю этого, ибо не могу его достичь. Я бы был нечестен по отношению к самому себе. Я вовсе не презираю тех, кто способен это сделать, не обманывая самих себя, как, например, паломники. Я им завидую. И твоя варварская вера, твое древнее верование в некую Валхаллу воинов также недостойны презрения до тех пор, пока они истинны. Сейчас ты уже не в силах поддерживать их в себе, и теперь ты оказался один на один с бесконечной Вселенной,

слепой и глухой. Есть от чего испугаться! Мы все в тот или иной момент ощущали этот страх. Но быть человеком — значит уметь смотреть реальности прямо в лицо, даже если она отвратительна, даже если она ужасна. Ты способен на это?

— Но для чего же тогда бороться с отчаянием, если Вселенная не имеет смысла?

— Ты должен быть уверен, что придашь ей смысл сам!

— А что делаете вы, если ваша вера вдруг пошатнется? Ведь, должно быть, бывают моменты, когда она шатается!

Текнор встал, медленно направился к одному из экранов. «Тильзин» неподвижно висел в космосе на некотором расстоянии от газовой туманности, раскинувшей свой легкий шарф на фоне звезд. Космос тянулся во все стороны — черная бездна, изредка пробиваемая звездами.

— Что я делаю? Становлюсь лицом к Вселенной и, не строя особых иллюзий относительности этого жеста, смотрю в это лицо и плюю в него!

* * *

— Мы выходим из гиперпространства, Тинкар! Ты идешь?

— Куда?

— К Тану. Он заметил сверхновую звезду, которая только что взорвалась, и вскоре мы остановимся на некотором от нее расстоянии. Наши астрономы хотят провести кое-какие наблюдения. Сверхновые, как ты знаешь, — большая редкость!

— Хорошо. Буду через десять минут.

Лицо Анаэны исчезло с экрана. Он снова упал на диван, взял стакан, выпил. Последнее время он много пил, но не пьянел. Вот уже три месяца, со дня возвращения.

Тинкар прожил их как во сне, один или почти один. По завершении двух часов военной подготовки он спешил к себе в квартиру, читал, размышлял, пил и спал. Вначале его навещали его земные товарищи. Мужчины быстро адаптировались. Ирия, после бурного периода привыкания, прекрасно вписалась в новую цивилизацию. Шок, который она испытала в дни революции, похоже, разом перерезал все ее корни. В глубине души он ей завидовал.

«Галактиане действительно изменили свое поведение, — подумал он. — Фактически, эту дорогу проторил я».

Анаэна пыталась развлечь его как могла, но само ее присутствие напоминало ему о прошлом, и он избегал ее. Она от этого страдала, что делало несчастным и его. Он наслаждался этим несчастьем, словно наказанием, ниспосланным кем-то или чем-то за его полузабытые грехи. Иногда к нему заходил (или вызывал к себе) Тан, пытаясь рассеять его мрачное настроение, потом в разочаровании уходил.

— Однажды он выздоровеет, — как-то сказал Тан племяннице. — Он не в силах простить себе ни смерть Йолии, за которую он считает себя ответственным, ни смерть других галактиан, погибших в том сражении. Я его понимаю, так как и сам ощущаю то же самое, но эта наша общая вина, а когда она разделена, ноша кажется более легкой.

— Как думаешь, он...

— ... когда-нибудь полюбит тебя? Он всегда любил только тебя одну. К жене он испытывал большую привязанность и нежность, но я сомневаюсь в том, что он действительно любил ее. Он и сам это знает или чувствует, что только усугубляет его страдания. Но Тинкар молод, и в конце концов он забудет. Наберись терпения, ты моложе его, у вас есть будущее.

— Хотелось бы в это верить!

— Моя малышка Ана собралась замуж за планетянина? На «Тильзине» видали и не такое! — улыбнулся текнор.

— Но что же делать? Он так несчастен!

— Ничего. Совсем скоро он выздоровеет сам по себе... или не выздоровеет никогда. Но думаю, ты можешь надеяться.

Тинкар тяжело встал, провел рукой по коротким волосам, пожал плечами. Сверхновая. В конце концов, почему бы и не взглянуть? Еще недавно такая звездная катастрофа вызвала бы у него живой интерес. Теперь же...

— Только тебя и ждали, чтобы вынырнуть, — сказал текнор.

Он отдал приказ. Обзорные экраны утратили свой серый цвет. Все застыли в изумлении. На них смотрело огненное лицо, гигантское человеческое лицо, висящее в бездне. Под развевающейся на космическом ветру шевелюрой высокий лоб нависал над темными глазами; чуть ниже колыхалась длинная, широкая борода.

— Что... что это такое? — пробормотала Анаэна, прижимаясь к Тинкару.

— Сверхновая, — спокойно ответил текнор. — Но, признаюсь, такого я не ожидал.

Он пробежал по клавишам настройки, лицо увеличилось в размерах, словно ринулось в сторону «Тильзина», одновременно теряя свою четкость, а затем все закончилось: осталось лишь облако кипящего газа, окружавшее то, что некогда было звездой.

Вспыхнул экран внутренней связи, на котором возник сияющий Холонас:

— Знамение, Тан! Знамение! Я все-таки дождался до этого момента! Бог простил людей!

Тан ответил не сразу. Должен ли он был лишиться старого паломника иллюзий, или все же следовало оставить ему его успокоительную веру? Но, будучи хорошими астрономами, паломники вскоре и сами бы удостоверились в собственном заблуждении.

— Ты не пытался увеличить изображение, Холонас?

— За кого ты нам принимаешь? За детей? Конечно, это сверхновая. Но скажи, каковы были шансы на то, что, увиденная издали, она примет облик сверхчеловеческого лица? Говорю тебе, это — знамение, знамение, которого мы давно ждали! Славься, о Господи!

Экран погас.

— Что ж, — тихо произнес текнор, — паломничество закончено. Наши друзья вскоре снова станут такими обычными людьми, как и другие. Вот только станут ли они счастливее, когда возбуждение уляжется? Боюсь, это будет началом их подлинной трагедии.

Тинкар отвернулся, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. Иолия была бы счастлива. Но по его вине... Он прикусил губу и вышел из помещения.

Эпилог

Тинкар надел скафандр и проскользнул в переходный люк. Никто его не видел. Понемногу гудение насосов стихло, в тамбуре образовался вакуум. Он открыл внешний люк и ступил на корпус «Тильзина».

Корабль сверкал в потоках света, исходящего от сверхновой; звезда осталась далеко позади, превратившись в окутанный космами шар, потерявший какое-либо сходство с человеческим лицом. Тинкар сделал несколько осторожных шагов, добрался до низкого рельса, бежавшего по металлу в бесконечность, — одного из ста пятидесяти двух ограничителей поверхности. Он уселся на рельс. Через час астрономы закончат свои наблюдения, «Тильзин» перейдет в гиперпространство, и все, что находится ниже рельсов, исчезнет, а то, что находится выше ограничителей, останется в обычном космосе. В том числе и Тинкар — только уже без ног.

«Все произойдет мгновенно», — подумал он.

Сначала он хотел прыгнуть в пустоту, но воспоминание о первом падении остановило его. Зачем удлинять агонию? Теперь у него был час — нет, пятьдесят девять минут — на размышления о вечности.

Он чувствовал невероятную усталость, энергия его почти иссякла. Конечно, самоубийство считалось в Гвардии худшим видом бесчестья, если только ты не спасал себя этим от предательства, но где теперь была Гвардия, и что означало слово «честь»? У него не было будущего, ему не хватало мужества стать вечным изгнанником, тщетно пытающимся отыскать исчезнувший мир. Если бы только Июлия не погибла, если бы только он ее не убил!..

Анаэна! Анаэна, вероятно, поплачет. Она любит его. Ну и что же? Она легко найдет себе среди молодых людей «Тильзина» или других городов более достойную партию, чем он, и в конечном счете его забудет. Эта мысль оказалась горькой.

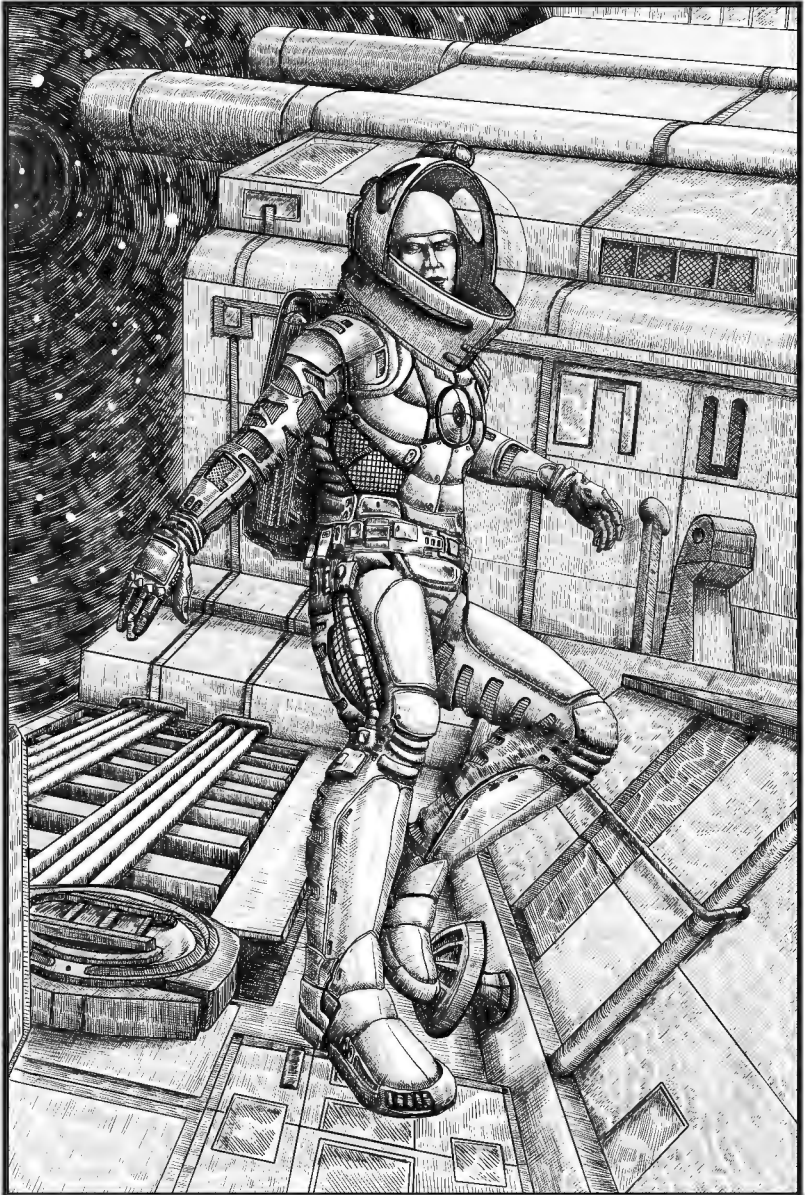
И все же ничего другого он сделать не мог. Он был кончен, стал пришедшим в негодность инструментом. Гвардия умерла, Империя умерла, его вера рассыпалась в прах, на душе висел грех убийства любимой женщины. Лучше всего

было исчезнуть. Да и что ему делать среди этого чуждого ему народа — постоянно сожалеть о порядке, который он считал безусловно отвратительным, но который был порядком его мира?

Он ни о чем не сожалел. За исключением того, что касалось Иолии, совесть его была спокойна. В остальном же Тинкар был виновным не более, чем «Скорпион». Он был инструментом, инструментом, созданным таким образом, что галактианам никогда не удастся его переделать. Его руки убивали, служа Империи, но он не ощущал за это ответственности. Иногда, правда, что-то в нем возмущалось, но это случалось лишь в те моменты, когда Империя пыталась превратить его в палача. Такие чувства, наверное, обуревали гвардейцев, с самого начала вставших на сторону мятежников и обеспечивших успех восстания.

Он поднял голову, и, вследствие частой для астронавтов иллюзии, ему показалось, что «Тильзин» опрокинулся, а он висит над бездной вниз головой. Звезды холодно блестели, и Тинкар пожалел о том, что уже не познает других миров. Но и это желание прошло: даже если бы он всю жизнь носился по космосу из конца в конец, то и тогда побывал бы лишь в крохотной его части. Вселенная была слишком обширна для человека. Он подумал о горькой философии Тана и о том отчаянии, которое крылось за ней. Был ли текнор прав? Была ли Вселенная огромной слепой машиной, в которой человек, ее конечный продукт, утолял свою бесконечную жажду познания? Существовал ли Бог, отличный от того, которого его приучили обожать и бояться, благосклонный Бог, который не забывал о своих созданиях, даже определяя им наказания за грехи? Оставалось ли что-то от человека после его смерти, и встретится ли он где-нибудь, вне времени и пространства, с Иолией? Ему было бы приятно поверить в это, но в последние мгновения жизни истина Тинкару не открывалась. Вероятно, Тан был прав, людское желание жить вечно было тщетным, только раса могла надеяться на бессмертие.

Человеческая раса! Что-то жило в нем из того, что жило в первых людях, даже еще до первых людей; это что-то всплыло из первобытных морей подсознания и передалось ему через поколения. Жизнь. То, чего он не сможет пере-

дать дальше. В нем нить жизни была разорвана навсегда. Он отказывался быть ее участником. Если Вселенная решила раздавить его, он одержит над ней единственно возможную победу, по своей собственной воле погасит в себе частицу будущего.

Он взглянул на часы. Еще десять минут.

— Тинкар! Что ты здесь делаешь? С ума сошел? Мы же ныряем в гиперпространство!

Он раздраженно обернулся. Перед ним стояла Анаэна, в лучах сверхновой ее расстроенное лицо хорошо просматривалось сквозь прозрачный шар шлема.

— Быстрее! Я не успела предупредить текнора, что отправляюсь тебя искать. Я заметила тебя в перископ и так счастлива от того, что нашла! Пойдем!

— Оставь меня, Ана... У тебя еще есть время вернуться.

— Пойдем, Тинкар, умоляю! Я люблю тебя! Пойдем!

— Оставь меня. Я всегда буду среди вас парией. Мне лучше исчезнуть. Я тебе не ровня, Ана.

— Да ты просто трус, Тинкар!

Она стояла перед ним, трясясь от ярости, и, испугавшись, как бы ее магнитные подошвы не оторвались от корпуса, он схватил ее за плечи, чтобы поддержать.

— Возможно, Ана. Скорее всего, ты права. Именно по этой причине мне больше не хочется жить.

— Что ж. Стало быть, я полюбила труса. Тем хуже! Ад, небо, абсолютное ничто — все для меня лучше, чем жизнь без тебя. Я остаюсь здесь. Полагаю, ты не сможешь отказать мне в этой милости?

Он схватил ее и потащил к люку. Она высвободилась, выхватила из кармана скафандра маленький фульгуратор, направила на него.

— Ну нет, Тинкар! Тебе не зашвырнуть меня в люк!

— Не глупи! У тебя впереди вся жизнь!

— Без тебя она мне не нужна. Пойдем, у нас есть еще несколько мгновений. Подумай. Ты считаешь себя парией на «Тильзине»? Вот невидаль! А ты пытался по-настоящему приспособиться? Нет! Малыш Тинкар ломает собственную игрушку, потому что она оказалась не такой, как он хотел! Ты кончишь тем, что заставишь меня поверить в нашу право-

ту, в то, что планетяне... Нет, не так. Ты считаешь, что убил Иолию, и не можешь простить себе этого? Думаешь, я это себе когда-нибудь прощу? И однако же мы могли бы быть счастливы вместе, а наши дети стали бы галактианами нового поколения, поколения без предрассудков, потому что мы обязаны воссоединиться с планетянами ради общей борьбы с пришельцами. Я остаюсь в любом случае, и ты умрешь, имея на совести не только Иолию, но и меня!

Он посмотрел на затянутую в скафандр Анаэну, на ее собранные в пучок — иначе они не помещались в шлеме — рыжие волосы.

«Наши дети... Сыграть в игру с Вселенной... Но если Вселенная не играет ни в какие игры, если она слепой и глупый зверь, как считает текнор?» Он быстрым движением выбил фульгуратор из руки Анаэны, обхватил ее за талию и нырнул в люк.

Сбежав по лесенке, он осторожно поставил девушку на ровную металлическую площадку. Анаэна прислонилась к сверкающей переборке, нервное напряжение спало, но она все еще не могла поверить в собственную победу, в то, что она спасла его от самого себя. Он положил ладонь на рукоятку люка и застыл, глядя на созвездия.

— Что ты делаешь? Закрывай скорее!

Он опустил рукоятку и, пока тяжелая дверь закрывалась, загораживая собой звезды, повернулся к ней и широко улыбнулся.

— Ничего не делаю. Просто последний раз заглянул в бездну.

ПОЦЕЛУЙ ЖИЗНИ

LE BAISER DE LA VIE

1959

Посвящается Полу Андерсону

*О возможные, которые представляются нам невозможными!
Отражения видимых химер!
Поцелуй жизни здесь вселяет в нас ужас.*

Виктор Гюго, «Magnitudo parvi»

— **И** все же мы должны попытаться еще раз! В случае очередной неудачи придется вернуться на Землю. Запасы продовольствия тают на глазах, — опустошенным голосом объявил Купер.

Пусть он немного и сутулился, словно от веса гнетущей усталости, его широкоплечая фигура едва не разрывала темно-синюю униформу Космического Флота Панамериканской конфедерации.

— Мы побывали уже на ста тридцати двух солнцах, — мягко добавила Ирэн Легран. — На ста тридцати двух! И вся ирония в том, что каждое из них сопровождает целый кортеж планет, среди которых нет ни одной такой, которую можно было бы колонизировать, которая не задохнется от углекислого газа или метана, не станет всего лишь одноклеточным водорослем! Боже, неужели мы одни во всей Вселенной? Неужели мы так никогда и не удостоимся, на какой-нибудь другой планете, помимо нашей, поцелуя жизни?

— А что такое сто тридцать две звезды, Ирэн? — спросил энергичный молодой мужчина, черную униформу которого украшали звезда и компас Европейской космической исследовательской службы. — В одной только нашей галактике их

миллиарды! И как только твоим коллегам удастся усовершенствовать двигатель Мартена-Смита-Нильсона — а они над этим усердно работают, — нам откроется доступ и в другие галактики!

Бернар Ривьер был биологом звездной экспедиции № 7, снаряженной тремя годами ранее совместными усилиями Панамериканской конфедерации, растянувшейся от Аляски до Огненной Земли, Западноевропейского союза и Социалистического союза, простиравшегося от России до Китая. Слово «коммунистический» давно уже вышло из употребления, что в значительной мере способствовало объединению этих трех крупных блоков.

— А вы что об этом думаете, Ергушов? — продолжал он, поворачиваясь к средних лет великану. — Будучи астрономом, вы должны иметь на этот счет собственное устоявшееся мнение...

— Наши социалистические теоретики неоднократно уже доказывали, что жизнь не может существовать в каком-то одном, изолированном месте. Помимо Земли, обязательно есть и другие планеты, где она должна была развиваться. Что же касается М.С.Н., то, по правде говоря, я полагаю...

— Что сюда следовало бы добавить четвертую фамилию, самую распространенную в вашем Союзе? Знаю-знаю. Однако же это именно ваш делегат на Конгрессе 2083 года потребовал, чтобы для обозначения двигателя, позволившего нам выйти в межзвездное пространство, были использованы фамилии, которые считаются самыми распространенными в странах, внесших наиболее значимый вклад в его разработку — Франции, США и Швеции. С тех пор не прошло и десяти лет. О, мне известно, что генератор был доведен до ума в лабораториях Атомграда. Но основные теоретические вычисления произвели индус Кришнасами и японец Тагаваши. Как правильно заметил ваш делегат, фамилию все равно пришлось бы выбирать.

— Быть может, Ергушов, — прервал Ривьера Купер, — вместо того чтобы обсуждать достоинства вашей нации, которых у нее, разумеется, хватает, вы укажете нам, у какой из ближайших звезд мы можем, на ваш взгляд, надеяться обнаружить планеты.

Русский сверился с толстым реестром.

— GC № 312 706. Примерно в девяти парсеках. Все те, которые расположены ближе, столь огромны, что шансов на обнаружение вокруг них пригодных для жизни планет крайне мало, хотя и не могу сказать, что их нет вовсе.

— Что ж, пусть будет № 312 706. Прыжок — через полчаса. Ергушов, задайте координаты автопилоту.

Русский уже стучал по клавишам пульта управления, загружая в электронный мозг необходимые данные. Кол, как фамильярно звали финна Колехайнена, медика, заранее приготовил инъекцию, которая должна была помочь им не повредиться рассудком за тридцать с небольшим секунд гиперкосмического полета.

Бернар облокотился на выступающий край большого наклонного экрана. Перед «Арго», снизу, сверху, справа, слева от него яркими точками в космической мгле сверкали звезды. Покинутая ими система осталась далеко позади, в нескольких миллионах километров, и уже не была видна, вследствие чего звездный крейсер казался потерявшимся, одиноким, осиротелым. К Ривьеру подошла молодая женщина-физик.

— Кругом столько миров, Бернар, и, быть может, ни один из них нам не подходит! Я часто думаю о безудержном воображении прошлого века, когда авторы фантастических рассказов населяли вселенную различными монстрами. С какой бы радостью я повстречалась со всеми этими космическими чудовищами! Так нет же — ничего! Одни лишь голые, пустынные, враждебные планеты. Солнца, растрачивающие свою энергию впустую! Солнца, освещающие одну лишь смерть. И даже не смерть — нежизнь. Безразличная, слепая Вселенная. И мы, потерявшиеся где-то посреди нее, безнадежно ищущие спутников! Три года, целых три года тщетных поисков!

Он не ответил, хотя мог бы сказать, что для его спутников путешествие оказалось не совсем уж тщетным, что они собрали кое-какие сведения о физическом состоянии других миров и космоса, да даже времени. Но для него самого, за исключением некоторых наблюдений о поведении людей вне Земли, наблюдений, которые он разделял с молчаливым маленьким доктором, и которые принесли не слишком много

нового, для него самого научный итог был нулевым. Три года жизни растрачены впустую, почти впустую.

Дребезжание звонка вырвало его из этой задумчивости. Он покорно прошел к своей кушетке и растянулся на ней во весь рост. Гиперкосмический «прыжок» не предполагал ускорения, но сопровождался невыносимым головокружением, вызванным крайне быстрым и беспорядочным изменением внутренних ощущений, изменением, которое пока еще никому не удалось объяснить. Это изменение порождало в человеческом мозгу столь леденящий, не поддающийся никакому разумному толкованию ужас, что неоднократно — с тех пор, как люди начали совершать межзвездные полеты — приводило к случаям помешательства в экипажах. Удостоверившись в том, что автоматический шприц действительно наполнен необходимым снотворным, он защелкнул браслет на своем правом предплечье.

Затрещал закрепленный над кушеткой интерфон, затем раздался голос Купера:

— Внимание, отсчет пошел!.. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один...

Он ощутил легкий укол и потерял сознание.

В себя он пришел спустя минуту: найти эффективное снотворное, действие которого длилось бы ровно тридцать секунд, те самые тридцать секунд, которые и продолжался «прыжок», они так и не смогли. Расстояние, преодолеваемое за это время вне космоса, было пропорционально отнюдь не длительности полета, всегда равного тридцати секундам, но прилагаемой энергии. И дополнительные тридцать секунд, прошедшие между концом «прыжка» и пробуждением экипажа, едва не стали — даже несмотря на наличие автопилотов — фатальными для экипажа «Ориона», когда во время звездной экспедиции № 3 какой-то метеорит пробил обшивку корабля.

Он поднялся на ноги и направился в командную рубку. Уже находившийся там Купер по интерфону отдавал распоряжения состоявшему из восьми человек экипажу. Затем пришла Ирэн. Григорий Ергушов, как обычно, задерживался. Снотворное вызывало у него сильнейшую мигрень, в результате чего Колехайнену каждый раз приходилось устраивать ему сеанс электроцеребротерапии.

Купер указал на экран:

— Вот. Мы уже менее чем в миллионе километров. У Григория, этого старого варвара, со счетом все в порядке!

На экране, увеличенная благодаря аппаратуре, вырисовывалась некая планета, пятая по счету от солнца. Зеленая, закрытая облаками, с большими пятнами потемнее или же, наоборот, посветлее, она напоминала Землю. Отчетливо были видны два спутника.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — проговорила Ирэн, — но ведь никогда прежде...

— ... мы не видели ничего столь похожего внешне на наш собственный мир? Да, так и есть. И у меня уже имеются первые спектроскопические результаты: кислород, азот, водяной пар... Похоже, мы наконец-то нашли то, что искали.

— Наши теоретики, как всегда, оказались правы, — прокотал чей-то басистый голос. Сопровождаемый щуплым финном, в командную рубку вошел Григорий Ергушов.

— Но есть ли на этой планете жизнь, — заметил Купер, — нам пока неизвестно.

— Скорее всего, есть, Купер, — возразил Ривьер. — Свободный кислород — верный ее признак, по крайней мере жизни растительной. Да и взгляните туда, на спектральные линии — в них определенно присутствует хлорофилл!

— Стало быть, планета пригодна для жизни...

— Да, здесь есть жизнь! Вы только подумайте: жизнь! Пусть и чисто растительная! Какое чудо! Но насколько эта планета подходит нам, я пока что не знаю. Некоторые формы растительной жизни скорее даже опасны, например, бактерии. Не говоря уже о вирусах! В общем, одно из двух: либо жизнь здесь, по своей химической основе, значительно отличается от нашей, и в этом случае местные бактерии, и даже вирусы, не несут нам серьезной опасности, хотя, если мы пожелаем ее, эту планету, колонизировать, то будем вынуждены полностью изменить здесь экологию, либо же, что кажется более вероятным, учитывая наличие хлорофилла или его ближайшего эквивалента, жизнь здесь аналогична нашей, и тогда нам нужно остерегаться болезней!

— Но панвакцина, которая имеется у всех нас...

— Эффективна против земных заболеваний, Ирэн, — подал голос Колехайнен, — но не факт, что и против здешних! Довольно будет малейшего базового психохимического различия, достаточно слабого для того, чтобы мы оставались возможной жертвой, и достаточно сильного для того, чтобы нашего иммунитета не хватило!

— Но к чему спорить впустую? — спросил Купер. — Приземляемся!

Звездолет мягко опустился на поляну, на некотором отдалении от реки, примерно на 45-ом градусе северной широты. И тотчас же начались многочисленные анализы, провести которые они уже перестали и надеяться: вычисления процентного содержания воздуха в кислороде, азоте, углекислом газе, инертных газах, пыли и бактериях. Внезапно выскочивший из корпуса судна зонд погрузился в гумус, забирая образцы. Воздух на планете был пригодным для дыхания, хотя, быть может, и немного бедноватым на кислород; бактерии, в подавляющем своем большинстве, знакомыми: все указывало на то, что панвакцина окажется эффективной. Выйдя в спасиандре*, Ривьер вернулся с кое-какими образчиками растений, которые по своему химическому составу, похоже, мало чем отличались от растений земных.

Ирэн и Григорий тем временем определили физические константы: гравитационная постоянная оказалась на 99% идентичной гравитационной постоянной Земли, атмосферное давление — чуть более сильным, температура и влажность — вполне терпимыми. Грунт если и был радиоактивным, то в крайне незначительной степени.

Затем они принялись изучать снимки, сделанные с различных широт во время приближения, пока «Арго» трижды облетал планету. Пять огромных континентальных масс были разделены не слишком глубокими морями, усеянными многочисленными архипелагами. На севере и юге — два небольшой протяженности ледниковых щита. Континенты пестрели обширными равнинами, саваннами, степями, отно-

* С п а с и а н д р (фр. spatiandre) — герметичный и изотермический защитный костюм для выхода в открытый космос (*Примеч. переводчика*)

сительно небольшим количеством гор, широкими ленивыми реками. На самом крупном из континентов разноцветные геометрические фигуры наводили на мысль о возделываемых землях, а чуть далее возвышались забавные строения в форме лунного цирка, которые вполне могли оказаться городами или деревнями.

Наконец они решили совершить первую вылазку. День уже клонился к закату, косые лучи солнца заливали теперь лишь часть поляны, на которую, словно некий обелиск, отбрасывал свою тень звездолет. Спрятав лица под фильтрующими масками, надетыми во избежание ненужного риска, четверо ученых принялись обследовать ближайшие окрестности, тогда как Купер и экипаж занялись установкой временного лагеря. Деревья, несмотря на длинный ствол, из которого, на двух разных высотах, выбивалась густая раскидистая крона, имели вполне земной вид, но их кора была вся в трещинах (на Земле такая бывает у пробковых дубов), а листья — зелеными и нежными, словно ранние листья весны. В складках коры бегали небольшие животные, напоминая насекомых, но имевшие всего четыре лапки. Безмолвным лес не был: он дрожал от далеких и странных призывов, пения птиц или им подобных, беспрестанного скрежетания четвероногих насекомых.

— Смотрите, смотрите!..

Ирэн указывала рукой на одно из деревьев, из-за разветвленного ствола которого на землян смотрели блестящие и испуганные глаза какого-то небольшого мохнатого создания.

— Практически белка, — восхищенно произнес Бернар. — По крайней мере, если судить по внешнему виду. Что же касается внутренней организации, то...

Он вытащил парализатор, прицелился. В последний момент Ирэн отвела его руку в сторону, и выстрел не достиг цели, безобидной синей вспышкой пройдя между ветвями.

— Черт возьми, Ирэн! Позволь мне делать мою работу!

— Но, Бернар, это ведь первое настоящее животное, попавшееся нам на глаза с тех пор, как мы покинули Землю!

— Хорошо! Но следующее я буду вынужден препарировать! Везет вам, физикам, — не вам приходится их убивать!

Искомый образец — обросшего волосами зверька, походившего на короткоухого кролика — в конечном счете добыл Колехайнен. Вскоре к ним присоединился Купер, которому, вместе с Ергушовым, и принадлежала честь главной находки: в лесной чаще они обнаружили скелет, побелевший и иссохший, но практически целый. Округлый череп, с его развитым лбом, обращенными вперед глазницами, небольшим лицом, мелкими, хотя и острыми зубами, смутно напоминал человеческий. Сам скелет свидетельствовал о невысоком — не более 1 м 50 см — росте; верхние, четырехпалые конечности были адаптированы к хватанию, тогда как нижние, хрупкие и длинные, похоже, использовались для ходьбы. Посреди лба обнаружилась дырочка в форме треугольника с округлыми сторонами, дырочка, которую они сначала приняли за третью глазницу.

Ривьер подверг скелет долгому и тщательному осмотру.

— Человек или же обезьяна? — не выдержал наконец Ергушов.

— Судя по развитой черепной коробке, я бы сказал: человек. Разумеется, мне ничего не известно о степени сложности мозга, но все же, полагаю, — человек...

Степенно, почти благоговейно, Ирэн продекламировала по-французски:

И если б могли мы видеть людей,
Зачатки, эмбрионы,
Которые здесь являются тем,
Чем сами мы являемся в другом месте,
То и они бы, и мы содрогнулись,
Столь мрачна и невыразима была бы эта встреча!
Мы смотрели бы друг на друга во тьме,
Монстр на монстра, сыновья вечности и уходящего времени,
И если б могли мы понимать друг друга,
Мы бы спросили: «Кто вы, сумерки?»,
А они бы ответили: «Откуда явились вы, ночь?»*

— А он был прорицателем, этот ваш древний поэт! Что меня немного беспокоит, Ирэн, так это дырочка посреди лба,

* Строки из стихотворения Виктора Гюго «Magnitudo parvi».

которая отнюдь не является дополнительной глазницей, как можно было бы подумать. Возможно, она означает, что этим существам ведомы войны — что не должно бы нас чрезмерно тревожить, учитывая наши собственные навыки в области разрушения и уничтожения, — но, быть может, она означает еще и то, что у них есть некий естественный враг, от которого они так и не научились защищаться. Присмотритесь к ней, к этой дырочке, повнимательнее: похоже, здесь просверлена кость, как бывает при трепанации.

— А что, если это действительно была трепанация? На Земле некоторые первобытные народы иногда производили посмертную трепанацию в магических целях, и даже при жизни индивидуума...

— Да, Григорий, возможно и такое. И тем не менее... — Он пожал плечами. — Уж лучше нам быть начеку, а там будет видно.

* * *

На следующее утро небольшой разведывательный аппарат отправился на рекогносцировку местности. На борту были трое: Купер, занявший кресло пилота, Ривьер и Ирэн. Ергушов слег с сильным жаром, немного беспокоившим доктора. Машина быстро поднялась и устремилась прямо на запад, в направлении ближайшего «цирка». Всего за пару минут они оставили позади опушку леса и широкую травянистую степь, после чего оказались над разделенной на равные разноцветные квадраты плоскостью, вне всякого сомнения, состоявшей из возделанных полей. Они опустились ниже. С дюжину гуманоидных существ с красноватой кожей, склонившись над землей, пересаживали какие-то ростки, однако даже не подняли голову. Летательный аппарат практически не производил шума, но подобное отсутствие любопытства оттого не казалось менее странным.

— Ну что, приземляемся? — спросил Купер.

— Нет. Вероятно, это необразованные крестьяне. В городе, если эти цирки действительно представляют собой города, мы установим контакт с большей легкостью, — ответил Ривьер. Затем, полуобернувшись, он сказал:

— Помнится, Ирэн, ты хотела ощутить поцелуй жизни. Похоже, такая возможность у тебя будет, причем, судя по всему, здесь мы имеем дело даже с разумной жизнью, на что не смели и надеяться...

— Да, мы больше не одни в этой безжалостной Вселенной...

— А вот и город, — отрезал Купер, в любой ситуации остававшийся человеком практичным.

Город выглядел огромной циркулярной стеной шириной в несколько десятков метров у основания, но уже значительно более узкой у вершины, и метров в тридцать высотой. Внешняя поверхность, напоминая крутой склон, была совершенно гладкой, без единого отверстия, дыры или какого-либо проема. Стена была выстроена из некоей тусклой, темно-коричневой материи. На огромной центральной площади располагалось несколько невысоких строений, похожих на длинные хижины. Ни какой-либо заметной активности, ни какого-либо движения нигде не наблюдалось.

— Их цивилизация не кажется слишком уж развитой, — заметил Купер.

— Не будем спешить с выводами! Где сядем?

— Да хотя бы и на главной площади!

— Хорошо. Меры предосторожности — самые обычные: у каждого при себе автомат, парализатор и несколько гранат. Вы, Купер, остаетесь на месте пилота, двигатель не глушите. Ты, Ирэн, прикрываешь меня. Я спущусь и попытаюсь установить контакт. Жаль только, что электронный переводчик или шлем, передающий мысли, существуют лишь в научно-фантастических романах! Они бы нам не помешали!

Они зависли метрах в двадцати от лачуг и не успели открыть дверь, как ощутили ужасный запах.

— Я уже начинаю полагать, что вы были правы, Купер. Ну ладно, я пошел!

Он спрыгнул на утрамбованную почву и уже направился к хижинам, когда внезапный окрик Ирэн заставил его обернуться.

— Вон они, Бернар! Идут!

Со своей внутренней стороны, огромная стена, которая окружала площадь, не была «слепой»: на различной высоте в ней были пробиты окна. Прямо напротив носа летательного

аппарата отворились две узкие двери. Одна из них отъехала в стену, и теперь в открывшейся таким образом тенистой дыре что-то двигалось. Прикрыв глаза ладонью от солнца, Ривьер попытался всмотреться в этот мрак. Там колыхались беловатые формы, тотчас же вызвавшие в памяти морлоков из уэллсовской «Машины времени». Его палец лег на спусковой крючок автомата, но неизвестные существа, продвигаясь, уже вышли на яркое солнце, и тягостное впечатление испарилось, сменившись полнейшим ошеломлением. Не менее изумленный, чем сам Ривьер, Купер вскрикнул со своего места пилота:

— My God! They are angels!

В своем волнении он даже перешел с интерлингвы на родной английский.

Три существа, приближавшиеся к Бернару, были невероятно красивы: худощавые и волнообразные, они отливали тысячью различных цветов и оттенков. Их общая форма была гуманоидной, изящная голова, обрамленная длинными золотистыми волосами, выражала благородную величественность и в то же время безграничную нежность. Глаза были большие и голубые, кожа — поразительно белая, рот — маленький и очень красный. Их переливчатость шла от одежды, грациозно развевавшейся на ветру длинной туники, под которой иногда проглядывали небольшие, хорошо развитые ноги. Двое казались мужчинами, третье — женщиной.

Она-то и подошла к Бернару и, улыбнувшись, голосом мягким и плавным, словно птичья трель, произнесла несколько слов. Наплевав на все правила, забыв оружие в салоне летательного аппарата, Ирэн и Купер тоже уже, в свою очередь, спускались на землю. От этих существ исходило такое ощущение приветливости, доброй воли, что сама мысль о какой-либо опасности или вероломстве казалась совершенно нелепой. В глубине сознания Бернара слабый голос заговорил было о капитане Куке, но, быстро отчаявшись, умолк.

«Ангелы» жестом предложили проследовать за ними, и все вместе они вошли в длинный и голый коридор с гладкими белыми стенами, по широкой винтовой лестнице поднялись на верхний этаж и наконец оказались в просторной комнате, свет в которую проникал через окно, выходявшее на огромный внутренний двор. Комната была меблирована

низенькими диванами, длинным столом с короткими, но соразмерными ножками, гобеленами из восхитительной красновато-коричневой, с золотистым отливом, ткани, и представляющими пейзажи картинами, наименее красочная из которых заставила бы сойти с ума от зависти любого земного художника. Один из их хозяев бросил длинный заливистый призыв, и появилось существо с подносом, на котором стояли полные некоей красной жидкости кубки.

— Что ж, я ошибался. Назвать это человеком нельзя! Самое большее — выдрессированной обезьяной.

Вошедшее создание (которое, как им показалось на первый взгляд, принадлежало к той же расе, что и то, чей скелет они обнаружили), с его косматой кожей, выгнутыми дугой ногами, прогнатическим, с потухшими глазами, лицом, действительно больше походило на антропоидную обезьяну, нежели на человека.

— Я бы классифицировал их даже ниже, чем шимпанзе! Даже не знаю, как я мог так на сей счет заблуждаться! Наверное, лицо мне показалось не столь большим и широким.

— А не мог обнаруженный нами скелет принадлежать одному из «ангелов», а, Бернар? Мне кажется, это бы больше соответствовало общему виду...

— А что, вполне возможно. Правда, в голове у меня сейчас такой беспорядок, что я не могу даже вспомнить, какие у нашего скелета были ноги — прямые или выгнутые дугой... Впрочем, это не так уж и важно. Он сейчас в звездолете, и теперь я в любой момент смогу рассмотреть его как следует. Быть может, он даже принадлежал к той же расе, что и крестьяне, мимо которых мы пролетали?.. Тогда бы мы получили три совершенно разные расы...

— Я мог бы поклясться, — перебил его Купер, — что когда этот... индивидуум вошел, он выглядел менее обезьяноподобным, чем сейчас.

Человек-обезьяна кружил по комнате с подносом. Каждый из «ангелов» взял себе кубок, жестами предложив землянам последовать их примеру. Ривьер посмотрел на свой с недоверием:

— А так ли уж этот напиток для нас безопасен? Вот в чем вопрос.

— Полноте! Раз уж они нам его предлагают, значит, уверены в том, что он не может нам навредить!

И Купер промочил горло.

— Восхитительно! Напоминает старый портвейн. Разве что здесь плотность побольше...

Убежденные, хотя и непонятно чем, двое других землян также сделали по небольшому глотку. Затем последовала долгая попытка разговора: сначала — на языке жестов, потом — посредством слов. Земляне быстро осознали, что им никогда не удастся правильно произнести переливистые слоги хозяев жилища. Последние также в этом удостоверились и, приступив к изучению интерлингвы, на удивление быстро добились в этом определенных успехов. Но по прошествии трех часов они прервали урок, чтобы предложить землянам прогулку по городу.

Город показался гостям крайне примитивным и в то же время высокоцивилизованным. Технический уровень его обитателей выглядел низким: минимум машин, причем самых простейших. Но внутренние помещения освещались мягким белым светом, источник которого земляне так и не смогли обнаружить. Несколько раз они проходили мимо закрытых дверей, из-за которых порой доносилось легкое гудение или скрежет. На все их вопросы «ангелы» отвечали:

— Там, за дверьми, ничего нету.

«Это нормально, — подумал Ривьер. — Они нас не знают и не имеют ни малейшей причины открывать нам свои секреты, даже если таковые у них и действительно есть».

Экскурсия не отличалась разнообразием. Все части города походили одна на другую: чудесные жилые помещения, битком набитые бесценными произведениями искусства; длинные коридоры, где они лишь изредка сталкивались с местными жителями, которые грациозно сторонились, уступая им дорогу. Когда солнце начало опускаться, Ривьер — наполовину жестами, наполовину словами — попросил проводить его к летательному аппарату, чтобы отправить сообщение на звездолет. Ответил ему Колехайнен.

— На борту все спокойно. Ергушову уже лучше, хотя я пока держу его в медпункте — на случай рецидива, все возможно. Помощник капитана и экипаж, в соответствии с ука-

занятиями, остаются на корабле либо же в непосредственной от него близости. Я поймал парочку птиц, которых решил придержать для вас, хотя и сгораю от желания взяться за скальпель! А что там у вас?

— Мы обнаружили необычную цивилизацию! Похоже, в основе ее лежит исключительно художественное творчество, притом что технический уровень довольно-таки низок. Что до обитателей, то они восхитительно красивы — и чрезвычайно любезны. И однако же... моментами у меня возникает неприятное ощущение, что все это — лишь фасад, ширма. Не ослабляйте бдительности. Буду выходить на связь каждый вечер в это же время.

* * *

Так прошло три недели. «Ангелы» уже спокойно общались на интерлингве, а земляне получили общее представление о цивилизации своих хозяев.

— А ты не знаешь, Бернар, что именно хотел сказать Тлиит, противопоставляя непосредственное сознание сознанию намеренному?

— Я не уверен, Ирэн. Тогда я, как мне казалось, понял, но сейчас... Они не только поразительные художники, но и глубокие философы, до которых мне ой как далеко!.. Я очень рад, что Тлиит и Уэуэна попросили взять их на Землю. Обе наши цивилизации лишь выиграют от этих контактов.

— Уэуэна божественна!

— Вы в нее влюблены, Купер?

— В каком-то смысле — да. Даже жаль, что межвидовые браки пока что еще невозможны. Да и сами согласитесь: ни одна земная женщина — не в обиду вам, Ирэн, будет сказано — не сравнится с ней с точки зрения возвышенной красоты. Нет, я ею просто люблю, словно какой-нибудь восхитительной статуей, не испытывая к ней ни малейшего сексуального влечения. Вот только, когда она здесь, я не могу отвести от нее глаз.

— Умопомрачительная красотка, согласны?

— Заткнитесь, Ривьер, не то я поверю во все эти мифы о циниках-французах!

— Да будет вам, не сердитесь! Тем более, мне пора уже выходить на связь со звездолетом. До скорого!

Он вернулся через двадцать минут — озабоченный и подавленный.

— Плохие новости: Кол мертв! Отправился поохотиться на небольших зверьков и отбился от группы... только сейчас нашли. Выглядел целым и невредимым, как мне сказал Ергушов, за исключением одной небольшой детали: его мозг высосан через небольшое, треугольной формы отверстие посреди лба! Его оружие валялось рядом, заряженное. Он не стрелял, а значит, был застигнут врасплох. Ергушов скоро будет здесь, прилетит на втором летательном аппарате, и у него, по его словам, ужасные новости. Какие именно, по радиосвязи он говорить не пожелал, заявив, что я все равно не поверю, пока не увижу доказательств.

— Кол мертв? Малыш Колехайнен? Как это ужасно! Да еще и мозг высосали!

— К счастью, здесь, среди друзей, ты ничем не рискуешь, Ирэн! И я захватил с собой оружие.

— Поцелуй! Поцелуй жизни! В самую середину лба! Это глупо, я знаю... — Ее голос дрогнул. — Для меня, человека умственного труда, мозг в какой-то мере является табу... Съели мозг! Какой ужас!

— Я схожу предупрежу Тлиита, — прервал ее изливания Купер. — Быть может, он знает... Да нет же: он точно должен знать! Это наша оплошность: нам следовало расспросить его об опасностях этой планеты! Все, я пошел!

— Нет, Купер! Дождемся Ергушова. Мы и так уже надедали немало глупостей... Он должен прибыть с минуты на минуту. Я встречу его и приведу сюда. Не разделяйтесь, держитесь друг друга!

— Ты чего-то боишься?

— По правде сказать, ничего конкретного — по крайней мере, пока мы в городе. Но стоит все же проявить осмотрительность...

Он исчез в коридоре, спустился по лестнице и вышел на площадь. Вокруг хижин, в омерзительном зловонии, сновали туда-сюда люди-обезьяны. И как только, спросил он себя, «ангелы», столь деликатные, могут сносить эту вонь в самом центре своего города, но затем вспомнил, что вопрос обонятельных ощущений в разговорах они не затрагивали. Уже опустили сумерки.

Меж звезд промелькнула тень, спустилась пониже и приземлилась неподалеку от него. Из летательного аппарата выбрался Ергушов. В тусклом свете луны Ривьер увидел, что он вооружен до зубов: помимо оружия, предписанного уставом, на поясе у него висели два фульгуратора, обычно покидавших арсенал звездолетов лишь в случае серьезной опасности.

— Где остальные? В городе? Лучше бы все ждали меня здесь. Впрочем, не будем терять времени даром. Проводите меня!

Его лоб едва заметно блеснул, и француз заметил, что на голове у него — своего рода сеточка, сплетенная из серебряных нитей. Они вошли в коридор, где их ждала Уэуэна.

— Куда ходить, Человек с Земли? А, приводить новый друг? Мы, в Городе, быть очень рады.

Могучая рука Ергушова вдруг пришла в движение, и в следующую секунду «ангел» с приглушенным звуком раздробленных костей рухнула на пол. Ривьер выхватил свой револьвер.

— Убийца! Азиатская скотина!

Резким движением тыльной части руки русский выбил у него оружие, а затем протянул ему такую же серебряную сеточку, какую носил сам.

— Натe лучше, наденьте — и мы снова поговорим об убийстве!

— Но вы только что лишили жизни ангела!

— А, так и для вас тоже они — ангелы? Забавно! Для меня они — лошади!

— Да вы сошли с ума, Ергушов!

— До чего же вы, французы, болтливы! Берите и надевайте на голову. Вот так! А теперь — смотрите!

На полу, с черепом, проломленным гигантским кулаком русского, распростерлась форма, в которой не было ничего ни гуманоидного, ни ангельского. Лицо ее теперь состояло лишь из двух огромных, без ресниц, глаз да округлого рта с роговидными губами, расположенного на самом краю выпуклого конуса.

— Вот она — раса убийц Колехайнена!

И Ергушов, наклонившись, подхватил тело на руки.

— И все же это была Уэуэна!

— Я объясню вам все, когда мы присоединимся к остальным. Пойдемте! Теперь на счету каждая секунда. Не знаю, зачитят ли нас эти серебряные сеточки, если они все направят против нас свою волю!

Перескакивая через две ступеньки, они взбежали по лестнице: впереди — растерянный Ривьер, следом за ним — задыхающийся, несмотря на всю его силу, под весом трупа русский.

— Входите первым и раздайте им сеточки! Это избавит нас от лишних криков.

Увидев побелевшее лицо Ривьера, Ирэн и американец молча натянули сеточки на голову.

— Что за отвратительную штуковину вы притащили, Ергушов? — воскликнул Купер.

— Похоже, старина, это была Уэуэна, — ответил Ривьер. — Может, вы наконец-то объясните, в чем дело, Григорий?

— О, да все очень просто. Вы были загипнотизированы. Эти существа обладают странной способностью представлять перед каждым в виде инкарнации того, что ему кажется самым лучшим и прекрасным на свете, воплощения добра и красоты! Боюсь даже представить, что бы было, не окажись я казаком... Как вы знаете, я слегка занемог, но как только почувствовал себя лучше, взял второй летательный аппарат и тоже отправился в разведку. Как-то раз я приземлился в поле, рядом с каким-то земледельцем. Они практически гуманоиды, эти существа, но на деле — всего лишь рабы, вьючный и откормочный скот для других. Затем, в то же утро, я слетал в другой город и встретил там ваших ангелов! По крайней мере такими они показались Беллини, которого я взял собой! У нас, в России, об ангелах никто даже и не слышал, но все-таки, как вы знаете, я — казак, и пусть дни казачьей славы давно уже канули в Лету, мы сохранили любовь к лошадям. Для меня, Ергушова, астронома Социалистического союза, нет ничего красивее и прекраснее на свете, чем здоровая и норовистая кобыла! И тут я вдруг вижу, как ко мне приближается восхитительный жеребец! Но так как в тот же самый момент мой спутник-итальянец воскликнул, что он видит ангела, я счел это странным и тотчас же поднялся в воздух. Уже оттуда, сверху, в бинокль, я увидел этих

существ такими, какие они и есть на самом деле — монстрами!.. Тогда я вернулся на звездолет, и вместе с Колом мы попытались придумать, что бы такое противопоставить этой гипнотической силе. Мы изготовили несколько сеточек из различных металлов, и я отправился их испытывать. Защищает лишь вот эта — серебряная. По возвращении в лагерь, перед тем как отправиться к вам, я узнал, что Колахайнена обнаружили мертвым, и вышел с вами на связь. Вот и весь рассказ.

Ергушов склонился над трупом и лезвием кинжала раздвинул рогообразные губы, обнажив сложный биологический аппарат: три пилы, состоящие из трех дугообразных рядов мелких зубов, образующих треугольник с изогнутыми краями. Стальным кончиком лезвия он привел зубы в действие.

— Вот вам и естественный трепан этих вампиров! Именно им они пробивают лоб птиц... или же людей! Затем высасывают мозг. Я сам видел, как они это делают, во время второго своего визита в их город — тогда на мне уже была эта серебряная сеточка!

— Но значит, когда Тлиит и Уэуэна просили нас взять их с собой на Землю...

— А, так они обращались к вам с такой просьбой? Похоже, они еще более опасны, чем я думал. Они захватили бы звездолет или же уже на Земле... Они уже грезят завоеваниями! Если бы они смогли присовокупить наши психотехнические познания к тем, которым обладают сами, то быстро бы стали властителями Вселенной! Нам нужно немедленно вернуться на Землю, собрать целую флотилию космических кораблей и, возвратившись сюда, уничтожить их раз и навсегда! Наш звездолет будет здесь через несколько минут. Я бы и сразу прилетел на нем, если бы главный механик не счел необходимым демонтировать один из сервомоторов. Вполне возможно, что придется вступить в бой: в этом случае, Ривьер, вам во что бы то ни стало нужно будет улететь, забрав в собой этот труп, или же любой другой. В противном случае, без доклада биолога и доказательств, нам никогда не поверят! В один прекрасный день какая-нибудь менее удачливая раса, раса, в которой не окажется казаков, прилетит на

эту планету и тогда... Как только звездолет будет здесь, все спускаемся. А пока же нам лучше оставаться здесь, чтобы не встревожить их раньше времени. К тому же нам неизвестно, каким оружием они располагают...

Потянулись долгие минуты ожидания. Ергушов и Купер несли вахту у дверей, в то время как Ривьер пытался успокоить Ирэн, сделавшуюся мертвенно-бледной от страха.

— Не волнуйся, дорогая! Мы выкрутимся, благодаря Ергушову и его предкам-казакам. Вернемся на Землю и больше никуда уже не полетим. У нас будет маленький домик в твоих Альпах, а во дворе мы установим большую статую Тараса Бульбы!

— Очень на это надеюсь, но мне так страшно! О, какой ужасный сон! И эти картины, эти картины, которые казались нам такими чудесными!..

На стенах теперь виднелись лишь неистовых цветов пятна.

— Внимание, прибывает «Арго»! Готовы? — крикнул Ергушов.

В воздухе, даже несмотря на толстые стены, ощущалась вибрация силовых полей.

— Он должен сесть рядом с разведывательными аппаратами! Вперед!

Они ринулись в коридор. В конце его, компактной толпой, их ждали существа; белый свет изобличил все их уродство.

— Давайте-ка расчистим проход! — прокричал астроном.

К трескотне автоматов добавилось сухое шелканье фургураторов. Воздух наполнился зловонным запахом озона и сгоревшей плоти. Они пробежали по трупам и агонизирующим телам раненых.

Когда они выскочили во двор, в небе уже обрисовалась темная масса медленно опускающегося звездолета, но в полумраке толпились целые полчища рабов, вооруженных луками и стрелами.

— Тем хуже для них! Нужно пробиваться! Стреляйте!

Огонь автоматов выкашивал рабов десятками, но они не отступали, отвечая градом стрел. Одна из них вонзилась в грудь Куперу, и тот упал.

— Мне конец! Уходите!

— Ирэн, возьмите образец! Ривьер, прикройте!

Могучий казак наклонился, подхватил американца на руки и бегом припустил к звездолету, который теперь поддерживал их огнем своих легких орудий. Просвистела очередная партия стрел, Купер вскрикнул и обмяк на руках Ергушова.

— Черт, на сей раз — прямо в сердце! Тем хуже! Ривьер, заберите образец и бегите вместе с Ирэн! Я вас прикрою!

Они бросились вперед, но были разделены нахлынувшей волной гуманоидов. Сам не понимая как, биолог очутился под фюзеляжем звездолета. Его схватили и подтянули вверх чьи-то руки.

— Оставьте меня! Отпустите! Ирэн! Ирэн!

Шум битвы перекрыл громовой голос русского:

— Я позабочусь о ней, я ее вижу!.. Сейчас!..

И почти тут же, с внезапной яростью и неистовой злобой, Ергушов завопил:

— Отстаньте от меня! Прочь!.. Снова этот гипноз!

Внезапно Ривьеру показалось, что все это — безумный сон, что этого сражения никогда и не было, что все идет к лучшему. Он бросил последний взгляд на заварушку. Прижатый к стене, Ергушов метал гранату за гранатой, вопя:

— Отвалите от меня, именем Ленина! Я вижу лошадей!

Ирэн исчезла. Дверь шлюза завертелась вокруг оси, и даже прежде чем она закрылась, звездолет набрал высоту и, с каждой секундой увеличивая скорость, устремился к столь далекой Земле. Стоя на карачках в шлюзовой камере и тупо взирая на лежавший рядом с ним негуманоидный труп Уэуэны, Ривьер повторял, снова и снова:

— Ирэн! Ирэн! Мы вернемся, Богом клянусь! Мы вернемся с бомбами!

* * *

Она лежала на спине на диване в одной из комнат города. Голова раскалывалась от боли, в том месте, куда пришелся удар, выросла небольшая шишка. Из раны в левой ноге медленно вытекала кровь. Картины на стенах казались обычными цветными пятнами.

Вошло какое-то безобразное существо. Медленно приблизилось, склонилось над ней. Она попыталась пошевелиться и только тут заметила, что связана. Сквозь стены в комнату

пробивался шум ружейной пальбы, сменившийся затем вибрацией силовых полей.

«Арго»! «Арго» улетает!

Ее охватило отчаяние — и ужас. «Они правы, — подумала она тем не менее. — Слишком велика опасность для Земли. Они не могут рисковать звездолетом и всеми содержащимися на нем сведениями ради моего освобождения. Кто знает, какие секреты они, эти существа, уже у нас украли, тогда как мы об этом даже не знали?»

Относительно будущего у нее не было ни малейших сомнений. Когда-нибудь, очень скоро, в небе планеты появится флот и систематично, один за другим, расчистит континенты — без ненависти, но и без жалости.

Существо по-прежнему находилось в комнате. Из рта его теперь исходило какое-то гипнотическое гудение, и несмотря на серебряную сеточку, все еще защищавшую ее голову, Ирэн почувствовала, что сознание притупляется. «Мой мозг! Мой мозг физика, в котором была заключена вся Вселенная!» Оцепенение становилось все более и более глубоким...

Монстр сорвал с нее сеточку. Теперь на нее смотрело лицо ангела, лицо, от которого не могло исходить ничего плохого. Она вновь увидела себя маленькой девочкой, к которой по вечерам заходила мать — поцеловать, пожелать спокойной ночи.

— Спасибо, мамочка, — прошептала она.

Рогообразные губы нежно прикоснулись к ее лбу, словно для поцелуя...

ΓΟΛΟΣ ΒΟΛΚΑ

LA VOIX DU LOUP

1960

I

Красная сигнальная лампочка замигала, погасла и снова зажглась. Вырванный из полусна, в который его погрузило монотонное наблюдение за экраном гиперрадаров, Жан Мишо потрянул головой, разгоняя легкий туман своего оцепенения. На флуоресцентном фоне, между небольшими пятнами, отражениями космической пыли, проявилась более четкая точка. Щелчком пальца Мишо опустил тумблер переговорного устройства.

— Контакт, капитан!

— Уже иду!

Спустя минуту в комнату связи вошел капитан Оливарес. Небольшого роста, черноволосый и смуглый, с худым и продолговатым лицом, перегороженным линией густых усов, которую никогда не удавалось стереть бритве, он являл собой разительный контраст с широкоплечим и статным (1 м 90 см) молодым лейтенантом, под весом которого прогибался даже металлический стул.

— Как давно он у вас, этот контакт?

— Я сообщил вам сразу же, как его увидел, капитан. Сейчас мы от него на максимальном расстоянии.

— В ста миллионах километров! А это еще оставляет нам время, если речь идет о чем-то ином, нежели астероид или комета. Телескоп нам тут ничем не поможет. Разумеется, ни малейшего представления о курсе этой штуковины мы еще не имеем?

— Физоскоп пока ничего не дает.

— Ладно. Следите за ней.

После секундного колебания Мишо спросил:

— Так мы начинаем преследование, капитан?

Оливарес не имел привычки обсуждать свои решения с подчиненными. На сей раз он сделал исключение.

— Пока еще не знаю, лейтенант. Сейчас мы в таком секторе, где нет ни колоний, ни какой-либо известной нам негуманоидной расы. Разведчик? В этом легко можно удостовериться, отослав сообщение, но если мы имеем дело с какой-то новой расой, я предпочел бы от этого воздержаться. Если их радары окажутся хуже наших, мы сможем приблизиться ровно настолько, чтобы воспользоваться телескопом, прежде чем нас самих обнаружат...

— В таком случае, почему бы не использовать закодированную волну Службы? Если они не из наших, то шансы на то, что они будут на этой частоте, мизерны.

— Полноте, Мишо! Наш монитор слышит все используемые волны! Быть может, у них такой же.

— Вас понял, капитан... Если позволите, спрошу еще вот что: а много вообще негуманоидных рас встречалось нашим экспедициям — до сих пор?

— Семнадцать, лейтенант. Но ни одной — в этом квадранте.

* * *

Оставшись один, молодой лейтенант сосредоточил все свое внимание на аппаратуре. Светящаяся точка выглядела неподвижной. Мишо активировал просмотрный экран. Заметить чужеземный звездолет, даже при условии, что это именно звездолет, он не надеялся: тот находился слишком далеко. В нижнем левом углу, покрытая вуалью автоматического фотокомпенсатора, сверкала звезда, устройство которой они только что изучили, а точно посередине небольшим круглым, зеленоватым пятном величественно плавала в космосе четвертая планета, их следующая цель.

— И что они только забыли в этом континууме, в такой близости от одного из миров? Если это кто-то из наших, то считай, половины полагающейся за открытие премии нам уже не видать!.. Если же это чужаки, то весь вопрос в том,

направляются ли они туда тоже с исследовательской миссией, или же это их дом?

Стрелка физоскопа вздрогнула, слегка отклонившись вправо.

— Черт возьми! Двигутся прямо на нас!.. Капитан, это звездолет!

Длинный дребезжащий звонок, призывающий всех занять свои посты, разорвал фоновый шум, вызванный гудением машин. Спустя минуту на сиденье слева упал высокий молодой человек, рыжеволосый и худощавый: Джерри Даль, телеметрист-радиолокаторщик. Еще через десять секунд, закрыв за собой герметическую дверь и до предела прокрутив запорное колесо, на правый стул опустился Борис Иванов, наводчик-оператор. Команда поста №1 была в полном составе.

— Ну что, Жан, кого ты там откопал? Чужака, или это кто-то из наших хочет лишить нас премии?

Длинные и худые, усеянные веснушками руки начали перебегать от одного рычага к другому с такой ловкостью, которая самому Мишо могла только сниться.

— А вот это уж ты мне скажи!

Разговор прервал донесшийся из переговорного устройства металлический голос Оливареса:

— Мы подали опознавательный сигнал. Полагаю, можно уже не сомневаться в том, что нас обнаружили. Ответа — если он, конечно, вообще будет — следует ждать минут через десять. Вероятность того, что мы имеем дело с другими, с чужеземцами, достаточно велика. Я только что перечитал инструкции, полученные нами при вылете: наш ближайший товарищ, «Антарес», сейчас от нас как минимум в сотне световых лет. Не многие из вас уже участвовали в первом контакте. Напоминаю: главное — соблюдать хладнокровие и дисциплину. От ближайших минут зависят все будущие отношения между людьми и другими. Без приказа никто не должен стрелять, даже если по нам самим откроют огонь, даже если в нас попадут. С этого момента, когда прозвучит «красный» сигнал или же сигнал боевой тревоги, все должны быть во внутренних спасиандрах. Это, надеюсь, понятно? И давайте без глупостей! Движений они не стесняют, созда-

вались специально для подобных случаев, да и вообще, так у вас потом хотя бы будет время на то, чтобы надеть настоящие спасиандры, если, к несчастью, они вам понадобятся. Я закончил. Телеметрист, доложите!

— Направление 000, расстояние 98 миллионов километров. Радиальная скорость 5000 км/с. Тангенциальная скорость неизвестна, — проговорил нараспев Джерри Даль.

— Наводчик-оператор, доложите!

— Орудия 1 и 2 заряжены, боеголовки термоядерные, орудия 3 и 4 заряжены, боеголовки атомные, орудия 5 и 6 заряжены, боеголовки химические, — ответил Иванов.

— Орудия 7 и 8 заряжены, боеголовки термоядерные, орудия 9 и 10 заряжены... — Один за другим проговорили свою смертельную литанию все шесть стрелковых постов.

— Направление 000, расстояние 97 миллионов 900 тысяч километров, радиальная скорость 6000 км/с...

— Кто бы сомневался, что они нас увидели... — пробормотал Мишо.

— Твое первое сражение? — поинтересовался русский.

— Да, а твое?

— Участвовал уже в трех, против кцлилей...

Раздраженным жестом Даль призвал их к молчанию. Внезапное давление пригвоздило всех троих к спинкам сидений, «Искрометный» резко ускорился. Так, в полной тишине, прошло несколько минут, затем прерывистый звонок заставил их вздрогнуть. То был «красный» сигнал опасности, за которым последовал другой — боевой тревоги.

Мишо вскочил на ноги, но Иванов опередил его. Он вытащил из металлического шкафа три мягких комбинезона, которые должны были позволить им перенести декомпрессию, окажись она слишком тяжелой, в течение того времени, которое ушло бы у них на то, чтобы натянуть внутренние спасиандры. Закрепив на лицах кислородные маски, они вернулись на свои места. Даль все еще одевался.

Громкоговоритель возвестил:

— Ответ получен. Ни один из известных нам языков — как гуманоидных, так и негуманоидных — с его расшифровкой нам не помог. Нам будет принадлежать честь установления первого контакта, дети мои! Лейтенант Мишо, вас подме-

нит лейтенант Каччини. Немедленно явитесь в командную рубку...

— Вот же счастливчик! Сможешь увидеть все с начала до конца!

— ... и захватите с собой ваш спасиандр.

Это уточнение капитана было встречено взрывом смехом, пронесшимся по всему звездолету. Никакой другой Мишо бы и не подошел.

— Направление: 3 градуса к востоку. Расстояние 95 миллионов километров. Скорость 7000 км/с.

Вполголоса Даль добавил:

— Он маневрирует. Вот только зачем — чтобы зайти сбоку или же чтобы избежать с нами встречи? Удачи, Жан, и — до скорого, я надеюсь!

* * *

Когда Мишо вошел в командную рубку, Оливарес уже ждал его в окружении своего генштаба: старшего помощника Али Кемалья, второго помощника Тераи, под полинезийской вялостью которого чувствовались энергия и сила, главного механика Хоркарнака, коренастого и смешливого эскимоса, и двух гражданских, герра доктора Мюллера, лингвиста, и Умбопы, астронома-кафра, единственного человека на борту «Искрометного», который — если и не по ширине плеч, то хотя бы по телосложению — мог сравниться с лейтенантом Мишо.

— Я вызвал вас, Жан, потому, что, исходя из вашего досье, вашей специализацией была лингвистика. Теперь вы, и до тех пор, пока в этом не отпадет необходимость, подчиняетесь доктору Мюллеру.

— Итак, мой юный друг, где именно и у кого вы учились? — поинтересовался немец.

— В космической академии Реггана, мсье, у профессора Ванденберга.

— Прекрасно, прекрасно! Ванденберг — один из моих старых однокашников, и я его глубоко уважаю, пусть иногда мы и расходимся в переводе свитков, обнаруженных в мертвых городах планеты Альфа Полярис III. Пойдемте, я хочу, чтобы вы прослушали запись сообщения, которое мы получили в ответ.

Они прошли в небольшой зал, вотчину доктора Мюллера.

— Присаживайтесь, присаживайтесь! Ученики моего друга — мои друзья! А вот и сообщение.

Из магнитофона полился мелодичный голос:

— Анеоидителекранчабоэтеле ансителекранчатеутелалу-хинето бетеоэрситериска-ридоро.

— Три слова или, быть может, скорее даже — три фразы, которые нам едва ли удастся разложить на составные части. Даже не знаю, что с этим можно поделаться.

— Вот и я не знаю, милейший, не имею ни малейшего представления! Тейфель, ваш капитан, принимает нас за волшебников! Ах! Если бы у нас было больше слов, образных выражений, возможно, нам это и удалось бы!.. Mein Gott! Каких только глупостей ни прочтешь и ни услышишь о дешифровке неизвестных языков! Знаете, я тут как-то читал роман одного автора, чье имя я не буду вам называть, оно слишком известно! Так вот, в этой истории один из наших звездолетов прилетает на некую планету, экипаж находит там надписи и — хоп! Бортовой лингвист с легкостью прочитывает эти тексты, целых три страницы! А что мы имеем в действительности? Взять, к примеру, эти знаменитые свитки с планеты Альфа Полярис: мы уверены, что они написаны на языке того же типа, что и язык горных кленов. Так вот, там, где ваш учитель, мой друг Ванденберг, читает: «Я, Акка, король, делаю подношение богам... и т.д.», я читаю следующее: «Я, Акка, король, беру себе новую сожигательницу! Ха-ха-ха! Она очень даже ничего!» И заметьте, я уверен, что прав именно я! Судя по их барельефам, протоклены были той еще шайкой сатиров! А Ванденберг — пуританин, каких еще поискать. Но давайте-ка вернемся в командную рубку. Быть может, уже есть какие-то новости?

Умбопа тщательно настраивал большой телескоп. Установленный в носовой части звездолета и предназначенный для удаленного изучения систем, необходимость посещения которых все еще была под вопросом, этот, снабженный электронным амплификатором аппарат выдавал фантастические масштабы увеличения. Но и он пока что выводил на экран все то же небольшое светящееся пятно, не имевшее какой-то определенной формы.

— Придется подождать, капитан, — проговорил темнокожий астроном своим басистым африканским голосом, более глухим, чем любой европейский.

Они принялись ждать, в тишине, нарушаемой лишь сообщениями телеметристов и «пока ничего, капитан» радиостов, тщетно пытавшихся восстановить контакт с другими.

Впрочем, тихо было практически в каждом уголке «Искрящегося». Закупорившись в герметических отсеках, люди ждали приказа, который развязал бы яростное сражение или же, напротив, положил конец боевой тревоге. Снаружи, за тонким — ох! сейчас он казался всем таким непрочным — корпусом корабля, — звезды прорезали космическую ночь своим не отбрасывающим лучей светом, а где-то вдали, под звездолетом, вертелась планета, к которой они летели с исследовательской миссией от имени всего человечества, и за которую другие, возможно, желали с ними побороться. До сих пор человеческая экспансия в космосе носила миролюбивый характер, пусть даже десятью годами ранее людям и пришлось сразиться в непродолжительной войне с кцдилями.

Запищал передатчик, и Оливарес нажал на кнопку приема.

— Капитан, теперь мы совершенно уверены, что, помимо естественных, никаких других форм энергии планета не эмиттирует. Ни радиоволн, «ни волн Кольбака», ни радиоактивности нами не отмечено.

— Стало быть, на ней нет разумной жизни или, по крайней мере, промышленной цивилизации.

— Разве что, капитан, они нас засекли и теперь прикидываются мертвыми!

— Цивилизация — это вам не тюлень, Хоркарнак: она никогда не прикидывается мертвой! К тому же нами ничего не было выявлено и в момент приближения. Беда в том, что если эта небесная Земля девственно чиста для нас, то такова же она и для них.

Капитан указал рукой на экран, где по-прежнему светилось небольшое пятно. Оно уже заметно увеличилось в размерах. Умбапа подкрутил маховик телескопа.

— Теперь уже можно различить форму!

— Если это можно назвать формой!

— Что бы это ни было, ни к нам, ни к кренам, ни к хо-полпопам, ни к синерийцам, ни к...

— Нет смысла перебирать всю цепочку, Кемаль, — оставил его Тераи. — Это действительно нечто новое.

— Вероятно, они не такие традиционалисты, как мы или любая другая известная нам раса...

— Это уж точно! В то время как мы сохранили для наших звездолетов внешний вид первоначальных моделей, веретенообразный либо сферический...

— И все же что-то вроде этого предлагалось в те времена, когда наши предки считали, что смогут завоевать космос с помощью атомных ракет.

— Да, но там было нечто гораздо более простое!

Чужеземный летательный аппарат теперь уже четко вырисовывался на экране. От шаровидной центральной части, словно шипы морского ежа, исходили лучеобразные структуры, каждая из которых заканчивалась небольшой сферой. Какого-либо двигателя или силовой установки заметно не было.

— Должно быть, как и мы, они используют космомагнетизм...

— Капитан, капитан! Телеконтакт!

Комментарии заглушил крик офицера связи. Телеэкран, тоже включенный, расцвелится всеми цветами радуги. Все семеро застыли в напряженных позах. На какую-то долю секунды иризация упорядочилась, и на экране промелькнула картинка.

— Вы видели?

— Да, но это...

— Первые повстречавшиеся нам гуманоиды!

— Не может быть! Изображение было столь мимолетным, что наши глаза...

— Так или иначе, они пытаются установить контакт.

— Быть может, мы уловили эту картинку совершенно случайно...

— Это при их-то техническом уровне? Вот только к кому...

— Она возвращается!

Картинка закреплялась на экране. Выглянувшее из глубин космоса, на них смотрело лицо — лицо гуманоида! Разумеется, оно не могло принадлежать ни к одной из земных рас. Под

длинными золотисто-зелеными волосами, над необычными, фиолетовыми, в форме продолговатой миндалины, глазами, глазами раскосыми, гиперзиатскими, возвышался гладкий и узкий лоб. Нос был прямой и тонкий, рот — средний, без прогнатизма, кожа — теплого смуглового оттенка. Шея была длинная и грациозная, уши — маленькие, но мясистые, лицо — треугольное, а чуть приподнятые уголки рта придавали ему вид милой иронии.

— Боже правый, до чего же она прекрасна! — воскликнул Мишо.

— Но разве это женщина?

— А вы приглядитесь получше! К тому же, вот и мужчина!

На экране возник второй персонаж, чуть более высокий, с более грубыми чертами лица, но с все теми же расовыми признаками.

— Вот так-то, Мишо! Похоже, место занято, старина!

— Хватит уже нести вздор! — отрезал Оливарес. — Лучше передайте им свои изображения! Пусть видят, что мы тоже — гуманоиды!

— Так мы не станем с ними сражаться, капитан?

— Нет, если этого можно избежать! И сфотографируйте устройство их командной рубки!

Стена, позади чужеземцев, изобиловала аппаратурой, знакомой в своей необычности. Мужчина подкрутил ручку настройки, и зажегся один из экранов, на котором возникли лица офицеров «Искрометного».

Оливарес встал перед трансмиттером и, протянув вперед руки ладонями кверху, медленно провозгласил:

— Приветствуем наших братьев по космосу! Мы пришли с миром!

II

— Илия оленга аритсуну теб ириг'но... нет, не так — ириег'но.

Чужеземный язык, язык других ложился на его уста почти естественно. Вот уже три месяца «Искрометный» двигался по орбите планеты, а вместе с ним — и звездолет чужеземцев. По сперва молчаливому, а затем и четко определенному дого-

вору, два капитана решили дождаться падения лингвистического барьера и лишь затем приземлиться для установления контакта. На «Искрометном» в роли переводчиков выступали Мюллер и Мишо, у других те же функции выполняли молодая девушка и ее брат.

Вначале дело шло ни шатко ни валко. Несмотря на помощь изображений, передаваемых посредством телеконтакта, двум расам, двум абсолютно разным цивилизациям было непросто понять друг друга. О! Конкретные слова, относящиеся к простым действиям, были быстро усвоены обеими сторонами. Но если сказать: «Я сажусь на стул» было просто, то выразить абстракции, даже чувства, оказалось сложнее. К счастью, «гуманность» чужеземцев, похоже, распространялась и на их психологию, и, вероятно, немало диссертаций еще будет написано в обоих мирах на тему невероятного совпадения, которое — и на Земле, и на Элалухине — вызвало столь одновременные эволюции! Оно, это совпадение, охватывало не только число хромоносом, но, судя по всему, еще и гены с биохимией, вследствие чего Брайан О'Хара, один из судовых биологов, даже высказал предположение, что межрасовый брак, возможно, был бы во всех отношениях плодотворным.

Изучение элалухинского языка оказалось делом трудным и неблагодарным, и без всесторонней поддержки пожилого немецкого филолога Мишо, вероятно, и не удалось бы заговорить на элалухини спустя столь короткий промежуток времени. Илие, молодой чужеземке, стоило куда меньших трудов справиться с космическим, сознательно упрощенном как в синтаксисе, так и в вокабуляре.

— Илия, я счастлив, что вскоре смогу приветствовать вас лично, — говорил Мишо. — Я уверен, что эта встреча принесет огромную пользу обоим нашим расам, столь далеким и в то же время столь близким.

— Я тоже очень этому рада. Вы еще помните ваши недавние опасения, Жан?

Он весело, от всего сердца, рассмеялся. Как только они научились обмениваться не просто отдельными словами, но целыми фразами, он поинтересовался ее ростом, так как опасался, что она окажется великаншей десятиметровой вы-

соты или же тридцатисантиметровой карлицей. И в самом деле: ничто не позволяло установить априори величину тех предметов или существ, которые появлялись на экране телевизора. Но, зная размеры чужеземного звездолета и исходя из информации о соотношении параметров, он, к своему облегчению, высчитал, что элалухини мало чем отличаются от землян: рост Илии составлял примерно 1 м 73 см, а ее брата — 1 м 80 см. Позднее были установлены более точные стандарты, практически ничего не изменившие в этих его подсчетах.

Любая угроза конфликта, казалось, была устранена. Элалухини находились в научной экспедиции, пусть и далеко за обычной границей их экспансии, и не имели намерения колонизировать эту слишком отдаленную планету. В более чем 600 световых годах от земной зоны они образовывали обширную миролюбивую конфедерацию народов, ни один другой из которых не был гуманоидным.

— Завтра мы приземляемся, Илия. Вы об этом знали?

— Да. И мы, кстати, тоже, в пятнадцати эльтонах... то есть примерно в десяти ваших километрах от вас. А послезавтра...

— Послезавтра — долгожданная встреча! Две гуманоидные — среди стольких негуманоидных! — расы галактики наконец-то объединятся!

— Одно наше старое пророчество гласит, что когда-нибудь мы обнаружим «на звездном пути» своих братьев. Даже не знаю, как к нему теперь относиться — как к предсказанию ясновидца или же как к чистому совпадению? Мы еще стольким можем друг с другом поделиться! И это притом, что лично мы, элалухини, и так уже многому от вас научились. Параллелизм нашего культурного развития столь поразителен, что физика, несомненно, прольет яркий свет на самые загадочные процессы эволюции...

— Одно меня печалит, Илия. После этого собрания нам опять придется расстаться. Кто знает, когда мы снова увидимся? Я офицер и должен подчиняться приказам...

— Вы забываете, что теперь вы говорите на нашем языке, и что мы затребуем вас в качестве офицера связи.

Физиономия Мишо просветлела.

— Так вы тоже хотите снова меня увидеть?

— Возможно. Но не слишком ли мы далеки от вас — все-таки привычки у нас такие разные... К примеру, мясо мы едим исключительно сырым...

— Наша раса, как и вы в прошлом, состоит из многих десятков цивилизаций. На борту «Искрометного» представлены одиннадцать национальностей, и мы научились относиться друг к другу с взаимным уважением, даже если и не всегда понимаем один другого в полной мере. И теперь, после этих трех месяцев, проведенных практически бок о бок, после всех этих ежедневных встреч и бесед, совместного преодоления языковых трудностей, вы стали мне столь же близки, как и мои судовые товарищи, а возможно, даже более близки, чем большинство из них.

Она слегка покраснела.

— А билту еренга е тен, еренга кну буюто етиль! Дружба начинается с приятных слов, а затем сама порождает слово! Увидимся послезавтра, Жан, и на этот раз — уже лицом к лицу!

Связь вот уже несколько минут как прервалась, а Мишо все еще продолжал размышлять над услышанным. Что она хотела сказать этой поговоркой? Он сверился со своими многочисленными записями. Билто етиль: говорить слово, даже нет — Слово, с большой буквы «С». Такое, которое, будучи произнесенным публично, обязывает. Элалухинский эквивалент сакраментального «да». Ну и ну! Уж не влюблена ли она в него, уж не готова ли перешагнуть через барьер в сотни световых лет? О'Хара утверждал... Какого черта! Ведь сам-то он в нее не влюблен! Или влюблен? Он так часто говорил о ней, что давно уже стал на корабле объектом шуток... Впрочем, пошли они все!.. В конце концов, что в этом предосудительного? Если две эти расы действительно столь близки, межрасовых браков избежать не удастся. Он будет первым, кто женится на элалухини, только и всего...

На следующий день он даже не успел как следует обдумать свою проблему. Оливарес поручил ему возглавить экспедицию, которой предстояло высадиться на «Встрече», как называлась планета. Отчеты команд экологов и биологов, направленных туда, едва только появилась уверен-

ность, что контакт двух рас будет носить мирный характер, оказались благоприятными: очень близкая к земной среда, никаких бактерий или вирусов, с которыми не справилась бы панвакцина.

Они разбили лагерь у подножия холма, неподалеку от неправильной удлинённой формы узкого озера, на берегах которого было полным-полно водяных псевдоптиц. Во все прочие стороны тянулось бесконечное пространство волнистой равнины, покрытой высокими кустами злаковых растений и разделяемой на части рядами деревьев. В середине дня на другом конце озера совершила посадку элалухинская сфера. Короткий фототелеграфический контакт подтвердил присутствие на борту Илии и ее брата.

Тотчас же были собраны временные модули. Договорились, что встреча состоится на следующий день, в лагере землян, в девять утра по местному времени, в присутствии руководителей обеих экспедиций. Все, казалось, идет лучше некуда.

Драма разразилась в пять вечера. За полчаса до этого трое молодых астронавтов явились к Мишо просить разрешения взять легкий вездеход и прокатиться до озера, чтобы проверить, водятся ли в нем по-прежнему те рыбы, которых привозили биологи, и которые, после целой серии тестов, были с удовольствием съедены экипажем и офицерами. Лагерь был уже установлен, так что причин для отказа не имелось. Мишо лишь напомнил им, что они не должны искать встречи с элалухини, и они уехали.

Ровно в пять часов вечера где-то вдали послышался приглушенный звук выстрела, заставивший Мишо вздрогнуть — кто-то воспользовался сигнальным пистолетом. Затем он пожал плечами: там, где отсутствуют соответствующие запреты и охрана, призванная следить за исполнением предписаний, лучшего способа рыбной ловли, чем глушить обитателей водоемов взрывчатыми веществами, еще не придумали. По некотором размышлении, так как практически одновременно он услышал специфический, резкий свист, он прошел в свой модуль, взял бинокль и внимательно осмотрел берега озера. Вдали, за небольшой рощицей, прямо от сферообразного летательного аппарата, возвращался вездеход.

«Вот же негодяи! Наплевали на мой запрет и отправились шпионить за элалухини! — подумал он, приходя в ярость. — Проведут месяц в кандалах — больше на такое никогда не решатся! Самое меньшее, что я им могу присудить, это три дня, а с извечным «Вдесятеро больше!» Оливареса ровно месяц, как пить дать, и выйдет!»

Вездеход, выписывая зигзаги, приближался. Встревоженный, Мишо снова навел на него бинокль. Один человек, за рулем, все остальные сиденья были пусты!

— Черт подери! — выругался Мишо. — Но что же случилось?

Он уже опасался худшего.

— Бенсон! Крэйг! Каррер! Планетоход — и со мной, с оружием!

Направлявшийся к лагерю вездеход резко свернул вправо и въехал в кусты. Едва взревел двигатель, они попрыгали в ковшеобразные сиденья и на максимальной скорости понеслись вперед.

На рулевом колесе висел человек или скорее то, что когда-то им было. Кожа лица была содрана заживо, особенно вокруг глаз, словно кто-то яростно, раз за разом, впивался в нее ногтями. Длинные порезы уходили под изорванную в клочья одежду, из зияющей раны на шее хлестала кровь.

— Боже правый! Он что, дрался с кошками?

Мишо приподнял голову раненого:

— Остальные? Где остальные, Абдул?

Левый глаз с трудом приоткрылся.

— Мертвы... на нас напали... обезьяны... Аллах...

Раненый икнул, голова его дернулась, опала, и он умер.

— Крэйг, перенесите тело в лагерь. Машину можете оставить. Остальные — со мной, посмотрим, что там и как...

Они проследовали, только в обратном направлении, той же дорогой, что и угодившей в кусты вездеход. «Ну все! — думал Мишо, в отчаянии кусая губы. — Война! И чего только они туда потащились? На нас напали, сказал он. Неужели другие разыгрывали комедию, изображая из себя пацифистов, чтобы втереться к нам в доверие и затем уже перебить. Но к чему тогда эта нелепая и трагическая стычка? Ведь они не

могли не понимать, что после такого мы будем как никогда бдительными? Но Илия?..»

Резко ударив по тормозам, он потянулся за передатчиком.

— ВХЗ вызывает ФС4. ВХЗ вызывает ФС4. Чрезвычайная ситуация. Чрезвычайная ситуация. Говорит Мишо. Вызываю «Искрометный». Вызываю «Искрометный». Красный уровень тревоги! Повторяю: красный уровень тревоги! Абдул, Херманн и Кемп убиты другими. (На язык само пришло старое обозначение, от которого они давно уже отказались в пользу «элалухини».) Направляюсь на место происшествия для выяснения обстоятельств случившегося.

— Говорит Оливарес. Что происходит, Мишо? Не теряйте хладнокровия. У нас пока нет ни единого доказательства их враждебного к нам отношения. Элалухинский звездолет ведет себя, как обычно. Это явно какая-то ошибка. Не вступайте в прямой контакт. Высылаю вам в поддержку шлюп № 2. Свяжитесь со мной, как только что-нибудь узнаете.

Они неслись среди высокой травы, с легким шелестом складывавшейся под колеса планетохода. Через несколько минут они были уже на месте стычки.

От Херманна не осталось ничего, или почти ничего: буквально освежеванное тело, без головы, в руке по-прежнему зажата ракетница. Еще меньше осталось от парочки элалухини, в которых, должно быть, он стрелял практически в упор. Третий чужеземец лежал на спине, из широкой раны на шее вытекла целая лужа красной крови, гуманоидной крови. Четвертый труп они обнаружили чуть подальше, в траве: в руке — некое странное оружие, половина лица отсутствует, из живота торчит длинный, уставного образца нож. Съежившееся, уже остывшее тело Кемпа лежало рядом.

— Трое наших, четверо элалухини! Итого: семь трупов! Выживших не обнаружено... Ладно, возвращаемся.

— Наших забирать будем, командир? — спросил Каррер.

— Нет. Если это трагическая ошибка, уж лучше оставить все как есть для совместного расследования. Если же война, что ж... В лагерь, и давай, поднажми!

— Капитан просил вас срочно ему позвонить, командир, — сказал тот, кого он оставлял за связиста.

— Алло, Мишо? Мы только что получили сообщение от элалухины. Они требуют, чтобы вы немедленно связались с их передовой базой. Так и сделайте, но по открытому каналу, чтобы разговор мог слышать и я. Говорите на космическом!

— Вас понял!

На экране возникло бледное и печальное лицо Илии. Позади девушки, скрестив руки на груди, стоял ее брат Эхихо: в глазах — ледяной огонь, губы плотно сжаты.

— Жан, как ваши люди могли напасть на наших? Вы же знаете: мы пришли с миром! И вдруг — такая жестокость! Наши люди буквально разорваны на части!

— Вы еще моих не видели! Из ваших никто, случайно, не выжил? Любопытно было бы услышать их историю! У нас — одни трупы!

— Значит, никто не узнает, что же там случилось на самом деле. Но могу вас заверить, что все наши получили категорические указания: в случае нечаянной встречи вести себя сдержанно, но дружески.

— У наших был такой же, не менее категорический приказ. Но тогда...

— Тогда, похоже, мы чего-то не понимаем!

— Как и мы, в свою очередь. Что вы предлагаете?

Эхихо выступил вперед.

— Пока мы не узнаем, в чем там было дело, думаю, будет благоразумно придерживаться наших прежних планов. Завтра нас у себя не ждите. Но, быть может, вы готовы встретиться со мной один на один, где-нибудь на полпути? Да наступления сумерек остается еще примерно два ваших часа.

— Хорошо. Но, как вы понимаете, я должен принять кое-какие меры предосторожности. Оружия у меня с собой не будет — ни видимого, ни скрытого. Я предлагаю вам тоже его не брать, и давайте сведем к минимуму нашу одежду. Вездеходы оставим, каждый на своей стороне, метрах в ста от места встречи. Думаю, та зона голой земли, которая на-

ходится примерно на полпути от нашего лагеря к вашему, у озера, вполне подойдет.

— Согласен. Пойду готовиться.

Он исчез с экрана.

— Жан, уверяю вас: должно быть, произошло ужасное недоразумение! Мы не желаем войны!

— Мы — тем более. Илия, — тон его смягчился. — Я обещаю вам: мы сделаем все возможное для того, чтобы снять это досадное недопонимание. До встречи...

Он едва не добавил: дорогая.

III

Мишо заглушил мотор и спрыгнул на землю. Впереди простиралась бесплодная зона, метрах в четырехстах остановился небольшой вездеход Эхихо.

Он медленно двинулся навстречу чужеземцу. Вечерний бриз приятно освежал его нагие ноги и торс. Издали эластичные выгибывающиеся лишь силуэтом, но силуэтом грациозным и гибким. На нем тоже был минимум одежды, и, сократив дистанцию, Мишо увидел, что, даже будучи гораздо менее высоким и массивным, чем он сам, Эхихо обладал мускулатурой, которой бы позавидовали многие атлеты. Они были уже метрах в тридцати друг от друга, когда — практически одновременно — вдруг запнулись и остановились. Мишо, к своему удивлению, почувствовал, что его волосы встали дыбом.

«Да ведь это же просто абсурдно! Там, передо мной — Эхихо, с которым я сотню раз говорил по телевизионной связи, и который, во многих отношениях, мне гораздо более близок, чем десятки моих товарищей. Это брат Илии...»

Но оставшееся расстояние Мишо преодолел, уже ощущая некое странное отвращение, и с ужасом осознал, что его походка изменилась и теперь напоминала походку настороженного животного, палеотического охотника. Вопреки его воле, мышцы напряглись, глаза стали подвижными, как у какого-нибудь хищника. Они оказались лицом к лицу.

Он успел лишь мельком заметить кривую ухмылку на губах Эхихо, затем его накрыла волна ненависти, в тот самый момент, когда лицо другого перекосила мерзкая боевая гри-

маса. Разжав кулаки и выбросив вперед руки, Мишо ринулся на чужеземца, желая лишь одного — душисть.

Даже не сошедший с места элалухини встретил его ударом кулаком в грудь, столь сильным, что Мишо вскрикнул от удивления и боли, но уже в следующую секунду нанес ответный удар. Его кулак с приглушенным звуком впечатался в плоть, и он ощутил необъяснимо-жестокую радость. Все в другом было теперь ему отвратительно — цвет кожи, голос, тяжелые вздохи, доходившие до него между ударами, запах теплого и живого мяса. Лишь одна мысль, одно желание владело им: убить, разорвать, раздавить, убить, убить, убить!

И пока он так бился, инстинктивно настроенный на одно лишь разрушение, в голове у него, словно беспомощный зритель, мелькал проблеск сознания, твердивший, что он пытается уничтожить Эхихо, своего друга Эхихо, брата Илии, Эхихо, на встречу с которым он явился, чтобы уладить трагическое недоразумение.

Из носа и рта его шла кровь, губы были разбиты в лепешку. Элалухини, пусть он и выглядел более слабым, вероятно, был лучше подготовлен, лучше тренирован к сражению. Тем не менее могучий апперкот в подбородок заставил чужеземца пошатнуться, и Мишо, пользуясь представившейся ему благоприятной возможностью, набросился на него, словно тигр. Его правая рука сжала горло другого, тогда как левая защищала его собственную шею. Но Эхихо удалось перехватить его запястье и тем самым уменьшить силу сдавливания. Мишо вдруг ослабил захват и, пока противник приходил в себя от изумления, резко вскинул колено, ломая руку другого в районе предплечья, и тут же снова впился пальцами в его горло. Даже серия болезненных ударов по голове, идущих откуда-то сзади, не отвлекла его от этого зловещего занятия.

— Сдохни, обезьяна! — проскрежетал он сквозь зубы.

Элалухини слабел на глазах. Чей-то голос кричал Мишо на ухо слова, которых он не слышал.

— Смерть обезьянам! — победоносно проревел он.

Смерть обезьянам? Внезапно к нему вернулось сознание. Что там произнес Абдул, перед тем как испустил последний свой вздох? Обезьяны... Голос теперь отчетливо звучал в его ушах.

— Жан! Жан! Не вынуждайте меня стрелять!

Он поднял голову, отведя взгляд от задыхающегося врага. Перед ним стояла Илия: по щекам девушки ручьем бежали слезы, в руке она держала нацеленный на него странный пистолет. Пошатываясь, он поднялся на ноги. Илия? Что она-то тут забыла? Почему бы ей не позволить человеку прикончить обезьяну?

Эхихо распрямылся, дернулся в его сторону. Очередной мощный удар, пришедшийся прямо в челюсть, отправил чужеземца на землю, где он и затих.

— Уходите, Жан, уходите сейчас же! Я все поняла! Уходите, пока мое желание убить вас еще не возобладало над всеми прочими! Уходите, молю вас всем, что есть в вас святого! Ох! А ведь мы так ждали этой встречи!

Остолбеневший от изумления, он смотрел на нее, не зная как быть. То была Илия, та самая Илия, которую он столько раз видел на экране, та самая, которую он надеялся когда-нибудь сжать в своих объятиях, и однако же изрядная часть его разума уже подыскивала какую-нибудь уловку, с помощью которой он смог бы обезоружить девушку, превратив ее тем самым в легкую добычу...

— Скорее, Жан, прошу вас!

Невероятным усилием воли он заставил себя развернуться и направиться к своей машине.

— Прощайте, Илия! — бросил он.

Уже сев в вездеход, он обернулся: Илия помогла едва державшемуся на ногах брату добрести до элалухинского планетохода. Спустя несколько секунд тот тронулся с места и исчез в предвечерних сумерках.

Когда Мишо прибыл в лагерь, его люди испустили радостный вопль.

— Сейчас же собирайтесь, возвращаемся на «Искрометный»! Встречи не будет, нет, никогда, ни за что! Даже не демонтируйте модули, времени в обрез, забирайте только самое ценное... Нет, раны я могу обработать и на корабле, а сейчас мне нужно доложить о случившемся на борт.

— ... такие вот дела, капитан, — закончил он. — Я отправился на эту встречу в надежде, что она поможет пролить свет на ту необъяснимую загадку, отправился с самыми дружескими намерениями, но едва увидел Эхихо, как сделался

буквально одержимым, воспылав желанием его убить! Если бы не вмешалась Илия, один из нас точно бы там остался, а быть может, и оба.

— Немедленно возвращайтесь. Элалухинская сфера уже вернулась на звездолет, и если нас ждет битва, мне нужны все мои люди. При необходимости, можете даже оставить там весь материал.

— Хорошо, капитан.

— И пусть вам окажут первую помощь. На вас больно смотреть.

* * *

Когда Мишо вошел в капитанскую рубку, там уже находился весь генштаб и несколько ученых.

— Мы все слышали ваш рапорт, лейтенант. У меня нет ни малейшей причины подвергать ваши слова сомнению. Если кто из команды и относился к элалухини с симпатией, то как раз таки вы. Вследствие чего ваше поведение выглядит еще более странным, тогда как поведение Эхихо...

— Кажется, я понял, капитан, — прервал речь Тейфеля чей-то степенный голос.

Все повернулись к Федорову, биологу.

— И что же вы поняли? Чем, по-вашему, объясняется эта внезапная и неудержимая ненависть, эта неистовая ярость по отношению к существам, которые так на нас похожи, в то время как к кцлиям ее никто никогда не испытывал...

— Вот именно, капитан! Они похожи на нас, но все-таки они — не мы! Я вырос в сибирской тайге, где мой отец и мать были этнологами. У меня был прирученный волк... Тимур... Мы жили в уединенной лачуге, в лесу...

Он на какое-то время умолк. Никто и не пытался его подогнать: Федоров всегда говорил когда хотел и что хотел.

— Абдул понял это за секунды до смерти, Мишо! Помните, какими были его последние слова? Обезьяны... и Аллах. Это вам ничего не говорит? А ваш собственный крик: смерть обезьянам? Ничего? Ладно... Итак, был у меня когда-то давным-давно, к северу от Якутска, прирученный волк по кличке Тимур. Я подобрал его совсем молодым и раненым, и он привязался ко мне, ходил со мной, словно какая-нибудь

собака, на охоту, однако с ними, с обычными собаками, он не якшался. Как-то раз из Владивостока к нам приехал какой-то инспектор, да не один, а со здоровенным таким волкодавом, так Тимур перегрыз ему, этому волкодаву, глотку! При виде этого другого, столь на него похожего, но не принадлежавшего к его породе, в нем пробудился голос волка, крик жестокости, призыв к убийству, к уничтожению того, что чуждо и, однако же — неслыханное оскорбление! — так на вас похоже! Уничтожению обезьяны, лейтенант, обезьяны, которая есть творение Дьявола, сделанное в насмешку над творением Бога, человеком! Бога, или Аллаха, если вы мусульманин! И едва ли вы найдете, что на это возразить! В вас пробудился голос волка! Пока вы видели элалухини, других, лишь по телевизионной связи, пока не входили с ними в реальный контакт, ничего и не происходило. Но на этой встрече... возможно, виной всему необычный запах...

Мишо его уже не слушал. Уставившись на экран телескопа, он смотрел, как удаляется, унося с собой невозможную мечту, элалухинский звездолет.

ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ

PREMIER EMPIRE

1960

На поляне неровным полукругом выстроились бараки из синтетических материалов: справа — энергогенератор, затем помещение для роботов, склады, жилые модули, лаборатория, ангар для вертолета. Чуть дальше, под сенью листвы, высились бесформенные развалины безымянного города. Они громоздились друг на друга неправильными пирамидами, на вершинах которых росли деревья с узловатыми корнями, обвивавшими стены подобно спрутам. Со времен гибели Города прошло столько веков, столько дождей отстучало по каменным стенам, провалившимся крышам и зияющим окнам, столько собралось мертвых листьев, медленно разлагающихся в гумус, что лишь изредка то тут, то там возникал силуэт с идеальными углами, напоминавший о геометрическом порядке Человека.

Поляна была искусственной. На противоположной стороне от Города, вперемешку, как их и раскидали гигантские челюсти машин, валялись разрезанные на огромные кругляки вековые деревья. Тихо шелестели на ветру их едва пожелтевшие листья.

В большом котловане, засыпанном грудями камней, работали другие машины — уже не столь мощные, как те, что корчевали деревья, но гораздо более деликатные. Их длинные гибкие щупальца просачивались под обломки, осторожно поднимали их и грузили в небольшие вагонетки. Вскоре и эти чудесные роботы станут слишком грубыми, и на смену им придут люди, археологи — в этом месте ведутся раскопки.

В лаборатории, за столом, заваленным бумагами и кусками ржавого железа, сидели трое мужчин: Ян Дюпон, археолог и глава миссии, лингвист Уилл Льюис и инженер Стан Ко-

вальски, который, небрежно пробегая пальцами по клавишам пульта, управлял рывшими котлован механизмами. Не отводя взгляда от экрана, он спросил:

— Ну что?

— В седьмом секторе по-прежнему пусто. Я только что связывался с Астуриасом. Ничего для нас интересного. Как и прежде, лишь отдельные жизнеописания; история какого-то там Доминика на французском языке. Нам она определено ни к чему: явно написана в догалактическую эпоху, ни малейшего намека даже на самые простейшие межпланетные перелеты. Потом отрывки из романа, довольно-таки грязного, об одной женщине по фамилии Бовари, тоже на французском. Ума не приложу, что наши предки находили в подобных летописях. Нам-то, естественно, они дают определенное представление о тогдaшней жизни, но для самих предков то была современность. Я не настолько самонадеян, чтобы полагать, будто они писали для будущих археологов. Вы только представьте: разрозненные фрагменты хроники жизни некоей Скарлетт, обладавшей невыносимым характером, были обнаружены при раскопках в семидесяти одном месте и не менее чем на семи языках — что, к слову, помогло дешифровать некоторые из них, — и в результате, за вычетом нескольких еще не найденных эпизодов, нам сегодня известно почти все об этом догалактическом существе. К счастью, хронист время от времени вводил сведения о тогдaшней цивилизации и войне, о которой в противном случае мы бы так ничего и не узнали.

Лингвист недоуменно пожал плечами и продолжил:

— Впрочем, пока ничего такого, что могло бы действительно нас заинтересовать. После находки Ориса — ничего стоящего. Ты ведь, конечно, помнишь, что чуть более ста лет назад в руинах Ч'каго были обнаружены первые доказательства существования галактической империи задолго до Адской Войны; тогда был найден небольшой фрагмент хроники, посвященной колонизации планет Бетельгейзе, всего три страницы. Потом нам иногда попадалась и другая информация: к примеру, ценнейшие отрывки из трудов историка Азимова — судя по всему, французского происхождения, так как он порой подписывался «Поль-француз», —

в которых упоминалось о гибели в результате космического катаклизма планеты Флорина. Описание самой катастрофы, правда, отсутствует. В других фрагментах книги того же историка приводятся сведения о некоей Транторской империи. Еще один, по-видимому, более ранний историк, чье имя до нас не дошло, частично сохранил фольклор первых астронавтов и прежде всего чудесную поэму о зеленых холмах Земли. Затем, при раскопках во Фриско — с тех пор прошло уже лет тридцать — Орис отыскал сто двадцать шесть фрагментов (но, к сожалению, ни одного полного текста), неопровержимо доказывавших, что человек достиг многих звезд и заселил все пригодные для жизни на них планеты. В одном из этих отрывков рассказывалось о начале Адской Войны; именно из него мы узнали, что в нее были вовлечены все миры, покоренные человеком. И если разрушения везде были столь же катастрофическими, как здесь, то вовсе не удивительно, что к нам никто не прилетал. Нам даже неизвестно, сколько веков прошло со времен той войны. Веков... или скорее тысячелетий. Изотопный метод дал для разных образцов неидентичные результаты: от двух до семнадцати тысяч лет. Порой, глядя вечером на звезды, я думаю о наших утраченных братьях — ведь должен же кто-то был выжить! — пребывающих в заточении в далеких мирах, думаю о том, почему наши находки так и не помогли нам выйти в космос (как назло, пока нам попадаются одни лишь туманные намеки, которые наши ведущие физики считают сущей нелепицей), и стоит мне только вспомнить о нашем потерянном достоянии, промотанном нашими Предками из-за их страсти к убийству, как меня переполняют досада и сожаление. Да, я понимаю, это почти кощунство, но мы, археологи, знакомые с их хрониками, судим более строго. Подумать только! Вся мощь, которая могла послужить добру, принести победу над природой, сведена на нет, растрочена впустую. Ты только представь себе, Стан, межзвездный космический корабль! А мы еще не добрались даже до Марса! Вот уже восемнадцать веков, с тех пор как возобновился ход времен, мы с трудом взбираемся по ступенькам, высеченным еще нашими Предками, и все так же далеки, ужасно далеки от вершин, которых достигли они!..

— Ты прав, — признал Уилл, — технически мы пока еще не слишком сильны, но вот в социальном отношении уже превзошли их: теперь мы имеем единый мир вместо древних наций, единый язык и ни следа столь труднообъяснимых для нас умственных отклонений, которыми изобилуют их хроники... Эй, Стан!

Инженер резко хлопнул по клавише. Роботы замерли. В конце траншеи, под металлической стеной, зияла дыра.

— Наша очередь, Уилл. Вот бы еще Ван вернулся. Ты, Стан, оставайся здесь и, если что, вызволяй не раздумывая.

Надев каски и прихватив инструменты, они направились к дыре, которая при свете фонарей дыра оказалась входом в полуразрушенную, перерезанную корнями деревьев галерею.

— Стан, медведку, — бросил в микрофон Ян.

Механизм приблизился. Шесть коротких металлических ножек — передняя пара для рытья почвы — поддерживали выпуклый панцирь. Медведка вползла в галерею, и сзади, из множества отверстий, ударили струи клейкой жидкости, которая тут же высыхала, образуя на сводах тонкую прочную корку. Следом осторожно двинулись люди. Через сотню метров галерея повернула, и они уперлись в металлическую дверь.

— В древности здесь была поверхность земли, — сказал Уилл.

— Да, но как глубоко-то! Да и дверь еще нужно открыть.

Работа эта оказалась долгой и нелегкой. Дверь давно, еще в незапамятные времена, заперли и приварили к металлической раме. Ее удалось вскрыть только с помощью газового резака. Изнутри так пахло затхлостью, что археологи чуть не задохнулись. Пришлось надеть респираторы.

Они вошли в прямоугольный зал со стенами из нержавеющей стали, свод которого поддерживали огромные каменные колонны. В центре стоял большой стол, тут же было несколько кресел, шкафов, а в углу, на просторном диване, покоились два человеческих скелета. Вошедшие инстинктивно поздоровались.

Ян, разбиравшийся в антропологии, внимательно осмотрел черепа.

— Представители белой расы. Молодые, вероятно, им не было и двадцати. Должно быть, в начале Войны это помещение служило убежищем. Когда дома обрушились, они оказались заблокированными здесь и умерли от голода либо от недостатка воздуха. Галерея, по которой мы пришли, судя по всему, являлась запасным выходом, но была заперта. Вопрос: почему? Этого мы никогда не узнаем... Гляди-ка, еще одна дверь!

Эта вела в комнату поменьше. Луч фонаря выхватывал из небытия один предмет за другим. Внезапно Уилл вскрикнул: вдоль стены, до самого полка, громоздились полки книг! Он бросился к ним.

— Не прикасайся к ним, несчастный! Они рассыплются! Это уж дело Вана!

— Да знаю я, знаю!.. Но ты только взгляни: их же здесь больше тысячи! Даже интересно, что мы в них найдем? Быть может, тайну межзвездного пути?

Осторожно, дабы не создавать потоков, они приблизились к полкам. На некоторых сохранившихся корешках можно было прочесть названия.

— «Трактат по палеонтологии», — пробормотал Уилл. — Так, это на французском. «Руководство по...» Конец отсутствует. На английском, который, похоже, был наиболее распространенным языком. Третье название разобрать не могу, уже стерлось, но скопление согласных указывает на один язык славянской группы. А, черт!..

Он слегка задел рукавом тонкий журнал, лежавший плашмя на полке, и тот рассыпался в прах.

— Пойдем, Уилл. Для нас тут пока ничего нет. А то еще уничтожим самое прекрасное археологическое открытие всех времен и народов. Когда Ван закрепит эти книги, сможешь несколько лет забавляться их переводами!

— Ты прав. Но, как я понял, это библиотека какого-то геолога или палеонтолога. Похоже, мы нашли первую научную библиотеку. И если где-то мы и можем обнаружить следы Великой Тайны, то только здесь! Думаю, ученые этой эпохи, как и наши, не слишком замыкались в своих специальностях.

Когда они выбрались из галереи, уже темнело. Машины уже прекратили работу и вернулись в ангары. Увидев коллег, Стан порывисто вскочил на ноги.

— Я уж было начал волноваться — два часа не подавали признаков жизни! Трижды вызывал вас по радио, и хотя приборы не отметили ничего необычного, уже собирался идти вас искать.

— Мы были в металлическом зале, древнем убежище, — потому-то радио и молчало. Немедленно вызывай Вана!

— Но его конгресс заканчивается лишь послезавтра, и ты сам разрешил ему...

— Сейчас же вызывай Вана! Я что, непонятно выражаюсь? Мы нашли какую-то библиотеку.

— Мне сообщить в Центр?

— Пока не нужно. Возможно, книги и не удастся спасти. Если не выйдет, я бы предпочел, чтобы там узнали об этом лишь в следующем месяце, уже после того, как мы получим кредиты!

* * *

Ван, маленький желтый человечек, управлявший геликоптером с деликатностью искусного гравёра, прибыл рано утром. Сразу же по прилете он приступил к работе. Перед ним стояла весьма щепетильная задача, к выполнению которой Ван, будучи человеком крайне скрупулезным, подошел, вероятно, даже с излишней неспешностью и разборчивостью. Ван долго не мог решить, стоит ли применять только что разработанный способ консервации, который как раз таки и обсуждался на конгрессе, в коем он принимал участие. В итоге, учитывая важность находки, он остановился на старых способах, менее эффективных, но испытанных. Одна за другой, осторожно пропитанные консервантом, книги из хрупкого скопления молекул, рассыпающегося от малейшего прикосновения, превращались в твердую массу. О том, чтобы их листать, речи пока не шло, но, по крайней мере, сохранив обложку, можно было прочесть название.

Тут оказалось множество трудов по геологии и палеонтологии, несколько книг по истории — самая поздняя датировалась 1998 годом древней эры (а стало быть, была издана задолго до Адской войны, сказал себе Ян), парочка книг по элементарной математике и, наконец, огромное количество летописей. Последние, не будучи переплетенными, почти все были без обложек.

По мере того как укрепленные книги укладывались в стопки на столе лаборатории в ожидании вторичной обработки, после которой их уже можно было бы открыть, Ян чувствовал себя все более и более разочарованным. Казалось, здесь было достаточно того, что могло бы долгие годы питать споры членов Академии истории, но ничего такого, что приблизило бы их к моменту, когда человек, устремившись по следам своих Предков, нашел бы в межзвездных пространствах остатки своей Первой империи.

Наконец последняя книга улеглась на столе, и Ван заявил, что завтра же приступит ко второй стадии реставрации.

Энтузиазм, которым зарядила Яна его находка, полностью улетучился. Некий причудливый атавизм сделал эту цивилизацию холодного разума какой-то мечтательной, неудовлетворенной. За опостылевшими горизонтами Земли, заурядной планеты, которую обыкновенный самолет облетал за десять часов, он мечтал о бесконечных пространствах, об упоительном счастье открытий. Ах! Порыться бы в иных, не человеческих руинах! Увидеть, как солнце — другое солнце! — встает над другим же, незнакомым миром! Изучить влияние этого мира на человеческую цивилизацию... Когда небо было ясным, он часто смотрел на эти далекие звезды, пока еще недоступные. И однако же когда-то Человек преодолел эти бездны! Должна же среди разбросанных остатков Империи найтись хоть одна планета не столь строгих правил, не столь суровая в борьбе за жизнь, как Земля! Предки... Они были так велики, так слабы, так ничтожны! Разоренная последней войной, Земля уже едва могла прокормить несколько сотен миллионов своих обитателей. Не далее как вчера вечером по радио объявили о новых мерах по ограничению рождаемости. В этом отчаянном поиске следов Первой империи было нечто большее, чем обычное научное любопытство. Вынужденно мальтузианский мир и Вселенная неограниченных возможностей имели так мало общего. Чего же недоставало современным людям для разгадки Великой Тайны? Какого качества, которым некогда обладали Предки, но которое было затем утрачено? Быть может, безрассудства, безудержной веры в будущее Расы, веры, которую так подорвала последняя война?

Ян пожал плечами. Если он хочет сохранить за собой руководство раскопками и избежать обвинения в неосуществимости своих планов — наихудшего из всех возможных! — лучше держать подобные мысли при себе.

Обработка завершилась. Книги открыли. Да, среди них действительно обнаружилось бесценное сокровище — большой английский словарь. Но ничего такого, что указало бы человечеству дорогу к звездам.

Раскопки продолжились. Были написаны и отосланы в Центр рапорты. Всех вновь поглотила каждодневная рутина. Радио сообщало лишь невеселые новости. После мутации в зараженной радиацией зоне какая-то разновидность сорняка, которую ничем невозможно было вывести, заполонила все возделанные земли в Северной Америке. Следовало еще больше сократить рождаемость. Двадцать лет назад, после того как великий математик Тавернир доказал существование гиперпространства, подтвердив таким образом данные галактических хроник, Совет в порыве энтузиазма допустил на планете слишком интенсивное размножение. Однако с тех пор, напоминаясь в правительственном коммюнике, дела в этой области не продвинулись ни на шаг.

* * *

В тот день у археологов гостил Нильсон, друг детства Вана, молодой физик из команды Тавернира.

— Не понимаю, — хмыкнул Ян, — как это вам, физикам, не удастся подобрать ключ к пространству. Если верить хроникам, — а нет никаких оснований им не верить, не станут же люди писать заведомую неправду! — свои межзвездные путешествия предки совершали сразу несколькими способами: через искривление пространства, с использованием ускоряющей передачи, через С-максимум и т.д. Разумеется, это могли быть разные названия одного и того же, но мне так не кажется. Во всяком случае, наша, хотя и скудная информация говорит об обратном. А все эти способы должны основываться на использовании гиперпространства.

— Да, мы знаем, что гиперпространство существует, как это уже доказал мой учитель, профессор Тавернир. Но пока что мы не имеем ни малейшего представления о том, как под-

ступиться к этой проблеме. Я бы мог возразить, что не понимаю, почему это вам, археологам, не удастся найти ни единой хроники, где были бы приведены технические подробности!

— Когда вы летите на своем вертолете, вы всякий раз думаете о принципе Уилсона-Сухигары, по которому работает двигатель?

— Так-то оно так... Но вернемся к гиперпространству. Когда я сказал, что мы понятия не имеем, как подступиться к проблеме, то немного лукавил. Недавно у нас с Альваресом возникла одна идея, слишком сложная с технической точки зрения, чтобы вам ее излагать...

— Премного благодарен!

— Да к тому же и времени не хватит. Мы задумали один очень важный эксперимент. И провели его три дня назад.

— Ну и что?

— Да ничего. Не получилось. Металлический брусок, который должен был исчезнуть, не исчез. Нельзя, правда, сказать, что неудача полная, мы обнаружили совершенно новое явление — ничего общего с ожидаемым. Так что, кто знает...

Когда физик уехал, Ян направился к месту раскопок. Он обследовал, без особой надежды, один из разрушенных домов. Руины ушли глубоко под землю, дерево сгнило, железо обратилось в ржавчину. Однако когда уже начинало темнеть, он наткнулся на металлическую дверь. Вскрыв ее газовым резаком, он оказался в убежище, точно таком же, как первое. Книг в этот раз было мало, но на самом видном месте, на столе из нержавеющей стали лежал том, раскрытый на странице с картинкой, где человек в шлеме, сжимая в руке диковинный пистолет, отбивался от полчищ наседавших на него чудовищ. Другие тома валялись в беспорядке на полу. На первой же обложке Ян смог разобрать: «As...Science...op». Несомненно, это был формат и эмблема одной из самых известных серийных хроник времен Первой империи, которую редактировал историк Кэмпбелл. Может, хотя и маловероятно, в этой груде найдется несколько полных и, может, хоть на сей раз летописец не умолчал о технических деталях.

Ван с воодушевлением принялся за работу, даже не став дожидаться, пока рассветет. Первая книга сразу же после реставрации перешла к Уиллу, который заперся ото всех и взялся за перевод.

Однако Уилл не пробыл взаперти и десяти минут!

Он вышел бледный, с так и не раскрытым томом в руке. Над рисунком, изображавшим астронавта в веретенообразном скафандре, стояло полное название на английском языке: «Блестящие образцы научной фантастики». Лингвист швырнул книгу на стол.

— Осторожно! Испортишь!

— Испорчу! Невелика беда! Ты знаешь, что такое фантастика?

— Вроде бы. На двух-трех мертвых языках, на английском и французском, например, фантастика означает «хроника». Помню фразу в одной из старых книг: «Освоение космоса, описанное в фантастических произведениях».

— Так вот, в первой партии книг был словарь, и в нем я нашел настоящее значение слова «фантастика»: вымысел, придуманные истории!

Повисла тишина.

— Но тогда...

— Да, Ян. Мало того, что Предки разорили Землю, они еще и были лгунами! Лгунами, понимаешь? Не было Первой империи, никогда не было, и люди никогда не покидали своей планеты!

— А как же следы на Луне?

— На Луне, возможно. Быть может, насколько нам известно, еще и на Марсе, но ведь это мертвые миры, на что они нам? — И Уилл с чувством подытожил: — Сволочи!

* * *

Ян бродил по лесу. Открытие не укладывалось в голове: целая цивилизация, построенная на лжи! Тем не менее, сомневаться не приходилось. Все эти хроники, как земные, так и галактические — сплошные выдумки и ложь. Как теперь полагаться хоть на что-то, связанное с Предками? На их историю, науки? Нет уж! Цивилизация, способная на такую ложь, вообще не заслуживала доверия. Цивилизация, прогнившая до мозга костей. Неудивительно, что Предки кончили кровавой оргией! Он вспомнил Первое Наставление, которое дети заучивают наизусть, едва достигнув сознательного возраста: «Есть вещь хуже воровства, хуже

убийства — это ложь. Все, что не соответствует действительности, — ложь. Ложь — источник всякого зла». Мечтать дозволено, но нельзя выдавать свои мечты за реальность! Обстоятельная ложь, для правдоподобия напичканная подробностями, ложь без малейшего намека на то, что это — ложь, намека, который напомнил бы рассеянному читателю, что речь идет о вымысле («О фантастике», — пронеслось в голове). Какая развращенность! Теперь и его собственные мечты, и надежды человечества — все пошло коту под хвост. Столько труда, столько поисков, столько надежд — и только для того, чтобы добраться до простой истины: Предки, те самые, которыми они так восхищались, которым прощали разорение планеты, — всего лишь жалкие лгуны! Вероятно, правительство, или правительства, раз уж книги выходили на нескольких языках, безжалостные и тиранические, заставляли печатать эти лживые хроники, чтобы отвлечь своих подданных, влачивших жизнь в рабстве, от их бед. Должно быть, даже устраивались инсценировки запуска космических кораблей — под ликование обманутой толпы! У Яна мороз по коже прошел при мысли, какое впечатление это открытие произведет на других. Нет, нельзя допустить, чтобы все стало известно, надо скрыть правду, солгать. Солгать? Но ведь все зло происходит ото лжи. Выхода не было...

* * *

Быстро опускалась ночь. На восточном горизонте уже мерцали звезды. Ян бросил на них отчаянный взгляд. Прощайте, утраченные братья, братья, которых никогда не было! Завтра ему придется доложить печальную правду на Высшем Совете Планеты...

Ужин прошел в мрачном молчании, только как обычно долдонило радио. Никто его не слушал. Снаружи веяло холодом. Луна, до смешного близкая, бесполезно торчала в небе, заливая желтым светом поляну. Вдруг по радио прозвучала барабанная дробь, всегда предвещающая важные новости. Ван машинально добавил звук.

— Люди, сегодня великий день! Сегодня стали известны две новости первостепенной важности. Во-первых, экспедиция профессора Яна Дюпона обнаружила при раскопках

полное и находящееся в хорошем состоянии собрание галактических хроник...

В воздухе повисло молчание. Глава экспедиции обвел всех разгневанным взглядом. Стан опустил глаза и сдавленно произнес:

— Я решил, что нужно сообщить...

Ян устало махнул рукой. Радио между тем продолжало:

— Вторая новость, еще более важная, пришла к нам из Гандии, из лаборатории профессора Тавернира...

Все так и застыли.

— Сегодня утром, в десять часов тридцать минут, двум ученикам профессора Тавернира, докторам Альваресу и Нильсону, удалось переместить металлический куб в гиперпространство, а затем вернуть его обратно. Братья, первый шаг по пути Предков сделан!

* * *

Было уже поздно. Поляну озаряло яркое пламя костра. Завернувшись в одеяла, четверо коллег-археологов смотрели в небо. В ночи, прозрачной как хрусталь, совсем близко мерцали звезды; казалось, до них можно дотянуться рукой. Ян подумал вдруг, что нужно быть снисходительнее к Предкам. Быть может, его предположение о жестоких правительствах, обманывающих народ, неверно? Быть может, эти хроники на самом деле отражали мечту? Мечту человечества, которое постоянно в пути... И он уставился на огонь; такой же огонь освещал лесную поляну перед входом в пещеры в те далекие времена, когда Земля была той Вселенной, которую еще только предстояло завоевать. Ян задумчиво прошептал:

— В конечном счете, так даже лучше. Первой империей будем мы!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
--------------------------	---

НА БЕСПЛОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

(перевод Льва Самуйлова)

Касательно романа «На бесплодной планете»	11
---	----

Часть первая. ПУТЕШЕСТВИЕ

Глава 1. И сто́ит ли ради этого рисковать жизнью?	22
Глава 2. Экспериментальная ракета	27
Глава 3. Команда	31
Глава 4. Седьмой спутник	39
Глава 5. Отлет	47
Глава 6. Их улетело семеро	54
Глава 7. Прилет	59
Глава 8. Призраки	62

Часть вторая. НА БЕСПЛОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

Глава 1. Семь иридиевых призм	67
Глава 2. Исчезновение Рэя	72
Глава 3. Черные марсиане	77
Глава 4. Одиссея Рэя	85
Глава 5. Предыстория и история Марса	92
Глава 6. Побег	96
Глава 7. Подношение богу-крабу	100
Глава 8. Анаэна	110
Глава 9. На бесплодной планете	113

Часть третья. ПОДЗЕМНЫЙ МИР

Глава 1. Город желтых марсиан	118
Глава 2. Другая версия истории	126
Глава 3. Во фруктовых садах города	135
Глава 4. Фульгуратор	140

Глава 5. В заброшенных галереях	148
Глава 6. Жажда	156
Глава 7. Красные марсиане	166

Часть четвертая. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Глава 1. Война	172
Глава 2. Элен	178
Глава 3. Подземное сражение	182
Глава 4. Луи	191
Глава 5. Пароксизм	197
Глава 6. Истребление	203
Глава 7. Делает ли это нас менее смертными?	206

НАША РОДИНА – КОСМОС

(перевод Аркадия Григорьева)

Часть первая

Глава 1. Бесконечное падение	213
Глава 2. Звездный народ	221
Глава 3. Город-бродяга	230
Глава 4. Одиночество	253
Глава 5. Дуэль	270

Часть вторая

Глава 1. Паломники	284
Глава 2. Анаэна	301
Глава 3. Встреча в космосе	318
Глава 4. Июлия	330
Глава 5. Высадка	342
Глава 6. На безымянной планете	352

Часть третья

Глава 1. Мпфифи	379
Глава 2. Возвращение на Землю	395
Глава 3. Лицо в бездне	416
Эпизод	425

РАССКАЗЫ

Поцелуй жизни (перевод Льва Самуйлова)	431
Голос волка (перевод Льва Самуйлова)	455
Первая империя (перевод Владилена Каспарова)	479

Литературно-художественное издание

Классика зарубежной фантастики

Франсис Карсак

НА БЕСПЛОДНОЙ ПЛАНЕТЕ
НАША РОДИНА – КОСМОС
РАССКАЗЫ

Перевод

Льва Самуйлова

Аркадия Григорьева

Владилена Каспарова

Иллюстрации

Евгения Мельникова

Некоммерческий ознакомительный сувенир.
Не предназначен для продажи.

